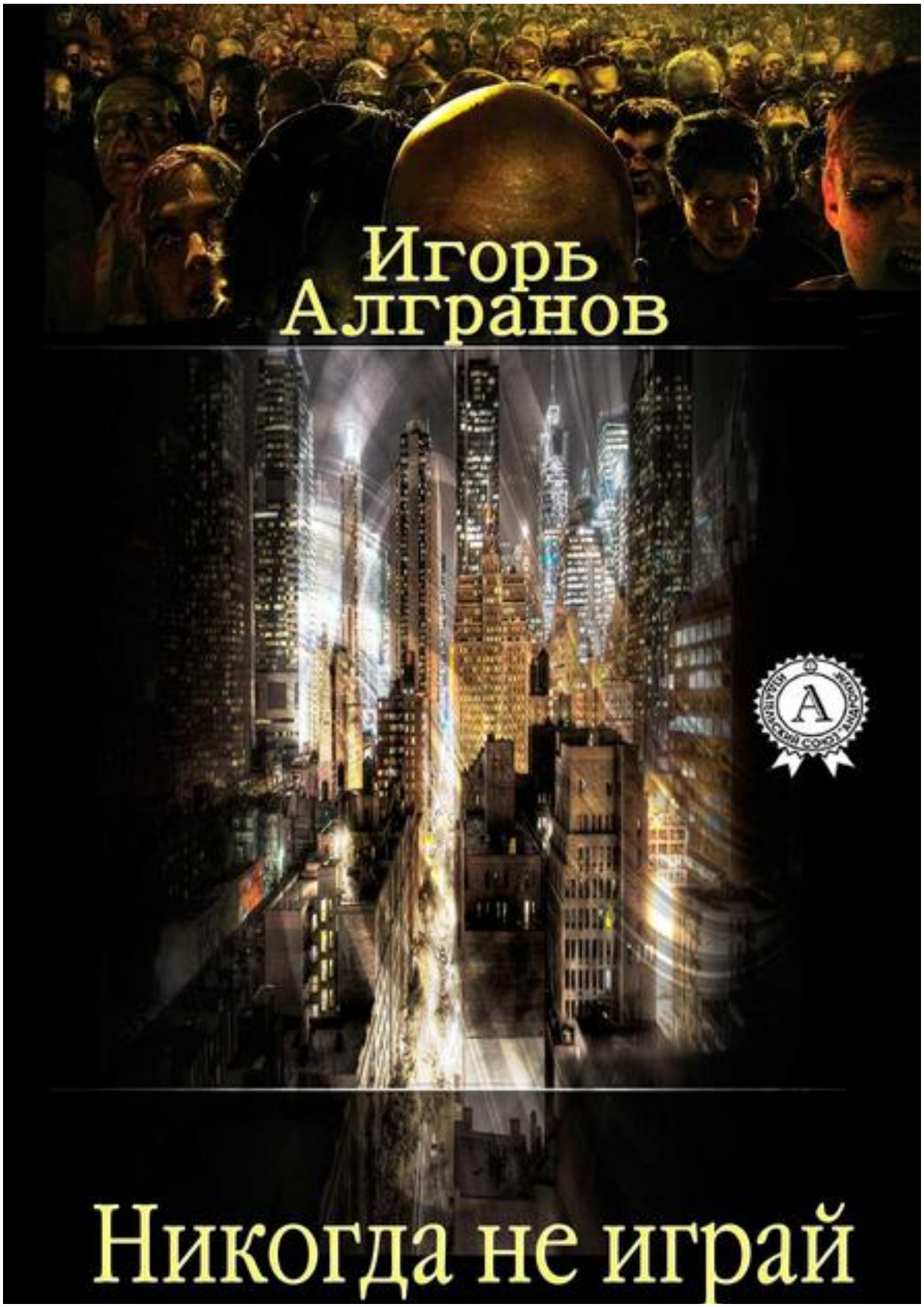
Игорь Алгранов

Никогда не играй в пятнашки


Игорь
Алгранов
Никогда не играй

В ПЯТНАШКИ

Игорь Алгранов

Никогда не играй в пятнашки

У жадности всегда будут жертвы, сынок,
потому что все боги требуют жертв.
Мейсон Уоллем

В колодце городской канализации жутко воняло. В сырой и гулкой темноте казалось, что эту вонь можно потрогать рукой. Пока я, помогая себе пятнышком света от налобного фонарика, возился с люком, пытаясь открыть, Надя смотрела вниз, держась одной рукой за ржавую скобу лестницы этой пахучей бетонной трубы. В другой руке она крепко сжимала «палыч», охраняя нас обоих. Наконец, я с усилием отодвинул тяжёлую, неприятно влажную крышку люка и выглянул на улицу. Вроде никого. Никак не могу привыкнуть к этому мерзкому смраду, идущему из под ног. Откуда он берётся, с такими-то системами очистки и регенерации?! Сейчас ведь не какой-то там унылый двадцатый век. Всё-таки четверть двадцать первого почти миновала. Хотя, пожалуй, с такой плотностью городского населения… Но это ерунда, это не самое страшное. Это всего лишь грязь человеческая. Там, внизу, есть ещё кое-что — вот это проблема! Нечеловеческая. Всечеловеческая.

Ночью нам пришлось повозиться. Ещё вечером Надя засекла в городских катакомбах двенадцать пятнашек. Многовато для одной ночи, и даже слишком много для маленького городка всего на пять миллионов жителей. Если так пойдет дальше, мы упустим и этот город. И придётся уйти. Тогда Ромов, вечно затянутый тучами, будет потерян для людей, и начнётся мёртвый сезон, который никогда для него не кончится. Ромов — маленький город. Ну да, за большие мы уже не боремся. Гипергорода мы уже, считай, все бездарно… потеряли. Практически без сопротивления отдали пятнашкам. А ведь это почти вся пригодная для комфортного жилья территория! Мы же не диковатые предки или твердолобые фермеры, чтобы жить где-нибудь посреди поля или леса.

Я подвинулся вбок, прижался к тёплой шершавой стенке и пропустил Надю вперёд, чтобы она осмотрелась, прислушалась, оценила обстановку. Надя оглянулась, кошкой выскользнула из люка и протянула мне руку. Одно движение — и вот мы оба стоим на

тротуаре. В проулке тоже никого, отлично, так и должно быть в городе после массового бегства жителей. Правда, не всегда бывает такой тихий выход. Сколько наших полегло под самое утро, почти на поверхности…

Я взглянул на задачник: шесть двадцать. Всё, на сегодня обход завершён. Теперь скорей домой, спать, ничего больше. Как хорошо, что твари не ходят днём. Суточный ритм у них имеется, хоть это мы о них уже знаем. И серые тоже не любят дневное время, даже под землёй. Иначе мы бы давно проиграли.

Мы с Надей шли по пустынным улицам, затенённым чёрными на фоне светлеющего неба глыбами небоскрёбов, мимо редких, прибитых пылью машин, брошенных у тротуаров, а то и прямо посреди проезжей части. Вряд ли эти куски пластика вперемешку с дрянным железом когда-нибудь тронутся с места. Их и раньше, ещё до войны, становилось всё меньше с каждым годом, с такой-то подземкой, а теперь…

К семи мы добрались до квартиры на сто первом этаже одного из опустелых домов Семнадцатого квартала, снятой кем-то из наших три месяца назад у полуслепой старухи, не желавшей жить на одну электронную пенсию. Старушки в квартире нет, как, впрочем, и остальных жителей в доме и во всём городе. На днях прошла срочная эвакуация по нашей сводке. Что-что, а эвакуацию военные научились проводить, хоть какая-то польза от них. Да уж, наконец-то генералы поняли, что нам надо помогать, а не мешать. Наконец-то… Когда потеряны все сколь нибудь значимые города и большая часть населения. Святой Питер, Москва, ребята на днях передавали, что и Катин тоже… Вот побережье Дальнего Востока и весь север ещё наши, говорят, ещё держатся — велика Россия-матушка, тем пока и спасаемся. Только там ведь почти никто не живёт, пара-тройка мультиков всего. Ходят страшные слухи, что Владик и Хабаровск пропали. Маленькие китайцы оказались неспособны к борьбе, и наших там смыло как волной. И маленькую плотную Европу захватили слишком быстро, кому как не мне, лихому гонщику, это помнить. Коммуникации, так их, раз так!

Конечно, в городе всё равно кто-то остался. Чудаки. Думают, что смогут, когда припрёт, сами отбиться или отсидеться. Может, если

найдём, ещё успеем их за шкирку вытащить или хотя бы вразумить на скорый самостоятельный исход…

Квартирка у нас скромная, двухкомнатная, вернее сказать, двухклеточная, с ужасно маленькой кухней, зато в центре. Я стараюсь выбирать в центре, чтобы быстро добраться до любой точки города. Если будет нужно. А нужно бывает почти каждую ночь. Нет, теперь каждую ночь.

До нашей клетки добираться очень удобно. А как же, ведь ещё в доме есть рабочий пневмолифт, чудо инженерной мысли начала века. В погоне за экономией энергии и из-за частых перебоев во время энергокризисов последних предвоенных лет ими оснастили лет за пятнадцать почти все этажки. Такой лифт как раз добивал кабину до сто первого этажа, последнего в типовой застройке. В отсутствие электричества самое то. Единственное неудобство — жестковато и сначала до самого верха, а только потом на нужный этаж. Но нам с Надей это сейчас и не важно. Чем дальше от земли, тем сейчас лучше, спокойнее, и как-то крепче спишь. Если что, отбиваться легче, в узком пространстве скопом не возьмут. А прижмут, так лебедка смотрящему на что? По стене спустился, и привет. Лишь бы «отсечек» хватило.

Надя пошла в ванную умыться из-под крана тонким ручейком холодной воды, хорошо хоть такая ещё есть. Система капиллярных труб, скопированная строителями у деревьев, ещё позволяла поднимать воду даже в отсутствие нормального давления. Мне как-то это пытался объяснить один из наших, бывший инженер, но я так до конца и не понял. Есть вода — и ладно, нет — плохо. Значит, пора делать ноги.

Я без сил, в одежде, упал на кровать. Жутко хотелось спать, но из головы не шла последняя схватка. Я прикрыл глаза, чтобы заново увидеть события ночи, проанализировать, что изменилось.

Мы возвращались после того как расставили ловушки-мины с передатчиками к следующей ночи, перед этим завалив взрывами два свежих канала, найденных пятнашками в обход перекрытых из внешней сети в городские катакомбы. Я подумал ещё, что девять пятнателей за ночь — это, пожалуй, рекорд для Ромова. Первых двоих мы поймали на конечной Восточной линии подземки. Конечные — излюбленные места их входа в города: там много технических тоннелей, ведущих неизвестно куда, труднее найти их норы. Если им

очень нужно, они могут и копать, удивительно быстро прогрызая грунт. Но больше всего они любят на готовом, вернее, по готовому лезть — по многочисленным межгородским трассам подземки. Правда, мы им уже не позволяем такой роскоши. По крайней мере, очень стараемся, до сорванных ногтей, сухого кашля и кровавых глаз от грунтовой взвеси после взрывов.

Затем вылезли ещё трое, по одному на трёх пересадках в центре. Как Надя их пропустила? Порой мне кажется, в подземке Ромова полно каких-то излучений или полей, что ли — мешают ей, однозначно. Пришлось гоняться за теми тремя по всей Северной ветке, а потом прижимать в городской канализации. Почуяв нас, они решили сбиться в стаю, и двое из них успели «запятнать» невесть откуда взявшихся бедолаг-бичей. Тех пришлось тоже… убрать. Назад пути нет, по крайней мере, пока нет. Не нашли мы ещё способа людей из серых обратно делать, а серый может сам наделать дел. После этой… процедуры они все становятся какими-то особенно физически крепкими, так что в рукопашную с ними лучше не вступать, куда надёжней будет на расстоянии врезать из «палыча». Хорошо, что теперь только совсем безголовый, вроде тех двоих, по ночам по подземке шляться будет. Вот раньше… Сколько было проблем с бомжами и прочими обитателями нижних кварталов! Но серого ещё нужно найти и быстро отличить в темноте от простого обывателя (а днём они редко появляются), он не светится для Нади так ярко, как пятнатель. Я же их вообще только вплотную, по запаху, и чую, впрочем, как и все смотрящие. Так что лучше сразу, на месте.

Потом были ещё четверо, этих мы ловили наверху, поодиночке, они охотились в подворотнях за оставшимися бомжами, всегда первыми их жертвами.

Попроси кто меня описать пятнашку, вряд ли я дам детальный портрет. При свете их мало кому удавалось видеть, а в темноте, в рваном пятне света бешено прыгающего фонарика… Они похожи на полутораметровых ящериц-призраков. Это очень удобно — быть ящеркой, так легче ползать по извилистым пещерам или, например, узким тоннелям. Но если не ползают по щелям, тогда ходят на задних лапах, вытянувшись во весь рост. И очень быстро бегают. На вид твари почти прозрачны, кажутся бесплотными. Но только на вид. Это их камуфляж, как у хамелеонов, только лучше, стремительно меняется и

пропускает свет насквозь. Они сильны и неуловимы. Их цель — не убить, ну разве что им встретится смотрящий, как я или Надя. Пятнатель, как бы это объяснить… «пятнает» клиента — напрыгивает, мгновенно становясь как кисель, облепляет и как будто впитывается в бедолагу. Приносит себя в жертву, альтруист чёртов, ради их общего гнусного дела. Я не видел, чтобы кто-то сам, кроме смотрящих, вырывался из этого киселя. Минута — и «серый» готов. Пожалуйте, к вашим услугам, дорогие пришельцы. Ну, хоть одним пятнателем меньше, хотя… слабое утешение. У них недостатка не имеется. Боже, как же хочется спать!

Последние трое напали сами, на верхних ярусах городских катакомб. Такого в Ромове не случалось раньше, и потому я чуть не оказался в киселе. Неприятное дело, хотя на меня не действует. Нет, конечно, действует. Очень больно это, а ещё до рвоты противно. Всё тело будто вата становится, но при этом разрывается от режущей боли. И слизь эта — как в мазуте измазаться, а потом полночи и в самом деле выворачивает, сильнейшая интоксикация. И тогда до утра я — как слепой щенок, всё расплывается, в ушах звон, какая уж тут охота. И ещё спасение, если в такой поганый момент хорошего коньяка глотнуть удастся. Здорово помогает, уж не знаю почему. Да только где его нынче взять… Правда, если пятнашка успеет понять, что я не простая жертва, киселем не отделаешься. Ну, для этого у меня и «палыч» в руке. Хорошая вещь, мощная и надёжная. Что бы мы без них делали…

Слизняки эти распластались на горячих трубах отопления, под потолком. Такое бывает редко — не любят они железо. Но любят тепло, гадкие лебеди. Похоже, поэтому Надя их не почувствовала, а я — тем более, такие трубы неплохо «фонят». Спасла лишь реакция, да ещё привычка — до утра не чехлить «палыча» в кобуру.

Это был какой-то огромный, поделенный на несколько секций, подземный гараж в районе Киселевского сквера. Обычно такие места относительно неопасны — в них сухо, а твари любят теплую сырость катакомб. Разве что какие постояльцы-оборванцы из бомжей могли тут греться, но с ними проблемы бывали нечасто.

Я пошёл вторым, пропустив вперёд Надю. Первый пятнашка почти без шороха метнулся на меня с трубы, надеялся облепить сзади, со спины. Но я услышал, развернулся и по инерции сделал дугу рукой, и

он ещё в воздухе со всхлипом развалился на две прижженные половинки. Второго прошибла насквозь Надя из своего «палыча», когда слизняк сиганул на неё. Третьему всё это жутко не понравилось, и его пришлось догонять. А я тогда понял, что у нас снова смена ролей. Раз пятнашки осмелели, значит, скоро их будет много, очень много. Слишком много.

Я проснулся от её взгляда. Она смотрела на меня, не отрываясь. Я повернулся к ней и улыбнулся, мельком взглянув на часы. Два пополудни. В её глазах стояли слёзы.

— Что с тобой? Что-то случилось? — Я коснулся ладонью нежной бархатной кожи её лица, вытирая со щеки слезинку.

— Я очень боюсь. Раньше не боялась, когда была одна, сама по себе, а теперь боюсь. За тебя.

Надя чувствует города лучше меня. Она всё и всегда чувствует лучше, чем я. Она как радар, локатор, самый чувствительный сенсор, замечает, как всё вокруг меняется. И где появятся пятнашки, знает тоже. Я их «вижу» лишь вблизи, с нескольких метров. Это, должно быть, у каждого появляется, после первого раза. Сложно не заметить их присутствие, когда всё тело, то ли от запаха их, то ли от биотоков каких, вдруг начинает вспоминать раздирающую на части боль контакта. Вот только с серыми в этом смысле туговато. Они вроде уже и не люди, но как бы и не пятнашки тоже… И ни Надя, ни тем более я, их издали не ощущаем. Разве что совсем рядом.

— Их становится слишком много, Ирби. Мы можем не успеть. Неужели и этот город?…

Я промолчал. Она редко меня называет так. Чаще — Ир, или Ирбис. Иногда просто — Барс. Или — «мой Барсик». И тогда я таю, как ночной иней на мёрзлой траве под утренним солнцем. Но «Ирби» так тревожно и очень нежно слетело с её губ, что у меня и сладко и горько защемило сердце. Надя. Ты же часть меня, неотделимая. Если с тобой что-нибудь станет, как же мне жить потом? Пусть лучше уж я… А как же ты без меня? Эх…

Пока нас спасало то, что твари идут только по ночам. И только под землёй, по каналам и трубам, по тоннелям Подземки. Если встречают завал, устроенный нами, тогда долго и упорно прогрызают его. Или обходят. И тогда у нас появляется время — найти и… пресечь вползание жуткой безнадёжной тьмы. Мы взрываем, травим, заливаем

оставшиеся проходы в теле Земли. Это помогает, ненадолго, правда. Мы всегда уходим, рано или поздно. И скоро нам некуда будет идти. Разве что на полюса, вымирать и коченеть невредимыми, для удовлетворения научного интереса потомков. Если они вообще у нас будут, эти потомки, если всё-таки останутся наследники того, что мы потеряли.

Малышка задрожала — почувствовала колкий холод моих мыслей.

— Ну что ты, Надя? — Я погладил её чёрные волосы. В ответ Надя обвила руками мою шею и ещё сильнее прижалась ко мне. И я, обняв, слегка покачивал её, пока она не заснула своим чутким, как у горной лани, сном.

У нас закон: не собираться всем в одном месте. Остальные всё равно узнают то, что необходимо, иногда удаются сеансы связи, если рядом случается дальнобойная рация. А собираться надо. Но враг не будет ждать, пока мы встретимся посовещаться и приободриться, набраться решимости сражаться дальше. Перемирий здесь не бывает.

На последней большой встрече нас было пятьсот двадцать три. Значит всего, в нашей зоне, нас не больше четырёх тысяч. Ну может, пять. На все города. А два года назад нас было около сорока тысяч. А что там в других зонах, знают только Бригадиры, но никогда не говорят, чтобы не подрывать боевой дух. Мы проигрываем. Мы просто тупо сдаем города, один за другим! И гибнем… Суставы сжатых пальцев так хрустнули, что я испугался, не разбудил ли Надю. Но она только тихонько вздохнула во сне. Я нежно поцеловал её в губы и положил на постель. Ещё не вечер, ещё есть время поспать, вот ночью будет не до сна.

Я нашёл её случайно, два года назад. Это было в Святом Питере, во втором великом гипере страны, городе, что раскинулся от Финского залива до Ладожского озера. Нашёл, когда искал способ сбежать из огромного города, окончательно проигранного, до краев заполненного тварями и серыми. Запад и север, Скандинавия, были давно потеряны. К югу широкая нежилая полоса лесов вперемешку с вымершими деревнями тянулась до скромного захолустного полумиллионника Пскова. И я бежал к конечной станции восточной ветки городской подземки, «Тихвинской», надеялся выбраться и податься в поля, что начинались на окраине, за пищевой промзоной, за отстойниками очистных, по краю Южной Свалки. Туда, где, как я слышал, возможно,

ещё остались редкие поселения фермеров, нетронутые глобальной урбанизацией, а значит, скорее всего, пока живые. На одной из развилок подземки я заметил всполохи огня в боковом тоннеле. Это было странно — и пятнашки, и серые боялись открытого пламени. Я кинулся в тоннель, на ходу ещё сильнее сжимая Вепрев «палыч», ещё с теплом его руки на рукоятке. Свой я потерял, пробиваясь сквозь озверелые толпы серых. А ещё я потерял верного друга и напарника. Помимо кровоточащих ран на теле, терзала мысль, что без Вепря будет очень туго. За поворотом я увидел стайку из пяти пятнашек, которые окружили вжавшуюся в стену девушку. Та даже не отбивалась от них, а отмахивалась из последних сил каким-то самодельным факелом, а плевки почему-то не атаковали, хотя в прорыве им сносит башню. «Молодец, девчонка! Сообразила про огонь!» — пронеслось тогда у меня в голове. Я вклинился в стаю, сразу спалив троих. Остальные, как водится, пустились наутек.

— Ты что здесь делаешь?! — крикнул я ей, схватил за руку и, не дожидаясь ответа, потащил обратно к развилке. Она с испугом смотрела на меня, но руку вырывать не стала. И факел тоже не бросила. Из наших, — подумал я тогда. И не ошибся — Надя стала смотрящим. Вернее, единственной смотрящей, которую я знаю. Быть может, самой лучшей из всех нас. Она хорошо «слышит» тварей, в чём превосходит всех, и быстра как богомол, что для нас не прихоть, а жизненная необходимость, входной билет. А ещё она самая красивая, и не только среди смотрящих. Надя во всём для меня стала самая-самая. Смысл мой и самая суть. Моя Надя.

*** * ***

— Ну что там, Тон? Закрепил?

Джей Сорс, невысокий, сухопарый, лет сорока пяти на вид, в грязном джинсовом комбике, столь же чистой серой футболке под ним и каком-то затёртом пыльном, армейского вида, жилете поверх всего этого, стоял и смотрел вверх под свод тоннеля. На шее у него висели респиратор и защитные очки. Он вздохнул и устало покрутил головой, разминая затёкшую шею, потом снял замызганную кепку невнятного цвета с грубо пришитым к ней «вечным» небьющимся безыскровым фонариком Тьюринга, и вытер ею обширную потную лысину с ободком седых волос по краям. Затем он снова задрал голову.

Наполовину скрытый в скале рослый напарник не отвечал, только что-то бормотал под нос на своём зулу. Наверное, молится своим духам, — подумал Сорс, — сколько хожу с ним, а что там у него в голове — чёрт ногу сломит, руку вывихнет. Вроде образованный, а всё туда же.

Джей сплюнул. Из дыры в потолке торчали только могучие ноги в видавших лучшие времена огромных армейских ботинках, размера сорок седьмого, да приличных размеров зад, обтянутый старыми спецназовскими штанами, местами протёртыми и не единожды штопанными. Ноги, широко расставленные, упирались в ржавую крышу списанного вагона подземки.

Смотрящие только что обнаружили этот лаз в своде старой стоянки поездов подземки. По свежим пахучим, липким и влажным следам вокруг вентиляционного колодца было яснее ясного, как группа розовых проникла в их район. Сообщив по рации, что обнаружены разведчики и чтобы посты были наготове, смотрящие занялись первоочередным делом.

— Терпеть не могу этот запах! — Сорс смачно высморкался и растёр толстой подошвой ботинка остатки враждебной розоватой слизи на гранитном полу. Будучи опытным смотрящим, Джей, даже сморкаясь, не забывал быстро поглядывать по сторонам, пока Зулус Нтонга крепил в дыре взрывчатку. «Пепи» Джея был наготове, зажат в руке, на плече висел дробовик друга. Пятнашки могли быть где-то рядом, хотя обычно разбегались, потому что старались сразу же найти жертву для «воплощения».

Великан, наконец, присел и стал виден целиком. На широкой угольно-чёрной физиономии, измазанной грязью и бурой каменной крошкой, ярко светились белки глаз и полнозубый рот в улыбке до ушей. Нтонга посмотрел на Сорса сверху вниз и кинул ему моток проводов. Конец их уходил в дыру.

— Надо уходить, нежный белый Джей. Духи подсказали мне, что тьма приближается. Много шорохов — много лап.

Сорс снова сплюнул, надел кепку, нервно усмехнулся и передёрнулся.

— А чего ты тогда лыбишься, кусок головешки?

Цвет кожи был, пожалуй, самой любимой темой для грубоватых шуток приятелей, выросших в расово разделённой среде и объединившихся при таких странных обстоятельствах. До сих пор они

без конца выдавливали из себя укоренившуюся в поколениях дрянь предрассудков, выбрав едва ли не лучший способ — юмор.

Великан бесшумно спрыгнул с пятиметровой высоты вагона и мягко приземлился. Только подошвы жалобно скрипнули под нешуточным весом.

— Пойдём. Сделаем бу-бу-бу, — Зулус снова улыбнулся, словно проверяя на прочность свои каучуковые губы.

— Сколько тебе говорить, деревенщина, не бу-бу-бу, а ба-бах!

— У нас говорят так.

— В какой же глухомани так говорят?

Тихонько перебраниваясь, они стали разматывать провода, отходя на безопасное расстояние.

Сегодня это была вторая найденная лазейка «слюнявых» в вверенном районе. Обе дыры открылись со стороны Йоханнесбурга. Плохо, — подумал Сорс. Там, ближе к центру, осталось заблокированными пятеро ребят на зачистке в главном тоннеле подземки. Тоннель завалили, покидая захваченный город, а потом и на подходе к Кейптауну. И ребята дежурили у единственного выхода — на промежуточной станции — следить за возможным прорывом. Пятнашки увеличились числом, но сигнала от парней так и не было.

— Как бы не обошли их, там старые шахты рядом, все в дырах, как дуршлаг, — буркнул себе под нос неприятную мысль Сорс. Но Нтонга его всё равно услышал. Улыбка с его лица исчезла.

— У них есть рация, Джей. Ещё огнемёт и две дрезины для отхода. Будем ждать сигнала.

А не будет сигнала, придётся считать ребят героями, — подумал Джей, но вслух ничего не сказал. Они наконец вышли из бокового туннеля под основной свод станции.

— Давай, жми, — сказал Сорс и натянул на лицо защитные очки и респиратор. О чём-то вспомнив, он быстро похлопал себя по карманам и извлёк из бокового пару грязных берушей. С отвращением посмотрев на них, он ловко затолкал их в уши.

Нтонга тоже надел маску и очки и вдавил кнопку на самодельном пульте. Пол под ногами хорошо тряхнуло, и им обоим заложило уши от ударной волны, грохота породы и скрежета раздавленных вагонов. Из тоннеля повалили клубы дыма и пыли. Когда взвесь, наконец,

осела, мужчины стали отряхиваться от пыли. Нтонга, сверкая белками в отсветах фонарика Сорса, осматривал своды, не пошли ли трещины.

— Ладно, поставим ловушки и пойдём искать эти ходячие сопли.

Сорс достал из брошенного рядом рюкзака растяжки для мин. Раз нашли проход, всё равно будут лезть, взрывай не взрывай. Не здесь, так рядом. Но хоть будем знать, когда тикать, — зло подумал он.

Слюнявые всегда действовали по одной схеме — сначала передовая разведка из нескольких групп по десять-пятнадцать пятнашек, потом нескончаемый поток тварей. Это позволяло теперь уже опытным остаткам человечества сколько-нибудь прогнозировать бурное развитие событий. Подготовить эвакуацию, проверить оборону. Правда на этот раз бежать вроде некуда. Позади — только океан да Антарктида. Ах, простите, ещё Австралия, но это, сдаётся, лишь вопрос времени. Сорс тяжело вздохнул. Успеют ли там головастые, на базах, придумать, наконец, хоть какое-нибудь решение. Или пора сушить весла, вернее — клеить ласты?

* * *

На правой руке Ирбиса завибрировал задачник. Без пяти семь, — подумал смотрящий, вырываясь из цепкого забытья. За окном темнело, время вставать. Он приподнялся и тихо сел на кровати. Надя, которая спала рядом, мгновенно проснулась и бесшумно прильнула к нему. Ир погладил её чудесные чёрные волосы, спадающие, но чуть-чуть недостающие до плеч. Смотрящему ни к чему слишком длинные пряди, даже затянутые в хвост или косу.

— Хочешь чаю? — спросил он.

Она кивнула, потянулась с мягким вздохом и при этом слегка отстранилась от него. Ир наклонился и поцеловал её шею. Надя замерла, потом погладила его короткие волосы с упрямыми торчками после беспокойного сна. Через пару секунд она всё же тихонько оттолкнула его. Им пора было собираться — в октябре здесь, в Ромове, темнело быстро.

— Пойду в душ. Я вся чешусь уже, и когда ещё придётся помыться.

Девушка встала, Ир нехотя отпустил её и кивнул. Надя, как обычно, чувствовала наперед. Ещё не проявили себя все факты и события, но у неё уже было необъяснимо стойкое чувство происходящего.

— А я приготовлю омлет, — сказал Ир. — У старухи вроде завалялись порошок и, представляешь, два яйца в холодильнике. И откуда она их притащила? Сто лет цельных яиц нигде нет.

— Наверное, у неё кто-нибудь из фермеров в родственниках.

— А-а, точно. Она перед всеобщим исходом говорила, что хочет податься к ним. — Ир помолчал и добавил. — С собой надо что-нибудь завернуть, сейчас пороюсь в припасах. Ты будешь омлет?

— Да, милый, — Надя достала из старого комода чистое белое полотенце.

Ир откинулся на скрипящей кровати и достал свой «палыч» из-под огромной старой бесформенной подушки, пропахшей вязким запахом старушечьего жилья. Не слишком разумно было бы применить это в случае опасности в малогабаритной квартире, но по-другому Ирбис не мог, а так хотя бы получалось заснуть. Он сунул мощное оружие в кобуру и встал.

— Ты права. Вряд ли мы сюда вернёмся, — произнёс он тихо, помолчал и добавил громче: — Надо найти Волка. Они должны быть на севере, остальные уже ушли.

Надя молча кивнула и зажгла полимерную свечу на блюдце, что стояло на комоде. Она взяла этот слабый, но надёжный, проверенный тысячелетиями светильник, сделанный, правда, из вполне себе современных материалов, и направилась в коридор, к ванной своей привычной бесшумной и скользящей походкой, которую так любил Ир. Электричества в городе не было, за исключением автономного уличного освещения на дневных батареях, так как основная электростанция неделю как была на территории пятнашек. Тогда в городе и началась паника, как это обычно бывает. Всё-таки удивительно, — подумалось ему, — что в Ромове так гладко прошла эвакуация.

Спустя минуту в душе нехотя зашумела вода. Значит город ещё не захвачен, машинально подумал Ирбис, рассеянно глядя на «палыч» и автолебёдку, которые лежали на стуле поверх аккуратно сложенной Надиной одежды. Главные и незаменимые атрибуты смотрящего. Он снова подумал про свет и про воду и который раз включил в задачнике запись доклада одного яйцеголового, профессора каких-то там наук С. А. Незаурядова. Доклад Ир с другими смотрящими слушал на последней Встрече. Смотрящий снова и снова вслушивался в запись,

всё силился найти хоть какую-нибудь зацепку для понимания происходящего…

«…Когда перевес амиттоморфов, а значит — и феноморфов, в городе становится очевидным, — ведь трудно не заметить эту лавину, — практически моментально перестает работать всё или почти всё. В первую очередь начинается энергокризис. Везде, где техника нуждается хотя бы в минимальном контроле человека, начинает отказывать оборудование. Есть, конечно и исключения: ещё функционируют несколько полностью автономных автоматизированных АЭС — в Сосновом Бору под Святым Питером и в Курске. Но и там рано или поздно закончится обогащенное топливо на роботизированных складах или, что гораздо хуже, начнётся неконтролируемая реакция. К слову сказать, снимки из космоса показывают, что в Святом Питере по ночам работает автоматическое уличное освещение. Но в общем и целом инфраструктура, созданная человечеством практически необратимо разрушается. Транспорт, всякого рода коммуникации, требующие неустанного внимания — они отказывают всегда в первую очередь. Службы быта, больницы, магазины, институты и прочие учреждения как будто кто-то выключает общим рубильником с нескрываемым облегчением. Феноморфы или, как вы их называете… серые? Да, точно… Так вот, серые неспособны вести привычную обычным людям жизнь. После внедрения происходит странная стремительная деградация и остаётся только рабское тупое подчинение подавляющей волю силе своих таинственных прокураторов, то есть, менеджеров… м-м, управляющих… на вашем жаргоне — верховодов. Но об этих существах разговор особый, к ним вернёмся позже. Поначалу, первые несколько часов или минут, свежеиспечённый феноморф ведет себя очень странно, дёргается, плачет, кричит, как ребенок, бесцельно ходит в разные стороны. Потом как-будто успокаивается и… начинает помогать хозяевам. Что происходит дальше, никто пока не знает. Феноморфы бесследно исчезают в подземельях. Ну, это вы и без меня знаете. Характерная черта фено… серых — полная потеря способности к человеческим взаимоотношениям. Некоторые мои коллеги считают, что происходит необратимая деградация, или разрушение, личности. Я с этим утверждением не вполне согласен, но

пока у меня нет достаточного количества фактических данных и подопытного материала… Ну, не будем сейчас об этом.

Теперь о прокураторах — «главарях», «верховодах». О них мы знаем удивительно мало, ещё меньше, чем о амиттоморфах… простите, я обещал использовать вашу терминологию — о пятнашках. Итак, верховодов почти никто и никогда не видел. Некоторые смотрящие рассказывали, что случайно натыкались на них в глубоких рейдах в спорные территории или, при стремительном наступлении пятнашек, вдруг оказывались рядом с ними, прячась в какой-нибудь дыре. Отсюда мы можем сделать вывод, что захватчикам подвластна некая форма удалённого манипулирования с ограниченным радиусом действия, работающая по неизвестным нам пока законам. Вот, здесь у меня выписка из отчета одного из редких выживших смотрящих при подобной встрече: «…считаю, что поможет только немедленное бегство или разве что самоподрыв вместе с объектом. Иначе мозг начинает кипеть буквально через минуту, кипит он тоже буквально. Сандро истошно закричал, упал и умер в страшных мучениях. У него из ушей, рта и носа что-то потекло. Мне повезло… Он стоял между мною и тварью, и когда он упал, я успел швырнуть гэшку и драпануть со всех ног. Какая-то немыслимая сила идет от этих рептилий…» Таким образом, мы видим, что на людей они тоже могут воздействовать, правда, лишь в зоне прямой видимости. А вот на амитто… простите, пятнашек и серых — на огромных расстояниях. По сути, те являются для них глазами, ушами и руками. Сражаясь с рабами управляющих, вы, смотрящие, бьётесь с верховодами. Но даже это мы узнали много позже, спустя годы, безвозвратно потерянные для миллионов годы…»

Ир тяжело вздохнул, размешивая в подсоленной воде порошок для омлета. Сковорода уютно, по-домашнему, скворчала остатками бабкиного рафинированного масла из грязной липкой бутылки, греясь на последних трубных выдохах природного газа, слабыми толчками бросавших голубые язычки на её дно.

— Где же вы раньше были со своими выкладками.

Ему на ум снова пришли неприятные воспоминания первых месяцев Нашествия. Сначала всё было как в любой необъявленной войне. Страх от неизвестности, боль от потери близких, чувство безнадёжности от незнания что делать и куда бежать. Просто

физическая боль от того, что тебя облепляют, превращают в биомассу, готовую жрать землю. Потому что, говорят, в ней — пища для киселя, который тебя пропитал. Выживали только физически крепкие, достаточно здоровые, чтобы стать рабами. Такой вот естественный отбор. Слабые и больные долго и мучительно умирали прямо на улицах, и им никто не мог помочь, даже если и хотел. Легче было детям. Они умирали почти сразу, не выдерживая убийственной встряски организма от всепоглощающего вторжения жидкого чужеродного тела. Люди вокруг в одночасье становились словно какие-то марионетки, прозрачные тени по ночам мелькали тысячами, десятками, сотнями тысяч. К концу одного не самого прекрасного дня вдруг в мирно живущем своей привычной жизнью городе начиналось безумие. Большинство жителей хотя бы раз за день пользовалось подземкой. Тех, кто спускались туда, там уже ждали. Кто не спускался, почувствовав неладное, за теми охотились наверху, в темноте ночи, а также в вечёрних и предрассветных сумерках. Начиналась паника, но негде было спрятаться людям от страшного, невидимого, непонятного, и от того ещё более ужасного врага. И главное, никто не знал, зачем всё это? И никто никому ничего не объяснял.

Счастливчики, их были единицы, догадывались и вырывались за черту города, ехали, бежали в другие гиперы. Рассказывали, плакали, умоляли поверить в неизбывный ужас происходящего. Но им долго никто не верил, а потом мало кто мог подтвердить их правоту. Захватчики перемещались гораздо быстрее тех немногих несчастных выживших, лишенных привычных способов передвижения и даже возможности сообщить о беде, надвигающейся на человечество. Ир снова вспомнил учёного докладчика и его историческую справку, которую тот привел «так сказать, для создания в сознании смотрящих полноты всей картины нынешнего мира». Он всегда удивлялся той умозрительности, отрешённости учёного люда, с которой те могли рассуждать о чём-либо, вроде бы, напрямую связанном и очень даже влияющем на их жизнь. Правда, этот то ли доцент, то ли профессор не слишком злоупотреблял этим, и лишь иногда у Ирбиса возникало чувство, словно учёный сам не жил в этом загубленном мире, а невозмутимо рассматривал лабораторных крыс, посаженных в банку.

«…Великие умы поначалу винили в таких массовых фобиях сверхурбанизацию с её мировым размахом. Города к 2022 году, когда

всё началось, разрослись невероятно. Около четверти поверхности суши, пригодной для жилья требовательного человека двадцать первого столетия, если быть точнее — двадцать семь процентов — занимает эта разновидность формы человеческого общежития. Города сливались, поглощались, реструктуризовались и разрастались вширь, вверх и вглубь. Население медленно, но очень верно и преданно отдалось такому типу социальных отношений. Единицы, едва ли сотни или тысячи, оставались жить в редких деревнях и фермерских хозяйствах. Повсеместно стало распространенным фрахтовое трудоустройство с временным переездом по потребностям работодателей. И с обязательным размещением в родные, уютные, тёплые «муравейники». Где всё есть, всё под рукой, всё продумано и удобно. После Пищевой революции девяностых натуральная еда практически полностью стала уделом очень богатых чудаков и немногочисленных фермеров. Всё или почти всё для удовлетворения гастрономических потребностей смогла предоставить Всемогущая Химическая промышленность после открытия ещё в далеком 1978 году модифицируемой органической клеточной структуры бесконечного цикла деления. Или, по простому, БКС — бесконечной клеточной структуры. Конечно, если быть точным — условно бесконечного цикла, но, согласитесь, возможность получать пищевые волокна с тысячепроцентным приростом по массе и объёму, да к тому же вкупе с великолепными возможностями варьирования и комбинирования этих самых волокон… Это был несомненный прорыв с далеко идущими последствиями для всей человеческой популяции. Здесь также стоит отметить тот факт, который невероятно в своё время обрадовал нефтяные корпорации. БКС идеально, с минимальными затратами и максимальным эффектом синтезируется особым значительно мутировавшим видом грибка Candida divinum из сырой нефти и производных, значительно более трудоёмко и медленно и с малым выходом — из продуктов переработки каменного угля и природного газа. Нейман и Лившиц в девяносто втором получили Нобелевку за культивацию этого грибка, они же назвали его за удивительные свойства «божественным». Конечно, как уже было отмечено, при сильном желании и затратах можно получать БКС из различных видов органики, но нефть, и вообще углеводороды подходят в качестве сырья для производства гораздо лучше.

Соответственно, некоторый спад потребления нефтепродуктов из-за снижения спроса на автомобильную продукцию на стыке веков, скомпенсировался значительным увеличением потребления углеводородов для нужд Пищевой промышленности. Что ж, это, пожалуй, гораздо лучше, чем бездарно сжигать её ради простого обогрева или желания перемещаться в пространстве. М-да.

Но продолжим. В виду вышесказанного население, как разумно было предположить, заметно ускорило свой рост, вместо прежних двух до пяти процентов в год. Мегаполисы росли по всей планете как грибы на болоте, с населением от пяти миллионов становились мультиполисами, в обиходе — мультиками, со всеми вытекающими из такого положениями правами и обязанностями. Как вы знаете, каждый мультиполис имеет право на собственную независимую сеть пищевых комбинатов и сеть прямых тоннелей со всеми граничными собратьями. Приставку «гипер» чрезмерно разросшийся город получал после пятидесяти миллионов, иногда раньше, если это был какой-либо значимый центр, вроде Святого Питера с его «скромными» четырьмя десятками. Прямые основные и извилистые дополнительные линии-щупальца городской подземки растягивались на сотни километров, превращаясь в транспортную паутину, в которой можно было легко заблудиться без помощи мощной распределённой системы маршрутизации и управления. Бесконечные кварталы нескончаемых высоток с высоты птичьего полета казались громадными диковинными лесами со слишком однообразными серыми угловатыми исполинскими деревьями-стволами.

Города разрастались так, что поглощали целые страны, границы становились слабой условностью, не смотря на все принимаемые правительствами меры по сохранению суверенности. Европа самоопределилась в десяток величественных гиперполисов с небольшими прослойками и островками-заповедниками природы. Старушка Европа стала объединенной как никогда, ну хотя бы территориально, в могучие населённые узлы западной цивилизации. На Востоке полноводно разлился на многие десятки километров трёхсотмиллионный Пекин. Недалеко от него отстал вечный конкурент Шанхай, с его двумя сотнями миллионов. Ну и, на Юге, безусловный лидер планеты — ультраполис Бомбей. Что же до нашей страны, то, вобрав в себя по разным оценкам, от шестидесяти до восьмидесяти

миллионов резидентов, что составило добрую треть населения, разбухшая Москва поглотила не только всю прежнюю свою область, но и лениво поглядывала на соседние. Сейчас уже можно говорить об этом без утайки, но… боюсь, что этот печальный факт привел к колоссальнейшим потерям среди населения уже в первый год войны на территории Объединенной России. Я уж не говорю о Святом Питере, зажатом между двух водных пространств, попытка к бегству из которого явилась весьма нетривиальной задачей в то печальное время катастрофической убыли населения нашего государства.

Здесь нужно отдельно отметить, как важную деталь в осознании рисуемой нами глобальной картины, что все эти открытия и последовавшие за ними изменения в мировой экономической, политической, общественной системах, все эти, не побоюсь удачного сравнения, масштабные сдвиги глубинных пластов общества, приведшие, в частности, к заметному ослаблению военной мощи государств из-за сокращения многолюдных армий в пользу специализированных подразделений, например, по борьбе с частыми демонстрациями или вездесущими террористами, и, как следствие, ставших ненужными огромных парков военной техники, существенно сказались на способности человечества противостоять вражеской экспансии. Хотя кто теперь знает, что для нас было бы лучше…

Не последнюю роль в нынешнем бедственном положении сыграла и неискоренимая психологическая инертность неповоротливого большинства. Людям в таких огромных густонаселённых городах, — уверяли всезнающие психологи-урбанисты, — просто некуда деться от людей. Человеку нужно время от времени побыть одному, поразмыслить о смысле жизни, снизить ритм беспощадной городской суеты. Это важнейшая потребность, коей лишено теперь человечество — увещевали они. Отсюда и всеобщий психоз, бегство от страхов, воплощающихся в неких призрачных монстров.

Когда люди начали о чём-то догадываться, стало, как это часто случалось в истории, довольно поздно. Практически все гипергорода и три четверти мультиполисов были потеряны людьми в первый год войны. По какой-то невероятно счастливой случайности для человечества таинственные захватчики нелогично, — с нашей точки зрения, конечно, — сбавили темпы экспансии, что дало нам возможность немного прийти в себя, отчасти, хоть чему-то

научиться… А города… Скоро мы лишимся и последних, едва ли их наберётся более двух десятков по всему миру. Остальные безвозвратно для нас скрыты за пеленой вечных низких туч, погружённые во тьму. Обратно из таких мест никто не возвращался, кроме разве что редких счастливцев, информация от которых крайне скудна. М-да.

Но вернёмся к последовательному развитию событий. Всё же кто-то решался проверить, что за массовое помешательство случается время от времени в том или ином городе, а кто-то безуспешно пытался связаться с близкими и бил тревогу. Обычно связь с ними пропадала сразу и навсегда. Агенты спецслужб, спецназ и даже целые воинские дивизии, отправленные в захваченные непостижимым противником города из ближайших «здоровых» мест, не проливали ни капли света на царящий там полный мрак в кромешной тьме неизвестности. Но благополучно исчезали сами после редких попыток сообщить о странных ночных призрачных тенях.

А теперь перейдём, пожалуй, к главному. К тому времени, как вы знаете, Землю уже охватила подземная транспортная сеть, чудо человеческой мысли двадцатого столетия, детище городской подземки, результат ряда открытий семидесятых, в том числе, сверхбыстрого метода бурения и составов «наносвод» и его модификации «скользящие молекулы» для особо сложных грунтов. О, это было чудо из чудес! Море работы для геологов и строителей, и ужас палеонтологов. Сеть связала все гипергорода и мультиполисы планеты и почти убила гражданскую авиацию, сохранив лишь грузоперевозки и частный флот. Автомобильной промышленности тоже досталось, но она всё же смогла выдержать удар и не исчезнуть, хотя череда нефтяных кризисов десятых годов, когда нефтепродуктов едва хватало на то, чтобы прокормить стремительно растущее население, сильно сократила автопарк планеты. Н-да. Зато впервые в истории наша родина вдруг стала кормилицей всего света, ведь у нас никогда не возникало серьёзных проблем с чёрным золотом.

Но продолжим. Нынешняя подземка — это могучая система, десятилетиями создаваемая международными консорциумами и тщательно отлаженная могучими корпорациями. Когда началось вторжение, работающая как часы, сеть очень быстро вышла из строя. Поезда и андербасы отправлялись в захваченные города и просто не возвращались, подземка стала походить на всепоглощающую чёрную

дыру. И вдруг люди осознали, что стало не на чем перемещаться. Автомобилей катастрофически не хватало, отрасль находилась в упадке, с углеводородами в начале войны вследствие разрушения инфраструктуры возникли вполне объяснимые перебои. Спустя несколько месяцев после Арабского кризиса, когда, как считается, были захвачены первые мультиполисы на Ближнем Востоке, топливо пропало, вернее, перестало быть доступным совсем, за исключением каких-то остатков в стратегических запасниках, которые тут же взяли под контроль военные, а кое-где и бандформирования. В условиях топливного голода люди не могли пользоваться и электромобилями — энергетика рушилась буквально на глазах. Где уж тут зарядить емкие аккумуляторы, для которых всё так же была нужна энергия, невозможная без действующей инфраструктуры. Люди дрались из-за доступа к работающей розетке, запитанной от ещё живого надомного аккумулятора или солнечных батарей на крыше.

Но продолжим. Великая Подземка, как её называли некоторые особенно восторженные почитатели человеческого гения, оказалась очень на руку захватчикам. Развитая сеть тоннелей позволила им с немалой скоростью распространять свои призрачные полчища. С опозданием узнав основные повадки рептилий, мы сейчас, конечно, понимаем, что в те, первые, дни добровольно спускаться в подземку могли разве что самые рисковые и безголовые индивидуумы. Что же, всё это явно не способствовало людским возможностям передвигаться по планете. Ещё больше проблему усугубили военные, которые блокировали, где возможно, доступ гражданских к любым подземным коммуникациям. Это мешало смотрящим, долго мешало. Трудно признавать собственную глупость и беспомощность, но это приходится делать, хоть и с огромным опозданием.

Так вот, по поводу военной беспомощности. Современное ядерное воздействие вряд ли является решением в то время, когда города превратились в многоярусные системы, уходящие глубоко вглубь земли. Вряд ли даже самый мощный заряд уничтожит всю подземную инфраструктуру на площади… Да, и к тому же, для чего уничтожать город, площадь которого десятки тысяч квадратных километров? Не взорвать ли уж тогда сразу все города и разрушить всю существующую структуру жизнеобеспечения? Правда, военных это не остановило, вы это знаете. Но после того как ядерные заряды стёрли с лица земли три

гипер— и с десяток мультиполисов, создав этим районы выжженных ядерных пустошей, а экспансию это не остановило, люди поняли, что подобные м-м… мероприятия больше похожи на самоубийство.

Стрелковое оружие также оказалось большей частью малоэффективным против самих захватчиков, хотя и довольно успешно применяется в отношении феноморфов. Конечно, если можно назвать успешным уничтожение людей, пусть и «бывших», как считается, ведь никто пока так и не доказал обратного. Но никто, стоит признать, не знает как вылечить, исправить, восстановить тех, кто попал в рабство нашего безжалостного врага. А сами они, как вы тоже не понаслышке знаете, никакого желания вернуться к недевиантному, то есть м-м… нормальному, человеческому поведению не изъявляют.

Зато мы теперь хорошо знаем, что амиттоморфам, легко и молниеносно меняющим форму и относительную проникаемость тела, особенно на необратимой стадии внедрения, пули и микрозаряды причиняют мало вреда. Хорошо оказалось в деле, к сожалению, в большинстве армий снятое с вооружения гладкоствольное оружие, — помповые ружья, магазинные дробовики, с их великолепной останавливающей способностью и множественным поражающим фактором, — а также огнемёты, но очень скоро возникли проблемы с топливом для последних, что понятно из вышеизложенного. Конечно, особо стоит отметить в этом ряду уникальное изобретение российского учёного-физика Алексея Павлова, основанное на принципе Химото — преобразователь Павлова. Это оружие даёт существенное преимущество смотрящим в их неравных схватках с преобладающим по численности врагом. И всё же, хотя всё перечисленное и стало полезным в локальных боях, но мало подходит, чтобы дать серьёзный отпор миллионам амиттоморфов, продвигающихся с невероятной быстротой по людским поселениям.

Итак, что мы имеем в сухом остатке, господа смотрящие, единственная наша надежда и упование? И пусть не морщатся господа военные…

Некогда десятимиллиардное, человечество стоит на грани гибели спустя каких-то три с лишним года после начала таинственной экспансии существ, с которыми не удаётся договориться и о которых мы толком ничего не знаем. Есть мнение, что эти существа — что-то вроде пришельцев из космоса, но фактического подтверждения эта гипотеза не имеет. Одни только голословные рассуждения, построенные на слабо формализованной логике. Нет никаких зафиксированных данных о десанте, хотя это, конечно, не показатель, если вспомнить в этом отношении хотя бы, например, идеи Герберта нашего Уэллса с его марсианами… Да, кхм, и к тому же эта раса «внеземных» существ не выказывает сколько-нибудь значимого уровня своего технологического развития и не выражает никакой заинтересованности в достижениях человеческой науки. Если, конечно, не считать показателем такового развития уникальную способность боевых единиц врага к мгновенной клеточной трансформации. Отсюда возникает ряд логичных вопросов. Например, на чём, собственно, они к нам, так сказать, прибыли? Почему им

полюбились городские подземелья? Какова природа непереносимости солнечного света? И многие другие вопросы. Хотя, разумеется, всё это легко объясняется любителями фантастических идей с позиций всё той же псевдонаучной ксенологии. Вплоть до того, что это и в самом деле передовой десант некоей продвинутой цивилизации, целью которого является всего лишь подготовка нашей планеты к прибытию основных м-м… сил. М-да.

Есть также предположение об некоей искусственности происхождения данного рода существ, но все сколько-нибудь заинтересованные стороны в этом вопросе яростно открещиваются от любой, пусть даже только теоретически значимой, вероятности такого варианта возникновения проблемы, тем более с их, этих сторон, участием… Не так ли, господа офицеры? Да-да, да-да.

Но я отвлёкся. Факты и только факты. Итак, что ещё? Большинство населения либо погибло, либо, что более вероятно, необратимо, с полной потерей самоопределения, порабощено таинственными захватчиками. К четвёртому году Войны, 2025 по старой системе, только два способа борьбы с угрозой оказываются сколько-нибудь эффективными, правда только в отношении некоторого сдерживания врага. Первый прост и очевиден, после того как остатки аналитических способностей были всё же задействованы находящимися в состоянии непреходящей паники представителями обороняющейся стороны. Потеряв девяносто восемь процентов населения, оставшиеся начали более или менее активно действовать. А именно — разрушать все имеющиеся под землёй тоннели. Взрывать, затоплять, бетонировать — делать всё, что можно было ещё успеть сделать. Здесь, правда, существует одна проблема, но об этом — позже… И бросить все силы и современные средства геологоразведки для обнаружения новых каналов продвижения врага. Это является довольно сложной задачей, учитывая, что подземная инфраструктура Земли, возникшая за предыдущие полстолетия, стала не просто большой — она поистине колоссальна. Более того, из-за стремительных потерь территории, мы потеряли также не только контроль, но порой даже просто доступ к подробной информации о существующих сетях каналов. Не скрою, мы похожи на маленького мальчика из старинной сказки, затыкающего пальчиком дыру в дамбе.

Ему, правда, по легенде, удалось помочь родному городу. А вот наша «дамба» вот-вот рухнет под напором, и вовсе не воды.

К тому же, как следствие геноцида, у людей возникла проблема, которая не заявляла о себе вот уже многие десятилетия — человеческих ресурсов просто стало не хватать для линий обороны. И поэтому все надежды возложены на второй способ — на вас, смотрящих.

Вы можете противостоять, хотя бы отчасти, врывающимся в очередной город неуловимым передовым группам противника или сдерживать их вторжение, пока не будут завалены все известные проходы в город и не будет завершена эвакуация…

А ещё больше мы нуждаемся в каком-то чуде, способном остановить и обратить вспять этот чудовищный рак, поражающий человечество. Н-да.

Но что можно сказать о нынешнем положении вещей?

К октябрю текущего года картина мира по обрывочным сведениям в отсутствие глобальных коммуникаций представляется следующей.

Под контролем врага находится девяносто два процента городских поселений человечества и число это продолжает расти. По неясным пока причинам чужие не захватывают обширные территории вне городов. Но, как вы, надеюсь, понимаете, современная цивилизация не мыслит себя без данной основы социального взаимодействия. И скорее всего, захват остальной жилой территории — лишь вопрос времени.

Всё ещё подвластными людям являются относительно отдалённые от основной массы единичные гиперполисы Южной Африки, малочисленные мультигорода Сибири, единичные — в США, несколько — в северной Канаде и Аляске, а также на юге Аргентины. Ещё пока удивительно чист континент Австралия, куда и начали стекаться основные наземные потоки беженцев. Также из-за естественных препятствий для расширения зоны влияния чужих в виде горных массивов или больших водных пространств по всему миру остаются ещё кусочки цивилизации, сильно разрозненные и практически полностью изолированные. Спонтанные поселения потерявшихся и отчаявшихся беженцев на открытых степных пространствах, пустошах и в лесных районах постепенно откатываются к феодальным отношениям и отрыву от остатков прежней цивилизации…»

Ир посмотрел в окно, на стремительно темнеющее осеннее небо. «Цивилизация», — усмехнулся он. Те, кто ещё стремился жить по столь дорогим сердцу горожанина Земли принципам XXI века, недавно казавшимся такими прогрессивными и незыблемыми, всё лучше понимали, что жить как раньше у них вряд ли когда теперь получится. Тьма накрывала планету вместе с вечно висящей над городами пеленой грязно-серых туч.

* * *

Матёрый бомж Егорыч блаженно возлежал на старой неубиваемой зимней куртке «Чили», которую лет пятнадцать везде таскал с собой. Он расстелил её на широкой трубе в подвале какого-то закрытого института, ромовского НИИ чего-то там «химического», наверняка — по разработке и производству еды. Старик подумал, что надо бы получше обследовать местные хранилища на предмет наличия дополнительного провианта. Труба была ещё тёплой, но постепенно остывала. Егорыч надеялся, что тепла хватит хотя бы до утра.

Если бы пожилого бича спросили, как его звать, он, пожалуй, так бы и ответил затёртым до дыр отчеством, разве что только ещё кличку назвал — Рябой. Имени его теперь почти никто и не знал. Пётр начал бомжевать ещё в середине девяностых, в Святом Питере, тогда ещё Ленинграде. Сначала он потерял работу, сразу после развала Союза, в девяносто пятом. Для таких как Пётр, простой советский конвейерный сборщик секретных приборных панелей для «оборонки», особых вариантов не было. «Вас тут по десять штук за пятак» — сказал ему перед увольнением начальник цеха, молодая крыса с протекцией хозяев. Помыкался в поисках подходящей работы немолодой уже Пётр Егорыч, чуть-чуть не дотянувший до сорока пяти и чересчур затянувший с кризисом опасного возраста, помыкался — и стал жить на пособие. Оказался слишком узким бесперспективным специалистом для стремительно меняющейся действительности. А пособие оказалось слишком «узким», чтобы покрыть собой даже элементарные нужды большой и требовательной семьи.

Почти сразу его бросила давно отдалившаяся нелюбовь-жена, отвернулись подросшие дети, вечно занятые собой и стремительно растущим городом. Оставив бывшей и дочке с сыном шикарную стометровую трешку на Петроградке, он поначалу жил в какой-то

вонючей общаге на окраине, с углом метр на два, в одной комнате с ещё двадцатью никчёмными. Потом ему это надоело и он начал вольную жизнь никому ничем не обязанного. Вокруг со скоростью побегов бамбука стали вдруг тянуться ввысь чудные небоскрёбы, а он спускался всё ниже, с последних этажей и неожиданно ставших слишком далёкими и неприступными чердаков и крыш к подвалам и гаражам, но, как ни странно, с каждым ярусом вниз чувствовал себя всё более свободным. Любил Пётр, правда, чистоту тела, с детства привык к душу хотя бы раз в день, а на вольных быстро-супах помыться удавалось нечасто. Еду, впрочем, он получал регулярно, но с водой было гораздо хуже. В девяностых Пётр обитал не только в подвалах, но и в приютах, а тогда там, как, впрочем, и во всём городе, постоянно возникали перебои с водой из-за регулярного падения давления в этих новых «этажках». Это потом уже придумали «капилляры». В начале нулевых стало совсем «весело» по причине взрывного роста количества жителей, потянувшихся в город с окраин, районных городков и деревень. Этот поток без конца приумножался обильными, практически неконтролируемыми реками разношерстных мигрантов из бывшего Союза и не слишком дальнего зарубежья, готовых сутками работать за чудо конца века — «синтетику», сверхдешёвую питательную еду, которой в России (вот они, приятные плоды Пищевой Революции) вдруг стало даже с большим избытком. Но не смотря на такие житейские трудности, Пётр, всё же, старался за собой следить и не опускаться, как многие его собратья по несчастью. В душевых подземных гаражей под выросшими как грибы огромными торговыми центрами, этими «убийцами времени», вода была всегда. Туда, правда, не каждый раз удавалось попасть, охрана часто гоняла, но Пётр пользовался любой возможностью. Ну, а в остальном он не жаловался. Спать и есть — не коридоры месть, — любил напомнить себе старый бич.

А город переживал странные времена, и даже прежнее имя стало для него невыносимым. Однажды, неожиданно тёплой весной, Егорыч с прищуром и усмешкой наблюдал, сидя с приятелем, уличным художником Васей Бровским, на одной из крыш Невского проспекта и греясь в лучах апрельского солнца, как у Казанского драли глотки себе и вот-вот начинали друг другу адепты полярных мнений по самому насущному на данный момент вопросу в жизни. Основных мнений

было три, и ни одно не устраивало всех из многотысячной толпы горожан, собравшихся в то воскресное утро на общегородской референдум по смене названия города и затопивших своей людской массой весь проспект и прилегающие улицы и площади. Тогда ещё, до первого Кризиса, многие радовались долгожданной свободе и равенству перед обновленным законом и думали, что это всеобщее равенство и гарантии прав, охраняемые всенародно избранным Верховным правителем, имеют вес в послесоюзном мире. Мир, как потом выяснилось, стоял совсем на другом.

Первоначальное, исконное название — Санкт-Петербург — казалось многим слишком архаичным в свете пережитого в последние годы, второе, — Петроград, — и, тем более, нынешнее, Ленинград, чересчур сквозили почившим строем и были слишком ненавистны и потому большинством отвергались сразу. И вот, спустя несколько часов криков и выступлений через надорванные мегафоны, какой-то старичок с куцей седой бородкой и в смешной кепке с помпоном, каким-то чудом прорвавшись к микрофону на трибуне, то ли в шутку, то ли всерьёз, но довольно громко и решительно произнёс: «Николай Иванович Гордоцкий, профессор кафедры истории ЛГУ. Предлагаю название: Святой Питер…» И неожиданно идея понравилась и была быстро подхвачена и разнесена по рядам. Может быть, все просто устали и хотели домой, а может, и вправду название показалось метким и звучным, но на том и порешили. Даже чрезмерно нервные сторонники старинного имени не стали долго препираться, ревнителей же постылой серой действительности быстро заклеймили и заткнули.

А потом, также неожиданно, все крупные города и тогда ещё многочисленные малые, не ведавшие о своей скорой кончине, следуя примеру Северной столицы, вдруг подхватили, как призыв к новой жизни, идею о смене названия. Говорят, позже остальных, даже в монументальной и непробиваемой Москве прошли нешуточные баталии на этой почве, но быстро были подавлены по чьему-то приказу «сверху», после того как в толпе на Красной площади, прямо напротив мавзолея, кто-то вдруг возьми и выкрикни «долой Верховного!..», и возглас прокатился по рядам. Как обычно, не обошлось без крови, сотен задержанных и набитых до отказа автозаков. Любые митинги запретили на полгода, гайки подзатянули, и стало не до переименования.

Пётр не знал, повлияло ли как-то особенно на его судьбу новое название города. Но город менялся, методично впитывал в себя бесконечные потоки новых жителей, и Петру пришлось меняться вместе с ним. Забавно, но становясь всё более независимым от окружающей действительности, он освоил в процессе выживания в стремительно разрастающихся городских джунглях множество мелких профессий, и из узкого стал почти универсальным специалистом. Пётр научился собирать всё что угодно, а не только свои «печальные-печатные», так он прозвал основы для печатных плат — суть своей прежней работы. Иногда он готов был подносить чемоданы, доставлять частные посылки, чинить всё, что попадалось под руку, освоив ремонтное дело и даже заимел в личном ящичке диковинный заграничный суперремнабор, прихватив его однажды ночью с какого-то разворованного склада. Пётр так и не смог «опуститься» и был готов на любую случайную работу, но при этом оставался ничем никому не обязаным. Такой девиз стал его жизненным путем. Конечно, он любил, когда «что-то звенело в кармане и не нужно было за это пахать на дядю».

В Святом Питере всё началось в ночь с девятнадцатого на двадцатое апреля 2024 года. Краем уха Егорыч слышал слухи, что на Юге и в Европе творится что-то странное и страшное, города будто исчезают в одночасье, но никто до конца в это не верил. Думали, это утка журналюг, падких на сенсации. «Как такое возможно?» — говорили думающие и трезвомыслящие, — «Мы живём на пороге новой эры. Человечество как никогда могущественно и образованно. Мы защищены от всех мыслимых угроз, почти победили стихию, болезни, голод»… Но однажды невозможное случилось.

Старик решил заночевать в ту ночь на вокзале, и потому ему удалось сесть на последний из уходящих поездов подземки, вместе с огромной толпой беженцев, потерявших всякий разум от страха. Поезда уходили с Витебского, на юго-запад, к Пскову, и говорили, что это последние, что линии на Москву уже не работают. Поезд должен был вот-вот тронуться, и Пётр запрыгнул на ступеньку последнего вагона, на которой так и провисел все три часа пути, вцепившись в маленькие, почти декоративные перильца. Внутрь его не пустили, да и некуда было.

До сих пор он вздрагивал, когда вспоминал жуткие события той до безумия страшной ночи.

Пока толпа, желая поскорее уехать, в бестолковой спешке грузилась, а точнее, давилась в поезд, стоявший у открытой платформы наземного вокзала, стало темнеть. Никто ничего и так не понимал, кроме того, что надо бежать, уезжать прочь из этого кошмара, а с наступлением темноты начались сплошные мрак и помешательство.

Откуда-то, Егорычу показалось, что из подземных переходов, во множестве стали появляться стремительные скользкие тени. Их были сначала десятки, потом сотни, а затем и тысячи. Прошло каких-то пять-десять минут, и вот уже на площади за вокзалом в свете прожекторов освещения прямо на асфальте беззвучно корчились в конвульсиях люди, задыхаясь от облепившей их странной розовой слизи. По платформе метались какие-то прозрачные ящерицы, похожие на жуткие привидения, радужно сверкали в лучах света и кидались на тех несчастных, кто в панике толпился на перроне. А ещё твари пытались запрыгнуть в поезд. Но на крышах вагонов лежали ребята с фонариками и дробовиками — бойцы из городского ополчения, так их назвал кто-то из тамбура. Они методично расстреливали платформу и без раздумий палили по этим переливам в воздухе, а также, без всякого сожаления, по поднимающимся с земли оборотням. «Переливы» при точном попадании дроби с диким визгом разрывались на мутные куски и оставляли на асфальте множество грязных лужиц. Пётр увидел, как напротив соседнего вагона свершился ужасный акт превращения человека, крепкого на вид пожилого мужчины, в неизвестно что, это неведомо что, мокрое от слизи, поднялось на ноги и с невнятным бормотанием вдруг зашагало, размахивая руками, по платформе в сторону вокзала. Парень на крыше, ближайший к превращенному, почти в упор выстрелил в него. Мужчина смешно взмахнул руками, упал набок и захрипел. Но даже умирая, он продолжал шевелить ногами, словно идя к намеченной цели. Из окна вагона раздался сдавленный женский крик: «Но это же люди!», на что сосед с подножки, в модном бордовом плаще, процедил в ответ мрачно: «Уже нет».

Внезапно на Егорыча с платформы метнулась жуткая водянистая масса. Деваться было некуда, и Пётр успел лишь зажмуриться и

сильнее вжался в проём дверей. Над головой прогремел выстрел. Открыв глаза, старик увидел, как масса разлетелась на десятки кусочков и забрызгала ими край платформы. Малюсенькая капля попала на носок его старого армейского ботинка. Егорыч неистово затряс ногой, пытаясь сбросить странную слизь с обувки, но та мгновенно впиталась в грубую толстую кожу. Ступня почему-то сразу стала «ватной» и непослушной.

Другой демон, что спустя минуту так же кинулся прямо на Петра, переливаясь всеми цветами в свете мечущихся прожекторов, оказался более успешным. Как, впрочем, и опомнившийся Пётр. Когда эта страшная слизь, неуловимая даже взглядом, стремительно полетела на него, старик отцепил одну руку от поручня и отвалился вбок, всё ещё держась за поезд надежды другой рукой. Человеку в бордовом плаще, стоявшему за ним и зажатому в проходе, повезло меньше. Тварь каким-то невероятно быстрым способом превратилась в совершенно бескостное желе, облепила его, и мужчина истошно заорал. Пётр давно не слышал, чтобы так кричали. Ближайшие к несчастному тоже завопили и шарахнулись в стороны, давя соседей. Но один из пассажиров, молодой парень в синем спортивном костюме, не растерялся, схватился за фонарь на потолке тамбура и ногами в дорогих голубых кроссовках вытолкнул бордового, корчившегося и трясшегося, словно в эпилептическом припадке, на перрон. Бордовый упал, продолжая трястись и стонать. Парень с крыши хладнокровно дважды разрядил в него дробовик. Наконец, мужчина затих, и только правая рука его продолжала, не переставая, конвульсивно дёргаться.

Женщина из окна, должно быть, та же самая, громко крикнула:

— Боже мой, он же ещё жив!

Пётр снова схватился свободной рукой за поручень и тихо произнёс:

— Уже нет.

Старик хотел встать на место бордового, но парень в спортивном костюме погрозил ему кулаком. Никто не хотел стоять рядом со старым помятым бомжем, и Егорычу пришлось остаться на подножке и почти висеть на поручнях. А кругом во множестве носились другие куски слизи! Когда Пётр потерял уже всякую надежду и хотел даже спрыгнуть и бежать, куда глаза глядят, поезд, наконец, тронулся и стал тяжело разгоняться, уходя через тоннель под землю, а они всё пёрли и

пёрли, и скоро вся платформа и рельсы позади вагонов были сплошь заполнены ордой этих то ли сухопутных медуз, то ли неведомых глубоководных ящериц. С крыши вокзала по ним из пулеметов палили какие-то солдатики, должно быть, из разрозненных остатков военных подразделений, что накануне появились в городе. Может, они надеялись на эвакуацию воздухом, а может, геройски бились до конца, помогая уйти хотя бы тем, кто успел на поезд. Деду показалось, что урон от выстрелов среди прозрачного месива был невелик. И уж точно этот огонь не мог сдержать эту похожую на цунами страшную армию неведомого противника. Наконец, кошмарный вокзал скрылся за поворотом тоннеля, и Егорыч вздохнул с облегчением. Онемелая нога почему-то стала нестерпимо болеть. Зато не засну, — горько усмехнулся про себя старик и покрепче ухватился за перила.

Обычно путь от Святого Питера до Пскова занимал сорок минут, поезда ходили со скоростью свыше семисот километров в час. Но этот поезд был перегружен и никак не мог «встать на подушку», к тому же начались перебои с электричеством. Поезд часто останавливался.

На полпути, у какой-то технической станции, освещённой аварийными огнями, состав в очередной раз встал. Егорыч не стал ждать, что за него решат как лучше и куда лучше, тем более что слабеющие руки сводило от напряжения, а нога просто отваливалась. Плюс ко всему, за последние годы он привык ни в чём не полагаться на других, зная, к чему это может привести. Он спрыгнул на низкую платформу и, прихрамывая, а потом и вовсе на четвереньках полез вверх по узким ступенькам мёртвого служебного эскалатора. Вслед за ним ещё трое человек решили не ехать дальше.

Затем поезд снова тронулся и стал разгоняться в сторону Пскова. Егорыч оглянулся тогда с эскалатора и посмотрел на лица прильнувших к стеклам горожан. На них, кроме страха, смятения и боли была видна ещё и надежда, что всё обойдётся, пройдёт как страшный сон, и жизнь снова пойдет своим повседневным привычным темпом. Говорили потом, что там, в Пскове, их уже ждали. Никто не выбрался. Это сейчас все знают, что на юг и запад, и даже на юго-восток, бежать нельзя. Только на север, и пока ещё вроде можно на восток.

Егорыч закряхтел, поворачивая грелке другой бок. Рядом с ним зашевелилась какая-то куча тряпья. Из кучи вынырнула маленькая

лысая, на длинной тонкой шее, голова с невероятно сморщенной кожей на смуглом, заросшем несвежей серой щетиной, лице.

— Гхм! Егорыч! Стемнело уже! Просил же разбудить! — голова, как оказалось, умела громко и противно говорить, не смотря на жутко помятый вид. Видя, что сосед не реагирует, она добавила тише: — Тикать же надо. В этажку какую баррикадироваться на ночь. Ты что, Брендона встретил, что ли?

— Сам ты сбрендил, — Пётр наклонился, порылся в брошенном на полу под трубой полиэтиленовом пакете и достал пузатую бутылку с красивой этикеткой и коричневой жидкостью внутри. — Кстати, насчёт бренди. Будешь, Теодоре?

Он протянул бутыль другу.

— Свободному человеку… бренди… с утра… — сморчок снова укоризненно посмотрел на приятеля. — А давай!

Он бодро ухватился за горлышко и опрокинул бутылку в бедный зубами рот.

— Э-э, полегче! Присосался, клещ, — старик насилу отобрал спиртное у обнаглевшего соседа. Заметно повеселев, «Теодоре» вытерся рукавом затёртого пальто, когда-то имевшего оттенок бутылочного цвета, ныне скорее чёрного, и произнёс с чувством:

— «И лесной клоп не замечает своего ничтожества». Зулусская народная пословица. Ик-к! Вот помню, в девяносто восьмом, в Кейптауне, на симпозиуме зацепились мы языками с одним профессором…

Складка вдруг замолчал и погрустнел, как-будто вспомнив что-то очень неприятное.

— Коряво изъясняешься, литератор, — Пётр огляделся, ища глазами пакет. — Сказал бы просто: «Мал клоп да вонюч», короче и понятнее.

Фёдор задумался, глядя на бутылку мутнеющими глазами.

— Хм… И вправду короче. Но не яснее! — снова повеселел он и поднял вверх указательный палец.

Егорыч уже пожалел, что предложил выпивку. Вытерев ладонью горлышко, он сделал большой глоток. Благородная жидкость приятно обожгла внутренности.

— Ты где бренди взял? — спросил сморщенный, сосредоточенно размышляя о судьбах мелких кровососущих. — И водки-то нынче —

поди сыщи…

Пётр усмехнулся.

— Места надо знать. А насчёт баррикад я вот что думаю. — Он снова приложился к бутылке. — Здесь окантуемся. Стены у НИИ толстые, три века стоят. Не то, что нынешние не-до-скрёбы из метробетона, от легкого ветерка шатаются. Меня на последних этажах всё время укачивает, до тошноты. И смотри, что я нашёл в здешней столовой…

Пётр опять шумно порылся в безразмерном пакете с большой красно-зелёной надписью «Т-етраэдр» и неожиданно достал видавший виды обрез охотничьей двустволки и помятую картонную коробку с патронами. Складка присвистнул.

— Это что — ружьё?

— Обрез, — Пётр хмыкнул, — интересно, куда так торопились парни из народного ополчения, что такую ценную вещь оставили? У них тут, оказывается, аванпост был. А НИИ тоже интересный оказался. Какие-то таблетки и ампулы в одном блистере нашёл, валялись на столе в лаборатории. — он достал из кармана блестящую упаковку и показал Фёдору. — Знаешь такие?

Фёдор взял упаковку в руки, повертел, изучая, и вернул приятелю.

— Хм, «Панацея-17». Ни действующего вещества, ни условий хранения. Не слыхал. Видать, что-то из нового.

— Ладно, посмотрим, вдруг пригодится. Панацея… Может, обезболивающее? — Егорыч убрал таблетки в карман и поднес оружие поближе к глазам. — Так, что тут у нас? «ИЖ-58». Ишь ты, «ижонок», калибр — двадцаточка. Давненько я не держал стволы в руке.

— Когда это ты держал?

— Давно… Когда ещё охоту не запретили, из-за массового исчезновения видов, значит. Идиоты! Ты же помнишь, у кого нефти своей не было, древесину стали пускать на синтез БКС этой проклятой, причём в страшных количествах. Сколько новых пустынь к концу века образовалось! А охота тут точно ни при чём, — Егорыч приблизил оружие к глазам, разглядывая, и качнул головой. — Это ж надо, так варварски спилить стволы! Не иначе, на коленке делали, — он взглянул на приятеля и продолжил. — Последний раз держал в руках в девяносто пятом, в сентябре, если память моя не врет. А через два месяца Союз развалился на Альянс Суверенных Государств, там

уж совсем не до охоты стало. А я так любил на уточку сходить, с палаточкой да с резинкой… Хорошие деньки были! Сидишь в камыше, в лодочке, тихо так. Водичка в озерце чуть плещется… А вокруг на добрую сотню километров — ни души. Что ещё нужно было замученному суетой горожанину…

— А-а, мне тогда не до политики было, весь в работу ушёл, — Фёдор провел рукой по коробке. — Картонная. Надо же, сто лет картона не видел. Всю бумагу давно съели.

Пётр с укоризной поглядел на невнимательного приятеля, прервавшего тёплые воспоминания.

— Эх, Фёдор… Там ещё патроны есть, целый ящик. А ты всё говоришь, что старые вещи — бесполезная рухлядь. Некоторые ещё долго послужат. Предки не все дураки были, как нынче мода пошла думать…

Старик осёкся, вспомнив, что тех, кто мог бы ещё думать так или иначе, в последнее время становилось всё меньше, а скоро, может, и совсем не останется. Он откинул тряпки и, довольно бодро для своих лет, соскочил с трубы.

— Ладно, засиделись. Пойдем, Федя, обход сделаем, нет ли где прорехи. Неохота мне землю жрать да под себя ходить, на старости лет.

Фёдор, он же Теодоре, также прозванный в определённых кругах Сморщенным, а ещё Складкой, засуетился, распихивая тряпье между труб, чтобы дольше сохранило тепло, и тоже слез с насиженного места.

— Как скажешь, Егорыч, ты у нас голова. А ты точно стрелять-то умеешь?

*** * ***

— Везунчик ты, Ир, — Волк привычно оглянулся, потом снова посмотрел на меня. — Счастливчик.

Я сделал вид, что не понял, и слегка возмутился, улыбаясь украдкой.

— Это почему же?

— Такая девка тебя оберегает, любой ангел-губитель, или как их там, позавидует, — Волк усмехнулся и подмигнул Наде. Она

улыбнулась нам обоим своей чудесной, озаряющей всё вокруг, улыбкой и продолжила перебинтовывать Волчью ногу.

— Хранитель, — поправил его ехидно заулыбавшийся Нанд.

— Что? — рассеянно переспросил Волк.

— Ангел, говорю, — хранитель, а не гу…

— Ты, смотрю, шибко грамотный. Ты давай не гу-гу… А-а, чтоб тебя оторвало!..

На очередном витке он сжал челюсти и втянул сквозь зубы воздух.

— Больно, Волчик? — Надя остановилась и с участием посмотрела на него.

Волк замотал огромной головой на могучей шее. Короткие, жёсткие, почти белые волосы его были густо присыпаны грунтовой крошкой и пылью. Маленький фонарик на его широченном лбе казался игрушечным.

— Затяни покрепче, девушка. Должен же я как-то до базы доковылять, а там уж подправят. Какой из меня теперь смотрящий, — он с досадой хлопнул ручищей по колену здоровой правой ноги. — Вот ведь никогда не думал, что пятнашка может в голень вцепиться, как собака какая. Кисель со вставными челюстями.

Нанд, напарник Волка, грустно смотрел на происходящее и машинально оглядывался каждые десять секунд. Он тоже был крупный парень, под два метра ростом и весом под сто кило. Но Волк был ещё массивнее. Он был просто великан. Весил он килограммов сто тридцать и росту в нём было два с гаком. На его широченную голень с порванной мышцей у Нади ушло четыре метра бинта.

— Подвел я вас, ребята, — продолжал сокрушаться могучий смотрящий. — Обидно подставил.

— Да ладно тебе, Волчара, — Нанд подошёл к другу и протянул ему руку, помогая подняться. Встав на ноги, тот зашипел от боли и обхватил напарника за плечи. Я подскочил к нему с другой стороны и подставил плечо. — Ты тоже в долгу не остался, — продолжил напарник, — кулачищем башку твари размозжил. Так что вы с ней вроде как квиты.

— Я бы предпочёл и дальше раздавать авансы, — угрюмо ответил великан. — Тварей много, а ног у меня всего две. И потому каждая бесценна. Так-то.

— Сейчас доковыляем до дрезины, будешь возлежать как король, — ободряюще сказал я Волку. Он ухмыльнулся и с усилием оттолкнулся здоровой ногой.

Наша троица медленно двинулась по узкому одинокому коридору подземки, ведущему от Второй Южной линии к Центральной, по её кольцу мы планировали добраться до Восьмой Северной, проверить и добавить заряды и датчики на Восточных Чингирских гейтах, сколько сможем. Там работала одна двойка, но Бес решил подстраховаться. Западные Волк с молодым уже обработали. Оттуда со спокойной совестью двинем вон из города — через небольшой канал, мало кому известный в том районе на окраине, а там всего пара десятков километров до базы. И можно будет, наконец, расслабиться. Надя с «палычем» наготове шла позади нас. Где-то рядом рыскали ещё две-три пятнашки. Хорошо хоть, все свежие лазы взорвали, и Надя не чувствовала новых угроз.

— Вы до Ромова где были? Не с Московской группой?

— С Московской.

— Да… Вы молодцы — долго там продержались. Это с такой-то подземкой! — Волк усмехнулся, кривясь от боли. — Там же не город был, а считай, государство — добавил он. — Половина населения обитала. Как же вы выбрались?

Я махнул рукой.

— Это отдельная история. Как-нибудь расскажем.

Да уж, молодцы… Полгода мы гонялись по бесконечным катакомбам Москвы за розовой заразой, ловили серых, терзаясь о сотнях потерянных соплеменников, без всякой надежды на понимание со стороны властей. Какая уж там эвакуация! Потом — множественные прорывы, и вот уже мы делали ноги из престольной, мигом ставшей розово-серой… Только сейчас, пожалуй, я чётко осознал как далеко нас отбросили пятнашки. Почти три тысячи кэмэ от Столичной пустоши. Рукой подать до Строевской базы! Там, наверняка, подумывают об эвакуации, хотя сама база предусмотрительно размещена на отшибе, на месте старых военных складов, без обширных подземных коммуникаций. Там должно быть спокойно и даже, я думаю, будет довольно уютно после всей этой кутерьмы. Правда, с этим вечным отступлением… Придётся что-то придумывать. Не оставлять же такую базу в тылу врага! Хотя в этом

что-то есть. Надо будет подкинуть мыслишку новому Бригадиру. Если не пошлёт меня подальше, как прежний мой, московский, с идеей насчёт дирижаблей с оружием для Бомбейской группы…

— К стене!

Крик Нади звонко хлестнул по ушам, прямо как порванная гитарная струна — что-то изменилось. Мы с Нандом тут же посадили Волка спиной к стенке туннеля. Нанд присел рядом с раненым и выхватил дробовик из чехла на спине. Волк уже держал в лопатах-ладонях «палыч», а я бросился к Наде. Так мы заняли круговую оборону и превратились в слух.

Сначала было тихо. Потом мы услышали эхо далёкого топота множества лап и до боли знакомого пения. Когда пятнашки валят скопом и ведомы верховодами, они поют. И это даже по-своему красиво. Если бы не было так отвратительно, как мерзко для меня всё в них.

— Ч-чёрт! Прорыв… — Волк с силой ударил кулаками о щербатый каменный пол.

— Прозевали, — я многозначительно посмотрел на Надю. Она была в растерянности. Первый раз за всё время она не смогла предупредить прорыв тварей. Я взглянул на Волка.

— А ты говоришь — везунчик.

— Такой мощный прорыв может быть только с юга. Но быть этого как раз и не может!

— Чего?! — почти крикнул Нанд.

— Там же Бешеный работал со своими… У них всегда всё чётко! И сигнал от ловушек на главном стволе на пятьдесят кэмэ вокруг ловят все наши брелки. Там всегда «ластхопы» ставят, старший группы. Ты же знаешь!

Я нервно пожал плечами. Теперь уже не важно, хотя я был полностью согласен с ним. Правда, они могли не успеть обработать все каналы… Однако, надо же было что-то делать! Я повернулся к жене.

— Надя! Откуда?

Она прислушалась, прикрыла глаза, потом вдруг резко вскинула их на меня. Какая в них была горечь!

— Они повсюду, Ир. Идут с обеих сторон…

Нанд, сидя поодаль, всё же услышал тихие слова Нади и передёрнулся.

— И что характерно — ни одна ловушка не сработала, — Волк так посмотрел на свою больную ногу, будто это она была во всём виновата. Словно в ответ на его слова где-то вдалеке глухо рвануло. Сверху скудно посыпалась каменная и цементная крошка. Задачники дружно пискнули.

— Ну, вот и «ластхопы»… — мрачно протянул Волк.

— Что будем делать?! — Нанд, пока ещё в легкой панике, посмотрел на своего старшего, но вопрос был обращён ко всем нам. Зелёный ещё, в прорыве, небось, не был, вот и очкует парень.

— Что делать, что делать… — зло повторил Волк. — Оборону держать, мать её героиня… М-м!..

Он неудачно пошевелил ногой и в приступе боли запрокинул голову. Он явно отключился из-за болевого шока.

— Волк! Очнись! — парень трясущимися руками схватил обмякшего старшего за плечи, пытаясь привести в чувство.

— Так! — крикнул я, приводя самого Нанда в чувство, — не очковать! Сколько отсюда до дрезины? — я вперил в него жёсткий взгляд, в уме быстро перебирая варианты. Думай, Ир, думай! Неохота так вот сгинуть, не успел ты ещё сделать что-то важное в своей жизни. Да и просто пожить…

— Километр будет, если по туннелю идти, как шли… Но там ведь теперь тоже они, не прорвемся… — Нанд судорожно сглотнул.

— Не боись. Надя! Сколько до них? — я посмотрел на подругу. Она снова на миг закрыла глаза, потом быстро сказала:

— Справа — метров пятьсот, слева — ещё далеко, но…

Труба. Не уйти. Придётся взрывать. Я сунул «палыч» в кобуру и медленно отстегнул от пояса «гэшку-пятак», гранату Г-5. Триста граммов вещества CL-34, — эквивалент двадцати кило тротила, — и, вдобавок, сводовая взрывчатка в рюкзаках не ошибутся. Возьмём с собой побольше засранцев. Жаль только, что не успели мы обработать и проверить все найденные каналы. Ребят подставляем, обидно! Я обнял Надю, поцеловал её и посмотрел на молодого. Он уже держал в руке вторую гранату и руки его лишь немного тряслись. Молодец, всё-таки, смелый парень, собрался, наконец. Хорошим смотрящим станет… Мог бы стать.

— Подпустим поближе.

Он кивнул и почти перестал дрожать. Надя тоже была внешне спокойна. Как же хочется пожить ещё! Я крепко сжал её ладонь свободной рукой. Надя тихонько всхлипнула.

В этот момент Волк застонал и открыл глаза. Я краем глаза увидел, как он качает головой.

— А-а… Сдохнуть бы…

Он на секунду замолчал, а потом вдруг хрипло крикнул:

— Народ! Потолок!

Мы дружно посмотрели сначала на него, потом туда, куда он светил фонариком и тянул руку с «палычем», едва не подскакивая. Тоннель, в котором мы так бездарно позволили себя зажать, был единственным в этом районе, являясь простой смычкой, и шёл напрямую, без ветвлений и отводов. Канал соединял пешим проходом две ветви подземки, пролегающие недалеко друг от друга. Ветки эти напрямую здесь больше нигде не сообщались и наверх выходов рядом тоже не было — только через энное количество пересадочных станций, весьма удалённых отсюда. Короче, зажали нас наглухо. Но к поверхности в тоннеле, как подсказывал план, о котором я и думать забыл, через равные промежутки выходили редкие вентиляционные каналы, и один из них был прямо над нами. Осталось только найти способ пробраться по нему. Успеть до пятнашек. И не застрять. А ещё у нас в нагрузку — раненый неподъёмный бугай-смотрящий.

— Волк, стреляй! Нанд, Надя — в заслон! — крикнул я, цепляя гранату обратно на пояс. Надя быстро поняла, что я задумал и развернулась к проходу к северной ветке. Нанд тоже убрал гранату и достал дробовик, разворачиваясь в другую сторону.

Волк подкрутил «палыч» на широкий силовой импульс и шмальнул по решётке, которая закрывала щель в потолке тоннеля. Расчёт оказался верным, и ржавая железная решётка метр на метр, с оторванными болтами креплений, с грохотом шмякнулась к его ногам. Волк рефлекторно согнул здоровую ногу.

— Обжёгшись на молоке… — прохрипел он и махнул мне, — Давай!

Я встал под открывшейся дырой и достал пистолет автолебёдки. Замечательная вещь! Не один раз спасали смотрящих эти штуки, которые достались нам от монтажников-верхолазов, строителей километровых этажек. Надеюсь, поможет и в этот раз. Я проверил

крепление карабина пистолета к поясу и замер на секунду, прицеливаясь в темноту.

— Сначала я, закреплюсь там, за мной Надя, потом Волк, и Нанд…

— Нет! Я в конце. Ещё застряну — всем хана тогда. — Волк повернулся к напарнику. — Нанд, дай мне винтарь, держи вот «палыча». Если что, не так жалко будет. Ир, давай! Гляди в оба, может они и там уже, наверху…

Я прицелился, как мне показалось, в слабое красноватое пятнышко отсвета наверху и выстрелил. Клин ушёл вверх, быстро разматывая очень тонкий прочный полимерный трос.

— Надя, где они?

— Близко, очень близко — голова прямо раскалывается. Справа… ещё ближе!

Я начал переживать, что не хватит ста метров троса. Но трос, наконец, резко замер, закончив разматываться на отметке «42», как сообщил индикатор над рукояткой. Я подпрыгнул и повисел на тросе, убеждаясь, что выдержит.

— Они ускорились, Ир! Слева — совсем рядом! — Надя обернулась и испуганно посмотрела на меня. Не бойся, маленький, теперь мы должны выбраться.

— Тогда нет времени! Надя, давай ко мне, цепляй карабин, нас двоих выдержит. Нанд — цепляй свой к моему ремню. Волк, цепляйся за Нанда. Как только вылезу и закреплюсь, три раза дергаю — врубайте лебедку. Поехали!

Надя пристегнула свой карабин к моему поясу и обхватила меня. Я обнял её, затем нажал на пистолете кнопку намотки троса. Дыра в потолке стремительно ринулась на нас. Шваркая спинами об стены канала и молясь, чтобы по пути не было каких-нибудь штырей, торчащих из стен, мы полетели в чёрную неизвестность. Трос довольно ярко светился зелёным в темноте, и метра на три вперёд было видно мелькающие неровные края рубленной породы, которая казалась малахитовой в этом странном свечении.

На последних метрах умный пистолет замедлил ход. Подкатив к самому верху, мы увидели такую же решётку, что валялась теперь внизу. Пистолетный клин крепко застрял в одной из прорезей решётки. Времени открывать проход не было, ребят внизу в любой момент могли разорвать на кусочки. Зацепив Надин карабин за решётку, я

прицепил к нему поближе свой, и, чтобы усилить конструкцию, соединил их оба с карабином ребят. Потом три раза сильно дёрнул трос.

— Держись. Надеюсь, их трос выдержит.

Трос был рассчитан на двести кило. Волк с Нандом вместе весили больше. Оставалось надеяться на заложенный инженерами запас прочности, от дурака-монтажника. Или от смотрящих, убегающих от толпы пятнашек. Что, в общем-то, одно и тоже.

Трос резко дёрнулся и натянулся как струна. Уже хорошо, значит, ребята успели. Или нет?!

Когда секунд через двадцать я услышал отчаянный Волчий мат, на душе совсем отлегло. Волк орал на Нанда, поминал меня и всех пятнашек поименно. Да уж, чую, досталось его ноге при таком подъёме.

Они повисли в метре под нами.

— Ну, как там у вас? — спросил я.

Волк мог только рычать, поэтому ответил Нанд.

— Мы думали, нам хана, собирались гранаты рвать на теле. Когда вы трос дёрнули, они уже друг друга видели промеж нас. И прям визжали от восторга, представляешь?

— Ясно. Соскучились ящерки.

Нанд всё ещё круглыми от неслабых впечатлений глазами посмотрел на клин лебёдки, что застрял в решётке.

— И как ты так метко садишь? Метров пятьдесят ведь, не меньше. Моя бы точно на полпути в стенку ушла.

Я посмотрел на него и устало улыбнулся.

— Везёт. И всего-то сорок два.

Надя глянула вниз на Волка.

— Волчик, как нога?

Наде нагрубить он не смог, не то, всё-таки, воспитание и выдавил просто:

— Держусь пока, Надюш. — И уже ко мне: — Ну что, альпинист, так и будем висеть задницами к киселям? Здесь недолго и в розовый студень вляпаться. Многократно.

Я осмотрел решётку.

— Упритесь в стены и ослабьте трос — штыри слишком крепкие, придётся выбивать «палычем».

— Давай бодрее, пятнашки там уже, наверняка кучу малу делают, лишь бы до нас добраться, а по канальцам они ползать те ещё мастаки. И уж как хочется им подарочек сбросить!

Упершись ногами и задами в бетонные края вентиляционной отдушины, вся наша команда зависла над пустотой. Я отвернулся от решётки и пальнул из «палыча» на малой мощности. От сильного удара крышку вырвало с мясом, точнее — с кусками бетона и арматуры. Она отлетела куда-то вбок, что было хорошо. Не очень хотелось получить тяжёлой железякой по башке, повиснув на одних локтях над бездонным колодцем. Я ухватился за кусок арматурины, который торчал из стены на месте решётки, подтянулся и осторожно выглянул. Отдушина выходила в небольшой пустой бетонный бункер с наглухо зарешеченными вентиляционными окнами без стекол. На потолке горел красный аварийный фонарь в ржавом железном намордник. Это его отсвет я разглядел снизу. Снаружи вроде было тихо. Кое-как выбравшись, я по одному втянул остальных, потом отцепил карабины от решётки и аккуратно смотал трос. Ещё пригодится, и не раз. Концевой клин — «отсечка» — крепко засел в решётке, его пришлось отрезать и нацепить на трос новый.

Из дыры послышались подозрительные, хотя и далёкие, шорохи.

— Ну вот, ползут уже, гады.

Волк, сидя на краю шахты, забрал «палыч» у Нанда, кинул ему винтарь, со стоном повернулся к одному из окон и выстрелил. Решётку выбило метра на три и в открывшемся проёме стало видно тёмные дома окраины Ромова, а между ними редкие звёзды на сумеречном небе брезжившего утра. Как я был рад этому рассвету!

Едва мы выбрались наружу, поддерживая Волка, и отошли метров на десять, Нанд развернулся, подскочил к вывороченному окну, дёрнул чеку и швырнул гранату прямо в дыру в бетонном полу.

— Ложись!

Мы опустились на землю и притихли. Секунд через пять под землёй глухо рвануло. Дошедшая до поверхности взрывная волна подбросила и потрясла в воздухе бункер, словно он был из дешёвого упаковочного пластика, и тот сложился как карточный домик. Во все стороны повалили дым и цементная пыль. Когда клубы пыли, наконец осели, все стали энергично отряхиваться.

— Ну вот, отлегло… — Волк благодарно посмотрел на Нанда. — Хвалю, напарничек.

Мы устало развалились на жухлой травке небольшого холма, на вершине которого стоял разрушенный Нандом бункер. Нужно было выпустить пар и дать крови разогнать избыток адреналина по телу.

— Однако, надо что-то делать, друзья, — глубокомысленно прохрипел я, прочищая горло от пыли, глядя в светлеющую синеву неба между острых бесконечных чёрных игл этажек.

— Да-а… — протянул Волк.

— Что? — не оборачиваясь, спросил я. Кажется, он меня не слушал.

— Хорошо, что это была вспомогательная дыра, без активной системы вентилирования. А то намотало бы нас на какие-нибудь лопасти, как жилы в мясорубке, на радость слизистым.

Я представил себе картину и передёрнулся. Надя положила голову мне на бок. Малышка очень устала. И всем нам после переглядывания со смертью не мешал хороший долгий отдых на базе. А до неё ещё надо добраться.

— К дрезинам, пожалуй, уже нет смысла соваться. Но туннель к нашим при отступлении подорвать надо…

Волк вдруг снова застонал и отключился. Весь бинт на его ноге был пропитан кровью. Я посмотрел на Надю.

— У нас осталось обезболивающее? Не дотащим ведь…

— Сейчас посмотрю, — она села, скинула рюкзачок с плеч и достала из него немного помятую аптечку.

Волк, перед тем как потерять сознание, успел сказать важную мысль. Канал, о котором он упомянул, смыкал две ветки подземки на окраине города. Одна была частью сети пассажирских линий, вторая — линией позаброшенной системы снабжения старой воинской базы, где сейчас были наши. И он был прав, этот канал нужно было взорвать. В городе ловить больше нечего.

Я повернулся к Нанду.

— Ты рацию где оставил?

— Армейскую? Там у входа в поземку бросил, тяжёлая зараза! Думал, не понадобится уже…

— Думал! Давай дуй поверху за ней и мигом назад!

— Ладно, — Нанд нехотя поднялся. — Километра полтора топать.

— Вернёшься сюда — попробуй связаться с базой. Спроси, остался ещё кто из наших в городе. Скажи, что на всякий пожарный постараемся взорвать тоннель на базу перед отходом, но у нас раненый и… всё такое. Я пойду поищу транспорт — как-то ведь надо дотуда добраться.

Он кивнул и, нехотя, поднялся. Надя обеспокоенно посмотрела на меня. Мы старались не разлучаться без насущной необходимости. Я успокоил её взглядом и улыбкой, и показал рукой на небо. Уже рассвело.

— Я буду недалеко. Может в какой тачке из брошенных в городе при эвакуации остался бензин в баке. Говорят, чудеса ещё случаются.

Я очень надеялся на такое чудо.

*** * ***

— Егорыч? Ты где?

Призрачная фигура, которая совершенно бесшумно двигалась вдоль стены по тёмному коридору института, замерла на месте и повернула свою прозрачную плоскую клиновидную голову в сторону источника звука. Постепенно на поверхности тела странного ящера проступил рисунок, повторявший едва видимый в унылом сумраке раннего осеннего утра белый силуэт плаката на окрашенной синей краской стене позади рептилии. Даже во мраке коридора были видны трещины и сколы на видавшем виды старинном покрытии стены. Скопировав и этот замысловатый узор, тварь почти исчезла. Только два больших глаза рептилии иногда сверкали недобрым отражённым светом.

Человек маленького роста и небольшой массы, странно согнувшийся, медленно и неуверенно шёл по коридору с другой стороны и постоянно оглядывался. Клиновидная голова мгновенно проанализировала степень угрозы и значимости жертвы. В конечностях объект держал длинный, резко пахнущий железом предмет, выставив его вперёд. Угроза небольшая, значимость — приемлемая.

— Вот ведь я дурень, «пойду отолью, я быстро»… Где он теперь? Может, уже кисельный ходит, меня ищет с этим своим… ружьишком, — бормотал себе под нос согнутый.

Ящер стал абсолютно неподвижен и полностью слился окраской со стеной. Он начал готовиться к трансформации и его прозрачное тело слегка помутнело, смазав чёткие границы копируемых предметов. Когда человек прошёл мимо шкафа, за которым пряталась полутораметровая ящерица, и удалился на пару метров вперёд, та, издав пронзительный свист, резко метнулась к жертве. Объект почти

готов, — выдал последнюю дозу информации стремительно меняющийся мозг.

Дикий страх сковал Фёдора, повернувшегося было на свист и отпрянувшего назад, и он выронил обрезок ржавой трубы, который держал в руках для самообороны. Старик запоздало и нелепо поднял правую руку, словно пытаясь защититься этим от страшной переливчатой массы, летящей на него и быстро теряющей форму. Внезапно раздался оглушительный двойной выстрел. Необратимый, казалось, процесс превращения и соития был решительно прерван в воздухе уверенным зарядом крупной дроби. Коридор отозвался на грохот выстрела мощным раскатистым эхом от крашенных каменных стен и посыпавшейся с далёкого потолка штукатуркой. От испуга Складка громко вскрикнул и упал на спину.

Изрешеченное полумесиво-полуящер с хрипом шмякнулось на старую пыльную ковровую дорожку неясного цвета, в паре сантиметров от своей более удачливой жертвы. В воздухе запахло странной смесью. Пороховой дым от выстрела и сладковатый запах от большого пятна недозрелого «киселя» на ковровой дорожке, сплелись в спёртом воздухе в неожиданно приятный ароматный коктейль.

От декоративного углубления в стене между окнами напротив шкафа бесшумно отделился Егорыч с обрезом наперевес. Он осторожно подошёл к расползающейся розоватой куче на полу, в сумраке утра казавшейся почти белой, подождал немного и, с глухим щелчком переломив ружьё, вытряхнул дымящиеся гильзы.

— Н-ну т-ты… Фу-ух!.. — оглушённый Фёдор потихоньку начал приходить в себя. Увидев рядом останки ящера, старик быстро отодвинулся.

Пётр многозначительно покачал головой и оглянулся.

— К-как ты его заметил? — дрожа, спросил-выкрикнул Складка.

— Охотничья привычка. Постоял тихонько в укромном закоулке, подождал, гляжу — в углу что-то переливается, ну я совсем притих, а тут и ты нарисовался… — старый бомж хитро улыбнулся приятелю, но глаза его оставались серьёзными.

— Д-д… дай выпить, — попросил-потребовал Фёдор, всё ещё дрожа от последних впечатлений.

Егорыч вытер влажную от пота ладонь о штанину, достал из кармана затёртой кожанки патроны и перезарядил оба ствола.

— Погоди ещё. Они поодиночке редко ходят.

Фёдор резво схватил худыми руками трубу с пола и оглянулся.

— А я тоже хорош, — продолжил Пётр, — сразу из обоих засадил, дуплетом. А если бы промашку дал или еще одна тварь нарисовалась?

Старичок-партнер замахал на него обеими руками, в очередной раз выронив железку.

— Да ты что? Жизнь мне спас. Должник я теперь твой, Петя.

Егорыч усмехнулся и тут же поспешно зажал нос — жижа на полу начинала смердеть. Минут через пять в коридоре будет не продохнуть.

— Брось ты это. Кто меня с бореллиозом выходил? Пойдём, воняет уже, да и светает. Жрать охота! — он развернулся, двинул по коридору в сторону закутка с уютной ночлежкой на трубах. Не оборачиваясь, он бросил через плечо: — Железяку-то подбери, пригодится.

Фёдор снова подхватил красно-бурыми от ржавчины руками своё боевое оружие, опасливо обошёл зловонную лужу на полу и бодро засеменил следом за другом, всё время оглядываясь и жалея, что не имеет глаз на затылке.

* * *

Сорс и Нтонга лежали на крыше припортовой этажки, грелись в лучах весеннего октябрьского солнца и лениво наблюдали за эвакуацией. Пока ещё многолюдный, кишащий людьми как мальками в яслях, Кейптаун грузился на баржи и сухогрузы, в которых ещё осталась солярка, чтобы добраться до берегов Австралии. Там пока было спокойно, о пятнашках слышали только в страшных байках беглецов-переселенцев. И говорили, что у австралийцев ещё есть топливо, и даже довольно много. Так что, возможно, люди смогут вернуться, когда всё поутихнет. Правда, никто не знал, чем и когда всё это закончится. Из порта доносились какие-то вопли, смачная ругань, плач детей и печальные крики чаек и альбатросов.

Казалось, словно вся многодетная Африка решила покинуть родной дом, ставший вдруг таким опасным. Да так оно, пожалуй, и было. Вновь прибывающим стали отказывать в эвакуации из-за отсутствия места на баржах, и началась паника. Тогда вмешались военные и в первую очередь стали грузить детей и молодые семьи. Офицеры пригрозили расстреливать каждого, кто попытается окольно пробраться на борт кораблей. Тем, кто не попадёт на суда,

предлагалось до наступления ночи покинуть черту города. Но никто не покидал территорию порта, втайне надеясь на то, что именно его пустят на спасительный борт. С высокой крыши этажки Сорсу хорошо была видна вся портовая площадь, до краев забитая разноцветной бурлящей людской массой. Мало кого привлекала перспектива отправиться на пустующие десятки лет дикие неприветливые равнины и каньоны Южной Африки и бродить в поисках безопасных мест, подальше от сереющих городов и страшной подземки, с ужасом ожидая неминуемой гибели или превращения.

Проблему усугублял ВИЧ. Поразив без малого половину чёрного населения страны, ретровирус оказался страшным «помощником» захватчикам. Инфицированные вирусом в ста процентах случаев контакта с пятнателем оказывались во власти захватчика, не способные противостоять вторжению.

Несчастные толпы, всё меньше надеявшиеся попасть на корабли, желая спастись от розовой угрозы, со страхом взирали на перспективу податься в дикие северные саванны и джунгли. Сорс снова поглядел на суету внизу.

— Тебе нравится Австралия, Тон?

— Нет.

Джей приподнялся на локте и удивлённо посмотрел на приятеля.

— Ты же там не был, откуда тебе знать?

Нтонга со вздохом перевернулся на живот, подставляя солнцу мощную эбонитовую спину.

— Здесь мой дом. Я останусь дома.

Он помолчал и улыбнулся.

— Оставайся и ты, большой Джей. В деревне моей семьи для тебя найдётся угол и еда.

Сорс почесал бледный безволосый живот и хмыкнул.

— Пожалуй, нужно запастись банкой гуталина. Чтобы меня твои не сразу раскусили!

Он благодушно рассмеялся и похлопал друга по широкому полю спины. Нтонга серьёзно посмотрел на Сорса, повернув могучую голову. От его выражения лица смеющегося Джея и вовсе пробрал дикий хохот.

— Моя семья не кушает людей.

Сорс начал хрипеть и задыхаться от смеха.

— Ха… хо… хорошо, мой маленький друг, если не попадём на последнюю калошу в Терра Инкогнита, я рискну проверить, что там едят твои родственники на ужин.

Тон с непоколебимо серьёзным лицом отвернулся и стал смотреть на океан. На чудесном голубом небе не было ни облачка, и полный штиль смирил просторы воды. Волны так спокойно и безмятежно накатывались на берег в мягких лучах клонящегося к закату солнца, что безнадёжная война с призрачным врагом показалась мужчине слишком уж чудовищным бредом, несовместимым с этой красотой мира, нетронутой бедами человечества.

Джей смолк и совсем невесело посмотрел на крупную белоголовую чайку, которая пролетала над крышей. Птица помахала кончиками крыльев, одним глазом взглянула на него и печально крикнула.

— Ты думаешь о том же, Тон?

— О чём?

— Куда всё это денется. Что останется нам, от нас, если они не остановятся. Мы не остановим… Да чёрт возьми! Мы даже не знаем откуда они взялись, эти рептилии проклятые. А куда они девают наших людей? Почему серые только два-три месяца пытаются изображать из себя хомо эректус, а потом и вовсе становятся животными, хуже животных и, наконец, исчезают в подземельях? Они что, едят там нас, что ли? Мы не знаем ни-че-го! Только и делаем, что отходим да взрываем. А как же хвалёные армии?! Только и способны стрелять в себе подобных?

Сорс шумно вздохнул и сел. Нтонга поднял руку и опустил ладонь, словно сажал игрушечный самолет.

— Инопланетяне? — Джей показал небу неприличный жест, — Вот бы найти их базы. Тогда бы уж мы с тобой заложили заряд. Если точно так, как яйцеголовые думают, то надо искать. Только вот хрен найдёшь, когда всё время победно отступаешь.

Сорс не привык толкать речи, и немного подустал. Нтонга подождал немного, не продолжит ли друг мысль, и произнёс:

— Когда я последний раз был дома, мой дед Кипи, тот, который самый старый, сказал мне… Это наказание. Уквиндла убунту.

— И что это значит?

Рация размером с пачку сигарет, небрежно брошенная на кучку из одежды и рюкзаков, вдруг разрезала воздух чётким, хорошо

слышимым зуммером и заговорила.

— Зулус и Лайон, ответьте Цикаде.

Сорс был ближе, поэтому нехотя, но всё-таки резво вскочил и взял рацию.

— Ладно, потом расскажешь, — сказал он Нтонге и надавил приём. — Лайон — Цикаде. Слушаю.

— Привет, Джей. Нтонга рядом?

— Да.

— Такое дело, ребята. В восточном тоннеле сработали сразу две сигналки. И несколько часов со стороны Бот Ривер нет ожидаемого потока беженцев, что очень странно. Боюсь, слюнявые решили не ждать ночи и конца погрузки, а чёртовы вояки наверняка не успеют до темноты. Я послал в тоннель одну двойку, но вы тоже можете там понадобиться. Остальные все стянуты к главному тоннелю. Сожалею, поспать больше не получится сегодня.

Нтонга сел и покрутил головой, разминая мышцы шеи.

— Где именно сработали? — Сорс показал другу на карту, уголок которой торчал из рюкзака.

— Каледон, конечная Восточной ветки. Возьмите дрезину, далековато.

— Окей, едем. Отбой.

Нтонга уже натянул майку и собрал нехитрый скарб в рюкзаки.

— Никакой личной жизни.

— Отдохнём, когда помрём, нежный Джей.

— Народная пословица?

— Ага. Русская, кажется.

— Ну-ну. Тогда хорошей охоты нам, да, Тон? — Сорс невесело улыбнулся и подхватил рюкзак, брошенный ему напарником.

Нтонга в ответ хищно оскалился и протянул ему карту. Глаза его были печальными.

*** * ***

Ир осмотрел в округе не меньше полсотни брошенных жителями города машин, но результат печалил — ни одна не была способна самостоятельно сдвинуться с места. У каждой либо был с корнем выворочен аккумулятор, либо, что выяснялось при осмотре днища, зияла дыра в баке с характерным маслянистым пятном под ним.

Сливали всё до последней капли. Иногда рядом с автомобилем видны были следы борьбы и даже пятна крови.

Около невысокого старинного серого здания, через квартал от места, где он оставил друзей, Ир заметил на стоянке за витой старинной решёткой несколько приличных с виду экземпляров. Он решил, что до этих беженцы и мародёры могли и не добраться, и направился к забору.

Зданий оказалось несколько, это был комплекс, который состоял из двух внушительных корпусов кирпичной кладки, устаревшей вот уже как несколько десятков лет. Высотой они были всего в пять этажей, что по современным меркам, было признаком какой-то невероятной исторической ценности постройки. Почти все мало— и многоэтажные строения старше двадцати лет были давно снесены по причине сверхплотной городской застройки и взамен их возведены по-настоящему «скребущие небо» километровые этажки. Вот и вокруг этого уникума также высились, потеряв головы в облаках, исполины небоскрёбов. Позади «музея» Ирбис разглядел огромный, закрывший полнеба, широченный монолит оллмарка.

Кирпичные корпуса соединял одноэтажный коридор-перемычка с окнами, а вокруг всего здания был небольшой парк, обнесённый оградой. В парке росло довольно много дубов и клёнов с мощными стволами и голыми по осени ветвями. Местами на деревьях ещё висели сморщенные жёлтые и красные листья. Большая часть их собратьев устилала древний парк красивым разноцветным ковром-подушкой.

Ир перескочил через покрытую ржавчиной решётку и неожиданно услышал выстрел, донесшийся из здания. Он успел заметить отблеск вспышки в одном из окон коридора. Смотрящий проверил «палыча» и бесшумной рысцой опытного смотрящего быстро пробежал по влажной листве пару сотен метров до места, откуда послышался звук.

Старинное здание довольно основательно осело в земле и расстояние от опалубки фундамента до нижнего края окон коридора-смычки было не более двух метров. Высокому Иру не составило большого труда вскочить на выступ фундамента и осторожно заглянуть внутрь, при этом оставшись незамеченным.

В сумраке коридора он разглядел две человеческие фигуры, обе — невысокого роста. Мужчины. Один человек стоял и держал в руках

обрез старого дробовика, другой сидел на полу. В розоватом пятне месива рядом с ними Ир безошибочно узнал мёртвую пятнашку. Значит, не серые, — подумал он, — но и не смотрящие. Ох, люди! Кроме нашей группы, здесь не должно было никого быть. Ладно… После встречи с ящером эти безголовые смельчаки могут быть на взводе, пальнуть не раздумывая, надо быть осторожным. Если мародёры, тогда не обойтись без драки. Что же, это легко выяснить.

Сначала первый мужчина, а затем второй двинулись куда-то по коридору вправо. Вряд ли они знают, что пятнашки пошли в прорыв, — размышлял Ир, прокрадываясь вдоль стены и ища вход. Придётся, видимо, не взирая на запрет, тащить с собой. Нынче человечество в цене, каждый живой представитель, не попавший под контроль врага, становится редкостью. Даже если он с гнильцой внутри.

Обдумывая, как ненароком не устроить перестрелку с незнакомцами, Ир наткнулся на подвальный лаз с засохшими по краям следами розовой слизи на потрескавшихся кирпичах. Стало ясно, где пятнашка проникла внутрь, миновав заколоченные двери. Или проник? — проскочила мысль в голове Ирбиса, пока он протискивался сквозь узкое отверстие, — Чёрт, мы до сих пор даже не знаем, какого они пола, есть ли он у тварей вообще!

Складка накинул проводок на клемму автомобильного аккумулятора, загорелась лампочка, привязанная тем же проводом к батарее, и в каморке стало довольно светло. Егорыч сел на трубу и заглянул в шуршащий пакет с клеймом почившего продуктового гиганта.

— Та-ак, живём пока. У нас в запасе — «говяжьи» самогреющиеся сосиски и немного свежих «ржаных» хлебцев, всего полгода давности. А! — Старик порылся в пакете и извлёк небольшую металлическую баночку. — Как же я мог забыть! Консервы из лосося! Настоящего! Сейф крепкий был, собака, но я справился.

У Петра так загорелись глаза, что Фёдор сглотнул обильную слюну в предвкушении праздничного завтрака.

— Помню, когда я тянул лямку трудового придатка системы, — предался воспоминаниям Егорыч, — до начала девяностых, две банки лосося частенько в наборах выдавали, и ещё какую-нибудь гречку в нагрузку. А потом бесконечные кризисы, развал, перемена питания,

будь она неладна… лет десять всего прошло… А рыбу-то к тому времени уже почти всю и выловили, из неё БКС хорошо пошла, почти как из нефти. И с тех пор мог позволить себе маленькую баночку горбуши только по очень большим праздникам. Хорошо этим грибкам — сиди себе, красную рыбу жри в три горла.

Фёдор вздохнул, вальяжно раскинувшись на трубах.

— Да, прип-поминаю те наборы. Зато теперь рыбы, наверное, лови — н-не хочу, только некому. Отъелась, поди, мерзавка нетронутая… Вот ведь в чём ирония… ф-фатума.

Морщинистого старичка, после нешуточного стресса изрядно принявшего элитного бренди, ощутимо развезло и потянуло на мысли о вечном.

Разложив на едва тёплой трубе все припасы и поставив в самый центр сервировки вскрытую банку с вожделенной розовеющей рыбой, пожилые бичи принялись поглощать награбленное в Ромовском марке.

— Щас поедим, — сказал с набитым ртом сморчок Фёдор, — потом надо бы ещё за жратвой сбегать. Хорошее тут место. Только вот найти, где розовые просачиваются. А то… бр-р-р!!!

Он передёрнулся от свежих воспоминаний и снова приложился к пузырю с красивой наклейкой.

— Э-э! — Пётр отобрал у приятеля бутылку и посмотрел сквозь неё на просвет окна. Бренди осталось на четыре пальца от донышка. — Ну ты и жрать. Стресс у него, видите ли. Кто же телесные встряски благородным напитком заливает? Бренди служит для смягчения душевных травм, переживаний, а то и просто — для придания вкуса унылой жизни.

Он строго глянул на провинившегося.

— Будем в марке — поищи, что ли, водки…

Федя без признаков зазрения совести блаженно откинулся на трубы и погладил живот.

— Водка везде синтетик, если и осталась. У меня после неё потом изжога жуткая. Дорогую натуральную всю растащили. Странный народ пошёл — еду надо искать, а они первым делом водку хватают.

Уютный закуток огласило громогласное икание.

— Бон аппети, — сказал Егорыч и отвернулся, пробурчав: — послал Бог напарничка.

— Хорошо! — беспечно сказал Складка. — А после сытного обеда, по закону Архимеда, полагается что?

— Принять ванну?

— Точно. А ещё поспать.

Старая, крашеная белой краской, деревянная дверь тихонько заскрипела, медленно открываясь.

— Спокойно! Не дёргайтесь, — сказал кто-то из-за двери. — Свои.

Пётр потянулся было к обрезу, но на полпути замер. Фёдор успел только снова испуганно икнуть.

— Свои все дома, — сказал Пётр, потом добавил сурово: — Кто?

Порог переступил высокий юноша, коротко стриженный шатен, в потёртой, но ещё вполне приличной, тёмно-зелёной куртке из прочнейшего синтека и таких же сверхпрочных чёрных штанах, которые носили монтажники высоток. На ногах у него были порядком сбитые, но ещё крепкие армейские ботинки, на поясе — лебедка и какие-то незнакомые приборы и инструменты. В мирно опущенной руке молодой человек держал странный предмет продолговатой формы, отдалённо напоминавший пистолет с очень выпуклой дульной частью. Приглядевшись, Егорыч узнал «ПП» — оружие смотрящих. У бича отлегло от сердца — могло быть и гораздо хуже, например, упырь из банды мародёров. Такие не знали пощады.

Смотрящий бегло осмотрелся и усмехнулся.

— А вы тут хорошо устроились, я посмотрю.

Фёдор благоразумно молчал, слегка покачиваясь и переводя мутный взгляд с напарника на непрошеного гостя и обратно. Пётр снизу вверх, исподлобья, не отрываясь, смотрел на пришельца.

— Да, неплохо, — после небольшой паузы произнёс он. — С чем пожаловали?

— Меня зовут Ирбис, — парень боком присел на трубу. — Наша группа патрулирует Ромов. Патрулировала…

Он помрачнел, судя по всему, вспомнив что-то неприятное. Пётр терпеливо ждал, он многое повидал как за время этой странной войны, так и до неё. Всё рано или поздно проясняется. Лучше, конечно, если рано, — подумалось старику, глядевшему на молодого парня, наверное, неплохого, раз уж из смотрящих. Егорыч слышал краем уха, что не все из тех, кто мог стать бойцом на передовой, спешили оказаться в их рядах. Дело это требовало большой самоотдачи и ещё

любви к людям, что-ли. Старик усмехнулся этой неожиданной и странной мысли. Любовь… редкое качество теперь. А вместе со стремительным исчезновением человеческого рода так и вовсе — феномен.

— Зря смеёшься, дед, — Ир неправильно понял его усмешку. — Ромов в полной заднице. Час назад начался прорыв.

Фёдор ахнул и снова посмотрел на неподвижного Петра. Парень продолжил:

— В катакомбах немерено пятнашек, только и ждут ночи, чтобы выбраться наружу. Мы сами едва ноги унесли. Просто чудом.

Ирбис тяжело вздохнул. Пётр глянул на вопросительно сморщенное лицо приятеля.

— Ну что, мотаем удочки, Теодоре. — Он повернулся к смотрящему. — Спасибо… Ирбис, за информацию. Куда ещё можно податься-то?

— Мы собираемся найти транспорт и добраться до… — Ир осёкся, сомневаясь, стоит ли говорить этим бичам про базу, потом его взгляд упал на обрез. Если умеют стрелять, может, будет польза от них, тем более, если смогли выжить до сих пор. Секунду поразмыслив, он решился.

— Здесь недалеко — наша база. Больше городов поблизости нет. Большая полоса почти нежилой северной зоны. В подземку спускаться нельзя, оставаться в городе — тоже. Эвакуация закончена, больше сюда никто не вернётся. Так что остаётся только уходить, поверху, конечно. Можете пойти вместе с нами. А можете податься в поля. Может, где фермеры остались зимовать, не захотели бросать насиженное и нажитое. Хотя они странные все какие-то… — смотрящий покрутил пальцем вокруг уха.

— Городские, — протянул Егорыч не то с сожалением, не то с осуждением в голосе и длинно вздохнул.

Трезвеющий Фёдор, нервничая, сунул кусок «свежего» хлебца в рот и принялся сосредоточенно его разжевывать, временами болезненно корчась — зубов для этой процедуры явно не хватало. Пётр молчал, обдумывая, стоит ли принимать предложение. За многие годы жизни бездомного скитальца, он привык обходиться собственными силами. Правда, на последний поезд в тёплый край они с Фёдором не попали, да и не очень стремились — в конце прошлой

недели случайно набрели на заколоченный склад, забитый продуктами, а эту неделю, прячась от военных патрулей, жили на харчах оллмарка, почти не тронутого быстро эвакуированными жителями. Старый бомж даже начал надеяться, что Ромов не приглянулся пятнашкам, что с таким нечеловеческим упорством отнимали города у беспомощного человечества. Как оказалось, зря. Пётр почесал пару дней не мытый затылок.

— Э-э… Есть проблемка одна.

Он покосился на приятеля. Тот усиленно жевал.

— Плохо пахнем. Издержки производства.

На самом деле, Пётр мылся при каждом удобном случае, и запаха как такового не было. Сказал он это пришельцу скорее для поддержания привычного образа, чтобы сразу расставить акценты в возможных отношениях.

Ирбис усмехнулся и потянул носом.

— Терпимо вроде.

Он зевнул и поднялся, потягиваясь.

— Спать охота!.. — Ир посмотрел на старичков. — Значит так. Я пойду на стоянку, погляжу, осталось ли там что-нибудь, что может двигаться само. Если надумаете, подходите. Долго ждать не буду — у нас раненый.

Пётр кивнул. Фёдор продолжал хрустеть.

Когда парень ушёл, Сморщенный, наконец, подал голос:

— Не нравится мне эта затея. Полгода уже с тобой сами обходимся. Обойдёмся и тут. Надо только хавчиком запастись и в деревню какую податься, чтоб подальше от города. Подождём, пока отвалят, выкатим «морячка» и — в поля. Эх, жалко, столько еды бросить придётся!

Пётр вздохнул и поерзал на холодной трубе.

— Погоди, дай подумать.

— Да что тут думать, и так всё ясно! Тоже мне смотрящие! Драпают как остальные. А толку от них…

Фёдор выхватил из пакета пластиковую бутылку какого-то ярко-оранжевого лимонада, резко свинтил крышку и жадно присосался к горлышку.

— Не пыли, Теодоре. Ты слышал? Раненый у них. Пешком не смогут, видать. А в округе он точно ничего не найдёт. Я лично, что в

баках оставалось — с каждой тачки всё для «морячка» в канистры посливал. И батареи давно все разряженные стоят, где не выкорчеваны.

Фёдор поперхнулся оранжевым и вытаращил глаза на приятеля.

— Ты что?! Хочешь машину им отдать? Я — против! Тоже ещё нашёлся, альтруист… Раненого осмотреть можно, а так — не-ет… Сколько мы с тобой мыкались без колес…

Пётр задумался, словно не замечая словесного поноса Складки. Тот продолжал бурчать, жалея насиженное место и прочую свою несчастную жизнь, делая это, в общем, довольно вяло. Пётр, наконец, прервал его.

— Да ничего я не хочу. Помолчи, дай обмозговать ситуацию.

*** * ***

Надя сидела на корточках рядом с лежавшим в забытьи Волком и напряженно смотрела по сторонам. Она очень волновалась, когда Ир даже ненадолго уходил. Перетянутая ремнем под коленом, нога великана была слегка откинута в сторону. Свежий бинт вокруг раны снова начал пропитываться кровью.

Нанд, утомленный последними событиями да и всей бессонной ночью, лежал с другого бока старшего, по-детски свернувшись калачиком. Он мирно спал, доверившись чутью Нади. Про необычную подругу Ирбиса меж смотрящих ходили разные байки и небылицы. Начать с того, что женщин среди смотрящих почти не было. Не каждый мужчина мог иметь иммунитет против порабощающей слизи пятнашек. Одним из странной цепочки факторов, как правило, являлись вес и рост, хотя бывали и исключения. Почему-то, в подавляющей массе, только некоторые крупные высокие мужчины оказывались менее или даже совсем не подвержены влиянию чужих при контакте. Но даже среди великанов таких было немного — не более одной сотой процента. И не каждый из этой десятитысячной доли мог и готов был стать смотрящим. Становились же ими и того меньше — единицы. А если учесть несовместимость новой «профессии» с пристрастием к табаку и алкоголю, особенно синтетике, то при катастрофическом сокращении численности населения такие уникумы и вовсе походили на вымирающий вид. Впрочем, это было справедливо и в отношении всего остального человечества. Вопрос ставился, пожалуй, так — успеют ли эти

единицы что-нибудь предпринять до полного исчезновения вида homo sapiens.

Женщин в среде бойцов с неведомым врагом было что-то около трёх. Две с половиной, — иногда подшучивал над Надей Ир. Почему? — подхватывала игру Надя. Потому что в схватке ты — дикая пантера, — отвечал Ир. Быстрая, невидимая в темноте, красивая и грациозная — не только в темноте. И даже не знаю, кого в тебе больше — прекрасной девушки или сильной чёрной кошки. Но что я точно знаю, — говорил он, обнимая её, а Надя таяла от его сильных рук и нежных слов, — что я люблю тебя, мой шерстяной комочек, спрятавшийся в ладонях, люблю больше самой жизни, какой бы чудесной она не была, какой бы ужасной она не стала…

Надя улыбалась своим мыслям, не так сильно уже переживая за Ирбиса, чувствуя, что всё пока хорошо, и он где-то рядом, спешит обратно, и он не один… Не один?

Девушка встрепенулась и подскочила, как ужаленная. Мысленно Надя нарисовала эмоциональную картину погони озверевших пятнашек и серых за Ирбисом, не заметивших в пылу, что мутный рассвет уже наступил, и закончились их права. Она с волнением ощутила, что Ир движется очень быстро. Надя вскинула руку к лицу и с волнением произнесла:

— Ир, ты где? Всё в порядке?

Задачник не отвечал, и вообще не ловил сигнал.

Нанд испуганно заворочался, шаря вокруг в поисках дробовика и бормоча спросонья:

— Держу оборону, прижаться к стенкам, перезаряди… А-а? Что такое, Надя?

Он сел, поднял с трудом нашаренный дробовик и только потом поднял тяжелые веки, силясь сфокусироваться на окружающей действительности. Получалось не очень.

Надя не ответила, неотрывно всматриваясь в даль улиц. Юноша перестал ворочаться, и в тишине они услышали какой-то монотонный, довольно быстро приближающийся гул. Звук был знакомым, хотя в последнее время Надя слышала его довольно редко.

Из-за угла на ближайшем перекрёстке улиц вырулил большой лифтованный внедорожник-пикап бордового цвета. Это был «морячок», видавший виды, но, судя по всему, ещё весьма надёжный и

крепкий. С тех пор как отечественный легковой автопром приказал долго жить на волне ошеломляющего роста подземки в девяностых и в нулевых, и не менее поразительных цен на топливо из-за мизерных квот в десятых (почти всё добытое шло на производство БКС в соответствии со Всемирным соглашением о пищевой безопасности от 9 августа 2008 года), на улицах российских городов в основном попадались другие машины. Это были либо малюсенькие приземистые малолитражки, либо шикарные безразмерные лимузины и крутобокие джипы вездесущей «элиты» любого городского общества. Первые — недорогие, не слишком прожорливые и меру надёжные, почти все — азиатского происхождения. Вторые — нередко переделанные по эксклюзивному заказу, чрезмерно роскошные и, напоказ, непомерно мощные. По этим причинам последние, по рассказам Ирбиса, бывали частыми клиентами в подземном гараже, где он работал, том самом, на питерской набережной рядом с Александровским мостом. Однако череда кризисов с середины десятых едва окончательно не уничтожила автомобильную индустрию как вид. Тем не менее, автопарк городов даже на момент четвёртого года войны был всё ещё довольно многочислен, хоть и состоял, в основном, из «просто средств передвижения».

Этот автомобиль, скорее всего, в своё время был собственностью какой-то богатой, но бережливой компании, без лишней роскоши, тем не менее мощный и неприхотливый труженик. Сверху, над кабиной пикапа, на штанге красовался ряд прожекторов. Сквозь лобовое стекло в кабине обрадованная Надя разглядела в кабине Ира — он сидел за рулем — и ещё каких-то двоих мужчин, на вид — как-будто стариков. У одного из них, того, что сидел сзади, но просунул голову вперёд между передних сидений, было очень смешное круглое сморщенное лицо, явно недовольное жизнью вообще и этой поездкой, в частности.

Волк, насилу вышедший из забытья, в которое он впал после укола обезболивающего, приподнялся на локте и со спокойным любопытством смотрел на подъезжающий автомобиль. Ир вырулил к покрытому жухлой травой пригорку, на котором расположились смотрящие, и остановил машину.

— Хорошая тачка, «морячок». На такой до базы можно будет добраться, ещё и взрывчатку из тайника заберём, — раненый

усмехнулся и посмотрел на обернувшуюся к нему девушку. — Молодец твой Барс, толк из него будет.

— Я знаю, — ответила она, улыбаясь, и повернулась к приехавшим. Те уже выбирались из машины. Ир подошёл к Наде и обнял её, а двое старичков нерешительно мялись в сторонке, будто чего-то стесняясь. На плече у одного из них висел обрез.

— Волк, как нога? — оторвавшись от Нади, Ир присел около раненого, осматривая его.

— До свадьбы… Ох!.. — Волк снова неосторожно пошевелился.

— Надо тебя грузить, да ехать.

Волк скосил взгляд на стоявших у пикапа и спросил вполголоса:

— Кто это с тобой?

— Ребята, которые гуляют сами по себе.

— Ясно, — усмехнулся Волк. — Бомжики, значит.

— Да сейчас вся страна такая… Это они машину подогнали. Такие вот бомжики, а ты говоришь…

— А я — что, я — ничего, — богатырь развернул торс к старичкам, стараясь не двигать ногами. — Как вас звать-то, горожане?

Старички зашевелились, один из них, тот что был покрупнее и с рыжеватой бородой, откликнулся:

— Я Пётр, в миру — Егорыч. А он — Фёдор. Складкой ещё кличут.

Фёдор с легкой досадой ткнул его локтем в бок.

— А я — Волк. Это Нанд, — он указал на помощника, потом кивнул в сторону девушки. — Это Надя, жена Ирбиса, его-то уже знаете. Ну, со знакомством.

Фёдор смешно поклонился.

— Для друзей я — Теодоре.

Он улыбнулся, и его лицо сложилось в одну большую складку. Ир хмыкнул и отвернулся. Нанд сдержанно улыбнулся и, молча, приветственно поднял руку.

— Да… — протянул Волк, — весёлые вы мужички. За машину — отдельное спасибо, выручили.

— Ну что, грузимся? — повторил Ирбис. — Нам ещё нужно заложить взрывчатку.

— Ага. — Волк поднял руки, приглашая. — Что, ребята, взяли?

Ир с Нандом присели рядом, подняли великана на руки, и кряхтя, понесли к машине.

— Аккуратнее, не ударьте товарища. Там, в кузове, ящик с патронами лежит и канистры с соляркой, — предупредил Пётр красных от натуги носильщиков, с трудом перевалivших раненого через борт.

Фёдор, глядя на них, снял замызганную шапку, погладил ладошкой лысый череп и сочувственно сморщился.

* * *

Дрезина бодро катилась по тоннелю, иногда постукивая колесами о редкие стыки километровых рельсов. Сорс сидел на единственном сиденье за пультом управления и держал одну руку на рычаге скорости. Нтонга сидел у края грузовой площадки, свесив могучие ноги, и вглядывался в темноту, вяло разгоняемую тремя фарами на передке и его фонариком на лбу. В правой руке у него был зажат «пепи». Другую он держал на мощном подвижном фонаре, закрепленном на носу дрезины. Иногда Зулус поводил им из стороны в сторону, освещая ярким лучом мрачные своды тоннеля.

— Сколько ещё до конечной, Джей?

Сорс взглянул на прикрученный к контрольной панели видавший виды проводник-планшет, тускло светивший экраном.

— Не больше мили.

Нтонга поднес рацию к щеке и произнёс своим удивительно приятным бархатисто-грудным басом:

— Боров, Сержио, ответьте Зулусу.

Подождав пару секунд, он повторил вызов, потом что-то резко сказал на родном языке.

— Здесь рядом, говорят, залежь магнетита, — Сорс снова посмотрел на планшет. — Где-то справа. Скажи «гудбай» радиоволнам. Спутник тоже пропадает. Хорошо, что эта хреновина просчитывает траекторию вне зоны приёма.

Нтонга опустил рацию, выставил фонарик вперёд и весь подобрался.

— Сбрось скорость.

— Ай-яй, сэр, — Сорс насмешливо приложил два пальца к виску и потянул рычаг на себя. Дрезина замедлила ход. Как раз вовремя.

Фары выхватили из темноты какое-то препятствие. На одной из резиновых звукопоглощающих шпал по ходу дрезины, спиной к ним,

сидел человек.

— Тормози!

Нтонга спрыгнул с замедлившей ход платформы и, мягко ступая, приблизился к незнакомцу.

— Сержио, ты?

Человек, не оборачиваясь, едва заметно покачивался и что-то бормотал.

— Эй, приятель! — Нтонга разглядел, что это не смотрящий. — Что ты тут делаешь?

Очень грязная одежда, измазанные в земле волосы. Мужчина поднялся и обернулся, странно замычав. Увидев мглистую кожу его лица и глаза с красными белками, а ещё раньше почувствовав такой знакомый душный запах, Зулус крикнул:

— Джей, серые!

И вскинул «пепи». Серый прыгнул.

Уже в воздухе тело прыгуна начало прожариваться мощным тепловым импульсом. Он истошно заорал, размахивая горящими конечностями, и рухнул в двух шагах от смотрящего. Жуткая вонь разложения, перемешанная с запахами горелого мяса и тлеющей одежды, обдала Зулуса.

Земля по обе стороны от рельсов зашевелилась.

— Дьявол! — Сорс резко дёрнул ручку передачи на себя, включая задний ход. Нтонга в два прыжка догнал дрезину и вскочил на подножку. Неожиданно откуда-то сбоку на платформу запрыгнул серый и вцепился в одежду Сорса. Не растерявшись, тот вплотную выстрелил в него из «пепи», и удар отшвырнул прыгуна в темноту. От мощной отдачи смотрящий сам чуть не свалился с дрезины, в последний момент успев ухватиться за поручень.

— Ходу! — крикнул Нтонга и начал палить по сторонам.

— Ты слева, я справа! — Джей стал расстреливать поднимавшихся с земли серых, стараясь попасть в тех, что подобрались ближе других к рельсам по ходу движения.

— Скорее! Сейчас будут прыгать! — Нтонга сдёрнул с пояса шок-гранату и швырнул её назад. — Прижмись!

Расчёт оказался верным. Волной взрыва, невероятно громкого в замкнутом пространстве, толпу серых побросало на землю. Это давало

шанс незадачливым смотрящим вырваться из ловушки, в которую они так по-глупому попали.

Едва не упав с платформы, оглушённый, Нтонга вцепился могучими руками в поручень и, тем не менее, по ходу, врезал ногой оказавшемуся рядом серому, крупному чумазому толстяку в рваной красной клетчатой рубахе, устоявшему на ногах после взрыва. Тот, рыча и размахивая грязными ободранными руками, тяжело шмякнулся на поваленных соседей. «Пепи», болтаясь на лямке, больно ударил Нтонгу по бедру, вдобавок сильно заболели уши.

— Вырвались!

Джей ткнул пальцем, указывая назад. Последние трое серых прыгнули, но, не успевая, попадали на рельсы прямо за тележкой. Они заворочались на шпалах, издавая какое-то гневное мычание. Один из них ударился о железо челюстями и с каким-то остервенением начал вырывать поломанные окровавленные зубы изо рта.

— Погоди радоваться, — Нтонга тряс головой, пытаясь прийти в норму. — О-о, как будто бочку на голову надели.

— Странно, ни одного сопливого, — Джей потёр ладонью вспотевший лоб, размазывая прилипшую грязь.

— Что? — Зулус выкатил на него глаза и прижал ладони к ушам.

— Ясно, — Сорс посмотрел на него и покачал головой, — контузило тебя, приятель.

Он выразительно постучал пальцем по лбу и по уху. Нтонга кивнул и тяжело опустился на площадку.

— Что будем делать? — почти крикнул он Джею и сморщился от стреляющей боли в ушах и голове. Тот, без особой надежды на успех, взял рацию, висевшую на ручке управления.

— Боров, Сержио, ответьте Лайону!

Неожиданно, спустя секунду, рация что-то прошипела в ответ.

— Они могли свернуть в тот, последний, рукав влево.

Рация снова зашипела, как сало на сковородке. Сквозь шум прорезался голос:

— Боро……йону… в левом кана… Кругом слюни!.. Сержио, чёрт, стреляй! Справа!.. Вот дерь…

Рация резко смолкла. Сорс опять нажал на кнопку и крикнул:

— Боров, где вы?! Сколько их? Дьявол!

Рация молчала.

Он утопил ручку газа до упора. Дрезина вяло ускорилась. Приборная доска недовольно пискнула, и замигала жёлтая лампочка четверти разряда аккумуляторов.

— Ч-чёрт… Как не вовремя. Сколько до того туннеля, не помнишь? — Он глянул на прижавшего ладонь к уху Зулуса, потом вспомнил про проводник и щёлкнул ногтем по экрану.

— Та-ак, метров пятьсот.

Развернувшись, он ткнул пальцем в пол и громко крикнул Нтонге:

— Готовь подарки. Если не успеем, так хоть отомстим поганым.

Зулус кивнул и открыл крышку стального ящика, приваренного к полу дрезины. Неожиданно он со стуком уронил крышку и без сознания навалился обмякшим телом на ящик. Сорс зло поджал губы и положил руку с «пепи» на панель управления.

— Мы идём, ребята. Мы идём.

*** * ***

Мы сделали Волку ещё один укол анальгетика последним шприц-тюбиком, и силач снова вырубился. Нанд сел рядом с ним в кузов, я — за руль, старики забрались на заднее сиденье, а Надя — рядом со мной. Я посмотрел на неё, потом вперёд, на дорогу, и сказал:

— Кто-то из наших умников на сходке говорил, что пятнашки не идут дальше, пока не захватят всю территорию. Значит, у нас должно быть ещё время. О стратегии думать будем уже дома, в Строево.

Я повернулся к дедам.

— Ну что, вы — с нами на базу? Или только до окраины?

Тот, который Пётр, нервно заёрзал, а второй опять смешно сморщился. Потеха с ними, честное слово.

— Там поглядим… — Пётр задумчиво поглядел в окно.

— Ладно, — я завёл движок. — Поедем тогда к конечной на Светлановской ветке. Там проход к нашему каналу.

Я щёлкнул по экрану своего задачника, включая проводник. Выбрал точку, задал маршрут. Хорошо, что спутники — в космосе, пятнашкам не достать. Хотя, ведь если они — оттуда, тогда… Могут и до них добраться. Странно, что они до сих пор этого не сделали. Найти бы их базу, корабли или что у них там, и разнести к чёртовой матери!

«Морячок» бодро катился по пустынным кварталам. Я надеялся, что в Ромове не осталось ни души. Хорошо, что тачку, вот, чудом

раздобыли. Везет, однако. Ай да бомжики…

Часы на приборной панели показывали без пяти десять утра. Наручный мой задачник предложил ехать прямо на ближайшем перекрёстке. В общем-то умник предложил правильно, прямо получалось короче, но впереди был затор из брошенных машин. Конечно, далеко без топлива не уедешь. Две ближайших тачки почему-то стояли бампер в бампер поперек дороги. Справа был тупик, поэтому я свернул налево в единственный свободный проезд — и резко затормозил. Мужички, охнув, дружно упёрлись ручками в передние сиденья. Сзади раздался вялый и невнятный Волчий мат. Наверняка ударился головой или ногу опять зацепил. Надя ничего не сказала — она была пристегнута.

Посреди проспекта, в сотне метров от перекрёстка, прямо на проезжей части кто-то стоял. На вид вроде мужчина. С этой поганой войной начинаешь сомневаться даже в том, что раньше казалось вполне себе очевидным.

Я тронулся с места и медленно прокатил машину метров на пятьдесят вперёд. Мужик стоял спиной к нам, не шевелясь, будто не слышал работающего движка. Солнце светило ему в спину, и оттого по проезжей части за ним тянулась длинная тёмно-серая тень. А ещё оно било прямо в глаза, так, что пришлось прищуриться, чтобы разглядеть обстановку. Незнакомец стоял между двух невысоких домов, всего этажей по двадцать, какие-то музеи или галереи, вывесок я не разглядел, они были завешены большими грязными тряпками — следы давно затеянного и незаконченного ремонта. Дальше улица снова начинала зарастать полноценными этажками, ближе к центру города, который нам предстояло миновать, двигаясь на север. Здания стояли сплошной серой стеной, которая отсюда, снизу, казалась гигантской непреодолимой чащобой.

На мужике было что-то вроде длинного грязного плаща с капюшоном, накинутым на голову. Подозрительный тип, дождя вроде нет, даже тучка не пробежит, погода отличная, в кои-то веки. Смотри на солнышко да радуйся, а он — в капюшоне. Запоздало я подумал, что те две машины как-будто кто-то специально поставил поперек проспекта.

Я взглянул на Надю. Она, поняв мой взгляд, достала из кобуры «палыч», положила на колени и открыла окно.

— Что там? — Нанд перегнулся через борт, ухватился рукой за выступ кабины, и его голова оказалась рядом с моей.

Я кивнул вперёд.

— Пешеходы. Сдаётся мне — это серый. Очень странный серый.

Нанд посмотрел пристально на странного субъекта, что неподвижно стоял на двойной сплошной, такой же уместный там, как фонарный столб в поле.

— Серый? Посреди улицы? Днем? Ты рехнулся?!

Пока я раздумывал, на какой вопрос отвечать, Надя издала изумлённый возглас и ткнула пальцем в стекло. Я проследил за её движением.

Мужик на дороге, да, всё-таки просто мужик, стал медленно разворачиваться к нам.

Он поднял приветственно руку и выглянул из-под капюшона, улыбаясь во весь полнозубый рот. Широкое загорелое лицо его было сплошь покрыто мелкими шрамами и заросло чёрной щетиной. Интересно, где это он так лицо ободрал, в каких кустах?

У меня отлегло — прав оказался Нанд. Не могут серые днём на солнце шляться. А тем более — спокойно стоять и греться. И уж точно не будет серый так улыбаться. Они вообще никак не способны улыбаться. Я вот ни разу не видел такого, а повидать пришлось.

Обладатель грязного плаща поднял вторую руку, вроде показывая, что безоружен. На груди у него блеснул на солнце странный большой медальон. Какой-то выпуклый и раскидистый фигурный крест на круглой ребристой подложке, он так и сиял золотом на солнце, когда этот в плаще поворачивался. Я включил передачу на «drive», собираясь подкатиться поближе, но Надя положила свою руку на мою.

— Что-то здесь не так. Я чувствую взгляды… так и сверлят. Они вокруг… Это засада!

Я дёрнулся было газануть, но тут долговязый в плаще, приветливо обнимавший воздух, вдруг крикнул:

— Стойте, миряне! Не то будем стрелять.

Он щёлкнул пальцами поднятых рук. С обеих сторон раздался звон бьющегося стекла и в чёрных проёмах окон вторых этажей домов с обеих сторон проспекта показались стволы — два слева, три справа.

— Выходи по одному, шпалеры — на бетонку.

Вот это влипли. Мародёры, так их и ещё раз так их! Хотя, это уже полноценные бандиты, да ещё, к тому же, какие-то фанатики. Что-то я про них ещё в Москве слышал, те ещё мерзавцы. Я посмотрел на Надю, потом назад, на мужичков и в окно кузова.

Надя сжала «палыч», Пётр медленно переложил свой раритет на колени.

— Ты это, сынок, не торопись. Сейчас что-нибудь придумаем, — дед сощурился и посмотрел на меня, потом вперёд.

— Не балуй, выходим!

Плащ медленно шагнул вперёд, достал из-за пояса за спиной здоровенный пистолет и помахал им в воздухе. Не иначе — «Пустынный орел». Во даёт поколение! Где он патроны-то для него берет?

Нанд снова свесился к окну.

— Что делать будем?

Что делать… Дипломатию разводить. Если дать по газам, всё равно кого-то заденут, а то и колеса пробьют, или, того хуже, взрывчатку. И привет.

— Надо выходить. Может, договоримся.

— С этими? — Нанд хмыкнул. Деды тоже как-то дружно и нервно хихикнули.

— Ну?! — Длинный, подойдя к капоту, скинул капюшон и навел на нас ствол.

Я открыл дверь и крикнул:

— Мы выходим.

В этот момент что-то сильно рвануло над крышей кабины и мне заложило уши. Яркая вспышка трехкратно перекрыла дневной свет, даже в машине больно резануло по глазам. Надя вскрикнула, старички, опять дружно, сказали «ох!», а кто-то или что-то сильно ударило по крыше, и сквозь звон в ушах я едва расслышал хриплый рёв Волка:

— Гони!!!

Я, ещё не разлепив веки в момент заслезившихся глаз, что было дури вдавил педаль, в сильной надежде, что китайские электромозги сдюжат и движок не заглохнет.

Долговязый выронил пистолет, схватился руками за лицо и, рыча, согнулся пополам. Он стоял слишком близко, и я не смог его объехать. Что ж, приятель, извини. Мощная решётка на бампере «морячка»

подкинула его метра на два. Я вильнул вправо, не желая, всё же, марать колеса. Когда мы пролетели метров сто вперёд по проспекту, сзади раздались запоздалые выстрелы. Пули засвистели мимо — похоже, сослепу стреляли наугад.

Мы проехали кварталов пятьдесят, несколько раз сворачивая, чтобы спутать возможную погоню, пока я, наконец, не решил остановиться. Тем более, что мы как раз и приехали. Впереди маячил вход конечной станции подземки нужной нам северной ветки. Задачник на запястье удовлетворенно пискнул. Я посмотрел на экран. Всё правильно — «Пискарики», на углу Сто Второй и Пятнадцатой, окраина. Да уж, названьице у станции то ещё. Может, когда-то здесь пруд был, и даже рыба в нём водилась?

Все дружно открыли двери и, кряхтя и охая, особенно наши задние ряды-отряды, начали выбираться наружу. Складка уморительно ойкнул, немного попрыгал на месте и бодро затрусил за ближайший угол. С усмешкой проследив за ним взглядом, я заглянул в кузов.

— Кто мне скажет — что там над нами бабахнуло?

Нанд с ошалелым видом посмотрел в мою сторону невидящим взором и ничего не ответил. Волк, нежно держа повреждённую ногу за колено, хмыкнул и произнёс:

— Ну, завалялась в моем рюкзачке свето-шумовая «параличка». Подобрал на каком-то разорённом складе внутренних войск, уже и не помню где, много их было. Надя меня перед поездкой заботливо пледом каким-то накрыла, вот я незаметно и достал, когда стволы в окнах увидел. А что — хорошая вещь, пошуметь, гостей приветить, кровь из ушей пустить.

— Молодчина, Волчара! — я хлопнул его по плечу. Он болезненно сморщился, и я, спохватившись, спросил:

— Ты-то сам как?

— Да я нормально, если, конечно, не считать правого конька. Успел под одеяло нырнуть. Нанду вот досталось, — он посмотрел на парня. — Бедняга. Но ничего, отойдет.

Нанд сидел в кузове, покачиваясь на ягодицах, и иногда издавал странные звуки, что-то вроде «а-а» и «ы-ы». От него сейчас толку было мало. А надо ещё под землю лезть. Ладно. Я посмотрел на Волка и на тихо подошедшую ко мне Надю.

— Я вот что думаю, — взлохматил я волосы пятерней, — мы с Надей пойдём вниз, проверим обстановку, сразу заложим заряд. Доберёмся до дрезин в канале к нашим и вернёмся за вами. А вы со старичками держите оборону, если что. Надеюсь, мы быстро, не успеют те красавцы очухаться. В общем, не резон нам здесь задерживаться. Город, считай, потерян.

Волк молча кивнул и устало откинулся на ящики в кузове. Я повернулся к дедам.

— Ну, старики, что решили? Вы с нами?

Деды снова молча переглянулись. Странные они какие-то. За машину, что-ли, переживают? Она, конечно, стоит того…

— Ладно, у вас ещё есть время подумать.

Я посмотрел на Волка. Он стал уже весь белый, так что надо было спешить. Пётр выглянул из-за кабины с той стороны и тоже посмотрел на Володю и его ногу.

— Я это… могу перевязать, есть сноровка. А ещё… — он косо посмотрел на вернувшегося и вдруг печально поникшего Складку,

порылся в своём рюкзаке и достал тугой запечатанный в полиэтилен сверток. — Вот. В больничке как-то шарили, прихватил регенерирующую повязку. Не думал, что пригодится.

Это было хорошо. Нет, это было очень хорошо! Такая повязка остановит кровопотерю, восстановит ткани, поддержит Волка до самой базы, а то и дольше, я, правда, не большой спец в этом. А нам даст лишних пару часов форы. И снова дедки порадовали! Мне такая штука в своё время спасла колено.

— Вот и отлично, — я с сомнением посмотрел на Петра, — а может, у тебя ещё и что-нибудь на основе эритропоэтина есть?

Дед в ответ хитро сощурился, осклабился и почему-то посмотрел на Складку. Я тоже взглянул на него. Тот то ли утвердительно, то ли одобрительно закивал. Ну, похоже, Волк остаётся в надёжных руках.

Я взглянул на Надю.

— Пойдём, малыш.

Она устало улыбнулась мне. В это время мы обычно уже давно спали после «смены». Я погладил её по голове. Она слегка нахмурилась и указала пальцами на волосы — не трогай, мол, немытую кошку. Бедная ты моя… Я полез в кузов за взрывчаткой.

— Идём, мой барс, — сказала она и застегнула молнию на потёртой кожанке до самого верха. Моя решительная дикая кошка.

*** * ***

Нтонга пришёл в себя и огляделся. В ушах нестерпимо звенело. Сорс, сидя за пультом, сосредоточенно вглядывался в плотную тьму, из которой прожекторы резко вырывали щербатые каменные своды, блестящие от покрытия упрочняющим составом, и бесконечные жгуты проводов на стенах.

— Уже свернули?

Сорс кивнул.

— Долго я валялся?

Тот пожал плечами.

— Минут пять. Я знал, что ты меня не бросишь.

Африканец вздохнул.

— Ясно.

Он потянул носом и напрягся.

— Ты чуешь запах? — Он посмотрел на Сорса. Тот повел носом:

— Похоже…

Он не договорил. Впереди, в свете фар показалась перевёрнутая, вся как-будто истерзанная каким-то могучим зверем, дрезина. Рядом валялись кучи грязных серых тел и везде были розовые лужи. Всё это ужасно смердело, поднимаясь паром от земли под самый свод рукотворной пещеры. Сорс потянул рычаг на себя, и тележка остановилась.

Мужчины огляделись.

— Не пойму, куда все они подевались, — Сорс спрыгнул на землю, глядя под ноги, чтобы не вляпаться. Нтонга выпрямился во весь рост и посмотрел назад. — Тут словно стадо мамонтов пробежало… Смотрика, Тон, и розовых полным-полно…

Из-под разрушенной тележки раздался стон. Сорс и Зулус одновременно кинулись к ней. С противоположной от них стороны, в проёме, образованном поручнем, лежал окровавленный человек. Он руками упирался в пол тележки, словно надеялся самолично поднять полтонны железа и пластика.

— Сержио! — Сорс кинулся к нему. Разглядев, что тот зажат, он схватился за край дрезины и крикнул Нтонге:

— Давай!

Вместе они с трудом, но всё же откинули сломанную машину от раненого. Покорёженная взрывом тележка с грохотом ударилась о рельсы и встала поперек.

— Сержио, как ты?… — Сорс стал осторожно ощупывать друга, ища повреждения.

Сержио попытался приподняться, но застонав, откинулся и закашлялся. Изо рта его пошла кровавая пена.

— Мне каюк, ребята. Предупредите всех — слюнявые прорвались. Их сотни… и серые валят скопом… Дышать нечем…

Он снова захрипел и отвернулся. Сорс сжал его руку с гранатой, бессильно кусая губы. Нтонга стоял рядом и как-будто молился, беззвучно шевеля губами.

— Боров подорвался… Вместе с ними. Я не успел… Основной заряд разбросало. Жалко… Больно!..

Сержио задёргался в конвульсиях и затих с открытыми глазами. Длинные и мокрые чёрные волосы упали на его лоб и прикрыли их, как будто прощаясь с хозяином. Сорс аккуратно вытащил из его руки

гранату и встал. Чека была на месте. Он поглядел на тело и поднял правую руку.

— Спи, друг.

Он повернулся к Нтонге.

— Сдаётся мне, мы в глубокой заднице… у розовых. У вояк это называется «оказаться в тылу противника». И как это мы проскочили?

Тот дошептал «молитву» и открыл глаза.

— Надо ехать, Джей. Рация здесь не ловит.

Сорс кивнул и повесил гранату на жилет.

— Да, поедем. — Он помолчал немного. — Вот что мы сделаем. Доберемся до ближайшей станции, какая там… Бот Ривер?

Нтонга кивнул и в два прыжка оказался на рабочей дрезине. Сорс запрыгивал уже на ходу.

— Поднимемся наверх и предупредим всех! Молись своим духам, Нтонга! Надо успеть.

Зулус прикрыл глаза. Выпуклые зрачки под его веками беспорядочно забегали.

— Надо взрывать около станции, Джей. Будет ещё волна. Задержим.

— Это тебе духи сказали? — Сорс и сам уже всё понял, но не смог удержаться от язвительного замечания. Нервы трещали по невидимым швам. Он снова посмотрел на железный ящик, пристегнутый к полу. Только бы успеть, — подумал он, — только бы успеть.

*** * ***

— Интересно, что мы будем делать, когда закончится вся взрывчатка? Химическая промышленность нынче в большом долгу… А эти своды совсем не хотят обрушиваться.

Я горько усмехнулся и посмотрел на Надю. Она привычно и деловито подсоединяла проводки от пульта к клеммам взрывателя. Я стоял на стрёме, то и дело поглядывая в тоннель в сторону города. Пятнашки зашли с юго-запада, значит здесь будут в самый последний момент. Если я хоть что-то в их логике понимаю. Надеюсь, хотя бы в этот раз обойдётся без геройства. Я снова взглянул на поглощённую важным делом Надю, и моё сердце сжалось. Как же мне надоело рисковать ею, собой, нами… Каждый раз теперь спускаюсь вниз со страхом, что потеряю её.

— Всё, Кот, готово. Пойдём?

Я оглядел своды и кивнул.

— Двигаем.

Она вдруг напряглась и замерла.

— Где-то рядом чужие.

Я глянул в обе стороны туннеля и промолчал. Чисто. Как они могли сюда успеть добраться? Надя слишком устала, вот и мерещится. Сбоит что-то её радар в последнее время. Ладно, посмотрим.

Надя повела носом.

— Ты чувствуешь запах? Он меня прямо преследует.

Я втянул воздух ноздрями, но ничего особо не почувствовал и пожал плечами.

— Это серые так пахнут. Или мне уже чудится, — Надя нахмурилась и встала. — Пойдём.

— Откуда им тут взяться?

Надя лишь пожала плечами. Я снова посмотрел в сторону «кишки».

— Ладно, я быстро, посмотрю, как там транспорт.

Я добежал до конца тоннеля и обшарил лучом стоянку. Нет, этого просто не могло быть! На рельсах не стояло ни одной захудалой вагонетки. А ребята говорили, что когда прибыли сюда, оставалось две — одна их и ещё одна, другой группы, они не знали точно, чья. У меня внутри всё упало. Я не верил глазам, смотрящие просто не могли забрать дрезины, зная, что кто-то из своих ещё оставался в городе!

Времени оставалось всё меньше, я чувствовал это всем нутром. Я прямо видел, как розовая масса стремительно продавливает себя по тоннелям.

Когда я вернулся, Надя уже знала — что-то пошло не так. Она ощущает меня куда лучше, чем даже этих пятнашек. Она посмотрела мне в глаза и всё поняла.

— Тележек нет?

Я молча кивнул.

— Что будем делать?

— Будем взрывать и выбираться наружу. У нас, к счастью, ещё есть наземный вариант. Надеюсь, деды не будут против прокатиться с нами до базы.

Надя улыбнулась.

— Они хорошие.

Разматывая провода, мы быстро добежали до места, где «как бы секретный» военный туннель выходил к основной ветке подземки, кося под стояночную «кишку». До станции отсюда было метров пятьдесят. Станция, как это часто бывает на окраине, была близко к поверхности, и высоченный, метров пятнадцать, потолок её выходил длинными и узкими, словно бойницы в старинном замке, окнами наружу. Хотя электричества давно не было, дневной свет проникал на платформы и довольно неплохо освещал их. Я посмотрел в сторону платформ и обомлел. Надя сдавленно вскрикнула и, поздно опомнившись, прикрыла ладонью рот.

С противоположной стороны, из тоннелей, уходивших в толщу камня в сторону центра, быстро разливались два ручейка розового цвета. Чёрт! Аналитик хренов! Они были здесь и значит — попросту везде в этой проклятой подземке, и явно не собирались ждать ночи! По крайней мере, под землёй не собирались. Похоже, они нас тоже не ожидали здесь встретить, поскольку двигались, хоть и довольно быстро, но молча, без своего боевого пения.

Мы встретились взглядами с Надей, она зажала ладонями уши, и я вдавил кнопку. Рвануло так, что мы едва не упали на шпалы. Многовато заложили, скинув оба последних заряда. Я подхватил Надю, припавшую на колено, за локоть, помогая подняться, и мы побежали. Первые группы пятнашек, вывалившиеся из тоннеля, поначалу заверещали от испуга, — они всегда боялись наших «подарков», — потом увидели нас и взвыли, ускоряясь в нашу сторону.

Пожалуй, мы никогда так не бегали и не прыгали через три ступеньки, как в этот раз. Как хорошо, что подъём наверх оказался ближе к нам и был довольно коротким! Мы миновали середину мёртвого эскалатора, когда авангард розовых злобно запищал внизу. И тут случилось непредвиденное, правда, по-своему, приятное — станция начала обваливаться. Сначала мы услышали грохот рухнувшего потолка, потом по своду над эскалаторами побежали длинные извилистые трещины. Мы прибавили, хотя очень скоро стало нечем дышать — снизу поднялось и догнало нас огромное облако душной коричневой пыли. Эх, чёрт, совсем забыл про маски в рюкзаке! Зажав рот и нос, я подтолкнул Надю через последние ступеньки к вестибюлю. Неожиданно позади раздался знакомый

омерзительный свист и в ту же секунду мою правую ногу обожгла сильнейшая пронизывающая боль. Пятнашка! Промахнулась совсем немного… Я не оглядываясь, упал на колени и трясущимися от нервного укола руками что есть силы вытолкнул Надю сквозь лаз, выломанный нами в забитых кривыми досками старинных деревянных дверях станции. Наружу мы выбирались уже почти вслепую и на четвереньках. Я почувствовал как немеет нога и быстро слабеет тело.

Едва мы вылезли на свет, я развернулся, снял с пояса последнюю «гэшку-пятак», дёрнул чеку, едва не выронив смертоносный брусок из трясущихся рук, и зашвырнул в проём, из которого валило облако пыли. Если пролезла одна, то и ещё несколько тварей могли успеть за нами пробраться в вестибюль. Почувствовав моё состояние, Надя схватила меня за руку и изо всех сил потащила в сторону, и мы снова побежали, к машине, стоявшей за углом. Взрыв был хорош. Вряд ли потомки теперь узнают, какой был интерьер у станции «Пискарики». После «гэшки» обычно остаются только большие кучи мусора. Что и говорить, ломать, друзья, не строить.

— Однако, поди, целое представление вы там устроили, — рыжий старик ухмыльнулся в бороду, сжимая двустволку. Он сидел на подножке пикапа и смотрел на нас, прищурившись по своему обыкновению. Он заметил, что я хромаю, тут же посерьёзнел и встал. В окне задней двери показалась заспанная моргающая физия Складки.

— Что там у вас упало, даже здесь слышно было? Вы что шумите, людям спать мешаете? — раздался недовольный голос Волка из кузова.

— Да ничего особенного, — я доковылял до машины и без сил упал на подножку. — Очень срочно нужен коньяк.

В глазах у меня начало темнеть. Если сейчас не выпить заветные сто граммов, начнёт выворачивать. Не люблю. Надя с тревогой склонилась надо мной, осматривая ногу. Я тоже посмотрел на ногу. Пятно под коленом оказалось совсем маленьким, с ладонь. Но этого хватило, чтобы… Меня вырвало.

Волк с усилием выглянул из-за борта.

— Зацепило? Подожди, где-то моя фляжка была… Чертяка. Нанд! Куда НЗ подевал?!

— У меня есть хересный бренди. Подойдет? — Егорыч уже стоял рядом и протягивал бутылку с красивой этикеткой. Молодец дед, как

сообразил? Ох, плохо…

— Ещё лучше. Спасибо. — Надя схватила спасительную стекляшку и буквально впихнула горлышко мне в рот. Я быстро, хотя и с трудом, — мышцы совсем не хотели слушаться, — сделал несколько глотков и благодарно улыбнулся немеющими губами.

Полегчало. Спустя пять минут я уже был на ногах. Надя, убедившись, что мне стало лучше, достала из кузова пластиковую бутыль с водой и плеснула себе на руки, чтобы смыть слой пыли с лица. Потом она обтерла мою физиономию и поцеловала в лоб. Эх, помыться бы сейчас да придавить рюкзак головой часов на двадцать! Во рту так пересохло, что я влил в себя не меньше литра воды.

— Я так понимаю, — пробурчал Волк, глядя на столб дыма и пыли, поднимающийся от развороченного здания станции подземки, — низом нам домой не светит.

— Сожалеем, но на станции стало слишком тесно, пришлось взрывать тоннель, и она стала обрушиваться, — сказала Надя, вытираясь каким-то платком из своего рюкзачка. Каждый раз поражаюсь количеству всякой нужной мелочи в её заплечном друге.

— Зато кучу тварей с собой прихватила, — добавил я. — К тому же, дрезины…

— Что дрезины? — напрягся Волк.

— А-а, уже не важно, — устало махнул я рукой.

Надя залезла на переднее сиденье машины и положила рюкзачок на колени. Откинувшись, она со счастливым видом вздохнула. — Успели…

— Как у вас тут дела? — я кинул бутыль с водой обратно в кузов и оглядел компанию. — Где Нанд?

— Я его послал в подъезд, глядеть, чтобы никто не подкрался втихую. Вон он, — Волк указал рукой на старинную невысокую постройку с облупленными стенами и грязными окнами. Почему у старых домов такие грязные окна? То ли дело у современных этажек — грязеотталкивающее покрытие в комплекте с завода идет. Я проследил куда он показал, и помахал Нанду, который был виден в проёме раскрытого окна третьего этажа.

— Значит, говорите, и здесь уже «пятна» были… Странно всё это, — он помолчал и задумчиво посмотрел на фасад, затем продолжил: — Удалось коротко связаться с базой. Мы последние в

городе, и все наши ждут нас с распростёртыми. Только что прибыла тройка Бешеного, принесли что-то безумно ценное, как мне сказал Бес. Остатки эвакуированных верхом повезли дальше на северо-восток. Магистрали с запада и с юга ещё вчера взорвали, но проверить не успели, мы должны были… Теперь уже поздно. Но где-то твари всё-таки, выходит, пролезли. Чингирскую мы с Нандом тоже третьего дня как заминировали, но не взрывали, для возможного отхода. Поставили там датчики «свой-чужой», если что, должны будут сработать, они только на наши задачники настроены. Так что, сказал бригадный, на этот раз по всем параметрам не эвакуация, а почти конфетка прямо. Вояки опять пытались подмять наших под свой контроль. Типа, это их база, собственность Минобороны… Бес не поддался: «Только полная самостоятельность и подвижность. Хотите, хоть сейчас свалим, а вы расхлёбывайте». Молодчина мужик! Да они, думается, не особо и хотели там торчать и быстро отчалили. И что им так неймётся? Все норовят нас в оборот взять…

— Понятно. Как твоя конечность? — я заглянул к нему в кузов.

— Неплохо. Твой приятель прямо доктор высшей категории. Наложил, напоил, укольчик сделал. Вот, какие-то пастилки синие жую, «для стимуляции кроветворения». Так-что всё тип-топ.

Я посмотрел на Петра. Тот продолжал всё так же хитро улыбаться. Я хмыкнул и взглянул на Складку.

— Ну что, деды, подбросите нас до дома? А там — куда хотите. Можете у нас остаться или дальше…

Пётр пожал плечами.

— Поехали.

Я благодарно кивнул и повернулся к Наде.

— Малыш, надо бы ехать. Что-то непонятное творится, поскорее бы выбраться отсюда. А то, похоже, скоро они со всех щелей повалят, без страха и сомнений. Последний раз такое, помню, было в Питере. Да, Волк? — я посмотрел на нашего бугая. — Ты тогда где был?

Тот не ответил и поглядел на меня как-то странно. Чего им сдался этот Ромов? Какой мёд им тут намазан? И, главное, где? На обычный прорыв что-то совсем не похоже.

— Я готова, уже отдышалась, — Надя скинула свой рюкзачок с колен на коврик и потерла глаза. — Под веки словно бетонной крошки насыпали. Ладно, мальчики, зовите Нанда и — поедем.

— Волк, вы ведь с молодым с базы сюда прибыли, дорогу помнишь?

Он почесал затылок.

— Мы ходили только низом на дрезине, поверху я ни разу и не ездил. Но не переживай — найдём дорогу, не пропадём.

Я кивнул.

— Ладно.

Адреналиновый выброс проходил, и усталость наша двухдневная наваливалась с новой силой, плюс ещё эта встряска. Я призывно махнул рукой молодому и сел за руль. Егорыч, кряхтя, залез на заднее сиденье позади меня.

Будем выбираться из города. Вот и ещё один потерян. Один из немногих, что ещё у нас оставались, оплотов цивилизации. Я завёл двигатель, сильно сжал дрожащими от недосыпа и недавнего стресса руками шершавый прорезиненный обруч руля и тронул машину с места. Нанд на ходу запрыгнул в кузов, и я поддал газу.

*** * ***

Когда машина миновала последнюю, самую крайнюю этажку Ромова, Ир посмотрел на небо и нахмурился: оно снова потемнело от набежавших туч. Окраина кончилась быстро, пригород у Ромова как таковой отсутствовал. Частокол этажек, почти чёрных на фоне этой нависшей рыхлой серой массы, с редкими прорехами — старыми приземистыми постройками прошлого века, резко обрывался в бескрайние поля бесконечной свалки, поросшие серым бурьяном, с редкими вкраплениями голых березовых рощиц и ощерившегося кустарника.

Больше на выезде из города смотрящие никого не встретили. Мародёры и прочие избегшие эвакуации не показывались, не подозревая о своей печальной короткой участи в этом месте. Только пылевые вихри на шоссе от ветра, пригнавшего тучи, производили какое-то движение на пустынной дороге, уходящей на север. Ир приоткрыл окно и потянул носом. Сильной вони от свалки не было, в последние время некому её было обильно пополнять отходами, к тому же здесь всегда дули ветры, далеко уносившие запахи.

Дорога не смотря на солидный возраст покрытия, была всё ещё в хорошем состоянии. Долговечная армированная метробетонка стрелой

вытягивалась к горизонту, на котором маячила чёрная полоса смешанного леса. Когда процент мирового городского населения перевалил за девяносто, только такие дороги и стали строить. От мультика до гипера, от гипера — до другого гипера, и практически никаких виляний и развилок, без лишних заездов в вымирающие поселения, тем более, что в основном эти шоссе использовались многотонными грузовиками-роботами, не способными заснуть на слишком ровной дороге.

Свалка, наконец, закончилась. Никаких знаков и указателей, кроме перечеркнутой надписи «Ромов» на выезде из черты города, они больше не увидели. Ир посмотрел на проводник. Прибор уверенно сообщал, что путь наш до точки, в общем-то, идет в никуда, Ликамск, с которым шоссе соединяет Ромов, — в пяти сотнях километров отсюда и к нему дорога уходит правее конечной точки на несколько километров. А ближайший когда-то населённый пункт, какой-то заброшенный городок Коровин, — в тридцати километрах и гораздо левее, и поворот на нужную нам заброшенную трассу далеко, через девять километров. Любят у нас всё засекретить военные люди, — подумал Ир, — а карты потом не допросишься. Хорошо хоть, знаем координаты этого Строево.

— Да-а, — протянул Егорыч, глядя в окно. — Двадцать километров отмахали, и — ни души, ни поселка. Раньше, бывало, посмотришь на карту — всё вокруг какого-нибудь городка усеяно было хуторками, деревнями, районными центрами. И думаешь — ведь в каждом кто-то живёт, встречается, женится, растит детей, работает, ругается, мирится, и главное — дышит свежим воздухом, не то что ты, горожанин серокожий…

Ир с интересом посмотрел на него в зеркало заднего вида. Старик продолжил свои мысли вслух. Никто не прерывал его.

— А потом все в города потянулись. Нет, конечно и раньше тянулись, ещё в середине прошлого века горожан уже больше половины населения было. Но в нулевые просто бум начался, на плодах Продуктовой революции, а у нас — начиная с развала Союза. Вы, молодёжь, и не видели деревни никогда. Умерла деревня, лет двадцать тому. Урбанизация… Мачеха человечества.

Пётр замолчал и угрюмо вытер пальцем пыль с резинового оконного уплотнителя.

— Что-то ты, Петя, загрустил, — Складка порылся в шуршащем пакете и достал бутыль с остатками бренди и протянул другу. — Хочешь выпить?

Пётр посмотрел на него, потом на бутылку, секунду подумал, потом решительно взял её и свинтил колпачок. Ир, глядя на него украдкой, улыбнулся и посмотрел на жену. Надя спала, слегка развернувшись боком на сиденье и закинув голову.

— Зато раз и навсегда решили проблему пробок по пятницам и воскресениям, — крякнув, продолжил Егорыч. — помню, в девяностые, когда я ещё семейный был, со своими на дачу с вечера выезжали, приезжали на место только под утро — такие пробки были! Задыхался Питер, разросся уже тогда до Гатчины и Всеволожска. А ехать было — километров тридцать всего. То-то.

— Да, припоминаю… — Складка сделал серьёзное лицо и приложился к вернувшейся в руки бутылке.

— Как-как? — переспросил Ир, — пробки? В смысле, заторы на дорогах? Их специально, что ли, кто-то устраивал, в знак протеста?

Старики усмехнулись.

— Ага, народ устраивал в узких местах, протестуя против ограничения свободы передвижения. Хех!.. — Пётр звонко пощелкал дубовым ногтем указательного пальца по горлышку бутылки и хрипло рассмеялся, как будто откашливаясь, потом опять посерьёзнел. — А когда первый год нового века закончился — как рукой сняло. По всем крупным городам, задушенным гигантскими пробковыми удавами, волной прокатилась череда однотипных законов: безумные налоги на дачи и пикники, а ещё сверхдорогая земля вне городской черты. Ну и запрет на самовольное выращивание и животноводство. И, чтобы окончательно добить — огромные пошлины на всё, что связано с авто. На ввоз, на вывоз, на покупку, на продажу, на производство и утиль, на содержание и на бензин, на дороги и на мосты, на запчасти и стоянки… в общем, край. Чтобы неповадно было, значит. Только для фермеров были поблажки, чтобы снабжать… — старик показал пальцем вверх, — но ещё пойди докажи, что ты не верблюд, и вправду хочешь землю обрабатывать с помощью трактора. И вот тогда и случился Великий и Окончательный Исход в Города и Подземку. Богатенький — делай, что хочешь, но плати, много-много плати, и всё же держи себя в рамках. Не дотягиваешь — сиди и не дергайся в

специальных городских парках для пикников и езди удобно и быстро под землёй. И ничего, освоились. А, вот ещё что… штрафы ввели немереные за несоблюдение, значит, и что поразительно, специальная служба на это дело выделилась, строгая и неподкупная, прямо диву все давались. Ну, и перестал народ на загородную природу тянуться, оторвались последние корешки-ниточки. И вообще ездить сам по себе перестал. Всё что нужно — под рукой, даже машина не особо и нужна оказалась. В общем, стала умирать и автомобильная индустрия. Ну, не то чтобы умирать — прежнего роста уже не было. У нас ведь как деляги рассуждают: роста нет, значит, пиши — пропало. А жаль, только-только научились качественные дороги делать, как эта, например, и неплохие машины выпускать. Остались просто автомобили и очень дорогие, статусные. И привет. Зачем стараться? Если есть полная подземная магистральная сеть со всемирным охватом, — Егорыч привычно сощурился. — Да ты и сам всё это знаешь. Просто прежней жизни не нюхал.

Ир знал. Не будучи силён в новейшей истории, тем не менее, как и всякий потомственный горожанин, он ещё со школы помнил самые основные вехи. В семьдесят втором был открыт способ прогрессивной горнодобычи, названный методом Картани-Модлера, по фамилиям главных инженеров-изобретателей, неожиданно, спустя пять лет, нашедший применение у метростроевцев в виде метода скоростного частотного бурения. Как помнил Ирбис объяснения из учебника по этой самой новейшей истории, легенда открытия явления и создания крайне засекреченного метода была примерно следующей.

Один, к сожалению, теперь уже безнадёжно забытый физик-акустик, эмигрировал шестидесятых из Ирана во Францию, и поселился в Париже. Исследуя проблему распространяемости звуковых волн в твёрдых средах, он открыл особую полосу частот, точнее — набор полос или диапазонов обширного спектра звуковых колебаний. Назвав его «ударный кросс-акустический спектр», учёный по какой-то причине не успел оформить заявку на открытие и скоропостижно и тихо скончался у себя дома при невыясненных обстоятельствах. Возможно об открытии так ничего и не узнали бы, если бы в начале семидесятых прошлого века небольшая фирма по разработке горного оборудования «Arammine» не получила заказ от транскорпорации «BMF» на создание бура с повышенными

характеристиками проходимости. Один из инженеров-разработчиков, Пьер Картани, накануне купил дом на Монмартре, как позже выяснилось, у очень дальнего родственника прежнего владельца, тоже почившего, правда, просто от банальной старости. Оказалось так, что пожилой француз долгое время сдавал угол тому самому безвестному ученому. Вступивший в наследство родственник, не желая тратить время и приводить в порядок несколько обветшавшую недвижимость, продал дом как есть со всем имуществом покойного и, таким образом, в том числе и с нехитрыми пожитками его не слишком удачливого одинокого постояльца.

Как-то в выходной день, разбирая вместе с сыном пыльные документы, найденные в дальнем кабинете, Пьер наткнулся на безымянную папку с описанием открытия, подписанную только инициалами «С. Т.» и витиеватой арабской вязью. Тем не менее, содержимое папки из сотни листов было написано на чистейшем научном французском, снабжённом математическими расчётами и таблицами, и, углубившись в чтение, Картани едва не схлопотал сердечный приступ. Так он обнаружил описание явления, которое позднее принесло ему признание, ряд престижных премий, включая Нобелевскую, и богатство. Суть открытия сводилась к следующему: при одновременном воздействии акустических колебаний нескольких тщательно рассчитанных диапазонов частот на различные материалы выяснилось, что при достижении определённой амплитуды происходило резкое усиление резонанса в подверженных воздействию частот различных типах грунта, а особенно в интересовавших учёного самых крепких, скальных породах — граните, базальте, твёрдых песчаниках. Не на шутку удивлённый смелости концепции и вызывающе стройному построению математических выкладок, инженер, всё же, на основании данных из папки, не поленился и создал экспериментальную установку для испытания метода. Результаты оказались в буквальном смысле потрясающими. При точной синхронизации и правильно направленном воздействии происходило стремительное разрушение межмолекулярных связей внутри структуры данных материалов. В результате порода на заданной глубине воздействия (порядка полуметра после тридцатисекундного цикла на первой опытной установке площадью полтора квадратных метра) превращалась в сыпучую смесь, которую оставалось только

вынуть из обрабатываемого пласта. Как следствие, не требовалось наличия сверхпрочных буров, сверл и пробойников, взрывчатки.

Довольно простое, на первый взгляд, открытие имело далеко идущие последствия. Применив вместе с компаньоном Себастьеном Модлером доработанные результаты исследований безвестного С. Т. в своей разработке промышленного акустического бура и, на всякий случай, запантентовав его, Картани, сам того не ведая, заложил основание для революции в мировом порядке, неузнаваемо изменившем образ жизни и систему ценностей человечества.

О методе ожидаемо и закономерно захотели узнать многие, те, кто «в теме», но «BMF», за баснословную сумму выкупив у Картани все права на патент, почему-то быстро-быстро всё засекретила и даже подрядные лицензии давала с большим скрипом, со своим опечатанным оборудованием и только на строительство транспортных тоннелей. Ходили, правда, слухи, что Второй Нефтяной бум, в начале двадцатых годов, перед самой Войной, как-то был связан с незаконным применением метода Картани-Модлера, и даже затевались какие-то суды за патенты. Но это случилось много позже. А вот тогда, в семидесятых, тоннели подземки стали прокладывать с фантастической скоростью — от двух до четырёх километров в сутки, вместо прежних двухсот-трёхсот метров за месяц. Бригады-рекордсмены проходили однородные участки грунта ещё быстрее. Абсолютный рекорд, установленный в восемьдесят седьмом году канадскими шахтерами — девять километров восемьсот пять метров за двое суток — так и не был побит за все полвека работы. Основной вопрос, который при всем этом возникал у строителей: куда девать породу? Позже строители приноровились заполнять ею естественные пустоты, встречающиеся на пути бурения тоннелей, а также оказалось выгодно отгружать и перерабатывать её в строительный материал для бесконечно растущих этажек. Сеть стремительно развивалась, и за какие-то тридцать-сорок лет паутина подземных путепроводов охватила всю планету. Сначала связали все быстро растущие на дрожжах БКС гиперы, а потом и к мультикам протянула свои многочисленные рукава Великая Подземка. Корпорация «BMF» превратилась в транснационального монстра «Глобал Сабвей», могущество которого превосходило влияние многих стран. Советский Союз медленно и неохотно, как и всё новое, принимал технологию, и лишь спустя двадцать лет, с его развалом

дело быстро пошло на лад, и национальная подземная сеть стала стремительно расти, догоняя Европу, Южную Азию и обе Америки, хотя так и не стала такой же великолепно развитой и разветвлённой. (Может, это и к лучшему, — подумал смотрящий, — может, благодаря этому мы всё-таки ещё живы). Оптимизма в строительстве такого беспрецедентного в истории мирового проекта добавило весьма своевременное открытие финских химиков в восьмидесятых. Ир усмехнулся, вспомнив урок химии в школе, и своего учителя по этому предмету, Дмитрия Павловича. Все в классе звали его Натрий Колбыч, но тот не обижался, наоборот, даже улыбался в ответ. Однажды он рассказывал про достижения современной химии и применение их в промышленности, и в какой-то момент он вдруг поднял вверх кривой указательный палец, обожженный многими реактивами и сказал: «Запомните эту дату, детки — 21 июня 1986 года. В этот день мир узнал о чудодейственном веществе, благодаря которому в Подземке стало по-настоящему сухо и безопасно! Технология наносводов! Вот она — химия для жизни, для людей». Чудодейственным веществом был углерод-и-ещё-чего-то-там-содержащий состав с изменённой молекулярной решёткой, разработанный группой Саволайнена. Он в разы увеличивал прочность и герметичность сводов, обработанных им по особой технологии сверхпроникающего напыления, создавая на толщину в десятки сантиметров фантастические по прочности молекулярные связи в веществе породы и, вдобавок, препятствуя проникновению в тоннели главной беды подземки — воды. Состав был настолько хорош, что позже создавал большие проблемы смотрящим. Своды требовали более мощных зарядов, совершенно не желая обрушиваться, что тоже стало на руку захватчикам.

Через год после вторжения, когда, наконец примерно осознали, в чём дело, то начали бить тревогу и заваливать первые «крысиные норы», военные кинулись взрывать межконтинентальные тоннели. Но было уже поздно. Пятнашки распространились почти на все континенты. Повезло тогда только Австралии, тамошние ответственные лица оказались предельно ответственны и достаточно напуганы угрожающей обстановкой в мире, благодаря чему оперативно воспользовались удалённостью материка и свои каналы рванули первыми, сразу все и по-серьёзному. Говорили, не обошлось без ядерных зарядов, тайно купленных у американцев. Испугались

перевёртыши, — подумал Ир и крепко сжал руль. Радиационный фон там на северном побережье повышенный до сих пор. Но и захватчикам, по всей видимости, радиация в нужном месте в нужное время пришлась не по вкусу. За три года австралийская группа ни разу не сообщала о прорыве или подозрительной подземной активности. Но это, конечно, не выход, а то давно бы всё разнесли на частицы. К тому же, всё равно было уже поздно, с таким решением люди давно опоздали. Правда, как обычно, человечеству мало было разумных предположений. И несколько гиперов — Каир, Бомбей и Москву — от безысходности всё же накрыли мегатонными зарядами. В Бомбее и Москве даже не успели провести эвакуацию! Да уж, триста пятьдесят миллионов в одном и почти сотня в другом, совершенно неуправляемых, ведомых лишь паникой и ужасом и поглощаемых розовой заразой, которой всё было мало… Теперь там огромные радиоактивные пустоши, а пятнашки дальше расширяют свою территорию. Ир передёрнулся, и улыбка, вызванная воспоминаниями школьной поры, сошла с его лица.

Дорога оставалась пустынной, в добавок ко всему начался сильный дождь, и Ир включил дворники. Задачник бодро сообщил о том, что пройдена половина маршрута и предложил остановиться у придорожной заправки. Смотрящий глянул в боковое окно и успел разглядеть быстро промелькнувшую за ним мёртвую заправку, наверняка пустую. Огромные, когда-то стеклянные, окна здания станции были разбиты и неприветливо чернели, выдавая общее запустение. Хорошо продвигаемся, — подумал Ир, — через полчаса будем на базе, а там и долгожданный отдых! Поля у дороги сменились густым плотным бесконечным ельником, иногда перемежавшимся березовыми и ольховыми рощицами. Листья с деревьев почти все облетели, и вид за окном стал ещё более уныл, чем прежде. Тёмная зелень хвои за ливневыми потоками казалась чёрной, сгущая краски и настроение разношерстной компании.

Спустя пять минут дождь внезапно прекратился, и Ир решил сделать остановку и посмотреть, как там дела у ребят в кузове. Нанд вместе со спящим порозовевшим Волком (Ир отметил, что процедуры Егорыча явно пошли ему на пользу) спрятались под валявшимся в кузове куском брезента, и в общем, чувствовали себя неплохо. Нанд сообщил только, что Волк сквозь сон пару раз требовал водки и девок,

но всё обошлось. Усмехнувшись, Ир предложил всем желающим избавиться от лишнего, скопившегося в организме. Сам он, собрав у народа фляжки и бутылки, пошёл набрать воды из ручья, журчавшего в овраге. Одним первых в кусты направился Складка, снова смешно подпрыгивая на ходу.

В лесу стояла тишина, ветер спал, и было настолько тихо, что непривычно давило на уши. Стоя лицом к лесу, Ир вдохнул полные лёгкие воздуха и медленно выпустил его, отдавая обратно лесу. Трудно было поверить среди такого спокойствия, что где-то решается судьба человечества, стоящего на краю гибели и толком не ведающего, по чьей милости так бесславно падет. Словно вторя его мрачным мыслям, по верхушкам деревьев прокатился отдалённый гром. Странно, — подумал Ир, — гроза, что ли? Припозднилась ты что-то, подруга — скоро снег уж выпадет. Он развернулся и пошёл к машине.

*** * ***

Сорс остановил дрезину, когда до платформы Бот Ривер оставалось примерно полсотни метров. Зулус, не спрашивая Джея, сгрузил ящик с зарядом и молча махнул рукой Сорсу в направлении платформы. Сорс кивнул.

— Ладно, встретимся в конце платформы. Я отгоню туда тачку и побегу к эскалатору. Если попрут — взрывай. Как только рванет, беги сразу к тележке. Если вдруг обвалится выход, гони без меня в порт, я как нибудь поверху доберусь. Только бы успеть! Дай мне двадцать минут. Держись, друг!

Нтонга кивнул и начал деловито подготавливать взрывчатку к подрыву, иногда поглядывая в темноту тоннеля. Сорс подогнал дрезину к дальнему от опасного места концу платформы, подхватив одной рукой рацию и сжав в другой оружие, побежал к пыльному эскалатору. Фонарик на кепке нервно выхватывал из темноты следы запустения. За полтора года войны Африка научилась безумно бояться подземки. Обязательное на всех станциях безотказное аварийное освещение — ещё одно чудо инженерной мысли творцов гигантской всемирной транспортной сети, способное работать на протяжении двух месяцев после отключения основного питания, — давно погасло. Сорса удивило, что на ступеньках не было ничьих следов — ни застарелых, ни свежих — от захватчиков, прошедших недавно по

тоннелю. Обычно пятнашки обшаривали все возможные проходы и лазейки. Здесь же ни одна пылинка не была потревожена. Походило на то, что вся злобная масса прорыва ушла вперёд по тоннелю, не разделяясь на потоки. Это была ещё одна загадка последних дней.

Он, запыхавшись, взбежал по лестнице в просторный круглый сумрачный зал наземной станции. От запылённых окон и грязных стеклянных дверей шёл мутный дневной свет, и фонарик сразу потускнел. Серые пластиковые турникеты были похожи на огромные чемоданы, брошенные какой-то странной группой туристов в удивительно строгом порядке посреди зала. Больше в зале ничего не было.

Когда-то в вестибюлях станций были кассы, киоски, охранники, служащие. Но последние лет пятнадцать устройство глобальной подземки поражало своей простотой и отсутствием всего лишнего. Всё было сделано, чтобы обеспечить невиданный пассажиропоток, многократно возросший со времен появления подземки в двадцатом веке. Минимум сложностей с регистрацией — пассажиры регистрировались по личному коду на чип-картах с последующей автоматической оплатой с банковского счёта, максимум безопасности — подавляющие поля, всевозможные детекторы оружия не только на входе, но и на всех ключевых узлах, молекулярные датчики обнаружения взрывчатки и прочее, и прочее. Единственное, на что теперь хватало горе-террористов, это успеть забежать в вестибюль станции и крикнуть своё излюбленное заклинание. Благодаря полуавтоматическим турелям и умнейшим бдительным системам безопасности, смертники даже не всегда успевали произвести подрыв. Всё это добро было искусно спрятано в нишах за лючками и совершенно не цепляло глаз простого обывателя. Сейчас и вовсе трудно было догадаться о существовании мощной сети защиты, глядя на эти мёртвые стены и пыльные гробы турникетов.

От быстрого захвата и гибели Южную республику, оставшуюся практически единственной развитой страной региона, не смотря на многочисленные проблемы, спасло то, что центр Чёрного континента даже после достижений Продуктовой революции так и не смог выбраться из нищеты и трущоб. И система глобальной подземки там была представлена всего несколькими слабыми нитями каналов, пронизавших материк в трёх местах — вдоль обоих побережий и один

— почти по центру. И только на севере и на юге эти слабые ниточки вновь распускались в разветвлённые сети, подобно венцам на стебле укропа. Из-за нежелания бедных правительств оплачивать строительство каналов, а то и вовсе строптивого запрета местных князьков на любые подземные шахтные разработки, как это было в случае с Чадом и Конго, корпорация «Глобал Сабвей» приняла решение проложить канал под этими странами на небывалой глубине — около пятисот метров. Конечно, без возможности выхода на поверхность. Как ни протестовали эти государства против произвола «денежных мешков», физически они никак не могли воспрепятствовать работам — не было ресурсов. Вялые крики в ООН о нарушении суверенности и прочего быстро и профессионально были подавлены могущественным лобби государств-акционеров «Глобал Сабвей».

ЮАР, недовольная этими трудностями и невозможностью в полной мере воспользоваться новыми технологиями в условиях чрезмерно возросшего пассажиропотока, заключила с Анклавом двусторонний договор на строительство эксклюзивной Атлантической магистрали, которая напрямую соединила бы юг Африки с центром Южной Америки.

Бурение субокеанской магистрали должны были закончить в 2020 году. Но из-за возникших непредвиденных трудностей с разработкой чрезвычайно твёрдых пластов океанического дна в Ангольской котловине сроки перенесли на 2021 год, затем, из-за аварии с прорывом морской воды и гибели десятков рабочих в тоннеле — на 2022. А потом началась эта странная война и отменила строительство на неопределённый, но, несомненно, долгий срок, а может, навсегда. Говорили, что Тропический пояс планеты пал одним из первых. Конечно, ведь там было очень много тоннелей. И даже ходили слухи, что недостроенный канал вел чуть ли не в самое осиное гнездо захватчиков. То, что тоннель не был закончен в срок, отчасти спасло африканцев, долгие годы безуспешно боровшихся с ВИЧ, от быстрого и окончательного вымирания из-за другой эпидемии, охватившей всю планету, вирусы которой были необычайно живучи, быстры и крупны. Вакцина от этой заразы всё ещё не была найдена, и остро стоял вопрос о том, будет ли она найдена вообще.

Сорс попытался раздвинуть грязные половинки двустворчатой стеклянной двери. Дверь оказалась запертой. Керамической рукояткой «пепи» он попробовал разбить толстое сантиметровое стекло, но оно стойко выдержало несколько сильных ударов. Джей оглянулся в поисках чего-нибудь тяжёлого, но как на зло, в холле станции не было ничего сколько-нибудь подходящего. Здесь вообще не было ничего крупнее и тяжелее катышков пыли по углам. Он отошёл метров на пять, поднял «пепи» на уровень груди и направил на дверь, но передумал. Трепетно относясь к чудо-оружию смотрящих, Сорс не хотел применять его по пустякам. Он попытался положить «горячую штучку» в кобуру, но обнаружил, что потерял её в последней схватке — остались одни лохмотья на ремешке, а смотрящий с тех пор не выпускал оружие из рук. Тогда он сунул ценное оружие за пазуху и вытащил из небольшой потёртой кожаной кобуры, которая висела под потрёпанной безрукавкой с другой стороны, более подходящий инструмент. Это была старая добрая, компактная, хотя и довольно тяжёлая, полицейская «малышка» RAP-501 калибра девять миллиметров. Когда-то давно, в далёких и казавшихся такими добрыми сейчас девяностых южноафриканские власти обновили вооружение полиции и службы безопасности. И большое количество таких стволов тут же оказалось на чёрном рынке и гуляло по стране, пока не осело в карманах желавших иметь небольшое, надёжное и мощное оружие для защиты себя и близких. Или для обратных целей.

Девяностые, восьмидесятые… Джей горько улыбнулся. Счастливая пора беззаботного детства, мир, казавшийся таким добрым и большим, бесконечным как океан, начинавшийся у порта, и интересным, как неразведанный соседний квартал. И хотя там могла быть местная чёрная шпана, встреча с которой не сулила ничего хорошего светловолосому белому пареньку, это был добрый мир. Потому что там не было «пятнашек».

Джей усмехнулся этому слову. На одной из редких встреч смотрящих, когда ещё летали редкие самолеты, угрюмые парни, каждый с огромной кобурой под мышкой, в очередной раз решали, что делать и как менять стратегию и тактику борьбы. На той сходке были двое русских. Один из них и рассказал, что слюнявых у них называют так. Странно, у кого из этих северян возникла бредовая идея сравнить

жестокую охоту мерзких тварей со старой как мир, такой милой безобидной детской игрой в догонялки.

— Пиат-наж-ки… — произнёс он вслух, словно пробуя на вкус непривычные звуки. Английское название, «тэг», было гораздо короче и звучало чётко и ясно, и тоже подходило по смыслу. Джей снова улыбнулся. Он вдруг вспомнил, как однажды, давным-давно, в том невероятно далёком отсюда детстве, вместе с другими мальчишками из своего двора, увлёкшись этой игрой, стремительно удирал от длинноногого рыжего соседского приятеля Пита, который водил. И как он, маленький Джонатан Сэмюельсон, бежавший изо всех сил, налетел на торец внезапно открывшейся двери подъезда их дома и почти проломил себе череп. За дверью оказалась мама, она как раз собралась в магазин. Кровищи тогда было! Сорс зажмурился, словно это происходило с ним сейчас, и смахнул навернувшиеся слёзы. Разбитый окровавленный лоб трещал, в глазах стояли радужные круги, а мама кричала так, словно он уже умер. Но больше всего, на всю жизнь, он запомнил её глаза, наполненные ужасом за него и эти её слова: «Никогда, слышишь? Никогда больше не играй в пятнашки! Понял?…» От её крика, минуту назад такая бравая, вся дворовая ребятня трусливо попряталась по всем щелям, ожидая справедливого возмездия за нерадивость и неосторожность. А потом мама заплакала, вытирая ему кровь с лица своим платком, и, отведя глупого, но бесконечно любимого сына домой, долго возилась с раной, срезая вокруг пропитанные кровью космы, промывала, обрабатывала, бинтовала голову…

Сорс посмотрел на пистолет. Патронов к «рапам» на брошенных полицейских складах оставалось много. Ещё хватит на большое количество серых или слишком медлительных слизистых. Сорс не понаслышке знал, что если застать слюнявого со спины и не дать себя обнаружить, то свинец очень хорошо разносит твёрдый, не успевший размякнуть, клиновидный череп. А ещё есть доля секунды на удачное поражение за мгновение перед необратимым превращением, ящер на это время теряет контроль над своим телом, занятый «управлением пластичностью». Чем смотрящий и пользовался не один раз. Нужно только иметь талант ловить момент.

Сорс усмехнулся своим тяжёлым мыслям и выстрелил прямо в середину створки. Многократно усиленный бесконечной круглой стеной помещения, звук выстрела оказался просто оглушающим.

— Просто сногсшибательно, — произнёс, слегка оторопев, смотрящий и потряс головой.

Стекло рассыпалось на тысячи блестящих зеленоватых осколков. С улицы сразу же потянуло свежестью тёплой южноафриканской весны. Сорс, помня о деле, быстро выбежал на улицу и осмотрелся. Вокруг было пустынно и светло. Вечерело, и солнце уже спряталось за зданиями. Станция была окружена однообразными серыми бесконечно высокими этажками и чахлыми куцыми деревцами с редкой молодой листвой. Один из многочисленных пригородов Кейптауна, спальный район Бот-Ривер. Некогда многолюдный, теперь пустынный по причине всеобщей эвакуации.

Отрезвлённый этой простой, но весьма своевременной мыслью, а также вспомнив, что там внизу Нтонга один и рискует быть погребенным своими собственными руками или растерзанным очередной волной, Сорс неохотно откинул воспоминания и подбежал к длинной скамейке, стоявшей недалеко от входа в подземку. Он скинул с плеч рюкзачок, выключил фонарик и убрал пистолет, затем устало присел на скамью и достал передатчик.

— Цикада, Цикада, приём. Вызывает Лайон.

С паузой в пять секунд он повторил позывные.

Рация молчала. Он ещё несколько раз переключил каналы, вновь и вновь производя вызовы. Ответа не было.

Сорс посмотрел на свой задачник, в надежде, что где-то остался работающий на мощном бесперебойнике спот оллнета. Задачник так

же показывал отсутствие всякой связи.

— Дьявол! Неужели опять опоздали? Кто нибудь, ответьте! Ребята, есть кто на связи?

Спустя пару секунд рация издала шум, как-будто приняв чей-то слабый сигнал.

— Чёрт бы побрал эти короткие волны.

Джонатан огляделся. Судя по симптомам, передаче мешало обилие армированного метробетона вокруг. Придётся искать чистое место или забираться повыше. Он вздохнул и осмотрелся. Этажки тянулись бесконечными рядами во все стороны от площади, в центре которой стоял широкий приземистый цилиндр станции подземки. Значит, нужно было лезть в один из домов. Сорс попытался связаться по задачнику хотя бы с Зулусом, — предупредить, что задерживается, — но сигнал не мог пробить толщу земли. Джей сунул рацию в рюкзак, встал, с усилием распрямив порядком уставшие ноги, и трусцой побежал к ближайшей, самой высокой на вид, этажке.

*** * ***

До Строево, судя по картам и проводнику, оставалось километров пять, после того как смотрящие проехали столько же от поворота с шоссе, когда дорога внезапно, без обиняков, закончилась. Неожиданным образом старая раскрошенная бетонка упёрлась в перевёрнутый взрывом пласт земли. Дальше, на добрую сотню метров, вместо ровного дорожного полотна шла вспаханная неведомым могучим пахарем гряда сырой рыхлой земли, перемешанной с большими, похожими на куски великанского торта, многослойными обломками того, что осталось от дороги и от каких-то строений, прежде стоявших около неё. Зачем и кому понадобилось взрывать дорогу здесь, вдали от поселений, было совершенно непонятно.

Ир довольно резко остановил машину и вышел, оглядываясь. На всякий случай, он снял «палыч» с предохранителя. Долго преследовавший их густой преобладающий хвойный лес остался в километре позади. Вокруг, прямо от дороги простирались какие-то то ли болота, то ли низины поймы какой-то мелкой речушки, с редкими порослями кустарника и тощих березок, и огромными площадями, заросшими высокой травой и камышом. Лишь изредка торчали по обочинам короткие чахлые ели, не сумевшие вырасти в полный рост

на болотах. И здесь группу снова настигла первобытная тишина. Всё вокруг молчало, словно присматривалось к непрошеным гостям и выжидало. В воздухе стоял вязкий жирный запах сырой земли. Невдалеке, слева от кучи, словно врастая в неё, тянулся какой-то бетонный забор с ромбовидными выпуклостями на щерблённых боках, местами поросший густым зелёным мхом.

Надежда тоже вышла из машины и встала рядом с мужем, оглядывавшим кучу обломков.

— Ты никого не чувствуешь рядом, малыш?

Девушка прикрыла глаза и задержала дыхание на пару мгновений.

— Нет, здесь ни души… Кроме нас, конечно. Хотя я не уверена.

Ир снова посмотрел на разрушенную дорогу.

— Странно. Кто и, главное, зачем её взорвал? Пятнашкам здесь неоткуда взяться, серым — тоже…

Он принюхался.

— Гляди-ка… Запах какой. — Он присмотрелся к комьям земли под ногами. — После дождя, конечно, так тоже пахнет, но… — он присел и взял один из комьев в руки. — Свежая…

Он снова поглядел на жену. Она кивнула.

— Недавно взорвали. Я чувствую запах взрывчатки — здесь как-будто вишнёвый ликер разлили.

Ир потянул носом и тоже кивнул, улыбнувшись своим мыслям о Наде. Определённые события, запахи, звуки вызывали у неё совсем не те ассоциации, что у большинства людей.

Из кузова донесся хрип, похожий на кашель.

— Хр… Ну что там? Опять засада? Давайте бросим туда гранату и поедем дальше.

Ир усмехнулся. Волк был, как всегда, деловит и решителен. Ир крикнул в сторону пикапа:

— Уже бросили, до нас. Вот теперь стоим, думаем: если тут по краям дороги болото, то как бы не застрять.

Волк выглянул из-за кабины, посмотрел на кучу, вокруг, затем на Нанда.

— Свяжемся с базой, может прояснят, что к чему.

Нанд расчехлил старую армейскую рацию, щёлкнул тумблером и стал вызывать базу. Минуту в эфире стояли шум и потрескивание, но никто так не отозвался.

— Барахлит, наверное, рухлядь, — Нанд похлопал ладонью по железному ящику. — Странно, до этого всегда хорошо работала. Вообще, хорошая вещь — батарея нехилая и дальность убойная. Да брось, Волк, чего там, скоро уже приедем.

Волк, с комфортом развалясь в кузове, взглянул на него, потом на рацию, повел носом в сторону кучи обломков и повернул голову к Ирбису.

— Ладно, чего штаны просиживать. Давай пробираться потихоньку. Вон слева, по обочине, вроде сухо. На пониженной да с заблокированным дифференциалом… не мне тебя учить, пилот. А я, пожалуй, прилягу.

Ир улыбнулся и кивнул. До войны он успел не раз выиграть в крупных гонках на летающих гибридах как среди любителей, так и среди профи. Будучи при этом высококлассным автомехаником, он даже снискал определённую славу в узких кругах.

— Сделаем вот как, — Ир повернулся к куче земли, вывороченной цепочкой взрывов. — Мы с Надей пройдёмся по краям этих развалин, присмотрим дорожку. Не пешком же топать до Строево. Нанд, ты смотри по сторонам, место неспокойное. Дороги взрывают, ни свет, ни заря. Глядишь, бомбы сверху падать начнут.

Нанд усмехнулся и достал дробовик из кузова.

— Ладно.

*** * ***

Нтонга Мамбата сидел на платформе, свесив ноги, и смотрел в темноту. Сильный луч света от его налобного фонарика почти не дрожал, освещая большим белым пятном метрах в тридцати несколько широких и толстых резиновых шпал, над которыми с обоих краев свода были прилеплены белые бруски взрывчатки. От брусков уходили в тьму, к смотрящему, два коричневых провода, скрученные между собой и едва различимые в светлом окружье луча. В левой руке смотрящий держал «пепи», положив на колено, в правой — коробочку с кнопкой. Рядом с собой он положил одну из двух оставшихся гранат, на случай, если вдруг, упасите боги, конечно, не сработает взрыватель.

Взгляд его упал на генератор поля безопасности, широким приземистым бочонком торчавший между путей. Это был обычный, городской, генератор, для скоростей не больше ста восьмидесяти

километров в час, для поездов на «тонком» монорельсе. Сотни тысяч, а то и миллионы, его более мощных собратьев стояли на всем протяжении межгородских путей в тоннелях всемирной подземки. Когда создавались первые линии железных дорог в подземке и поезда для них, инженеры столкнулись с трудными задачами. Мало было просто создать надёжные безопасные тоннели, по ним ещё требовалось безопасно, быстро и экономично передвигаться. Здесь требовались решения нового технического и даже технологического уровня, не смотря на то, что возможность строить такие дороги сама по себе была небывалым прорывом. Ещё каких-нибудь пятьдесят лет назад появление подземки в новом качестве — как основного средства сообщения и перемещения человека — не было даже мечтой. Люди не смотрели под землю, люди разгонялись на земле и в облаках. Но развитие цивилизации идет порой непредсказуемым путем, а открытия меняют взгляды и мечты.

К тому же выяснилось, что строить дороги под землёй с помощью нового метода выходило даже дешевле и быстрее, чем поверху. При прокладке обычных автомобильных трасс и железнодорожных путей всегда требовались значительные подготовительные работы и обходные маршруты при встрече с непреодолимыми препятствиями в виде горных массивов и крупных водоемов. Всё это практически было не нужно при строительстве прямых и надёжных тоннелей подземки, с учётом типа грунта и малых затрат на подготовку. Это обстоятельство после появления подземки серьёзно подкосило развитие наземных пассажирских воздушных, автомобильных и железных дорог. Конечно, сохранилась определённая транспортная структура для перевозки габаритных и особо опасных грузов. Но вернуть себе прежний пассажиропоток ни железные дороги, ни авиаперевозчики так и не смогли. После развития подземных коммуникаций управляющие наземных железных дорог уже не могли жаловаться на убыточность пассажирских перевозок, так как их попросту не стало. И всё же в самом начале развитие Новой подземки требовало дополнительных прорывов. Поначалу в ней прокладывали обычные стальные рельсы и пускали электропоезда. Но проблемы, связанные с привычной их эксплуатацией на поверхности, в условиях замкнутых пространств тоннелей, решались крайне тяжело и были связаны с повышенным

риском. Подземка требовала новых решений — быстрых, дешёвых, надежных.

Тысячи инженеров ломали головы, создавая различные физические модели, заставляли вскипать охлаждающую жидкость в системах отвода тепла мощнейших сверхкомпьютеров и загружали до предела целые поля распределённых вычислительных кластеров во многих научных центрах по всему миру. Предлагалось множество вариантов, но все они не удовлетворяли возросшим критериям безопасности либо, а то и вместе с тем, оказывались слишком дороги в реализации и обслуживании. Тем не менее решения находились, и одно из них, едва ли не самое важное, было найдено неожиданно и, как это часто бывает, почти случайно и при работе в несколько иной области. Русский учёный с японской фамилией, позднее — гражданин США, Иван Химото открыл новый тип взаимодействий, ища способ создания эффективной магнитной подушки для транспортировки грузов. Открытое им явление позволяло создавать силовое поле нужной направленности и невероятной мощности. И, что немаловажно, со смешными затратами энергии.

Теперь уже неизвестно, получило ли применение его открытие в перевозке наземных грузов, но зато был найден способ «положить поезд в тоннеле в безопасный мешок». Открытие вызвало бурю новых инженерных решений, и в скором времени, благодаря щедрости заинтересованных сторон, возникли системы, как бы запирающие движущийся состав внутри силового поля, физически не позволяющего никаким предметам или людям произвольно или непроизвольно покинуть поезд. Более того поле не позволяло самому поезду ни при каких обстоятельствах сойти с путей, удерживая его на линии. Сами поезда также претерпели изменения и во время движения фактически висели в воздухе, удерживаемые тем же самым полем, что существенно снижало потери от трения движущихся частей. Это поле было намного эффективнее магнитной подушки, которая использовалась в железных дорогах ещё с конца двадцатого столетия, и позволило безопасно разгонять поезда до средних скоростей самолетов гражданской авиации.

Нтонга вздохнул, вспоминая как работал в бригаде по монтажу этих самых блоков-генераторов поля. До этого он был в группе по монтажу полностью автономных насосных станций по откачке воды,

проникавшей в подземку, хотя и в гораздо меньшем количестве, не смотря ни на какие ухищрения и чудо-состав, наносимый на своды. А ещё он оказался одним из первых в своей стране, испытавших на себе действие «киселя». Тогда же он узнал, что на него, в отличие от друзей по бригаде, липкая розовая масса не действовала со столь ужасным результатом. И с тех пор это повлияло на всю его дальнейшую жизнь и на место в этой жестокой борьбе за выживание человечества. Нтонга не раздумывал долго, оставаться или нет на самом переднем фронте этой борьбы, и действовал быстро и решительно. И потому он сидел сейчас здесь, в тоннеле, а не в порту у причала, рискуя никогда больше не увидеть… да ничего, в общем-то, не увидеть. И даже не быть при этом уверенным, что его смерть действительно, хоть чуточку, поможет. Но обо всём этом Нтонга тоже почти не думал. Он выбрал путь, который посчитал единственно правильным, и следовал ему. Он только не мог сдержать слёз, когда видел детей, умирающих в розовой слизи. И тогда он стискивал крупные белые зубы и с удвоенной силой сжигал, прижигал и взрывал. А ещё он улыбался. Потому что был очень добрым.

Зулус потряс головой, отгоняя неприятные воспоминания и сморщился от боли. Голова и уши смотрящего жутко болели после недавней контузии и на любое движение реагировали усилением болезненных ощущений. Хотелось лечь, хоть прямо здесь, на жёсткой платформе, и отключиться, хоть ненадолго погрузиться в придающее сил забытье. Чтобы не заснуть, Нтонга жевал один из корешков, пучок которых лежал в его рюкзаке, заботливо завёрнутый в сухой чистый платок. Подарок деда-знахаря в последний приезд. От терпкого сладкого сока корня немного жгло горло и пищевод, но в голове светлело, и она уже не так сильно болела. Зулус продолжал методично жевать лечебную кашку, в которую превратился корень во рту, и ритмично переводил взгляд с одного пути на другой. Здесь, на юге Африки, ввиду различных трудностей, молодости Подземки и экономии, строили только одиночные тоннели со сдвоенными путями. Что ж, на севере и такого нет. В голове снова неприятно зазвенело. Тройные рельсы, два крайних из которых служили опорами для ремонтных дрезин и аварийных составов, поблескивали в отсветах луча его фонарика, и эти блики болезненно кололи глаза.

Зулус терпеливо ждал.

* * *

Попрыгав по кучам, метров через тридцать мы с Надей заметили за горами земли какие-то полуразрушенные постройки среди поваленных деревьев. Под левым ботинком что-то издало характерный звук прогибающейся жестянки. Я посмотрел под ноги и увидел что стою на куске поржавевшего, наполовину засыпанного землёй, придорожного указателя с надписью на когда-то белом фоне, явно с названием какого-то населённого пункта. Сверху были видны только последние две буквы «…КА». Приноровившись, я ухватился за другой его край и приподнял его, насколько позволили придавившие лист обломки. С другой стороны стала видна надпись «ст. ЯНО…».

— Ага, понятно, — я ткнул пальцем в экран задачника, и в воздухе повисла объёмная карта местности. — Так и есть.

— Что? — Надя вопросительно посмотрела на меня, на карту, потом на жестянку.

— Станция Яновка. В общем, секретная, так как относилась к Строевской военной базе, но на карте рядом есть заброшенная деревня Яновка. Здесь, насколько я помню, должен быть какой-то подземный склад и выход из подземки.

Я посмотрел на руины.

— Вернее, был склад. И вряд ли сохранился спуск под землю к тоннелю. Интересно, кому понадобилось взрывать станцию? Здесь — снаружи?

Надя только пожала плечами.

Когда мы осмотрели развалины и, с трудом найдя лазейку для машины, вернулись, я высказал возникшие вопросы Волку. Он бывал на базе и мог знать что к чему. Помолчав с минуту, он ответил:

— Ну, всё понятно. Рванули, конечно, наши, те заряды внизу, получив от нас предупреждение. Заваливали проход к базе. Решили подстраховаться и добавить препятствий тварям, если пойдут по кишке. — Он вздохнул. — Странно вот только одно…

— Что? — спросил я.

— Не подумали, или забыли, что наверху старый склад с остатками списанных боеприпасов. Как бы кто не погиб из ребят, молодых да горячих… И про нас тоже как-будто забыли. Я ж не сказал, что мы верхом пойдём.

— Быть такого не может!

— Эх…

— А почему с остатками? — спросила заинтересованно Надя.

— Да потому что, будь тут полный склад или того хуже — вдобавок, ядерные гэче на консервации, могла получиться очень даже «грязная» бомбочка. И такое представление началось бы, на десяток километров завалило бы осколками, — Волк развёл ручищами в стороны. — Фейерверк до неба, и мы тут такие загораем, прохлаждаемся, сил набираемся. Эти боеприпасы давно должны были вояки утилизировать, да у нас всё через ж… извиняюсь, леди, через одно место делается. А с этой войной и вовсе теперь не до списанного барахла. Кишка тут неглубоко, метров десять максимум. — Он посмотрел на развалины. — Оно, барахло, и сдетонировало при подрыве. Хорошо так рвануло, вместе с дорогой и всеми строениями. Вот тебе теперь и станция Яновка.

— Насчёт гэче похоже на правду, — согласился я. — На военных картах, что я недавно нашёл в Ромовской сетке, пока она работала, тут недалеко отмечены старые пусковые шахты.

— А что это — «гэче»? — рассеянно спросил Нанд, глядя куда-то поверх развороченной дороги.

— Головная часть, — ответил Волк. — На ракету спереди нахлобучивается. Полезная нагрузка, так сказать.

Складка смешно поежился в своём безразмерном бушлате, а Пётр Егорыч покряхтел и ни с того ни с сего стал рассказывать:

— Помню, в девяносто пятом, аккурат после развала Союза, много шума было с ядерными отходами. Писаки пронюхали, что в советское время бесконтрольно захоронили уйму этого добра где-то на севере. А какие-то полудурки, террористы недоделанные, якобы прознали, где это кладбище, и после дюжины неудачных попыток атаковать Подземку, пообещали взорвать могильники. Сообразить этакую вот «грязную» бомбу, чтобы, значит, таким образом, раздать это всё богатство всем поровну и бесплатно, через верхние слои атмосферы. Умнейшие люди! Им бы в школе доучиться, цены б не было. Под гнётом не менее информированной общественности в издёрганном правительстве решили проверить все известные места и выставить там охрану, водрузить саркофаги, все дела. А как начали копать архивы, батюшки мои! Этих самых кладбищ столько оказалось, и не только на севере… Да-а… Велика Россия-мать. И гостеприимная — со всего

мира, не иначе, свозили. И кто-то деловито в карман денежку складывал. Умный этот кто-то, видать, и прозорливый был, о потомках своих радел, о безбедной старости на красивом океанском бережку. А ты говоришь — фейерверк. Тут и без фейерверка загажено…

Он посмотрел на Волка и горько усмехнулся в бороду. Тот промолчал, аккуратно оглаживая ногу.

Я посмотрел на небо. Тучи затеяли там собрание и расходиться явно не собирались. Ну, хоть не капает, и то хорошо. Не хватало ещё, чтобы дождь превратил эту кучу малу в непроходимую жижу.

— Залезайте, поедем потихоньку, слева вроде можно проехать. Нанд, давай вперёд, смотри, чтобы на пузо не сели.

*** * ***

Стройная девушка лет двадцати пяти, одетая в армейский защитный комбинезон, сидя на корточках, наблюдала из-за чахлой недоразвитой ели в маленький бинокль за людьми в машине. До них было метров триста-четыреста. Вот они забрались в пикап, один пошёл впереди, наверняка, высматривать дорогу в кучах земли и бетона. Пока они медленно, по-черепашьи, пробирались среди обломков, Лара мучительно размышляла, но никак не могла решить, что делать. Недавняя стычка с какими-то на голову уроненными подонками на окраине Ромова, когда девушка лишилась большей части припасов, едва не рассталась с самым дорогим и еле унесла ноги, отбила у неё всякое желание лишний раз идти на контакт с любыми группами людей.

Эти, на джипе, выглядели ещё более подозрительными, чем те фанатики. А уж они были — само очарование смутного времени. Клоуны… Чего стоил только их главарь, здоровенный детина в плаще, с каким-то облезлым орденом на груди, наверняка стянутым из какого-нибудь соседнего музея. Конченый псих! «Брат, отдай нам лишнее, что отягощает, и иди с миром, облегчённый от бремени греха». Потом, когда в сумерках разглядели, что «брат» — девушка, да ещё и весьма симпатичная, похотливыми слюнями аж давиться начали. Уроды! Двоих бандюг Лара подстрелила двумя последними патронами из «ТТ», остальных ближайших раскидала, отработав группу, и ушла от погони почти наугад — незнакомыми дворами, к окраине и затем в поля, через свалку. Правда, к великой досаде, большой рюкзак

пришлось сбросить в драке, но подобрать его она уже не успела — главный псих оказался хитёр и на рожон не полез, а с безопасного расстояния прострелил ей бок навылет. Не слишком опасно, чиркнуло только, Лара позже сама себя перевязала, но в увесистом рюкзаке, помимо кучи провизии и нужных инструментов для выживания, осталось кое-что очень ценное. Настолько, что девушка без конца проклинала себя за оплошность и пару раз даже порывалась вернуться. Всё же здравый смысл взял верх: ищи-свищи теперь мерзавцев, наверняка присвоивших её добро. Это пешком-то! Да и не одолеть их в открытой схватке. Всё равно они уберутся из города, а оттуда теперь одна дорога… Эх, машину бы достать и по маячку в лямке рюкзака накрыть их в темноте на очередном привале! Так ведь вот она, тачка, пожалуйста. Лара ожесточенно сплюнула сквозь зубы, перекинула ремешок пустой торбы на другое плечо и снова посмотрела сквозь еловые ветки в сторону бывших складов. Вот сейчас проберутся по кучам и уедут, а ей — тащиться пешком неизвестно куда? Хотя почему неизвестно? И есть-то как охота! Вдобавок болел бок. Лара сглотнула прогорклую слюну. Последние крохи — это был батончик засохших мюслей — она прикончила рано утром, в лесу, километрах в десяти отсюда. Попытка найти хоть какую-нибудь провизию в мёртвой деревне Яновка, с её развалюхами-домами, вросшими в землю по самые гнилые дырявые крыши, и жуткими полуразрушенными панельными бараками в пять этажей, не дала никаких результатов. Ладно, посмотрим ещё, что будет делать эта разношерстная компания, — подумала девушка. Рука её опустилась на примявший жухлую траву видавший виды «бекас» двенадцатого калибра, погладила холодный ствол и удобную пистолетную рукоятку, так и просившуюся в ладонь. Другой рукой она провела по широкому поясу, набитому патронами и из-за раны приспущенному на бедра. Вот уж не думала она, что так пригодится наследство какого-то старого чудака, пылившееся в дремучем железном сейфе в кладовке его клетушки на сотом этаже, где она провела пять последних ночей, прячась от назойливых эвакуаторов. А ведь собиралась выкинуть устаревший хлам и разжиться в марке чем-то поприличнее.

Лара достала тонкую алюминиевую фляжку, взятую, как и часть остальных полезных вещей, напрокат в одном из вскрытых «добрыми» людьми передвижных пунктов эвакуации, брошенных у шоссе по

причине отсутствия топлива. Девушка глотнула холодной воды, набранной в лесном ручье, потом приложила прохладную флягу к ноющему боку. Полегчало. Она посмотрела на экран задачника на левой руке. Умный задачник, сверяясь с прозорливо закачанными в него военными картами, показывал, что заброшенная воинская часть находится в трёх километрах по прямой к северу. Передатчик Лара предусмотрительно выключила, чтобы случайно не засветиться. Но радио в доступных диапазонах связи и частоту инлинка слушала внимательно и постоянно. Она ещё покопалась в сумке и вынула маленький блистер. Он был наполовину заполнен миниатюрными пилюлями красного цвета. Другая половина его содержала в себе три прозрачных мини-инъектора с бесцветной жидкостью внутри. Девушка в задумчивости повертела его перед глазами. На обратной стороне серебристого квадратика виднелась надпись мелкими чёрными буквами: «Панацея-17». Лара бережно, словно это был самый ценный предмет среди её вещей, переложила блистер во внутренний карман комбеза и плотно застегнула на нём липучку.

Подождём, — подумала она, — не такое пережидали. И продолжим двигаться дальше к цели.

*** * ***

Сорс забежал сквозь распахнутые двери в подъезд, искренне надеясь, что в доме, который он выбрал, лифт был оборудован пневматикой. Немолодому уже смотрящему не улыбалось пешком преодолеть сотню-другую этажей, ища уверенный, или хоть какой-нибудь, приём. Джею повезло — на дверцах в правом верхнем уголке красовался жёлтый стикер со стилизованными под трафарет красными буквами «AIR». Он руками раздвинул створки обесточенной кабины, стоявшей, как он и надеялся, на первом этаже, и проник внутрь. Затем он нажал на кнопку аварийной системы и одновременно — последнего этажа. А там уж как получится. Главное, чтобы агрегат поднял его повыше и снова зарядил воздухом тормозные баллоны для безопасного спуска. Сорс немного переживал по этому поводу. Поговаривали, что при долгом бездействии и от климата юга эти баллоны начинали травить воздух через дубеющие дешёвые мембраны, и вниз кабина могла упасть очень жёстко. Иногда с неприятным исходом для неподготовленных пассажиров, особенно если спускаться с самого

верха. Более того, по той же причине закисали аварийные стопорные замки и могли вовсе не замедлить несущуюся вниз кабину. А ещё говорили, что дешёвые кабины в этажках спальных рабочих районов, бывало, просто разваливались при попытке резкой аварийной остановки.

Кабина начала быстро разгоняться, и Сорс даже присел от приличных перегрузок. Аварийная пневматическая система не была рассчитана на комфорт пассажиров, был важен сам факт подъёма в условиях отсутствия внешних источников питания.

На уровне сто первого этажа лифт резко замедлился и со вздохом остановился, щелкнув опорными предохранителями. Сорс снова вручную раздвинул двери и шагнул на площадку. Здесь было тихо, пыльно и почему-то пахло палёной проводкой. На площадку этажа выходило множество одинаковых дверей, выкрашенных в синий цвет, с выпуклыми пятизначными номерами из белого пластика на уровне глаз. Дом явно был не для богатых семей. Сорс насчитал двадцать квартир. Наверняка клетки-маломерки, — подумал он. На противоположной от лифта стороне виднелись два больших окна, выходивших на улицу. Одно из окон площадки не было закрыто до конца и на слепом подоконнике скопилась коричневатая грязь, а в щёлке свистел и подвывал слабый ветерок. Джей подошёл к окну, сунул пистолет в кобуру и достал рацию. Он снова попытался связаться с центром, но безрезультатно — рация только ещё громче выдавала белый шум. Тогда он посмотрел в окно и прикинул, что окна выходят на окраину Кейптауна, и ему нужно на другую сторону здания. Сорс оглянулся, быстро пересек коридор и проверил ближайшую к лифту дверь.

Дверь оказалась не заперта. Смотрящий обрадовался хоть такой маленькой удаче, что не придётся геройски ломать и это препятствие, и со вздохом облегчения толкнул дверь. В коридоре царил сумрак и пахло какой-то затхлостью, словно там никто не жил много лет. Из открытых комнат в коридор не доходил дневной свет, походило на то, что окна там были плотно зашторены. Дверные проёмы густо чернели, непроницаемо для слабого света с площадки. Сорс осмотрел квартиру и решил пойти на кухню — там должен был быть выход на маленький балкон. Бесконечную череду ему подобных, уходящую в ввысь, Джей приметил ещё снизу.

Он автоматически, не глядя, пощёлкал выключателем на стене слева, но запоздало вспомнил, что света не было, и, судя по всему, уже давно. Тогда он на ощупь двинулся в левый коридорчик, предполагая кухню там. Неприятный замшелый запах усилился, к нему прибавилась вонь тухлой органики. Так мог смердеть оставленный мусор в ведре или, быть может, разило из неработающего холодильника с испорченными запасами, забытыми жильцами при эвакуации. В темноте Джей тут же наткнулся на какой-то шкафчик для обуви, из которого ворохом светлых пятен посыпались женские туфли, мужские ботинки и детские сандалии. Он тихо чертыхнулся и, обойдя шкафчик и рассыпанную груду его содержимого, двинулся дальше. Осторожно ступая в темноте, Сорс неожиданно вспомнил про фонарик на кепке и, не останавливаясь, левой рукой стал нащупывать рычажок, в другой руке он держал рацию.

Внезапно его ботинок погрузился во что-то большое, довольно мягкое, но при этом очень тяжёлое. Поэтому нога осталась на месте, а смотрящий неожиданно для себя потерял равновесие и стал падать вперёд. Падая, он больно ударился плечом об угол стены и выронил рацию, которая с шуршанием скользнула по грязному линолеуму куда-то в темноту. Сильная боль в когда-то сломанной ключице заставила его на время забыть про ценную потерю и даже про причину падения, и Джей несколько секунд корчился на полу, сжав зубы и пережидая, пока боль утихнет. К тому же, «пепи» лежал за пазухой и больно ударил по ребрам. Когда смотрящий пришёл в себя, его внимание переключилось на предмет, о который он споткнулся. Сначала Сорс подумал, что это какое-то брошенное хозяевами одеяло, в которое что-то завернули и забыли здесь. Но тут одеяло зашевелилось и вонь, наполнявшая квартиру, усилилась. Сорс, похолодевший от страшной и снова запоздалой догадки, схватился обеими руками за голову и, наконец, включил фонарик. Рассмотрев странную кучу под своими ногами, он понял, что влип.

Одеяло согнулось пополам и вдруг громко заревело — это был серый. Разбуженный и злой, путаясь в своей тёплой обертке, тот сверкнул красными глазищами, пялясь на Сорса, и, ослеплённый светом фонаря, прикрыл грязными ладонями широкое, заросшее синей щетиной, землистое лицо. Он заревел ещё громче, так что, наверняка, его стало слышно далеко за пределами квартиры. Сорс подтянул ноги

к животу и что есть силы толкнул ими серого подальше от себя. Тот, заткнув от неожиданности свою сирену, но всё же продолжая взрыкивать, откатился к центру коридора и перегородил собой путь к входной двери. Джей стал шарить вокруг себя в поисках рации, но никак не мог нащупать её. Он быстро огляделся, поводя лучом света по коридору, перевёл луч дальше и увидел аппарат. Тот блеснул матовым корпусом из-под стола в глубине тёмной кухни, метрах в пяти от смотрящего. Как она там оказалась, смотрящий не знал, должно быть, при падении он сильно толкнул её. Неожиданно на кухне тоже началось какое-то движение, и Сорс понял, что рация потеряна. Издавая недовольное мычание, на пороге кухни возникли сразу два здоровенных серых в каких-то лохмотьях, похожих на сильно истлевшие строительные комбинезоны. От этих двух разительно пахло разрытой землёй, как будто они очень долго копали могилы на каком-то кладбище. Или раскапывали?

Джонатан вскочил на ноги и начал лихорадочно решать, что делать, зная, что времени у него считанные секунды. Лишённый кобуры «Пепи» надёжно спрятался в глубоком кармане комбеза, всё равно что младенец в пелёнках, и доставать его совсем не было времени, в любой момент серые могли начать атаку. Он сунул руку в кобуру, чтобы достать «рапу» и дёрнулся к выходу, но тут он увидел, что из комнат вываливаются ещё двое пока ещё очень медленных спросонья (они спали здесь!) серых. Это были две женщины. Порабощённые женщины выглядели особенно уродливо, иногда даже комично, но от этого не делались менее опасными. К тому же они были более гибкими, и потому особо опасными в ближнем бою. Господи, — подумал смотрящий, — да была ли здесь эвакуация?! Внезапно здоровяк-серый, который рвал на себе одеяло, лёжа на полу, резко поднялся и, завопив с новой силой, могучими руками с треском содрал с себя обрывки вонючей клетчатой ткани. Пригнувшись, он опять сверкнул кровавыми глазищами на Сорса в свете фонарика. И прыгнул.

* * *

— Странно, пара километров осталась, а связи по задачникам всё нет.

Я посмотрел на тоненькую гибкую полоску своего универсального задачника. Все смотрящие имели такие нужные вещицы — практически неубиваемые, с вечной батареей, хитро заряжаемой теплом человеческого тела, с мощным процессорным комплексом, что-то там про «тридцать два независимых микроядра и сверхбыструю прямую шину данных» лучше спросить у Нанда, он у нас бывший «дятел», до известных печальных событий был программистом. Ну, естественно, виртуальный проецирующий экран, реагирующий на нажатия, система слежения за самочувствием пользователя и всё такое. И, конечно, связь. Когда работал оллнет, проблем вообще не было. В любой точке, в любое время — ты на связи. Когда-то люди, представить трудно, платили за минуты разговора. Это же надо было ещё додуматься до такого мошенничества! Средство связи с ограничением по доступу. То ли дело сейчас, когда всё это включено в простой гражданский налог. Был налог… Было государство. Была система.

В общем-то, у каждого горожанина были такие наручные штуки, ну, почти такие, попроще. Ещё в начале века, когда население первых гиперов перевалило за сто миллионов, власти многих стран осознали необходимость подобных устройств. С помощью задачника горожанин мог делать очень многое. Работать удалённо, платить за всё-всё-всё, связываться с кем угодно, когда угодно, искать и быстро находить в оллнете любую инфу на любую тему. В общем, на то он и задачник — для любых задач самого требовательного горожанина. Смотрящие имели прокачанные модификации, с некоторыми особыми функциями. Ну там, специальный ударопрочный пластик, объёмное аппаратное моделирование ориентирования на местности, полные подробнейшие схемы подземки всех городов, что удалось добыть, опять же объёмные и зашитые аппаратно. Спасибо первому Бригадиру, Коле Солоницыну, Бате нашему. Знал человек, что ещё нам действительно нужно, кроме «палыча», лебедки и удачи. Жаль, ушёл рано, погиб геройски в Москве. Мы с Надей тогда на другом конце были, затыкали дыры на западе, со стороны Святого Питера. Те, кто были в Центральной, его группе, рассказывали потом, как он их спас, всех одиннадцать человек. Раненый, не позволил себя тащить, остался с двумя «палычами» и взрывчаткой на Комсомольской сдерживать прорыв. Облепленный не меньше чем десятком пятнашек, продержался больше часа, залил

станцию киселем, и обрушил свод, когда в неё «втекли» три розовых потока. Вот это был человечище! Ребята плакали навзрыд, когда выбрались наверх, все одиннадцать — здоровые суровые мужики, Толина школа. Волк вот тоже из ранних, только из Южной школы. Все сейчас бригадиры, кто тогда смог добраться до окраины живой, успел до… ядерной зачистки.

Когда из-за перебоев с энергией и потери важных узлов в захваченных городах начала пропадать сеть, стало ясно — со связью будут большие проблемы. И нужно что-то придумывать. А что тут придумаешь? Тридцать лет жили в оллнете, проблем не знали. А теперь… В пределах двух-трёх кэмэ на просторе, одного — городской застройки и пятисот метров подземки задачники наши ещё работали напрямую, «по инлинку», как объяснял Нанд. Что-то про широкополосную, защищенную и неэнергоемкую связь. И вот когда отключились последние серверы, привычная связь с любой точкой планеты, похоже, навсегда осталась в прошлом. И всё — хоть гонцов посылай. Хорошо ещё, на заброшенных базах нашли да научились пользоваться старыми армейскими рациями. Но и те не всегда работали как надо. Иногда удавалось пересылать сообщения через спутники, при наличии генератора и передатчика.

Иными словами, отсутствие нормальной связи отправило нас в ещё более глубокую за… в общем, в тёмную эпоху. Ну, хотя бы вот другие функции доступны.

Надя посмотрела на свой задачник и тоже нажала на значок вызова.

— Подождём ещё, может появится сигнал. Я включу автовызов.

Она деловито пощёлкала по экрану своим маленьким пальчиком. У неё было в этот момент такое умилительно сосредоточенное, серьёзное и красивое лицо, что я весь расплылся в улыбке, как кот, которому чешут за ухом. Как же я счастлив, ребята! Вот бы ещё с планетой разобраться.

— Ладно, подождём, — согласился я и снова стал смотреть на шоссе. Всё-таки надо хоть иногда следить за дорогой, а не только любоваться любимой женой.

Складка всхрапнул, подпрыгнув на очередной кочке — когда мы свернули с шоссе к базе, дорога стала заметно хуже. Я покосился на Егорыча — тот всё так же невозмутимо смотрел в окно, изредка старчески вздыхая.

Из-за редкого лесочка на следующем повороте вдали показался КПП базы и расходящийся во обе стороны от него бесконечно серый бетонный забор. Я постучал по крыше, чтобы ребята готовились. Вот мы почти и дома.

Я снова посмотрел на задачник. Нет, ну этого просто не может быть: здесь почти прямая видимость и — ни одного сигнала! Причём друг друга наши задачники видели отчетливо. Я издалека посигналил клаксоном. Из домика рядом с воротами никто не показался, ржавый красно-белый шлагбаум оставался опущенным. Подъехав почти вплотную, я остановил тачку и, открыв дверь, встал во весь рост на подножке, чтобы оглядеться.

— Не, ну в самом деле раздолбаи! — Волк, кряхтя, водрузился на крышу кабины. — Эй, Витязь! Скупидон! Кто там ещё обычно в периметре… Коряга! Почему не открываете?

Подул зябкий ветерок, и в странной тишине кусок ржавой трубы, преграждавший дорогу, качнулся на основании и противно скрипнул. Из-за забора и будки КПП по-прежнему не слышно было ни звука. Я посмотрел на попутчиков.

— Вообще-то сейчас время обеда, — с сомнением протянул Нанд. — Может…

— Ага, — прервал его Волк. — И посра… извините, леди, в сортир все дружно после этого самого обеда рванули, да? Теперь в бомбоубежище сидят, отрабатывают действия при ядерной угрозе? Ну что за колхоз!

— Что значит «колхоз»? — удивлённо спросил Нанд, взглянув на старшего. Егорыч и Складка, сидевшие сзади, синхронно переглянулись. Егорыч усмехнулся, а Складка как-то ехидно сморщился.

— Эх, молодёжь… — тихонько протянул дед Пётр.

— Коллекторские хозяйства, — стал объяснять Волк. — Были такие в прошлом веке. Собирали разные ненужные вещи у людей, работали при этом грубо и неряшливо. Синоним плохой и грубой работы.

Старики дружно захихикали. Волк озадаченно посмотрел на них, но промолчал. Я спрыгнул на землю и захлопнул дверь.

— Ладно, чего гадать, пойдём проверим, что там да как.

Волк кивнул и взглянул на молодого.

— Давай-ка ты с ними, а мы со старичками пока машину загоним. Ох, дисциплина тут, мать её вольница. А ещё Смотрящие! Ну я Бесу задам…

Нанд посмотрел на его ноги и слегка поймал балду, как говорил мой батя. Или как-то по-другому он там говорил… Память иногда подводит, это всё из-за пятнашек… Я проследил за взглядом молодого и присвистнул.

— Волк, ты на ноге стоишь?! — почти выкрикнул молодой, до которого, наконец, дошло.

Волк посмотрел вслед за ним на свою конечность. От увиденного он и сам слегка обалдел. Видок у него был, конечно, аховый: на повреждённой ноге штанина оторвана по колено, голень перехвачена серым коконом «регена», а сверху — небритая бледная, почти синяя, рожа бандюги с большой дороги, угрюмая и страшная. Но на ногах великан стоял твёрдо и без посторонней помощи, и это очень радовало.

— Ай да старички… Где ты их откопал, Ири?

Я только хмыкнул и пожал плечами. Старики, на пару довольно осклабясь, снова переглянулись. Дед Пётр опустил стекло на дверце и, сощурившись на выглянувшее из-за серого рваного облачка солнце, произнёс:

— И правда, время обедать. Может, в самом деле, и перекусить чего, — он обернулся к приятелю. — А, Фёдор?

— Да уж, давненько я так далеко на авто не ездил, — Складка сладко потянулся, отходя ото сна. — Порядком утомляет и вызывает прямо-таки адский аппетит.

Внезапно наши задачники дружно так пискнули, выходя на связь с новым собратом. Я быстро поднес экран к глазам. Сигнал уже пропал, но задачник запомнил и выдал проекцию, чей это был. Из нашей общей базы номеров, смотрящий, Коля Солин, по прозвищу Соль.

— О, Колян объявился. Уже что-то, — сказал молодой.

Я посмотрел на экран ещё раз и щёлкнул по значку локации.

— Странно.

— Что? — спросил Волк.

— Судя по индикатору сигнал его далеко от базы — километра три.

Нанд пожал плечами.

— Наверное, глюк. Где им ещё быть? Не по грибы же он пошёл.

Он спрыгнул с борта, достал из кузова дробовик и привычным движением закинул его за плечо. Слева, за кустами, на территории виднелась длинная кишка гаража. Я взялся за шершавую трубу шлагбаума, потом обернулся и крикнул старику:

— Егорыч, подгони пока машину к гаражу, может заодно ребята посмотрят.

Тот кивнул, сел за руль и завёл двигатель. Я толкнул шлагбаум вверх, пачкая руки в ржавчине. Труба недовольно заскрипела на всю окрестность и на нас в том числе, поднялась и замерла, став почти вертикально под весом грузила в виде трёх перетянутых тросом кирпичей, потрескавшихся от времени и непогоды. Мы с Надей и Нандом переглянулись и ступили на территорию таинственно безмолвствующей базы.

*** * ***

Джей Сорс знал, что в прыжке серый опаснее всего. Тогда в нём особенно ярко говорит и им жестоко управляет нутро стремительной подвижной ящерицы, впитавшейся в его тело, проникшей в спинной мозг, подчинившей себе все его нервные узлы. Пятнатели всегда прыгают в атаке, быстро и внезапно, неумолимо и неотвратимо. И принуждают это делать своих обычно медлительных рабов. И есть только два пути — либо прервать этот полет, либо уклониться. Есть, правда, ещё третий — испачкаться в убивающем киселе, если это пятнашка, или сцепиться в смертельной схватке, если это раб. Но сейчас этот способ точно не подходил. Вокруг были ещё враги, и они могли подключиться очень быстро, не смотря на кажущуюся сонную медлительность. К тому же Джею очень не хотелось заново испытывать на себе болезненные последствия третьего способа. Его тело и так было покрыто многочисленными укусами и ранами, едва успевавшими зарастать до появления новых.

Джей выбрал второй путь, так как на первый всё равно не хватало времени. Выждав мучительные доли секунды, в течении которых буйный серяк оторвался от пола и в недолгом полете вытянул в его сторону конечности с растопыренными грязными пальцами, Сорс резко бросил своё тело вниз и кувырком, стараясь не ударить больное плечо снова, перекатился к выходу. Спину прострелила резкая боль — под лопатку попал одинокий старый рваный тапок, который валялся на

полу, откатившись, должно быть, от рассыпанной кучи обуви в углу. Быстро встав на ноги, смотрящий решил не дожидаться, пока новые знакомые оценят поворот событий и, больше не медля, кинулся вон из квартиры. Он только услышал краем уха, как прыгун смачно шлёпнулся на линолеум, с глухим стуком ударившись головой обо что-то твёрдое. Сорс выскочил на площадку и понял, что снова влип.

Своим истошным рёвом борец с одеялом достиг важной цели — весь этаж, как оказалось, наводненный серыми, был поднят на ноги. Впрочем, вполне возможно, и весь дом мог быть наполнен ими. Из всех квартир на площадку стали выползать серые. Недовольные ярким дневным светом (Джей мельком взглянул на задачник — было четыре часа пополудни), передние дёрнулись назад, чем создали такую нужную заминку для желавшего поскорее унести ноги Сорса. На секунду он остановился, решая, не кинуться ли вниз по лестнице, но тут же отверг эту идею. Вряд ли эти разбуженные толпы дадут ему теперь спокойно и быстро добраться до земли. К тому же без проблем проскочить сотню этажей… Даже с помощью лебедки это несколько пролетов, и неизвестно ещё, не спит ли там кто воинственный на балконах, с головами зарывшись в тряпки. А у него (Сорс быстро порылся в карманах) не наберётся и пары запасных «отсечек» для лебедки. Тем более, что это был самый крайний метод для Джея — он боялся высоты. После этой страшной квартиры Джей не знал, чего ещё ожидать от врага. Оставался только путь на жутком лифте, который мог в любой момент размазать его вместе с кабиной о своё основание.

В этот момент в сумеречном лестничном проёме замаячили разбуженные серые, двигавшиеся с соседних этажей, и возможность выбора окончательно пропала. Джонатан шагнул в лифт и вдруг услышал близкое сопение. Он резко обернулся и увидел у самого входа в кабину невероятно резвого коренастого чернокожего серого. Сорс едва успел внутренне усмехнуться странно прозвучавшей в мозгу фразе «чёрный серый». Этот тоже был в строительном комбике и вонял гнилью и разрытым грунтом. Он ощерился на смотрящего изломанными зубами и присел для прыжка. Сорс спокойно, но быстро поднял пистолет и чётко разрядил его в грязную голову человекоподобного. Выстрелом того отбросило на несколько метров. Джей не стал дожидаться, пока несостоявшийся прыгун упадет и ему на смену придут другие, и с размаху ударил костяшкой согнутого

пальца по утопленной в панель кнопке аварийного спуска. Кабина с шипением захлопнула двери перед носом очередного резвого серого, опередившего толпу однокашников, и с жутким предательским свистом камнем рухнула вниз.

*** * ***

— Чёртова баба, положила братьев наших! Амэн…

Зигмунд со злостью грохнул грышкой железного мусорного бака и сделал в воздухе круг ладонью.

— Слышь, Патрик, — окликнул его один из стоявших рядом, высокий широкоплечий здоровяк Квазир. — Может лучше их закопать? Я где-то слышал, что раньше так делали… Мусор-то теперь не вывозят.

— Заткнись! — Зигмунд-Патрик сплюнул и прервал вращение рукой. — Закопать… Чем это ты, воин, собираешься копать? Может, стволом своим, неделю тобой нечищеным, чтобы снять, наконец, ржавчину? — Он сверкнул на него горящими глазами, заодно обведя ими стоявших рядом. Те поежились — отчаянные мародёры и бандиты с двухлетним стажем времени последней войны, они побаивались своего на вид не вполне нормального вожака.

— В марке всякого добра… — вяло, без особого уже энтузиазма в голосе пробурчал «воин». Патрик пропустил его замечание мимо ушей.

— Догонять надо фройляйн, уйдет ведь. А, Патрик? — подал голос другой подопечный, длинный и тощий Сван, и с опаской посмотрел на вожака.

— Не уйдет. Вот только тачку починим — и сразу накроем мерзавку. Она-то пёхом в поля на север дёрнула. Куда ей деваться от дороги, одна она там. Да и подранил я козу, кровь её там осталась.

— А если она колеса найдёт?

— Догоним, — Зигмунд, который требовал от своей волчьей паствы называть его «Патрик», выпрямился во весь свой двухметровый рост и тут же согнулся опять, скривившись от жуткой боли в боку. Очень похоже было, что те, сбившие его на пикапе, сломали ему ребро. А то и два.

— Сыновья грома, постигнет кара моя и вас… — злобно прошипел он. Посмотрев на бойцов он вдруг рявкнул. — Ну! Что встали? Рассыпались по улицам, ищем живую тачку и припасы в дорогу. Борода!

— Тут я, — отозвался невысокий плотный мужик с редкой рыжеватой бородкой.

— Что с нашей колесницей огненной?

Тот помялся, перебирая ногами на месте и кося вбок.

— Патрубок надо… радиатора. И автозажимы.

— Ну так ищи! Дуй в марк, может завалялось где. Или снимешь подходящий с какой-нибудь колымаги. Что, я тебя учить должен? До ночи здесь торчать?! Живо!

Группка из пяти человек резво рассеялась в подворотнях. Зигмунд довольно посмотрел на сверкающие пятки молодцов, но потом нахмурился и процедил сквозь зубы сам себе:

— Надо валить из города. Чую, ползёт тьма, вползает смрадная…

И эти, на пикапе, что смахивали на смотрящих вперемежку с разным сбродом, тоже тикали быстро и вовсе не к центру города. Не к добру, — подумал Зигмунд.

Он накинул на плечо лямки двух автоматов, оставшихся от убитых и медленно побрел через узкий, с огромными лужами, двор к просвету между этажками, туда где стоял огромный минивэн чёрного цвета, весь покрытый катышками капель после дождя. Патрик бросил оружие на грязный, чем-то заляпанный пол салона, скинул на одно из сидений плащ, забрался на переднее пассажирское сиденье и со стоном задрал поношенный свитер, когда-то зелёный, а теперь — почти чёрный от времени и грязи. На левом боку его тела стала видна огромная фиолетовая гематома. Зигмунд взял с полочки для напитков небольшую жёлтую пластиковую баночку с мелкими надписями, выдавил на ладонь мазь и стал осторожно втирать её в кожу повреждённого места. В голове его в этот момент проносились различные способы мести негодным людишкам, посмевшим пойти, да ещё так грубо, против него, самого Патрика, Пастыря пустых городов. Того, который в миру, в той, исчезнувшей жизни был Костей Сорокиным, мелким клерком одного из тысяч отделений Московского Сбербанка, и который всю жизнь мечтал стать священником, но непременно высокого сана и с великочисленной паствой.

Да, в последние пару дней ему и его команде явно не везло. Вместо привычных идиотов-обывателей, быстро пускавших слюни и отдававших последнее, они три раза кряду нарвались на «воинствующих бакланчиков», как назвал последних встречных Борода.

В первый из этих трёх раз Зигмунд, правда, пристрелил зарвавшегося бомжару, но тот, прежде чем двинуть коней, невесть откуда взявшимся древним «макаром» успел ранить Квазира, «правую руку» Патрика. В правую же руку и попал, сучий сын. А Квазир у нас отнюдь не левша, вот что обидно. Лучший боец и стрелок, между прочим. Ничего, — подумал Патрик, — впредь будем умнее. Сначала стреляем, потом разбираемся. Вот только раны подлечим и тачку «на колеса» поставим.

Он стиснул от злости зубы, вспомнив предпоследнюю стычку. Третьего дня они в двух кварталах от марка поймали какую-то девку в

военной снаряге, и уже было обрадовались неожиданной встрече и двойной удаче — у неё, помимо полного рюкзака, набитого ценными вещами, выяснились весьма приятные на вид формы и очень милая мордашка. Тёлочка, правда, оказалась горной козой и положила двух бойцов! Зигмунд в ярости воткнул кулак в торпедо, и прочный пластик жалобно всхлипнул. А потом эта стерва сделала ноги, раскидав остальных его волков. И ведь они, хоть и туповаты, не зелёные сопляки! Когда позже Зигмунд заглянул в этот рюкзак, брошенный в стычке убежавшей стервой и подобранный его баранами, он сразу понял, что девка эта — непростая. Содержимое походило на набор спеца по выживанию и, одновременно, профессионала-киллера. А ещё там были документики, да такие, что ох и ах. Вот если бы их удалось выгодно загнать куда следует… В общем, зря он со своими придурками обрадовался скорому приятному развлечению со смазливой бабёнкой. Аппетитная кость таки застряла в горле. Но ничего, — зло подумал он, — ещё встретимся и вернём должок. И с теми на пикапе тоже поквитаемся. Времени у него теперь ой как много, и цель вполне ясная. И привычка — никогда никого не прощать.

Закончив процедуру, он убрал ценную баночку в бардачок, взглянул на себя в зеркало заднего вида и задумчиво потёр колкую щетину на красивом мужественном лице. Потом откинулся назад и прикрыл глаза, чтобы хоть немного подремать, пока остолопы выполняют поручения.

*** * ***

— Эй, ребята! Ау?

Нанд бодро топал по асфальтированному двору, бугристому от упрямых поросле́й, в сторону скопления зданий бывшей воинской части, а мы с Надей подгребали сзади и всё больше напрягались. Здесь явно что-то не то творилось. Обычно на базах смотрящих всегда кто-нибудь чем-нибудь занят — возится с машинами, чистит оружие, слышны крики, перебранка, гремят посудой в столовой — в общем, кипит жизнь борцов с розовой заразой. Эта база была словно вымершая, ну, будто бы люди только-только все разом взяли и ушли куда-то.

Насколько я смог прикинуть, территория части была довольно большая, но зданий было немного — три больших постройки

посередине, за этой странной огромной площадью и ещё одна, в отдалении, — какой-то большой ржавый железный ангар, в окружении облезлых берез, явно какой-то склад. Ангар этот теснился к бесконечному бетонному рельефному забору. Ну и ещё одно здание — длинную тёмную кишку гаража — мы миновали ещё сразу за скворечником КПП. От скворечника к этой площади и постройкам вела длинная широкая аллея с непроходимыми кустами шиповника по краям.

— Тут очень тихо, — задумчиво сказала Надя.

— Ч-чёрт… Собрание у них, что-ли? Скалка! Толик! Охрану-то выставлять надо! — Нанд тихо выругался, когда мы, наконец, миновали бескрайнюю площадь и подошли к трем основным зданиям. Как там её называли раньше вояки — палац? Чёрт его знает, меня в эту проф-армию калачом не заманить было, хотя и пытались, конечно, с моим-то уровнем. Генералу одному как-то его роскошный внедорожник подправил, так он такие золотые горы посулил, если я к нему на хлеба подамся, что хоть прямо бери, с ушей снимай и по карманам распихивай. Не-ет уж, мне и в моём гараже неплохо. Было…

— Это что здесь за постройки? — спросил я молодого.

— А-а… Та, что слева, трехэтажная — казарма, там ночуем и бьём баклуши. Эта, в центре, — он указал на здание в два этажа, из белого потрескавшегося кирпича и с огромными окнами, — что-то типа госпиталя, при желании и наличии доктора даже можно подлечиться. А это, — Нанд посмотрел на красное приземистое одноэтажное здание справа и улыбнулся, — наше любимое место, столовая. — Он уверенно направился к зданию с крупной облупившейся и обвалившейся надписью «СТ…ЛОВ…Я» над входом. — Тут они, наверняка.

Мы с Надей двинулись следом за парнем. Он толкнул ногой ржавую железную дверь.

— Где же им ещё быть? Жрать они горазды, не выкуришь из кухни…

Здесь тоже никого не оказалось, хотя на столах стояли грязные тарелки, кружки, лежали ложки, вилки, ножи, а в углу, у окна выдачи возвышались неубранные кастрюли с остатками еды. Надя подошла к одному из столов, взяла одну из тарелок и осторожно понюхала, поднеся к носу.

— Хм, еда ещё свежая, — пожала она плечами. — Не обветрилась и не воняет. Даже вполне себе вкусно пахнет. Правда, уже холодная.

Нанд заглянул в ближайшую кастрюлю.

— Каша с тушнёй, моя любимая, гречневая. Это же надо, полкастрюли оставили!

Со стороны кухни раздался резкий звон. Там явно упало что-то металлическое, не иначе, какая-то посуда. Мы разом вскинули оружие и замерли. Больше звуков не доносилось.

— Эй! Кто там, выходи! Не смешно! — выкрикнул Нанд и стал осторожно подходить к проёму в стене, сообщающимся с кухней, с надписью над ним на ржавой табличке мелом: «В столовой и бане все равны». Шутники, однако. Нанд заглянул в проём, но никого не увидел. Я двинулся к двери на кухню, показав жестом Наде, чтобы держалась позади меня и чуть в стороне — прикрывала наши спины.

Из кухни упорно не отзывались, что было уж совсем непонятно. Походило на весьма дурную шутку или всеобщее местное помешательство с исходом в неизвестном направлении. Я кивнул Нанду, и мы одновременно ввалились в кухню — он — через окно выдачи жратвы, я — вышибив ногой ветхую картонную дверь.

На кухне никого не оказалось. Между двух огромных грязных газовых плит посреди кухни валялась, покачиваясь на боку, огромная пустая алюминиевая кастрюля. Наверное, кто-то второпях неловко поставил на край и забыл, а она возьми да и шлёпнись. Когда мы пришли, ага. Бывает. В глубине кухни темнел проход в кладовую, дверь была приоткрыта. Куда же так торопились наши ребята, что побросали вкуснятину? И где они все?

— Ну, чт… там… вас? Приём.

От неожиданности я вздрогнул. Нетерпеливый прерывистый голос Волка шёл от запястья. Сигнал был здесь неважный.

— Нигде никого нет, — ответил я, поднеся задачник к губам и опустив «палыч». В столовой и кухне — недавно готовили и кушали. Идём дальше, проверим госпиталь…

— Лазарет, — поправил меня Волк. Тоже ещё, знаток военного дела.

— Ладно, ладно, знаток…

Пока я говорил, Нанд подошёл к тёмному чулану за кухней и потянул приоткрытую дверь на себя. Дверь противно взвизгнула

гнилыми петлями.

Этот серый оказался очень быстр. Наверняка, он раньше был спортсменом, каким-нибудь легкоатлетом, пока я в каком-то оцепенении, по инерции, пытался закончить фразу, перенося тягучие слова из мозга на язык, одновременно вскидывая опрометчиво опущенный «палыч» и щёлкая «собачкой» предохранителя, надо же, откуда я помню это оружейное слово, он дико заревел и прыгнул, Господи, как он быстр! Нанд, уходи в сторону…

— …военного де… Нанд! Уходи в сто… — я выстрелил. Нанд охнул и согнулся пополам — серый ударил его головой в живот, мгновенно извернулся и диким рёвом, слышимым наверно по всей базе, своими грязными деревянными пальцами, как когтями, вцепился ему в шею и начал валить на спину, клацать зубами, вспышка разносит открывшуюся дверь в щепки, мимо, нет, это не я стрелял, это Надя, я ещё только жму на спусковой крючок, целясь в проём, потому что там ещё двое, нет, трое грязных серых, Боже, почему они всегда такие грязные…

— …рону!

Нанд падает в обнимку со спринтером. Его дробовик смотрит в потолок и дёргается вниз, оглушая выстрелом, с потолка что-то сыплется кусками. Одновременно взрывается башка ближайшего серого в дверном проёме, чёрт, я забыл передвинуть регулятор на ударный импульс, отпускаю крючок, рукоятка резко потеплела, кидаюсь к Нанду, тот борется с «атлетом», кладовка обляпывается несвежими мозгами, какая вонь! Они что тут, заживо гниют?! Это же люди, что вы с ними делаете, прозрачные сволочи?!

Я в два прыжка подбегаю и со всей силой пинаю в бок прыгуна, вцепившегося в молодого. Тот, к моей радости, отпускает Нанда, слегка подлетев, падает и перегораживает проход из чулана в кухню. Безголовый, двигающийся по инерции вперёд, спотыкается о него и заваливается на нас, из дымящейся шеи его толчками хлещет тёмная, почти чёрная, кровища. Я выхватываю Нанда из-под струи, повисшей в воздухе, и тащу по полу к выходу. Пока мы так продираемся к свету, Надя кидается к наружной двери, хочет прикрыть нас от возможного прорыва снаружи. Ещё она о чём-то быстро, прижав к щеке запястье, говорит по рации Волку. Я слышу только обрывки фраз со своего задачника, в столовой плохой сигнал. Сзади раздается странный

всплеск. Не оборачиваясь, догадываюсь — кровища долетает до пола… Выскочив на улицу и оглядевшись, Надя тихонько охает и машет мне…

— Давай! Скорее, их там тьма! Лезут из здания слева! Из лазарета!

Немного придя в себя от её крика, я смотрю на Нанда.

— Идти можешь?

Тот, хрипит, но кивает, говорить он явно не может. Под подбородком у него какое-то кровавое месиво. Я рывком ставлю его на ноги и подталкиваю к выходу. Сзади раздается знакомое мычание. Серые, новые и свежие, вываливаются из кухни в количестве не менее десяти. Как они все уместились в том чулане?

— Ходу!

Мы выскакиваем на площадь, и я на секунду теряюсь. Из соседнего здания, не иначе — того самого чёртова лазарета, со стонами ломятся серые, их много, кошмарно много, не меньше трёх десятков тащатся в нашу сторону по улице и сколько их там ещё внутри? Со стороны КПП раздаются знакомые хлопки, и тут же, с наших запястий звучит голос Волка.

— Ребята, у нас проблемы!

— Что ещё? — спрашиваю я, на бегу поддерживая Нанда. Надя бежит сзади и, что называется, лицом назад.

— Из гаража валят серые и… там, в глубине, пятнашки! Мечутся, так и норовят выскочить. Совсем озверели, день на дворе! Там, не иначе, есть спуск под землю. Н-на!.. Положил первые ряды, но… поднажмите. Деды волнуются. Ну и вонища тут! Нашли кого из ребят?

— Нет. Это какой-то дурдом! Они везде!

— Эх, пэпэшечка, не подведи! Егорыч, смотри в оба!

Мы кое-как, по диагонали, пересекаем этот проклятый бесконечный плац-палац и добираемся до аллеи.

— Ир, справа! — кричит Надя. Я не глядя полосую вбок невидимым лучом. С треском вспыхивает красный от ягод куст шиповника, и из-за него, лопаясь, вываливаются обожжённые трупы двух серых.

— Держимся середины! — я снова подталкиваю Нанда. Внезапно он падает, и мы останавливаемся. Перевернув его, я вижу глубокую рану на шее. Вся рубашка его пропитана кровью. Задачник на его руке

что-то озадаченно бурчит и недовольно пищит. Я догадываюсь, что он пытается сделать микроинъекцию.

— Вот гады, порвали парня! Надя, помоги мне!

Мы вдвоём взваливаем Нанда мне на плечи и снова бежим. Ещё сто метров, пока их не стало слишком много. Ну и тяжёлый же ты, молодой!

— Где вы там? Они толпой валят! У меня «палыч» сейчас перегреется! — рявкает мне в руку Волк. — Пулемет бы мне…

Нанд роняет дробовик и совсем отключается. Надя подбирает оружие и закидывает на плечо. Она что-то бормочет себе под нос, но я не слышу, и некогда спросить. Вдруг я отчетливо ощущаю её голос прямо в своей голове: «Только не упади, милый, только не упади…»

Раздаётся сухой и громкий треск выстрела, потом, почти сразу, ещё один. Вот и дедов обрез заговорил.

— А-а! Заразы! Сколько же вас! — это снова Волк. Быстрее! Я уже начинаю задыхаться под двойным весом, взрывается болью коленка, повреждённая в прошлом году в московском рейде, неудачно спрыгнул с платформы на рельсу… Позади слышится хор хриплого дыхания и звуков «ы» и «у». Все, что могут произносить эти бывшие люди… Ещё полста… Я весь в крови, когда успел пораниться? А, это, должно быть, Нандова.

— Держись, парень, — пытаюсь прохрипеть я на бегу. — Надо выжить, а то кто же этих гадов будет спасать… или всю жизнь нам теперь их убивать? А, Нан? Достаётся тебе… ф-фух… в последнее время…

Из-за плотных высоких кустов по краям аллеи в конце этого бесконечного асфальтированного двора показываются «скворечник» и наша машина перед воротами. Зрелище — не для слабых нервами. В кузове стоит, облокотившись на кабину, Волк и тихими хлопками палит почем зря из «палыча» в сторону гаража, двери которого выходят на площадку перед въездом на базу в двадцати метрах от машины. Из этой бездонной «кишки», сложив собой уже огромную дымящуюся кучу, вываливаются серые, словно их выдавливают из огромного тюбика как странную и страшную полуживую зубную пасту. Волку помогает дед Егорыч, периодически давая залпы из своего старинного чуда. Но ему приходится подолгу перезаряжать свой

малозарядник. Складка сидит в кузове и подает Егорычу патроны из ящика.

— Егорыч! — кричу я деду. Он, да и все трое, оборачиваются ко мне. — Заводи!

Старик спокойно и уверенно разряжает обрез в двух подобравшихся сбоку серых, затем кидает дымящийся ствол на сиденье и послушно лезет за руль.

И тут я вижу, что слева, из-за здания КПП бегут (да, именно бегут!) ещё восемь серых! И что ребятам не успеть, потому что из гаража, выскочило сразу штук шесть, да ещё в каких-то странных толстых жилетах…

— Волчара, сзади! — пронзительно кричит Надя и рвётся вперёд, обгоняя меня с моей ношей. Я и не знал, что она может так громко кричать. Жаль, что «палыч» не бьет дальше тридцати метров. А они теперь ещё и бегать могут…

Я вспоминаю, где видел эти жилеты: на бойцах спецназа. Много их полегло, а в основном — посерело, согнанных на подавление странного «бунта» населения, тогда, весной, в Москве. Неужто прямо оттуда притопали? И мне не успеть до машины раньше их, а особенно тех, которые заходят с тыла… Надя! Куда же ты… Если брошу Нанда, обратно уже не смогу вернуться, их тут как кроликов на ферме. Дыхания катастрофически не хватает, сердце усиленно ищет между ребер щель пошире, чтобы, наконец, выскочить на свежий октябрьский воздух…

Волчара оборачивается и, ошалев от увиденного, достает из-за пазухи гранату. Грел он её там, что ли? Я дёргаюсь, вспомнив нашу последнюю вылазку, и кричу, срываясь в хрип:

— Волк, не надо! Подожди! Надя, пригнись!

Он смотрит ошалелыми глазами на меня, на мою ношу, на Надю, мне за спину, коротко качает своей головищей, дёргает из гранаты чеку и, прорычав «получи хреновину», со всей силой швыряет «гэшку» в распахнутые створки гаража. Я машинально приседаю, с запозданием понимая, что вставать с моим живым грузом будет ой как непросто. Волк лишь опускается до уровня кабины и резко разворачивается к группе с КПП. Те, упорные, почти достигли внедорожника. Волк целит оружие в двух ближайших и почти что жмет на крючок. Надя с разбега кидается на асфальт и прижимает ладони к ушам.

В этот момент раздаётся оглушительный хлопок. В ушах звенит, я с трудом разлепляю веки. Волной из гаража выбивает несколько десятков тел и ещё живых, громко вопящих серых, валит заодно и «группу захвата», что очень кстати. Лобовое стекло на пикапе лопается, засыпая пригнувшихся дедов осколками. Я завываю от натуги и, скрипя суставами, поднимаю наши с бесчувственным Нандом двести кило. Колено стреляет адской болью. Надя тоже встает с колена и кричит от досады. Её «палыч» лежит позади неё шагах в пяти — обронила при падении. Она скидывает с плеча дробовик…

И здесь я по-новому осознаю значение фразы «стечение обстоятельств». Потому что обстоятельства наши «стеклись» в одну нехорошую, дурно пахнущую кучу. Я всё ещё слишком далеко, метрах в пятидесяти и не могу бросить друга — в затылок хрипят десятки серых, я, не оборачиваясь, слышу их дурное дыхание. Надя обогнала меня метров на тридцать, и её «палыч» лежит между нами. Грязные тупые рабы-оборванцы, числом не меньше восьми уже почти у борта машины, и, вдобавок, оглушённые «спецназовцы», обиженно мыча, начинают подниматься. Надя пытается передернуть цевьё, кричит от досады, и я понимаю, что дробовик заклинило. «Палыч» раненого Волка противно пищит, сообщая о перегреве и разряде. Не меньше сотни выстрелов, значит. А резервные блоки я сунул под сиденье, чтобы случайно не намокли в кузове. Разряженная двустволка Егорыча лежит рядом с ним на сиденье, заваленная битым стеклом. В общем, как говорил мой батя в таких случаях — полная шоколадница. До сих пор не знаю, причём здесь сладости.

Волк выхватывает из ножен на бедре свой десантный тесак и скалится.

— Ну! Давай по одному!

Надя бросает ставшую ненужной обузой помпу и бежит обратно к своему «палычу». Не успеть! Сейчас они прыгнут всем скопом и… придётся рвать зубами.

Я рычу и что есть силы бегу, решив, что буду, на худой конец, лупить их огромными ступнями Нанда. Тот, словно услышав мои мысли, слабо стонет. Тут я вижу, как Надя, глядя мне за спину, округляет глаза, вскрикнув, приседает в шаге от «палыча», зажмуривается и кладет ладони к вискам. Я тоже кручу глазом назад,

нет сил развернуться всем телом, тем более с моей бесценной ношей, и застываю на месте. Всё оказывается ещё хуже, чем я думал.

Позади и вправду толпа, но какая! Голов двести. И гораздо ближе, чем я полагал. Они и в самом деле научились бегать! Нестройные ряды разношерстных серых со страшной, небывалой, скоростью несутся на нас. Ну прямо бегуны на марафоне. Такие же усталые и недовольные серые лица… Увидев заварушку впереди, они, похоже, даже ещё ускоряются, хотя я замечаю, что всё-таки бег им даётся непросто. Слабое утешение! В моем мозгу болтаются только три слова, звонко бренча по стенкам черепа: «Что же делать?» Гранаты-то кончились.

Вдруг Надя тихонько охает, сгибается пополам и прижимает голову к коленям. Я не знаю, куда смотреть, то ли на неё, то ли назад. Неожиданно с толпой, грозящей растерзать и поглотить нас многочисленными руками и ртами, случаются какие-то странные метаморфозы. Первые ряды тормозятся, на бегу разворачиваются на сто восемьдесят и раскидывают руки. Начинается форменная свалка. Эти первые, наш авангард, что есть силы начинают бить и кусать идущих вторым эшелоном. Те, не будь полные дурни, отвечают им тем же. Спохватившись, и осознав, что это всё — старания Нади, я разворачиваюсь и кидаюсь к жене, как могу, быстро, преодолевая бесконечные метры между нами.

— Надя, вставай, милая! — Я поудобнее перехватываю Нанда и обнимаю его одной рукой, другую я протягиваю моей девочке, который раз спасающей нас от неминуемой смерти. Дрожащими от напряжения руками она хватает мою ладонь и тяжело поднимается, подхватив с земли «палыч».

Внезапно хлопают подряд четыре выстрела. Я смотрю в сторону КПП. Группа, что выскочила из-за будки и была сейчас самой опасной, резко редеет — четверо из толпы прибывших делиться опытом внезапной тыловой атаки, замертво падают на асфальт. Раздаются ещё два незнакомых выстрела — «и их осталось двое». Остальных кладёт дуплетом очнувшийся, наконец, Егорыч.

Я прихожу в себя и кричу ему:

— Газуй! — ведь трое из бойцов в жилетиках уже на ногах. Дед резво лезет обратно в кабину и что есть силы жмёт на педаль. Волк, матерясь, падает в кузов лицом вперёд, едва успевая убрать нож из под себя и куда-то его воткнув. Ударом бампера троица вновь повергается

оземь. Ещё двоих поднявшихся добивает Надя из своего «палыча». Остальные выходцы из гаража пока лежат не шевелясь.

— Проверять кто живой не будем, — хрипя, рявкнул Волк. — Давайте в…

В этот момент справа раздаётся оглушительный треск. Мы дружно оборачиваемся в ту сторону, не зная чего и ждать. Это рухнул, не выдержав взрыва, ветхий гараж, вернее его передняя часть с воротами, ближняя к нам. Волк явно вздыхает с облегчением. Но рядом среди кучи трупов наверняка ещё много упрямых живучих врагов, желающих нашей смерти и чего-то там ещё, чего они никогда не говорили. И позади…

Я, словно проснувшись, посмотрел назад. Метрах в тридцати почти сплошной стеной по двору в нашу сторону медленно, но верно снова двинулись серые, пока ещё тупые от Надиного «пинка», но они уже перестали драться. Да сколько же их тут, откуда? Что там случилось в этом госпитале? И где ребята? И кто, наконец, стрелял? Я взглянул на Надю. Она выглядела напрочь измученной. Бедная ты моя девочка! Ещё чуть-чуть, малыш, и выберемся, потерпи, ты умница, ты опять нас выручила…

— Давайте все в тачку! — Волк тяжело откинулся спиной к борту. — Фу-ух! Валим отсюда! Сейчас очухаются!

Я в конце концов дотащил Нанда до машины и перебросил его в кузов. Ноги тряслись от усталости.

— Что с ним?

— Ранен, шея, кровит сильно. И, похоже, сотрясение мозга — затылок разбит при падении назад.

— А что его брелок говорил?

— Не расслышал… Что-то про «морфий введён».

Волк покачал головой. Все быстро забрались в машину, и Егорыч резво вырулил к воротам. Из кучи у гаража поднялись несколько серых и упрямо поплелись к машине.

— Здесь кто-то из наших парней прячется. Шесть выстрелов, все в цель, — я высунулся в окно и крикнул. — Эй, кто живой?! Давай к нам!

И тут я слегка оторопел. С плоской крыши «скворечника» ловко спрыгнула на асфальт незнакомая стройная девица в защитном комбезе и с какой-то торбой через плечо. В тоненькой левой ручке она

уверенно держала тяжёлый дробовик. Выпрямившись, девушка приветственно подняла свободную руку. Егорыч притормозил рядом с ней, и «наш парень» одним движением запрыгнула в кузов.

— Ну, прочь из этого гиблого места! — пробормотал дед и крутанул руль.

— Егорыч, в Яновке езжай по первому следу, — отдышавшись, сказал я деду. — Не хватало ещё там застрять.

Егорыч кивнул. Машина выкатилась на потрескавшуюся военную бетонку, ведущую от базы к шоссе. Старик вдавил педаль газа, и мы понеслись. Я снова высунулся в окно и посмотрел назад. Толпа серых достигла КПП, встала в проёме ворот и, тяжело дыша, смотрела нам вслед во все свои красные глаза, но дальше не двигалась. Зрелище было жуткое. Казалось, что они обдумывали какую-то страшную месть, за то, что мы ушли у них из-под носа. Если бы я не знал, что они сейчас не больше, чем тупые безмозглые марионетки, то не на шутку испугался и гнал бы долго и что есть мочи. Я откинулся на переднем сиденье и спросил вполголоса Надю: «Малыш, ты цел?» Она положила свою ладонь на моё плечо и тихонько погладила, и только тогда я понял, как безумно устал.

*** * ***

В широком городском тоннеле стояла мерзкая вонь, оставшаяся после пронёсшейся толпы серых. Вонь перебивала даже острый специфический запах пятнашек. Сзади тележку пыталось нагнать, но постепенно отставало пылевое облако обвала, устроенного смотрящими сильным взрывом на станции Бот Ривер.

— Что-то я не припомню таких прорывов, — произнёс Сорс, стягивая дыхательную маску с лица. — Чтобы серые вперемешку со слюнявыми топали? И ещё в домах сидели?

Никогда ещё порабощённые не занимали брошенные людские дома. Обшаривать их вместе с пятнателями в поисках жертв — да, но днём они всегда старались уйти под землю, скрыться от солнечного и любого другого света. Встреча в этажке на время выбила Джонатана из колеи, к тому же он злился на себя за потерю рации и за то, что оказался не готов к неожиданным изменениям в поведении противника.

— Как ты выбрался? — спросил Зулус.

Сорса передёрнуло от воспоминаний.

— Да, пожалуй, что чудом. Лифт и вправду, как ребята говорили, вниз камнем пошёл. Не держат воздух старые тормозные баллоны в нашем климате. А трос целый, потому и стопоры не срабатывают, к тому же датчики без электричества дохлые. Когда пролетел этажей сорок, подумал — всё, амба. Аста ла виста, Джей, бей в бубен! — сказал я себе. Чуть от страха не помер преждевременно. Но видать, самую малость воздуха там всё же осталось. В конце вдруг как замедлится гроб этот чёртов, и я только зубами щёлкнул, когда он в пружины воткнулся, едва язык не откусил, потому что не поймал момент правильно.

Он с нервным смешком замотал головой.

— Не-ет… В лифты я больше — ни ногой!

Нтонга ободряюще посмотрел на друга. Подождав, когда тот немного успокоится, он спросил.

— Так ты говоришь, там вся этажка была забита серыми?

— Ну да. Расположились как у себя дома и спали…

Зулус покачал головой. И без того трудно предсказуемые, в последние дни действия врага становились и вовсе необъяснимыми.

Панель управления жалобно пискнула о разряде батарей.

Сорс издал хрюкающий звук и сплюнул вбок, затем включил на пульте режим экономии батареи. Тележка сразу сбавила ход наполовину и стала тащиться со скоростью километров пятнадцать в час. Старый аккумулятор быстро разряжался.

— Чёрт… Донашиваем старые вещи, — Сорс снова сплюнул и посмотрел на приятеля. Тот сидел на платформе с «пепи» на коленях и всматривался в темноту тоннеля.

— Они бегут, — вдруг сказал Нтонга и посерьёзнел.

— Кто? — не сразу понял его Джей.

— Серые, — Зулус повернул голову к напарнику. — Они раньше никогда не бегали, так как сегодня, Джей. Мы на тележке так и не догнали волну. А розовые с верховодами, выходит, идут следом.

— Если только не издалека, тогда обычная схема с разведкой. Значит… — задержал дыхание Сорс, осенённый догадкой.

— Значит, все мультики вокруг Кейпа захвачены! И они гонят перед собой серых, пока те не сдохнут.

— Или не перебьют нас.

Нтонга сверкнул белками.

— А в домах спят те, кого погонят второй волной. Или третьей. — Он помолчал и добавил: — Им же надо когда-нибудь отдыхать.

Сорс резко схватился за поручень и посмотрел на приятеля.

— Ты думаешь?… В порту погрузка ещё не завершена! А эти прут, как ошпаренные… Что же им так прижгло задницу? Вся Африка и так у них.

Он схватил рацию Зулуса в надежде, что всё же получится предупредить тех, кто остался в Кейптауне.

— Цикада! Цикада! Приём! — он сделал паузу, прислушиваясь, и повторил: — Цикада! Вызывает Лайон! Ответь, Пит, ну же… — он умоляюще смотрел на передатчик, но тот молчал. Затёртая панель приборов дрезины показывала лишь четверть заряда и противно попискивала.

Нтонга обвёл свод тяжёлым взглядом.

— Фонит. Много железа вокруг.

— Да чёрт бы её побрал, эту руду проклятую! — он стукнул ладонью по поручню и посмотрел на Нтонгу. — Что делать-то будем?

— Готовься, будем, наверное, умирать. Они там уже повсюду. Я слышу, как кричат дети.

Сорс ошалело взглянул на него и прислушался, но ничего не услышал, кроме гудения вагонетки и поскрипывания колес о рельсы.

— Да у тебя глюки после контузии, Тон. Звенит в ушах так, что здесь слышно, — он, подбодряя, улыбнулся другу, правда, вышло не очень. Зулус посмотрел на него с печалью в глазах.

— А ведь мы уже должны были погибнуть, нежный Джей. Как Сержио и Боров. Боги пока ведут нас, — Нтонга ткнул коричнево-белым указательным пальцем куда-то вверх. Сверкнув белками, он отвернулся, стал смотреть вперёд и ещё крепче сжал оружие в руках.

*** * ***

— Ну что, куда теперь?

Егорыч подкатил машину к месту, где бетонка ведущая к базе, упиралась в шоссе.

— Встанем у дороги, надо срочно осмотреть Нанда, — сказал Ир и замолчал, он был весь в каком-то оцепенении от усталости. — Вот что

я знаю наверняка, — всё же продолжил он, — назад в Ромов точно не поедем.

Пётр хмыкнул и съехал на обочину. Ир некоторое время просидел на переднем сиденье, не в силах пошевелиться, Надя в том же состоянии полулежала на заднем. Вымотанный бешеным потоком событий последних суток, смотрящий отключился. Организм настойчиво требовал положенного отдыха, долг и так был велик, но близость возможной опасности не позволила натренированному мозгу погрузиться в сон надолго. Спустя несколько минут Ирбис очнулся и огляделся. Надя тихонько спала на заднем сиденье, Волк сидел недалеко от машины на брезенте, расстеленном на жухлой траве, раскинув ноги и прижавшись спиной к огромному валуну. Чуть в стороне, на другом камне, поменьше, спиной ко всем, сидела давешняя незнакомка.

Позади, у опущенного борта кузова, стояли старики и вдвоём осматривали молодого. Приоткрыв дверь и вытянув шею для лучшего обзора, Ирбис прислушался к их разговору и чуть не вывалился от удивления из машины.

— Повреждена наружная сонная артерия, острая кровопотеря, плюс — сильная интоксикация от контакта с изменённым геномом и чужеродными культурами в открытой форме, — деловито сказал Складка, обрабатывая рану. — Зажмём, промоем, наложим швы, блокаду, регенерацию, дадим обильное питье — и будет порядок.

Волк, тоже с интересом наблюдавший за ними, спросил Фёдора:

— Ты где так наловчился?

Складка посмотрел на него грустными глазами и молча вскрыл пакет с медицинскими принадлежностями. Он быстро сделал раненому укол полевого биокомплекса, пинцетом зажал артерию, промыл рану, ловкими движениями достал из пакета хирургические нить и иглу, выждал с минуту, пока подействуют препараты и молниеносно зашил артерию и рану. Нанд даже не дёрнулся.

Пётр, стоявший рядом с Нандом и Фёдором у откинутого заднего борта, похожего на крышку секретера, подошёл к Волку и присел рядом.

— Он ведь был первоклассным хирургом, — тихо произнёс он. — И даже меня, вон, поднатаскал для первой неотложной помощи.

— А чего же с моей ногой возился ты, а не он?

Егорыч покряхтел, но всё же нехотя и ещё тише продолжил:

— Видишь ли… У него там целая драма… трагедия была с этой хирургией… Не хочет вспоминать. Ну и мне уже малость доверяет. А Нанд ваш, говорит, больно на сына его похож, вот и начал возиться. Сын у него в Москве… был. К тому же, с тобой проще было, чудо-повязку больничную наложили — и, считай, жив-здоров. «Реген» у нас всего один был, на тебя весь и ушёл. Да и как его на шею приладить? Так что с приятелем твоим без профи было не обойтись.

Волк молча посмотрел на Петра, потом на Фёдора. Тот деловито суетился над раненым.

— Ну вот. Через три дня ниточка сама рассосётся… А мы пока блокадку сделаем, — Складка весь преобразился за работой. Казалось, его быстрые и умелые руки выполняли всю работу сами собой, без вмешательства хозяина. — И всё будет хорошо, до свадьбы даже ждать не придётся, хоть на следующей неделе можно сыграть. У тебя есть невеста, сынок?

Нанд, пришедший в себя, смирно лежал на дне кузова на расстеленном брезенте, пока старик возился над ним. В ответ на вопрос старика вяло замотал головой.

— Тих-тих-тих… Лежи, не шевелись, — придержал его голову дед Фёдор. — Это ничего. Будет у тебя невеста, самая красивая и умная. И очень добрая. Любить тебя будет, детишки, глядишь, появятся, на радость нам, старикам…

Нанд блаженно расплылся в улыбке, то ли от слов старого хирурга-бича, то ли от действия лекарств, и быстро заснул.

— Одёжку ему надо подыскать. Рубаха его вся разодрана и кровями пропитана, — сказал Складка, подозвав Егорыча. — А эту жилетку теперь — разве что на коврик в салон пустить, да и то… лучше сжечь.

Тот кивнул.

— Наденет твой растянутый свитерок и мою кожанку. Она большая, должна налезть.

Ирбис выбрался из машины и тихонько прикрыл дверь, чтобы не разбудить Надю. Он пристально посмотрел в сторону базы, дорога туда просматривалась здесь хорошо, лес был вдалеке от бетонки, незаметно подобраться к ним было практически невозможно. Не увидев ничего и никого подозрительного, он, успокоенный, подошёл к Волку и присел рядом, так же откинувшись спиной на камень.

Удовлетворённые состоянием молодого и тем, что заполучили бригаду врачей в команду, Волк и Ир стали обдумывать дальнейший путь. Надя, до предела вымотанная последней схваткой, не просыпаясь, свернулась калачиком на заднем сиденье и подложила свой потёртый рюкзачок под голову. Подобранная у ворот базы стрелок-спасительница, назвавшаяся Ларой, тихо сидела в сторонке у дороги на огромном валуне и жадно поглощала заслуженный суточный паек продуктов.

— У нас теперь остаётся только один вариант, — сказал Волк, с интересом поглядывая на Лару.

— Северный пост?

— Именно. Ликамск, столица смотрящих, наш последний оплот.

— Ты думаешь, Бригадир уже знает?

Волк пожал плечами, искоса наблюдая за новенькой.

— Надеюсь. Всё равно, чего гадать — рация накрылась тузиком. Я в неё нож вогнал, падая, по самую рукоятку.

Ир вздохнул в ответ.

— Это же пятьсот километров. Если не найдём горючего по дороге или, не приведи Господь, с тачкой что-нибудь случится…

— Сплюнь.

— …Останемся без колес. А ещё мы — без лобового стекла, осенью! Хорошо хоть мух уже нет, нахватали бы полные рты и ноздри. Зато дожди, — Ирбис поёжился, застегнул куртку и взглянул на небо. — И холодно уже.

— Придумаем что-нибудь. У дедов, вроде, есть в канистрах запас. Радуйся, что мы в Зауральском треугольнике — Ромов-Ликамск-Чингирск. Обычно между мультиками не меньше тыщи кэмэ, — Волк посмотрел в сторону машины. — Смотри, вон, фанерка на дне кузова лежит, прорезь моим десантным тесаком сделаем, будем как в танке, хех… Как нибудь доползём. Там Центр, там с дисциплиной построже, центр не пропадет так внезапно… И наверняка уже знают о прорывах. А не знают — мы сообщим, обязаны. Здесь, похоже, и наш недогляд — что-то где-то проморгали ребята.

— Ты о чём? — Ир непонимающе поглядел на Волка.

— Сам посуди: прямой тоннель до города, минимум охраны и обыкновенное раздолбайство — никакой сигнальной системы в

тоннеле я не помню. Считалось, что база слишком далеко от Ромова, чтобы пятнашки ею решили заинтересоваться.

— Но мы же взорвали тоннель на станции! Не могли они так быстро прокопаться! Это нереально, Володя.

Волк достал из-за пазухи плоскую алюминиевую фляжку с большой глубокой вмятиной на боку и отвинтил крышку на цепочке.

— Нанд от меня эн-зе на дно рюкзака запрятал, чтобы я как обезболивающее не выпил. А я нашёл.

Он поймал любопытный взгляд Ира, взглянул на отметину на фляжке и усмехнулся.

— А-а, это… Было дело. Жизнь мне спасла.

— Серый?

— Нет. Мародёр. Многовато их что-то стало в последнее время, — он протянул фляжку приятелю. — Будешь? «Хеннеси». Берегу.

— Глоток, — Ир посмотрел на дорогу в сторону бывшей базы. — Ещё пригодится.

— Сплюнь.

— Сплюнул.

Они выпили. Минуту смотрящие сидели молча, ощущая приятное жжение внутри. Потом Волк первым нарушил молчание.

— Я думаю, мы опоздали с блокирующим подрывом.

— Что?

— Нет, что взорвали — это хорошо. Задержали их, и плотно, в общем-то. Но в тоннель проникли передовые отряды. Я не вижу других вариантов, понимаешь! — Волк выразительно посмотрел на него и снова приложился к фляге. На усталый, порядком измотанный организм алкоголь подействовал быстро, и великан стал потихоньку горячиться.

— Отряды… — с горькой усмешкой сказал Ирбис. — Скорее уж армады.

— Ага… Ты вспомни их типичную схему — в каждой зоне прорыва сначала пяток-другой-третий пятнашек, затем сотня-другая воссоединяется с местными, если есть необходимость в боевом прикрытии, и вот — грядёт толпа розовых с недосягаемым верховодом, где-то там, позади.

— Примерно так, да, — Ир призадумался, потом его как осенило, и он едва не подпрыгнул на месте. — Постой! Мы с Надей, когда

заложили взрывчатку, как раз наткнулись потом на толпу пятнашек, спокойно так, я бы даже сказал — размеренно, чесавших по туннелям, не ожидая случайной встречи. И вот что ещё…

— Чего?

— Наде почудился тогда запах серых в «кишке», но встретили-то мы розовых. А я ещё, дурак, подумал, что устала моя девочка, вот и мерещится. А они, значит, благополучно протопали там до этого, не встречая никакого сопротивления!

— Вот. Ты когда сказал, что там внизу полно розовых, мне тогда смутно что-то подумалось, но я не придал тому значения в спешке. Да ещё эти паршивцы в капюшонах чуть всю ягоду не испортили. Сволочи…

— Подожди-подожди. А как же взорванные склады?

— В Яновке должны были стоять ловушки на выходах к поверхности. Бес меня предупреждал перед вылазкой, чтобы туда не соваться. Вот они и сработали, когда эти плевки и куски человечины попёрли во все щели. И склады сдетонировали. Но, к сожалению, всё-таки поздно. Успели гады вперёд пройти и… базу уничтожить. Ты сам видел, сколько их там. Надеюсь, тоннель под Яновкой весь обвалился. Мерзавцы… Так что, это не ребята канал взорвали. Так бы, глядишь, всё обошлось. Спокойно съехали бы с квартирки — и привет.

— Я не заметил ничьих… трупов в столовой и на улице. Я полагаю, что успели ребята уйти. Странно только, что нас не предупредили. Забыли, что ли, в спешке?

Волк грустно посмотрел на Ирбиса.

— А ты бы забыл? Сам знаешь, как у нас со связью, — он немного помолчал. — Тут ребята из Катина с малой сходки по дальней связи передавали… Серые в последнее время, говорят, трупы куда-то уносят под землю. Так что…

Ир стиснул зубы. Повисло тягостное молчание.

— Считай, двадцать пять бойцов Сопротивления пока что числятся пропавшими без вести.

— И вот ещё деталь… — вдруг вспомнил Ирбис. — Дрезин в тоннеле не было.

— Как не было? — удивился Волк. — Быть такого не может!

— Сам до сих пор диву даюсь. Все наши должны были знать, что мы ещё в городе…

Нанд вдруг зашевелился, открыл глаза и сказал хрипло:

— Соль…

Складка, сидевший рядом, наклонился к нему.

— Что, сынок? Пить?

Нанд снова повторил слово «соль» и отключился.

— Что это с ним? — спросил Ир.

— Не знаю, — пожал плечами Фёдор. — Может, бредит от потери крови и лекарств. Я ему большую дозу ввел. Крупный мальчик.

Ир продолжил:

— И всё же я не понимаю, как целый отряд смотрящих — немаленькая сила ведь!.. И все до одного, и ни каких следов…

— И вот ещё что не сходится, — добавил Волк. — Между группами в твоей-моей схеме всегда не меньше пяти дней проходило. А в этот раз — всё не так, они будто с цепи сорвались…

Внезапно Волк хлопнул себя ладонью по лбу. Ир посмотрел на него с любопытством.

— И как ты себе мозги не выбьешь такой-то ручищей…

— Коля Соль! — Волк поднял указательный палец вверх, посмотрел на Нанда, потом ткнул пальцем в брезент. — Ты же сам говорил, что его сигнал был вне базы!

— Ну? — Ир очень устал и ему жутко хотелось спать. За последние сутки он почти не смыкал глаз. Мысли в его голове еле шевелились.

— Туго соображаешь! Значит, ушли ребята! Если по дороге запеленгуем их ещё раз, глядишь — догоним и встретимся. Тогда прояснится и ещё что-нибудь.

— Ладно, — Ир потянулся и зевнул. — Хорошо, если так. Тогда собираемся и двигаем на север. Думаю, ребята подались в ту сторону, больше некуда, так что, может, ещё догоним их. И вообще, жутковато тут сидеть, когда в паре километров от тебя толпа буйных серых тусуется. Кто их знает, что они ещё выкинут. В последнее время я их решительно не узнаю.

Ир поднялся, Волк посмотрел на него с грустной улыбкой.

— А когда это мы их хорошо знали-понимали? И где ты видел спокойных серых? Помоги-ка инвалиду. — Он, усмехнувшись, протянул руку и с усилием поднялся при помощи друга. — Вот так.

— И всё-таки очень странно, что они так целенаправленно проникли на базу. Заметь, на нашу базу! Города они любят, это точно

известно. Но чтобы секретные базы смотрящих — такого ещё не было. Может быть, конечно… — Волк хотел что-то добавить, но передумал, — а, ладно, чего теперь гадать. Но что-то точно изменилось.

Ир устало махнул рукой и подставил плечо приятелю. Великан обхватил его ручищей и глянул на новенькую, которая как раз прикончила последний кусок сухаря и запивала его глотком из своей фляги.

— Что, боец, отъелась малость? Ну, давай грузиться, что ли, крестница.

Девушка аккуратно сложила в свою сумку остатки еды, отряхнула крошки с одежды и поднялась, поморщившись и прижав ладонь к боку, как будто ей вдруг на секунду стало больно.

— Я готова.

— Ну и хорошо. Ир, пойдём лобовое прикрутим. А-а, чёрт! Совсем забыл.

— Что? — спросил Ирбис.

— Дробовик молодого надо разобрать-проверить… Надя говорит — заклинило. Патрон, видать, перекосило.

— Я могу, — вдруг вызвалась Лара. — Опыт есть.

— Э-э… — Великан посмотрел на неё пристально и помолчал немного, медленно решаясь. — Давай, займись. В кузове лежит.

Странная девушка с необычными способностями спокойно и уверенно направилась к машине. Волк и Ир проводили её долгими взглядами.

*** * ***

Сорс взглянул на экран задачника и нахмурился. Это был простой, серийный гражданский наручник, снятый с трупа какого-то серого. Личный спецзадачник «Sea-114P» Сорса неделю назад спас ему кисть, но был насквозь прокушен в схватке где-то под Лесото. Потеря была жестокая, у них с Тоном бесценный прибор и так был один на двоих. Зато теперь у них было целых три «пепи» — удалось спасти оружие Сержио.

Часы на экране показывали шесть тридцать. Наверху уже стемнело, а это значило, что скоро в городе должен был начаться ад, если уже не

начался. И они с напарником гнали дрезину прямо в сердце этого могильника, неизвестно на что надеясь.

Аккумулятор дрезины разрядился, не дотянув до станции порта пару километров. Фары медленно погасли, и плотная темнота поглотила и без того тесное освещённое пространство вокруг. Два сиротливых кружка света от налобных фонариков смотрящих, как могли, нервно расталкивали тьму. Сорс сильно ударил по омертвевшей панели управления остановившейся дрезины и крикнул:

— Проклятая железяка! — он посмотрел на Нтонгу и спросил: — Что будем делать?

Зулус спокойно осмотрел своды тоннеля и посветил фонариком на карту.

— Отсюда метров двести до станции Мейтланд. Давай выбираться наверх. Всё равно внизу оставаться нельзя. Опасно.

— А где сейчас не опасно? — резко ответил Сорс, но потом поймал на себе хмурый взгляд напарника и решил успокоиться. — Извини. Ты прав, пойдём выбираться. Проход мы, о чудо, завалили, но вдруг они назад попрут или ещё что выкинут.

Повсюду были следы розовых и серых, но смотрящие, поднимаясь по ступенькам эскалатора, не встретили ни одной твари, даже выбравшись в наземный вестибюль станции. Это обстоятельство всё больше их озадачивало, тем более что судя по следам, здесь пронеслась целая армия.

И тут они услышали далёкие выстрелы и автоматные очереди. Спустя несколько секунд глухо прогремело несколько взрывов, должно быть, от разорвавшихся гранат.

— Началось! — Джей выразительно посмотрел на Зулуса и бросил взгляд на задачник. Сигнал сети отсутствовал, а рация валялась в тёмном углу кухни страшной квартиры-склепа в этажке на Бот-Ривер. Сорс снова выругался. — Надо спешить! Ещё не поздно!

Он дёрнулся вперёд, но Зулус схватил его мощной длинной рукой за плечо.

— Что ты делаешь? — Сорс взглянул на него с удивлением. — Надо бежать, спасать людей! Пусти!

— Остановись, горячий Джей. Им мы уже не поможем, но погибнем сами. А этому ещё не время. Я чувствую, что мы должны сделать что-то важное, раз до сих пор живы.

Сорс резко сбросил его руку с плеча, но всё же остановился.
— Что ты предлагаешь?

— Сейчас их время. Надо прятаться и ждать утра. Потом выводить тех, кто выживет, из города. И надо связаться с базой. Может, там кто ещё остался и знают что делать.

Они ещё были в вестибюле станции, когда снаружи, из сумрака темнеющих улиц раздался вдруг протяжный жуткий вой горластого серого. Ему в ответ снизу, из тоннеля с эскалаторами, где только что прошли смотрящие, донесся хриплый вопль его собрата и глухой топот многих ног.

— Уходим, Тон!

Смотрящие бросились к развороченным дверям выхода. Пришла темнота, а с нею смена ролей и полная неизвестность, доживут ли они до утра.

*** * ***

Да-а, ну и компания здесь подобралась! Доблестные смотрящие в количестве четырёх единиц, из них двое раненых и одна девица довольно нежного вида, и, в придачу, пара дедов-бичей с тёмным прошлым. И перспективы у этого сборища такие же ясные, как и прошлое этих дедов. И как они умудрились из такой передряги выкарабкаться? Ума не приложу.

Интересно, что бы они сделали, расскажи я, как раздумывала, лёжа на той плоской крыше — не положить ли стариков и калеку-великана? А потом забрать тачку и дать ходу? Вот смехом посмеялись бы, а? А то — «спасительница», «ты как раз вовремя», «откуда ты взялась, подруга»… Кто знает, если бы у тех безголовых вожак не был таким конченным психом, а они сами — стадом тупых озабоченных засранцев, была бы я сейчас на другой стороне силы? Если нужно для дела… Я усмехнулась, собирая видавшую виды «беретту» раненого. Тоже мне рыцари без наследства — носятся со своими тепловыми пушками и помпами, поджаривают вонючую нечисть направо-налево, а толку? Загнёмся мы, это верно — слишком уж враг живучий и беспощадный. Это вам не друг с другом воевать. С людьми проще, всё предсказуемо заранее, как по методичке в учебке. А с этими… Чуть-чуть не успел — всё, окоченел, или, что ещё хуже, слюни пускай. Эх, ребята, что же мне с вами делать? Ладно, посмотрим, куда вы там податься решили, а там и решим — с вами я, Лара Уварова, специалист отдела по особым задачам СБОР, или нет.

* * *

— Я вот одного не пойму, — громко произнёс Ирбис, перекрикивая шум двигателя и набегающего ветра, поежился от холода, на секунду отпустил руль и натянул вязаную шапку на уши. — Как серые чувствуют, что ты не из их компании? Внешне не всегда заметно, особенно в темноте. Можно ведь вообще прикинуться таким же вот тормозом со слюной до пола, и не отличишь. А? Так ведь? Но не проходит фокус. В миг просекают фишку, расстраиваются, зубы скалят. И, что характерно, прыгают.

В машине было холодно, хотя печка работала на всю мощь. Обжигающе ледяной октябрьский ветер со свистом врывался сквозь смотровые «полоски» и щели между краями фанеры и кузовом и бодро выносил остатки тепла наружу. Суперклейкая лента хоть и надёжно держала лист, но от холода защищала плохо. Приходилось ехать довольно медленно, чтобы совсем не окоченеть. Ир покачал головой — они и так потеряли уйму времени, прилаживая замену ветровому стеклу, а ещё ехать и ехать…

Все сидели, укутавшись во всё сколько-нибудь тёплое и нахохлились, как птицы на ветке в морозную зимнюю ночь. Ирбису здорово пригодились очки, которые смотрящие использовали при взрывных работах. В них он был похож на лётчика аэропланов начала двадцатого века.

Старики молчали, словно не желая напрасно тратить тепло. Егорыч, как сменный водитель, сидел, уткнувшись в высокий воротник своей «чилийки», на переднем пассажирском сиденье и дремал. Надя, с головой завернувшаяся в покрывало, снятое с сиденья, высунула в щелку между складок маленький аккуратный нос и пробурчала сонно, но громко, чтобы муж услышал:

— Не знаю… может по запаху. Не пахнешь, значит не наш.

Ир засмеялся и согласно кивнул.

— Да уж, пожалуй. Воняют они порядочно, — смеясь, Ир глотнул холодного воздуха и закашлялся, потом добавил. — Если можно так сказать.

Смотрящий, несколько часов поспал, пока Егорыч вел машину первую часть пути, и довольно бодро всматривался через прорези в фанере в темнеющую вечернюю пустоту дороги. Свет от фар становился всё заметнее и постепенно брал обязанности на себя.

— Ребята не выходили на связь? Я так крепко заснула…

Ир нахмурился и сильнее сжал баранку руля.

— Так и не объявились. Остаётся только надеяться, что едут туда же, куда и мы, и у них фора по времени. Вариантов особо нету. К тому же, я пару раз видел свежие следы от колес на дороге. Это точно должны быть ребята. Колонны с остатками беженцев давно здесь проходили, дня три назад. Они, больше некому.

Надя выпростала из одеяла руку, провела ладонью по мокрому холодному стеклу и посмотрела в окно. От дороги до горизонта тянулось бесконечно серое поле, заросшее какой-то низкой, сухой по осени травой, глазу не за что было зацепиться. Только на самом краю, на стыке белёсой земли и мрачнеющего неба, бугристого от туч, была зажата густая чёрная полоска унылого хвойного леса.

Новенькая сидела с другого края и спала. Так как Лара оказалась очень стройной, Складке и девушкам даже не пришлось тесниться на широком заднем сиденье в просторном салоне. Фёдор дал ей самый чистый из своих тулупов, валявшихся в кузове. Остальные ушли на упаковку Волка и Нанда. На дуги кузова Егорыч вместе с Ирбисом перед поездкой натянули прочный тент, прежде спрятанный в полых бортах, и, с учётом разбитого лобового стекла, сзади было в чём-то даже, пожалуй, комфортнее, чем в салоне. По крайней мере, холодного пронзительного ветра точно было меньше.

Ирбис нажал на кнопку автопоиска радиостанций на автомобильном приёмнике. Тот поморгал с минуту, ничего не нашёл и включил какую-то спокойную музыку со встроенного диска.

— Посмотри, как там наши раненые, — попросил Ир жену.

Надя обернулась и поглядела в окошко. В кузове было темно, и она посветила туда фонариком. Укутанные смотрящие лежали среди разного барахла, похожие на две гигантские сигары. Заметив лучик света, одна из «сигар», оказавшаяся Волком, выпростала могучую руку, приветственно помахала и подняла большой палец вверх.

— У них всё в порядке. Лежат, даже не мерзнут, — озвучила Надя жест приятеля.

Ир довольно кивнул и продолжил вглядываться в прорезь, колющую лицо ледяным холодом.

*** * ***

Фермер Ковтун тяжко вздохнул.

— Вот, жена. Если так дальше пойдет — придётся на наш хутор в Дубровку перебираться.

Он пару секунд помялся на жёстком сиденье деревянного стула, как-будто это могло помочь в решении возникшей проблемы. Стул жалобно скрипнул, вроде как сочувствуя массивному хозяину.

— Там и подвал побольше, и забор повыше, и к Сологубиным поближе. А то эти переселенцы… Как бы чего не случилось. Каждый, кто мимо чешет, то на трактор, то на пикапчик косится из своих фургонов, слюни утирает. Ну вот скажи, зачем им трактор? Куда они на нём поедут? И доедут они дотуда?

Жена молча пожала плечами, продолжая суетиться у плиты.

— Стоим тут как сортир на большой дороге. Хорошо, у нас псы здоровенные. А вон, слышала, у Порхомяка увели-таки мотоциклетку. Да… Дела-а. Хорошо хоть жить не просятся. Куда там, городские… Чего они так испугались? И в глаза не видели этих тварей подземных, а драпают так, что ветер подымается. Ну и ладно, нам же лучше.

Ковтун в задумчивости поднес огромную стеклянную кружку с багрово-красным морсом ко рту, смачно отхлебнул и с грохотом поставил на обширный дубовый стол.

— А-а… Хороша клюква в этом году!

Жена его, Зоя, пока он говорил, приостановила суету, стоя облокотилась на кухонный стол у плиты и согласно кивала, но потом замерла, словно вспомнив что-то, и сказала вяло:

— Так вроде нашёл Порхомяк свой драндулет у Старой рощи? А, Стефан?

Стефан хмыкнул.

— Ага, остатки солярки в баке кончились — и бросили, дармоеды. А батарею он ещё весной с циклетки снял, всё хочет передвижную дальнобойную рацию наладить, приёмы-передачи чтобы лучше было, значится, устраивать. Толку от них… Теперь у нас, мать, как это… первобытно-общинный строй. Скоро в шкурах ходить начнём.

Зоя выпрямилась, подошла к плите и выключила газ под огромной кастрюлей с варевом для собак. У Ковтунов с топливом был порядок. Когда только начались эти странные события в городах, Стефан решил запастись горючим и за месяц заполнил огромные цистерны, зарытые в землю под гаражом для сельхозтехники. А газ он приспособился

собирать на соседних болотах, приладил на грузовичок хитрую конструкцию с какими-то клапанами, насосом, баллоном и заборником, и регулярно ездил, заправлял. В Гнилой низине он придумал и соорудил сварную конструкцию над местом, где необычайно часто со дна с шумом выходил газ, и тот теперь скапливался в большом тяжёлом резервуаре, который Ковтун своими руками приладил на металлической ферме и снабдил крышей от непогоды. Оставалось только раз в неделю компрессором перекачать его в баллон. В общем, устроились как-то. Ещё он планировал перенять у соседа способ гнать топливо из картофельной ботвы, который тот держал в большом секрете. Но Ковтун делился с ним добытым газом и рассчитывал на взаимность.

— Ничего, — буркнул он сам себе под нос. — Договоримся, не чужие.

Женщина вздохнула, помешала варево в кастрюле большим половником и сказала, не оборачиваясь:

— Перебираться… А дом для кого оставишь? А гараж? А топливо? А запасы? Это на зиму-то глядя? Мы ж это всё за год не перетаскаем! И до посадок из Дубровки далеко шастать. И так в этом году половину только посадили. Сиди уж… Хорошо ещё, что Танюша и Славик с Катенькой из клеток своих поднебесных к нам перебрались, всё не так страшно, как вдвоём. Да и Ромовские все, беженцы эти, я думаю, проехали уже. Сколько военной техники за два дня прошло! Кто верхом-то сейчас пойдет, это пятьсот километров-то? И ездить народу давно не на чём. Так, штучный товар… Вот когда завалят Чингирскую магистраль, вот тогда всё — прощай цивилизация. Нечисть эта, люди говорят, вроде как большие города любит. Вон, тот же Порхомяк рассказывал, родственники у него под Хабаровском остались на хуторе ещё с парой семей. Так до сих пор — тихо, никто не трогает. Сидят, по радио перешёптываются. Авось и мы пересидим как-нибудь, Стефа. Не городские.

— Да я что, сам не хочу на дальний хутор. Так, мыслю вслух. — Стефан развёл руками, — конечно, добро не бросишь, нам этим жить. Ещё скажи спасибо, что правительству и прочим бандитам не до нас, далече мы. А на юге, говорят, нашего брата обирают до нитки, мародёрствуют кто ни попадя. Мерзавцы!

Фермер грохнул кулачищем об стол. Посуда на столе синхронно звякнула и одна из кружек завалилась набок.

— Тише ты, маленькую разбудишь! — зашипела на него Зоя.

Стефан примирительно поднял могучие руки кверху, помолчал, задумавшись в такой позе, потом опустил руки и продолжил:

— А как города все захватит падаль эта, она же к нам попрёт, а?

— Типун тебе на гарпун, Стефа! — замахала на него полотенцем жена. — Скажешь тоже. Хватит уж страху нагонять.

— А что, не слыхала, что Порхомяк по рации поймал? — спросил Стефан, понизив голос и оглянувшись. — Вот только с полчаса назад. Примчался ко мне, как бы за газом, а у самого глаза вращаются в разные стороны… Там, говорит, дед один из наших недалече от Ромова остался на хуторке, так он тоже с рацией, любитель. Так вот, Порхомяк и выдал мне, каких страстей ему тот порассказал. К нему двое пришлых нагрянули, мужик с бабой, наши, что ль, ровесники. Они у него бензином разжиться захотели, до Ликамска, значит, чтоб доехать, ну и про запас… Ну, он им чутка слил, не задаром, конечно… За кулёк патронов.

— И что?

— Они с Ромова из последних выбирались, уже после этой их… всеобщной эвакуации. Пожитки собирали-собирали, говорят, провозились и не успели. Выехали, значит, они на своей колымаге уж затемно из пустого города, и километров двадцать, говорят, отмахали в полном безмолвии, расслабились даже, и тут, говрят, на дороге такое увидали, что, грят, чуток не поседели.

Ковтун замолчал, отпил из кружки и крякнул.

— Да говори ты, не тяни уж! — рассердилась Зоя.

— Ну вот, грят, едут, едут, и тут из темноты фарами, значит, как выхватит толпу! И прям перед капотом уже! И, грят, не меньше сотни их там было, этих… бледных, и бредут они в сторону Ромова! Ручищи к ним как вытянут все, как присядут! Мужик этот, что с бабой со своей, значит, ехал, от страху — по тормозам, руль вправо крутанул, да так, что чуть не перевернулся, — и в поле! Благо там более менее ровненько было. Говрит, подвеску всю убил, когда в кювет съезжал, и потом километр, не меньше, по ковылю трассу объезжал. Хорошо — не заглох! Земля сейчас сырая… Портки, небось, выкинули потом на ходу, чтоб не воняли!

Фермер хрипло рассмеялся, затрясся всем своим мощным корпусом, снова заставив стонать крепкий стул. Жена быстро перекрестилась, прижала руки с зажатым в них полотенцем к груди и села на табурет у плиты.

— Что творится! Что творится! — запричитала она, раскачиваясь, как на поминках.

— Да ладно, не боись! — решил успокоить её Ковтун, вспомнив, что он мужчина. — Всё ж таки пятьсот километров. Авось не дойдут. И шли они в сторону Ромова. Правда, вот откуда они шли, эти-то нелюди?…

Зоя снова махнула на него рукой с полотенцем.

— Ладно, Стефа, чему быть, того не миновать. Поживём — увидим. А нам всё равно деваться отсюда некуда. А забор-то почини!

Фермер отмахнулся от её последней фразы, как от назойливой мухи, и вздохнул.

— Сам знаю, — он посмотрел в черноту за окном и передёрнулся. — Давай-ка, милая, собирай-ка на стол, ужинать пора, и так припозднились, — он, кряхтя, поднялся. — Пойду, позову детей.

А после ужина почищу шестизарядник, — мрачно подумал он.

*** * ***

Коля Соль лежал на спине под кустом дикой калины и плакал. Он сильно дрожал от холода и кровопотери. Голый живот его был жутко распорот и темнел тремя глубокими рытвинами с пульсирующими выпуклыми красными подтеками от них, на шее зияла рваная рана, и вся жухлая листва вокруг была залита кровью. Смотрящий судорожно вдохнул ртом колючий воздух, скорчился от боли и с надеждой посмотрел на задачник, зажатый в слабеющей, измазанной спёкшейся кровью ладони. Прибор, под стать хозяину, был в плачевном состоянии. Разломанный пополам страшным ударом кого-то очень сильного, он вдруг подал признаки жизни, озарился голубым светом и неожиданно принял сигнал сразу от четырёх себе подобных. Вскричавший было от радости и восставшей из небытия надежды, Соль закончил крик воплем безысходности и боли — неубиваемый задачник выбросил снопик ярких искорок и умер так же внезапно, как и ожил, теперь уже навсегда. Вопль перешёл в хрип и кровавый кашель. А потом молодой израненный смотрящий потерял сознание.

Очнувшись спустя какое-то время, совсем потерявший силы Коля с огромным трудом сжал другой рукой липкий от крови «палыч» и с мукой на лице сглотнул колючую слюну.

Мутным взором из-под сухих синих век он обвёл влажные лесные заросли и вдруг услышал быстро нарастающий шум со стороны, где он предполагал дорогу, но куда так и не смог доползти. Это был звук проезжающей машины. В отчаянии, что не может больше кричать, он просипел что-то неразборчивое и взглянул на оружие в белой, уже синеющей, руке. В первый раз за всё время он пожалел, что это не обычный пистолет, такой громкий и нужный сейчас. Его двадцатизарядный автоматический «КК-15» остался там, в госпитале, в сломанных зубах одного из монстров, серой волной как цунами снесших базу не ждавших беды смотрящих. Коля выронил бесполезные останки мёртвого задачника, дрожащими руками обхватил тяжёлый неподъёмный «палыч», хрипя от боли и напряжения, направил его вверх, на кроны, и с усилием нажал на спуск. Мокрые стволы зашипели от жара и неохотно задымились. Поваливший от деревьев сизый дым почти бесследно стал смешиваться с бледным туманом дождевой мороси, который висел над рощей. Наконец, чёрные ветки занялись языками рыжего пламени. Но было уже поздно — невидимая машина неумолимо удалялась и стремительно увлекала за собой обнадёживающий шум.

Рука безвольно упала на сырую коричнево-чёрную листву, выронив горячий излучатель. От листьев, попавших под раскалённый ствол, с шипением пошёл желтоватый пар. Коля Солин неподвижными стеклянными глазами смотрел на весёлые огоньки пламени, с бодрым треском скачущие по веткам.

Дождь заморосил сильнее, но быстро сошёл на нет. Скоро огонь погас, и в лесу снова стало очень тихо, спокойно и сумрачно.

*** * ***

Егорыч, не отнимая правой руки от руля, посмотрел на свои древние механические «просто часы» со светящимся циферблатом. Он любил старые, надёжные, почти вечные вещи.

Часы показывали десять вечера. Снаружи было темно, в салоне — шумно и холодно, бортовой компьютер выдавал синим «минус пять». Они ехали не менее восьми часов. «Морячок» уверенно одолел пятьсот

километров и не против был проехать хоть ещё столько же. Но людям нужен был отдых, все жутко замёрзли, к тому же задачник Ирбиса определил наличие впереди, в паре километров пути, какой-то фермы, расположенной недалеко от дороги, и тихонько пиликнул.

Пётр разбудил Ирбиса лёгким толчком в плечо. Тот вынул голову из кокона шарфа, взглянул на задачник и прищурился за окно сонными глазами. Ресницы его были белые от инея.

— Где это мы?

— Километров двести до города. Что там на карте?

Ир снова сфокусировал непослушный взгляд на запястье и вызвал проекцию карты.

— Тут по правую руку должно быть какое-то фермерское хозяйство.

— Заглянем, может примут на ночь, иначе точно все дуба дадим. Морозит-то прилично уже.

— Давай. Голосую «за» всеми охлажденными конечностями.

Они свернули по напутствию проводника на широкую просёлочную дорогу, проехали метров пятьдесят через густой ельник и, выехав на большую лесную опушку, увидели ферму.

— А вот и хутор. Хм… Вот ты какой… — почти нараспев протянул Пётр. Ир с интересом посмотрел на него, но ничего не сказал.

— М-м… где это мы? — послышался сзади сонный Надин голос.

— Пробуем найти, где переночевать. Здесь фермерский хутор.

— А-а, — Надя сладко потянулась, но тут же быстро спрятала руки, зябко поёжилась, кутаясь в одеяло, и выглянула в окно.

Посреди участка, снабжённого крепким забором, основательно врос в землю высоким подвалом коренастый двухэтажный фермерский дом из метробетонных блоков. Он был окружен различными хозяйственными постройками. Справа распластался серым пятном огромный плоский ангар, покрытый листовым железом. Ворота его темнели распахнутым зевом. Слева дом подпирали пристройки поменьше, то ли для хранения различного инвентаря, то ли ещё для чего.

Бескрайний двор, обрамлённый всеми этими строениями в форме буквы «П», был земляной, но добротно выровненный и плотно укатанный. Во дворе стояли несколько машин: два разнокалиберных трактора невнятной расцветки, зелёный двухколесный прицеп,

уткнувшийся железным окольцованным носом в землю, непременный большой широкий пикап белого окраса, со странной высокой сварной конструкцией во всю длину кузова. Чуть в стороне стоял небрежно припаркованный чёрный минивэн с тонированными стеклами. Из всех зданий только жилой дом ярко освещал двор всеми светящимися окнами. Широкие железные ворота во двор, крашенные чёрной краской, были распахнуты настежь. Егорыч закатил машину на площадку и плавно остановился у входа в дом.

— Посигналь, — предложил молодой смотрящий. Пётр нахмурился.

— Зачем людей зря резкими звуками дёргать? — Он потеребил седую бородку. — Странно, что собачек не слышно. — Старик снова сдвинул брови. — Пойди постучи в дверь. Как веками заведено у приличных людей.

— Да ладно? Вот так, значит, это делается? — Ир усмехнулся, но вылез из машины и немного размял затёкшие ноги. Затем он подошёл к крыльцу дома, к которому вела мощная широкая бетонная лестница с перилами. Поднявшись по ней и подойдя к массивной дубовой двери, он не обнаружил звонка. Оглядев дверь, Ир осторожно постучал рукояткой «палыча» по стальному набалдашнику, украшавшему центр её бескрайнего полотна. Прошла минута, но из дома так никто не вышел и не крикнул изнутри: «Входите — открыто», или, на худой конец: «Идите с миром, откуда пришли». Ир собрался было постучать ещё раз и посильнее, но тут заметил что дверь не заперта и даже не до конца захлопнута. Он потянул дверь на себя. Она бесшумно открылась, ни разу не скрипнув хорошо смазанными петлями. В коридоре горел свет.

По привычке смотрящего, недолго раздумывая, Ирбис зашёл внутрь, тихонько прикрыл дверь, осмотрелся и присвистнул от удивления. «Коридор» представлял собой огромный холл с большой парадной лестницей посередине, уходящей куда-то вверх, в бесконечно широкий второй этаж. Ир, не слишком избалованный городской житель, выросший среди тесных жилых пространств переполненных этажек, такую щедрость в личном пространстве видел только на объёмных картинках в оллнете да пару раз в старинных городских музеях. Слева и справа стены были укрыты множеством зеркальных раздвижных шкафов, наверняка, хранивших тонны разной

одежды и вещей хозяев. Из-за этих зеркал холл казался ещё более просторным.

По обеим сторонам лестницы в глубине виднелись двери, ведущие, вероятно, в хозяйственные помещения дома. Какая-то особенная тишина в доме подавила у Ирбиса желание громко позвать хозяев. Посмотрев наверх, Ир поразмыслил немного и решил проверить сначала первый этаж. На секунду он задержался у одного из зеркал, в задумчивости рассматривая себя. Вид у него был не слишком презентабельный: красные от недосыпа глаза, лицо заросшее грубой щетиной и обмотанное каким-то не очень свежим шарфом. В целом, в дополняющих картину мятой тёмно-зелёной куртке из синтека и затёртых неубиваемых чёрных штанах монтажника, смотрящий производил впечатление не слишком преуспевшего в жизни индивида. Впрочем, на земле сейчас, — подумал Ир, — вряд ли таковые вообще имеются, если не считать различных подонков, находящих в любой паршивой ситуации свою гнусную выгоду.

Когда-то, ещё в прошлой безмятежной довоенной жизни, Ирбис основательно подсел на погружающие игры. И однажды, общаясь в одной из тематических треп-зон, он узнал о том, что подавляющее большинство игроков, встречая развилку в игре, идут направо. И этим часто пользуются создатели игр — либо усложняя, либо упрощая задачу, чаще — первое. И после этого Ир почему-то всегда старался сначала проверить то, что слева. Наверное, чтобы не быть как все. Смотрящий шагнул влево и отворил дверь.

Хозяин дома лежал на полу кухни сразу за дверью. Руки его были крепко стянуты за спиной цветастым кухонным полотенцем, во рту был кляп из какой-то варежки для горячего. То, что это был именно хозяин, Ир безошибочно понял, бросив взгляд на измазанную кровью, почти бесцветную от многолетних стирок зеленоватую футболку и треники, порванные, очевидно, в процессе борьбы. Когда-то они, должно быть, застали бурную молодость владельца и были синими, а теперь — просто домашними. Лицо ценителя старой одежды, крупного полного мужчины, на вид — лет пятидесяти, лежавшего на боку и выпучившего глаза на Ира, было украшено большим кровоподтёком и парой синяков.

Ирбис подобрался и быстро оглядел кухню. Больше в ней никого не оказалось. Он присел рядом со связанным, приложил палец к губам

и осторожно вынул варежку изо рта мужчины. Тот шумно выдохнул и, болезненно морщась, пошевелил челюстью.

— Что случилось? — тихо спросил Ир, быстро переводя взгляд с входной двери кухни на другую, в глубине, за шкафами.

— Х-х… Бандиты. Ворвались, когда мы ужинали… Там моя дочь и жена! Они… — фермер осёкся и заплакал от бессилия, — собачек пристрелили…

— Сколько их? — Ир перевёл переключатель на «палыче» в положение «силовой-точечный» — подходящий режим для не слишком тесных замкнутых пространств и одиночных целей.

— Н-не знаю… Меня скрутили трое. Все — с оружием, автоматы. Скорее, развяжите!

Ир помедлил, потом потянул узел на полотенце.

— Я развяжу вас, только, пожалуйста, не кидайтесь сразу в бой. Оружие у вас есть?

— Да, боевой охотничий шестизарядник и старое ружьё. В сейфе, в кладовке. Не успел достать…

— Посидите пока здесь. Мы поможем вам. Кто ещё в доме?

Вот и хорошо, что не успел, а то уже прикончили бы, — подумал Ир.

— Жена Зоя, дочка с мужем, внучка восьмимесячная!.. Они наверху. Зятя они… ранили и бросили в кладовке связанным, там, справа. Ему нужна помощь…

— Хорошо, хорошо! — успокоил его Ир и поднёс запястье к лицу.

— Надя, здесь проблемы. В доме мародёры, напали на хозяев. Есть раненые. Давай со стариками сюда, дверь слева от лестницы. Если Волк может и готов идти…

— Могу, — раздался голос великана. — Сколько их?

— Не меньше трёх. Но у них в заложниках женщины и ребенок, там наверху…

— Мы идём.

— Оставьте кого-нибудь с Нандом. И проверьте чёрную машину.

— Проверим, — успокоил Волк Ирбиса. — Егорыч прикроет, а Фёдор поможет раненым.

— Ладно, жду. Отбой.

Ир бесшумно выскочил в холл. Вдруг сверху раздался приглушенный женский крик, затем дружный злой хохот мужских

голосов. Ир прижался к лестнице. Потом он осторожно выглянул и посмотрел наверх. Там никого не было. Потянуло холодом — это открылась входная дверь, и в холл тихо, но быстро, зашли сначала немного припадающий на раненую ногу Волк, потом Надя, оба — сжимая «палычи», а следом смешно семенил Складка. Замыкала процессию новенькая, Лара, с дробовиком наперевес. Надо же, я совсем забыл про неё, — подумал Ирбис.

Он призывно махнул им рукой.

— Надя со Складкой, давайте направо, там раненый зять хозяина.

— Да-да, и я туда за ружьём, покажу, — выскочил из-за его спины едва оклемавшийся фермер.

— Прошу вас, только не лезьте на рожон. Иначе будут лишние жертвы. Оставайтесь внизу, прикрывайте тыл. Поняли? Надя… — Ир положил свободную руку на плечо хозяина и посмотрел на жену. «Я прослежу, будь осторожен» — почувствовал он мысль любимой и едва заметно кивнул.

— Ладно, — нехотя протянул фермер. — Меня зовут Стефан, если что.

— Меня Ирбис, — смотрящий улыбнулся, но тут же резко посерьёзнел и развернулся к подошедшим.

— Волк, Лара, за мной!

Они втроем стали подниматься по просторной лестнице, рассредоточившись по всей её ширине.

*** * ***

— Посмотри, сколько добра! — Шура Никитин, черноволосый, высокий и худощавый сорокалетний мужчина, до недавнего времени — юрист небольшой компании, встал посреди необъятного центрального торгового зала многоэтажного оллмарка и раскинул длинные руки в стороны. — И всё теперь наше.

Его миниатюрная жена Лена подошла и встала рядом. Рядом с долговязым мужем молодая светловолосая женщина казалась ещё меньше и походила на симпатичную девочку-подростка. За собой она подтянула огромную тележку, набитую с горкой всякой всячиной без разбору.

— Эти трусливые дураки пусть бегут, куда им глаза велят. Мы и здесь неплохо переночуем. Утром я поищу машину на ходу, и мы

спокойно и без паники отправимся в славное путешествие. И никто нам не будет мешать, да, милая?

Елена кивнула.

— А заночевать можно будет в любой этажке рядом. Так, дорогой?

— Зачем? — возразил муж. Всё-таки он немного побаивался непривычно пустого ночного города и в глубине души опасался этой таинственной невиданной угрозы, в которую он, правда, до конца не верил, считая всеобщую панику и бегство коллективным помешательством обывателей, до конца не разобравшихся в проблеме. А ещё эти глупые военные! Ну как можно таким бестолковым образом, без объяснений, бесцеремонно проводить эвакуацию? Его цепкий аналитический ум не мог допустить рационального объяснения поступкам этой слабо организованной толпы, перепуганной какими-то слухами. А этот безапелляционный текст сообщения, полученного им и всей его семьей накануне утром?

«Внимание! Это не учения!

На территории г. Ромова вводится чрезвычайное положение. Всем гражданским лицам без исключения явиться в ближайший пункт эвакуации, список пунктов см. в конце сообщения, полученного вашим личным устройством для сопровождения повседневных задач.

Лицам, не имеющим возможности явиться в пункты эвакуации, незамедлительно сообщить об этом начальнику пункта по экстренному каналу связи (нажмите *сюда* и дождитесь ответа оператора). Уклонение от процедуры эвакуации является уголовным преступлением и карается военным трибуналом.

Внимание! Это не учения!

От исполнения данного приказа зависит ваша жизнь и жизнь ваших близких! При проведении эвакуации строго соблюдайте указания ответственных лиц, не паникуйте. Помните: крайне важно покинуть город в составе эвакуационных поездов и автоколонн до наступления тёмного времени суток. Возьмите с собой только самое необходимое — идентификатор личности, теплую одежду и смену белья, небольшой запас продуктов, фонарик, — всё, что поместится в рюкзак или дорожную сумку средних размеров. Следите за своими детьми! В местах скопления большого числа людей держите детей за руку и не отпускайте. При эвакуации приоритет к погрузке отводится инвалидам, матерям с маленькими детьми и пожилым людям. Все лица

мужского пола крупного телосложения (рост 180 см, вес 90 кг.) должны быть призваны для прохождения особого освидетельствования. Дополнительная информация может быть получена в пунктах освидетельствования, список *здесь*…»

Ну что это такое? Ни слова о причинах, никаких разъяснений и информации о происходящем. А ещё какое-то загадочное освидетельствование крупных мужчин вроде него. Никитин раздражённо покачал головой и дёрнул плечами. Но, на всякий случай, мысленно сказал он себе, будем осторожными, тем более что в городе могли остаться случайные люди, и вряд ли они будут дружелюбны при встрече. Он посмотрел на жену.

— Можно переночевать, не выходя отсюда, чего мотаться-то? Без машины всё-равно далеко не увезешь всё это добро. — Он повернулся и, задрав голову, посмотрел в сторону этажа товаров для дома. — Вон там, в отделе спальной мебели прекрасно отдохнем. Выбирай самую роскошную кровать, дорогая.

Женщина радостно взвизгнула и побежала прямиком к неподвижному эскалатору. Тележку она потащила следом за собой. Шура улыбнулся, глядя на жену. Потом он снова окинул взором огромное пространство залов оллмарка и снова задумался. Его немного смущало такое обилие места для ночлега. Он вспомнил про старинное здание какого-то то ли музея, то ли института, стоявшее прямо за марком, во дворе, там где была стоянка грузовиков. Это здание, с его толстыми стенами и небольшими окнами показалось ему сначала более надёжным пристанищем. Но Лена и дети, завидев марк с призывно распахнутыми дверьми, с плачем и стонами потащили его внутрь. Конечно, Шура, как мог, забаррикадировал все найденные входы. И всё-таки марк был слишком большой, считай — маленький город, а внизу ещё зиял чёрной дырой огромный портал станции подземки, и это пугало. Чуть-чуть. Пожалуй, стоило проверить, завален он или нет, но идти туда, в темноту, жутко не хотелось.

Шура услышал призывный возглас жены и обернулся. Лена докатила тележку до неподвижной наклонной ленты-дорожки, ведущей наверх, и попыталась затолкать тележку по ней, но у неё никак не получалось — не хватало сил.

— Милый, помоги мне!

Шура, снова улыбнулся, смотря на неё, и бодро направился в её сторону. На ходу он мельком взглянул сквозь огромное стекло витрины на темнеющую центральную площадь Ромова. Хотя это и длилось доли секунды, ему показалось, что он заметил там, за окном, какое-то неясное, очень быстрое движение чего-то (кого-то?) на вид совершенно бесплотного и прозрачного. Шура резко остановился и посмотрел туда ещё раз. Но как он ни всматривался, за окном были только неподвижные густеющие сумерки.

Он ухватил тележку жены и с силой потащил её на этаж выше, часто поглядывая на окна.

— Какой ты сильный, мой славный друг, — шутливо сказала Лена. Шура, смущенный видением, только рассеянно улыбнулся ей. Затащив тележку наверх, он сказал:

— Я пойду в оружейный отдел. Позови детей и устраивайтесь здесь, в спальном, поудобнее.

— А зачем нам оружие? Здесь что, опасно?

— С ним будет спокойнее, дорогая. Мы ведь теперь сами по себе.

— Хорошо, милый, — Лена повернулась к холлу и громко крикнула: — Витя! Оля! Давайте-ка, быстро идите сюда! Пора ужинать и спать.

— Сейчас, мам! Идём! — раздались едва слышимые детские голоса из далёкого отдела игрушек.

Найдя отдел с оружием, Шура обнаружил, что здесь, как, впрочем, и во многих других секциях марка, кто-то уже успел покопаться и взять самое лучшее. Но кое-что всё же ещё осталось. Шура прошёлся мимо разорённых витрин, высматривая что-нибудь подходящее. Не слишком искушённый, Никитин всё же не считал себя последним профаном, будучи воспитан на лучших интерактивных боевиках последних лет. Вспоминая, как лихо управлялись с оружием герои фильмов, сколько раз он помогал им расправляться со злодеями в вариациях сюжета, Шура решил, что ничем не хуже их. Из множества ножей, ружей, пистолетов и россыпи боеприпасов он выбрал себе большой «Настоящий десантный клинок» производства фирмы «Спецназ», в чехле с ремнями для крепления на бедро, помповое ружьё «Мичиган-16» с режимами ручной и автоматической стрельбы и перезарядки, электронным спуском, магазином на двадцать шесть патронов и безумным ценником на бирке. В довершение картины

Шура взял с полки пояс с патронташем и набил сумку патронами с маркировкой «шок. крупн.». Так будет надёжнее, — подумал он.

Шура развесил всё это добро на себе и почувствовал себя гораздо увереннее. С вызовом посмотрев в чёрный проём окна, он с немалой решимостью в голосе сказал темноте:

— Мы ещё посмотрим, кто к…

И нервно сглотнул. Сквозь толстое стекло бескрайнего окна второго этажа на него смотрели два нечеловеческих глаза, завораживающе мерцающих багровым в красноватом свете аварийного освещения марка. Практически невидимое вытянутое тело рептилии (существо явно походило на странную большую ящерицу) переливалось в том же свете слабыми радужными блестками. Прилепившись прозрачными пятипалыми лапами к стеклу, этот огромный геккон неподвижно висел и внимательно, словно оценивающе, разглядывал Шуру.

Мужчина захотел вскрикнуть, но в горле от страха мгновенно пересохло, и получился только сдавленный хрип. Вспомнив про оружие, Шура с усилием отвел взгляд от окна и непослушными пальцами попытался зарядить ружьё, но несколько бесконечно долгих секунд не мог сообразить, как открыть магазин. Когда, наконец, у него получилось запихнуть туда три патрона, он передёрнул цевьё и резко направил ствол на окно. Но там снова была одна пустая ночная чернота.

И тут со стороны отдела игрушек раздался пронзительный детский крик. Кричали дети, одновременно и невообразимо громко. Никитин с воем ужаса кинулся на звуки, и пока он бежал, сознание, с ощущением беззвучно лопающихся сосудов в мозгу, как при инсульте, продавила пудовая мысль — случилось непоправимое, самое страшное, чудовищное, невмещаемое…

— Витя! Оленька!! Лена, скорее ко мне! Боже, пожалуйста…

Внезапно крики смолкли, разом, словно захлебнувшись в каком-то вязком и густом киселе. Отдел игрушек был недалеко, и Шура, почти не касаясь пола, влетел туда и увидел страшную картину. Дети, его дети лежали на полу в лужах мерзкого розового месива, да, да, того самого удушающего киселя, что прервал их крики! Глаза их были выпучены, тела скручены в страшных судорогах. Они умирали. Его дети — радость и смысл его жизни. Никитин с разбега упал на колени

и склонился над дочкой. Он попытался дотронуться до неё, но тут же с воплем отдернул руку — слизь била парализующим током. Рука занемела и очень сильно заболела. Эта боль отчасти привела его в чувство.

— Па… — только и смогла произнести девочка и затихла. И тут же перестал хрипеть сын, корчившийся в трёх шагах от сестрёнки. Никитин зарыдал от бессилия и ужаса, бросив ружьё на пол и схватив себя за волосы.

Неожиданно позади раздались странные звуки, похожие на чье-то быстрое-быстрое шлепанье огромными мокрыми босыми ступнями по гладкому полу этажа. Никитин, опомнившись, в приступе ярости убитого горем отца схватил оружие с пола и резко развернулся. Как раз вовремя — через весь коридор, от громадного отдела с вывеской «Посуда», на него неслась гигантскими прыжками на задних лапах та самая, а может быть, совсем другая рептилия, но столь же страшная, быстрая и едва различимая в своей чудовищной мимикрии. Глаза её сверкали багровым в отблесках невесть как зажегшегося фонарика на ружейном стволе. Никитин, без единой мысли в голове, на одних лишь инстинктах, требующих сохранения жизни, громко закричал и нажал на спусковой крючок. Тварь прыгнула одновременно с выстрелом. Никитин не был смотрящим, иначе он бы знал, что нужно как можно скорее уходить с линии движения пятнашки. Но ему повезло. Заряд редкой и дорогой энерго-дроби, применяемой для эффективного поражения площадной цели на коротких дистанциях и для обездвиживания очень крупных животных, остановил в воздухе и разнес в клочья сгусток протоплазмы, летевший в его сторону. Ошметки розовой слизи забрызгали пол на огромной площади, почти достав до подошв рухнувшего на пол орущего Никитина, оглушённого выстрелом, парализованного страхом, но все ещё движимого отчаянием и злостью. Трясущимися руками он достал из кармана горсть прохладных на ощупь патронов и быстро принялся запихивать их магазин дробовика. Набив его под завязку, Никитин передёрнул цевьё, судорожно вздохнул и огляделся, вспоминая куда пошла жена. Дымящаяся гильза звонко ударилась об пол и ускакала куда-то в темноту.

— Лена!.. — сипло позвал он.

И почти сразу, в другом конце здания он услышал разрывающий связки крик жены. Никитин вскочил на непослушные деревянные ноги и, трясясь, не имея больше сил на эмоции, пошатываясь, побежал на крик последнего близкого ему существа на этой планете. Он уже осознал, понял, ощутил, что не успеет, что он всё потерял, и что это было бесконечно глупо — не внять предупреждениям властей или того, что от них оставалось в городе, решить, что ты умнее других и можешь теперь сам решать, что разумно, а что нет. Что это война, может быть, самая страшная в истории человечества. И вот она коснулась его своим жгучим склизким пальцем, в одночасье убила его семью…

Лена лежала в мерзкой розоватой луже между двух огромных кроватей, красиво убранных дорогим бельем. Она так любила приятные на ощупь роскошные ткани из натуральных волокон. Но семейный бюджет не позволял им таких вещей. А ей так хотелось пожить с комфортом, не давясь в бесконечных узких и душных местах, сопровождавших всю их формованную жизнь в городских многоуровневых лабиринтах.

Никитин опустился на колени перед неподвижной женой. Кажется, она даже не дышала, только тело совершало рефлекторные движения. Он уже понял, что странный кисель опасен, парализует и убивает, как убил он его малюток. Его самого мутило. Страдая от бессилия, Шура снова заплакал.

— Леночка… Лена, — только и смог он выдавить из себя, глядя на бьющуюся в мелких конвульсиях жену. Спустя минуту она затихла, и Шура взвыл по-собачьи, осознав, что она умерла. Он обхватил голову липкими руками, пачкая волосы и лицо, и сидел так, раскачиваясь из стороны в сторону. В голове было звеняще пусто, и ему хотелось только одного — скорее умереть.

Он не знал, сколько просидел так, вокруг было тихо, и почему-то ни одна прозрачная тварь больше не появилась, хотя Никитин был уверен, что их в здании было несколько, а может быть даже и много. Внезапно его, казалось, мёртвая жена шевельнулась. От неожиданности Шура вскрикнул и посмотрел на неё. Лена была жива! Вне себя от радости, Никитин подался вперёд. Тело её вдруг резко выгнулось, словно она хотела сделать «мостик», потом обмякло. Лена застонала и села, обводя мебельный зал невидящими глазами с

красными от лопнувших сосудов белками. Кожа лица её приобрела какой-то землисто-серый цвет.

— Лена… Как ты?… — только и смог выдавить Никитин.

Жена не отвечала. Неуклюже попытавшись встать, она вдруг завалилась на правый бок и недовольно замычала. Никитин тяжело вздохнул и тут ощутил необычный и крайне неприятный запах, который (Шура в ужасе повел носом) шёл от его жены!

— Леночка, милая, пойдём, здесь есть душ. Тебе надо смыть эту дрянь, — неуверенно пробормотал он.

Жена, наконец, поднялась на ноги и стояла на месте, покачиваясь в разные стороны. Не зная что делать, Никитин подтянул к себе ружьё, встал рядом и стал ждать, озираясь по сторонам. Женщина, наконец, приняла решение о дальнейших действиях и, зачем-то вытянув руки перед собой, странными широкими шагами на негнущихся ногах направилась к выходу. Начав движение, она вдруг стала что-то бормотать непонятное.

— Что ты говоришь, милая? — идя за ней следом, спросил Никитин, всё больше холодея от происходящего. Он слышал, что с людьми происходило что-то странное и страшное после контакта с пришельцами, но не желал верить, что это могло случиться с его дорогой, единственной Леночкой!

— Ленусь, подожди, давай поговорим, — проговорил он, — остановись, девочка моя.

Она явно не слышала его. Или не понимала? Шура протянул руку и коснулся плеча жены, но тут же резко отдернул её. Ладонь снова пронзила знакомая парализующая боль. Лена вздрогнула всем телом, но не остановилась и продолжала идти дальше куда-то в темноту и неизвестность. Какая у неё была цель? Ничего не понимающему Никитину ничего не оставалось как следовать за ней и надеяться на что-то. Ведь это его жена, любимая Ленуся, живая, ведь так? Шура всматривался в очертания такой знакомой фигуры и всё ждал, что вот сейчас, она, наконец, опустит руки и скажет: «Что это со мной? Где я?», потом увидит его, обрадуется, взволнованно спросит, где дети, а они, их чудесные ребятишки, подбегут, как ни в чём ни бывало, он возьмёт их всех за руки и поведет скорее прочь из этого страшного места, они найдут машину и поедут, куда глаза глядят, только как можно быстрее и как можно дальше…

Лена остановилась и прислушалась к чему-то. Спустя мгновение и он услышал со всех сторон странный свист и шипение. Они с женой стояли посреди широкого холла этажа. Свет аварийного освещения от далёкого потолка не доставал до краев зала и там держался плотный сумрак. И Никитин снова увидел глаза. Их было много, везде, вокруг, из темноты смотрели одни глаза — угольки чужого костра жизни — не мигая и не отрываясь. Лена снова направилась куда-то в сторону выхода из здания, не обращая теперь никакого внимания на злые красные точки. Никитин шагнул было за ней, но угольки вдруг предостерегающе зашипели и дружно приблизились. Никитин остановился и крепко сжал оружие. Внутри у него всё опустилось. Его жена, его Леночек, потерянная им, хотя и как-будто живая, не оборачиваясь, удалялась от него навсегда.

— Лена… — последний раз позвал он. Её голова жутко дёрнулась, но женщина не остановилась. Наконец, она скрылась в чёрном проёме с мерцающим сверху зелёным значком «выход».

Никитин развернулся и поднял ружьё.

— Ну! Давайте, гады! Чтоб вам всем сдохнуть! Не хочу!!!

И начал расстреливать прыгающие горящие угли.

Когда наступило утро, солнечные лучи неожиданно прорвались сквозь покрытую пылью стеклянную фасадную стену оллмарка, уходящую в бесконечную высь, и осветили широкий просторный зал отдела роскошной мебели для зажиточных горожан. Посреди зала на спине лежал человек с раскинутыми в стороны руками и ногами. Невдалеке валялось ружьё, а вокруг человека весь пол был заляпан странными розовыми пятнами, источавшими зловоние. На шее и многочисленных местах, где была разорвана его одежда, зияли ужасные раны и его кровь под ним смешалась с розовым бульоном в странного вида бурый коктейль.

Лучи солнца ненадолго осветили всю эту картину и погасли, поглощённые тучей, с ленивой поспешностью затянувшей прореху в толстом брюхе.

*** * ***

— Постойте, — тихо сказала я.

Волк остановился как вкопанный и посмотрел на меня сверху вниз.

— У вас есть план? Тактика? — я вперила взгляд в переносицу Ирбиса, на ходу обернувшегося ко мне. — Что ты собираешься делать, не зная сколько их, какого они уровня подготовки?

Тот на секунду притормозил доблестное восхождение.

— Ну, если не оставили прикрытия внизу… И беспечно ржут, издеваясь над пленными… Что ещё? Обычные мародёры со случайным опытом и оружием. Опасны, это безусловно. Но больше всего противно и обидно, что такие всё ещё ходят по земле…

— Оставим пока философию, — я поняла, что надо брать бразды. Хотя, пожалуй, насчёт этих, наверху, он и прав. — Ты позволишь пару идей?

— Давай.

Великан всё это время слушал нас одним ухом, осматриваясь, и держал свой излучатель наготове. Молодец. И вообще, тогда, у КПП воинской части, он показал себя отлично, не смотря на ранение, уж мне-то сверху хорошо было видно. Но вернёмся к нашим баранам.

— Для начала — их не больше восьми.

— Почему? Ах да.

— Далее. У них автоматы, это плохо, но учитывая твою догадку, не смертельно, извините за каламбур. Уж я постараюсь, чтобы вышло именно так.

— Ладно, что ещё? Время!

— Да уж. Торчим тут как снегири на сугробе, — пробасил Волк. Посмотрите-ка, наш душка-великан сердится. Как мило!

— Для связи используют простые гражданские задачники, за неимением лучшего. Я уже добавила их частоту в прослушку. Пока шла сюда, узнала кое-что интересное.

— Что? — Волк с интересом глянул на меня одним глазом. Ирбис полез в задачник включать частоту.

— У одного не выключен передатчик. Так вот, у них есть главарь — все зовут его Патрик. Уберём его — остальные телята, думаю, сами лягут, там посмотрим по обстоятельствам.

— Что ты предлагаешь? Практически?

Ха, неужели он вдруг поверил в мои способности? И на том спасибо.

Я рассказала им свой план.

Мы бесшумно поднялись по лестнице и быстро обследовали все помещения этажа за исключением большой комнаты напротив холла, откуда был слышен шум пьяного веселья. Не хватало ещё сюрпризов с этими выродками. В одной из комнат в люльке мирно спал младенец, милая девчушка. Уже лучше, значит все в одном месте. А то, что пьяные — может оно и к лучшему. Правда, эти могут начать палить почем зря. Значит, буду действовать быстро, на опережение. Кот наш Ирбис обнаружил вторую дверь ведущую в зал через одну из проходных боковых комнат. Я отправила его туда и велела слушать радио и ждать команды.

Пару секунд я размышляла, стоит ли тратить ПДА-39 на эту шайку. У меня всего один блистер подавителя активности, остальные три остались в моем рюкзаке у тех мерзавцев… Стоп! Патрик! Так это что же, те самые ублюдки? Они же так называли своего вожаку. Ну и ну! Как я сразу не допетрила… И как они здесь оказались? Впрочем, сие уже неважно, а вот поквитаться — это дело стоящее.

— По моей команде. Начали!

Волк здоровой ножищей пнул дверь в середину. Не выдержав силы удара дверь, вместо того чтобы распахнуться, со скрежетом оборвала петли и с грохотом упала внутрь. Что ж, дополнительный эффект не помешает. Неплохо, Волк! Так держать.

Мы дружно ввалились в комнату, попутно я правым ухом услышала и краем того же глаза увидела, как Оцелот наш Пятнистый вышиб плечом боковую дверь и принял боевую стойку в проёме. В общем, тоже ничего.

— Всем оставаться на местах! — дико заорала я. — Оружие на землю, стреляю на поражение! Быстр-ра!!!

От резкого движения рана в боку выстрелила болевым зарядом. Ничего, заживёт как на кошке. Картина, коию я рассмотрела в процессе своего вопля, была полна мерзких, но вполне себе ярких красок.

Обнажённая молодая женщина лежала на старинном дубовом столе посреди комнаты с дорогим убранством. Девушка красивая, рот её заклеен скотчем. С одной стороны её держал за руки, не давая вырваться, один из ублюдков-мародёров, знакомая рябая рожа, здоровенный детина. С другой стороны… старался главаришка, тот самый Патрик, со спущенными штанами, странно, что без плаща, весь красный от напряжения, при этом пыхтя и дёргаясь в экстазе. Гигантский орден метрономом болтался на его груди. Вот урод — на людях, не стесняясь!.. Огромный пистолет, которым гад тогда, в первый наш митинг, размахивал и, после, прострелил моё бесценное тело, лежал на обеденном столе среди грязной посуды. Ещё парочка уродов стояли слева и небрежно держали на мушке другую женщину, сидящую на стуле, заплаканную, полную и в летах, наверняка — жену хозяина, и заворожённо, пуская слюни, пялились на действо. Они повернулись на звук, но как-то медленно, и явно не сразу пришли в

себя. Замутнённые взоры, красные лица. Другие двое сидели за столом и увлечённо что-то жрали из хозяйских тарелок.

Итого — шестеро.

— Па-патрик!.. — промычал основной помощник, с перебинтованной кистью, не иначе — правая рука главаришки, такое ответственное дело доверили. Он вяло показал в нашу сторону и нехотя отпустил насилуемую. Похоже, я зря кричала — они были обдолбанные. Я кивнула Волку, он направил ПП на похотливого свершителя коитуса, нехотя отпрянувшего от жертвы и потянувшего вверх подштанники, и нажал на спуск. От удара орденоносец, смешно хрюкнув, отлетел на три метра и ударился о большой дубовый комод. Это наверняка было очень больно, но он только застонал, несильно так, потом поднял на меня мутные зенки. Зрачки его никак не хотели сужаться. Наконец, он меня разглядел. Что у него сделалось с лицом, и без того помятым, девочки и мальчики!

— Ты?!. Стерва! Уб-бейте её! — Он издали воткнул в меня свой корявый палец и так и зашёлся от злобы, даже штаны забыл дотянуть до приличия.

Жруны за столом как раз перестали жевать, но повели себя на редкость благоразумно, только не очень быстро покрутили глазиками на меня, на Волка и на Ирбиса, а вот один из стоявших, решил, что не зря носит на плече универсальный автоматный комплекс «Гроссман». Уверена, он и половины его возможностей не знает, осёл!

Я чуть повела «Бекасом» и разрядила его в корпус идиота, начавшего «боевое движение барана с оружием перед смертью». Бандит с каким-то всхлипом рухнул в угол и затих навсегда, а автомат его отлетел в сторону. Ну что же, будешь третьим, гнида.

Старшая женщина закричала и закрыла лицо ладонями. Я была уверена, что не задену её, но от её крика на мгновение засомневалась. Обошлось, обычная истерика. Молодая без звука соскользнула со стола и быстро завернулась в поднятый с пола халат. Потом она, морщась от боли, отодрала с лица ленту, повернулась ко мне и тихо, но твёрдо сказала:

— Там дочка — малютка совсем, и муж…

Я кивнула и передёрнула цевьё. «Бекас» весело и задиристо выплюнул гильзу, и та со звоном плюхнулась в миску с каким-то жёлтым соусом, забрызгав жрунов. Те даже не шелохнулись, только

один запоздало сглотнул свою жвачку. Правильно, пацанята, некоторым присутствующим лучше жевать, чем переживать. Малышка за стенкой звонко закричала, разбуженная криками и выстрелом.

— Иди.

Она также быстро проскочила в боковую дверь мимо отступившего Ирбиса. А ещё ей надо сходить в душ и долго-долго там отмываться.

— Вы тоже идите, там вас муж ждёт, — сказала я женщине.

Второй придурок было дёрнулся, запоздало решив прикрыться заложницей, но по моему лицу понял, что не стоит, и положил пистолетик на пол. Голодающие последовали его примеру. Ну, лучше поздно, чем с дыркой в башке.

Когда женщины вышли, я посмотрела на Волка, потом на Кота.

— Ну, что будем с этими… делать?

Ирбис пожал плечами, с омерзением поглядев на ворочающегося под комодом главаря.

— Миряне… — вдруг почему-то произнёс Волк. — Сам-то ты кто?

— Тоже мне: «Ной, проповедник праведности», — задумчиво произнёс Ир.

— Как ты сказал? — усмехнулся Волк, — Ной? А ведь точно, — он с презрением оглядел бандитов и посмотрел на Патрика. — Ну и уродов ты себе набрал в свой ковчег.

Патрик злобно зыркнул на него мутным глазом.

— Увидите, постигнет вас кара… На Избранного подняли пяту. Дважды!

Волк хмыкнул и шагнул к поверженному:

— Никак грозишься, шакал? — он схватил со спинки стула плащ и, туго свернув его, с силой швырнул его в главаря. Тот сжался от хлесткого удара, потом прижал к себе любимую одежку и ещё больше скрючился. Ир предостерегающе поднял руку.

— Подожди, Волк. Не горячись. За неимением действующей системы обеспечения правопорядка, нам придётся взять её обязанности на себя. Либо…

Он посмотрел на нас, потом на подонков, затем на дверь и продолжил после паузы:

— Так как у нас и без того хватает забот с внешним врагом, думаю, мы можем делегировать полномочия местным жителям.

Я недовольно хмыкнула. Мне эта идея совсем не понравилась, но во мне говорила жажда мести и обида за пострадавших женщин, да и за нынешнюю женскую долю вообще. Поэтому я включила голову и не стала настаивать на немедленном линчевании дегенератов. Тем более, что им следовало получить наказание в здравом уме, а не под действием дурмана, и уж с этим я была полностью согласна, и потому только недовольно бросила:

— Ладно.

Ир кивнул и посмотрел на Волка. Тот махнул рукой и отвернулся. Тогда Кот наш Справедливый поднёс передатчик ко рту и сказал:

— Надя, как у вас там, всё в порядке?

— Да. Как ты? Я слышала выстрел.

— Всё нормально, банда обезврежена. Попроси Стефана и его зятя, если они могут ходить, подняться сюда. Надо кое-что обсудить.

— Хорошо.

Ир обошёл комнату и собрал оружие с пола и столов. Также мы обыскали сволочей на предмет ножей и прочей периферии.

Спустя минуту на лестнице послышался топот, и в зал ввалились два здоровяка-фермера — один пожилой и крупный, должно быть Стефан, с огромным охотничьим дробовиком в ручищах, другой — худой и высоченный, судя по всему, зять, с перевязанными плечом и рукой, но на вид довольно бодрый и злой. Ещё бы!

— У вас есть соседи в округе? — спросил Ир у Стефана, бешено вращавшего глазами по комнате.

— Да. Порхомяк, бывший наш староста посёлка, с семьей живёт в паре километров отсюда, Седов — чуть подальше. Все с машинами. Остальные деру дали ещё летом…

— Вам нужно будет вызвать их и разобраться с этими господами. Обсудить и вынести решение вплоть до высшей меры. Время такое… До завтра мы бы хотели здесь задержаться, передохнуть. Но утром нам надо ехать дальше.

— Конечно, оставайтесь сколько необходимо. Спасибо вам, если бы не вы… — у фермера от переживаний дрогнул голос и навернулась скупая слеза на глазу. Не люблю всех этих соплей.

— А этих надо куда-нибудь запереть, чтобы не сбежали, — решила я быстро пресечь поток благодарности.

— Ах да… — Стефан, наконец, успокоился. — В ангаре у меня клетка железная есть с замком. До утра не замёрзнут и проспятся заодно. Сена им туда накидать…

Добряк этот фермер, однако. Исчезающий вид.

— Ещё сено на них переводить! — возмущённо подал голос зять. — А этому, — он указал одиноким пальцем забинтованной руки на главного насильника, — я лично яйца отрежу.

— Погоди, не марай сейчас руки, — остановил его Волк и посмотрел на Ирбиса. — Пойдём, Ирик, занесём молодого. — Он взглянул на хозяина. — Покажете, куда раненого положить?

— Конечно, конечно — Стефан подтолкнул зятя, — иди покажи внизу комнату для гостей.

— Комната для гостей, — состроив загадочное лицо, повторил Ирбис. — Обалдеть…

— Лара, присмотри за пацанятами, — деловито бросил Волк.

Я улыбнулась. Почему-то мне понравилось слушаться нашего великана. Может, потому что в нём нет ничего кошачьего? Внезапно у меня потемнело в глазах, и, чтобы не упасть, я присела на корточки. Сквозь шум в ушах я услышала рядом с собой испуганный голос Волка:

— Лара, что с тобой? Тебе плохо?

Я помотала головой и прижала руку к липкому горячему боку.

— Надо забрать у этих скотов мой рюкзак…

И тут кто-то зачем-то выключил свет.

*** * ***

— Думаешь, справятся фермеры с задачей?

Ир пожал плечами и поиграл пальцами на баранке руля.

— Батя как-то учил меня: «Делись обязанностями, всё сам не переделаешь».

— Да и «кто поставил меня судить вас?» — так ещё Московский Бригадир говорил — ты это хотел сказать?

— Точно, — Ир с удивлением взглянул на друга. — Откуда знаешь?

Волк с усталой улыбкой загадочно пожал плечами и добавил:

— Оно, конечно, верно. На каждую гадину времени не хватит.

Великан пошевелил бровью и покрутился на переднем сиденье, укладывая больную ногу поудобнее. Машина пару раз качнулась на

пружинах, словно на неровной дороге.

— Только он не свою мысль говорил, конечно. Цитировал из древней книги, — мрачно сказал Ир. — Из мудрой древней книги. Там, кстати, много ещё говорится, о том, чтобы не мстить.

— Не знаю… Мы из-за этой швали сами едва без штанов не остались. Забыл уже про стычку на проспекте в Ромове? Думаешь, они не тронули бы Надю?

— Такое чувство, что у тебя руки прямо чешутся на такое дело. Странно это для смотрящего. Тут после каждого серого терзаешься… — мрачно произнёс Ир, стиснув, однако, руль от мыслей о сказанном приятелем.

Волк вздохнул.

— Да после такого… И того, что Лара про них рассказала… Нет, Ири, серые на порядок лучше. Всё ж таки подневольные существа.

— Это да, — грустно усмехнулся Ир. — А молодец, всё-таки, Пётр Егорыч, с его «вековой воспитанностью». Кто знает, как бы ещё там всё вышло, не пойди я «как веками заведено».

— Это верно.

Волк щёлкнул ногтем по экрану задачника, ткнул нужный квадратик в проекции и поднёс браслет ко рту.

— Лара, как у вас там дела? Что с Нандом?

— Парень спит, Фёдор Палыч за ним присматривает.

— Как проснётся, передай ему, что личный «палыч» у него, считай, в кармане. Заслужил.

— Ничего не поняла, но обязательно передам.

Волк засмеялся, но тут же сделал серьёзное лицо.

— Как твоя рана? Напугала ты нас.

— Я себя прекрасно чувствую, с такими классными врачами! Едем за вами, если это вы.

Смотрящий снова рассмеялся.

— Ну, вроде мы, больше некому. Но всё же не отставайте.

— Да вы ползёте как асфальтоукладчик прошлого века.

— Ладно, ладно, тигрица, много ты видела асфальтоукладчиков.

— Видела. В музее.

— Ладно, отбой.

— Over.

Волк весь прямо светился. Ир украдкой глянул на него и улыбнулся. Так, — подумал он, — без дополнительных оптических приборов ясно, что кое-кто кое-кому начинает очень нравиться, и не без должной взаимности. Посмотрим, что из этого выйдет, но вроде Лара девушка хорошая. Хотя и странная.

— А я ей не слишком бы доверяла, — сказала вдруг Надя, высунув нос из одеяла. Снова услышала мои мысли, — подумал Ир и улыбнулся.

— Кому это? — удивлённо спросил Волк, и даже повернулся к ней. Машина снова угрожающе качнулась.

— Не раскачивай лодку, — сострил Ирбис.

Надя помолчала, но всё же, после паузы, ответила:

— Есть в ней что-то опасное, я чувствую. И тогда, на этой несчастной базе, хотя там и хватало угроз… Я ощущала, что кто-то ещё кроме серых и пятнашек там есть. И отнюдь не дружелюбный.

Волк отвернулся и промолчал.

— Как же ты тогда объяснишь, что она помогла нам? — спросил Ир, хмурясь. Переживания жены передались ему, он знал, что Надя редко ошибается в ощущениях. В том числе и относительно людей.

— Не знаю, — пожала плечами девушка, — но чувствую сомнения.

— И какие же у тебя сомнения в отношении неё? — спросил Волк заинтересованно и снова развернулся к ней.

— Сомнения не у меня, а у неё. Она прямо светится ими.

*** * ***

Маленький и толстый Порхомяк, стоявший рядом с огромным Ковтуном и длинным худым зятем фермера напротив клетки в амбаре, был похож на Шалтая-Болтая. Сходства добавляла небольшая лысоватая голова с удивительно круглым черепом, низко посаженная на короткой шее. «Шалтай-Болтай» задумчиво смотрел на пленников и жевал нижнюю губу. Те сидели вразнобой на куче сена и молчали, изредка бросая злобные взгляды на фермеров. Главарь их лежал в стороне, в углу клетки, завернувшись в свой плащ и как-будто спал.

— Так что делать-то будем? — спросил Стефан и поправил на плече лямку карабина. — Слышь, Дмитро?

— Слышу, не глухой, — Порхомяк посмотрел на огромный амбарный замок, висящий на петлях двери клетки, осторожно

потрогал лысину ладошкой, потом почему-то понюхал пальцы. — Пойдём на воздух. Запах здесь какой-то…

— Да это вон — от них, — мотнул головой в сторону «изолятора» Стефан, идя вместе с мужчинами к выходу, — я им ведро поставил, чтоб не обгадили там всё. Наркота с мочой выходит. Вот ведь засранцы какие!

— А этот, главный их, лежит бездвижно у стеночки, притих что-то.

— Да я вчера, не удержался, врезал ему по зубам. Так обидно стало за дочку-то.

Выйдя на улицу, все трое прищурились от яркого утреннего солнца, залившего светом двор и окрестности. Подмёрзшие за ночь лужицы на стоянке оттаяли, и троица сизых голубей, давних постояльцев на ферме, деловито расхаживала между ними в вечных поисках каменной мелочи.

— Погода чудная! — вздохнул зять и огляделся. — Живи да радуйся. Так нет! То пришельцы какие-то зловещие, то подонки — и не кто-нибудь, а свои, братья-земляне.

— Да не свои они, — мрачно сказал Ковтун. — Отбросы. Паразиты. Ну что, ждать кого из города будем или как?

— Да какое там, — махнул ручкой Порхомяк, — если их отпустить, завтра они вернутся и всех нас перережут как свиней. А из нас бойцы сам знаешь какие. Держать в клетке — себе дороже. Кормить чем их будешь, оглоедов? Такую ораву… И помощи нынче ждать неоткуда. Нет у нас больше власти, нет милиции, нет тюрьмы, одни руины да княжества остались. Ещё когда столица пропала в одночасье, я сразу понял — плохо дело. Если уж даже те, — он ткнул пальцем в небо, — не смогли спастись… Я радио вчера весь вечер крутил, передавали, что фронт стремительно движется на северо-восток, вояки браво отступают, везде в ближайших городах грядёт эвакуация, Ликамск весь в панике. Кому там сейчас до нас дело есть? Придётся самим всю грязную работу делать…

Он замолчал, отвернулся и стал глядеть в прозрачное небо над лесом за дорогой, тянувшейся вдоль забора.

— А как? — Ковтун посмотрел на него и ещё больше нахмурился. — Как ты себе представляешь эту… процедуру? Столько лет уже смертной казни нет. Официально.

— Как, как, — пробурчал зять, — к стенке и…

Стефан резко дёрнул головой, хлестнул его взглядом, и тот осёкся. Помолчав с минуту, фермер произнёс:

— Тогда вот что — жребий тянуть будем.

— Зачем это? — удивлённо спросил Порхомяк. — Ты что же — и мне предлагаешь? Да я в жизни кошки не обидел, не то что…

— А я? — Ковтун схватился за широкий ремень на поясе обеими руками. — Свинью разве что забивал. Так то ж на мясо. И то — свинья.

— А охота? — спросил зять. — Ты ж на охоту всё-равно ходишь, не смотря на запрет, и давно уже. Значит, самый опытный в этом плане.

Стефан промолчал, не найдя что возразить.

— Вот. Всё как по радио один говорил, — протянул Порхомяк. — Катимся мы, значит, к первобытно-общинным отношениям со всеми вытекающими. Пора привыкать уже. — Он снова потрогал лысину.

— Привыкнешь тут. Ну, а ты? — Ковтун посмотрел на зятя. Тот сразу съежился и отвел глаза.

— Я? Н-не знаю. Как-то… невмоготу. Вчера ещё думал, что могу, особенно, после этого… с Таней… А за ночь весь пар вышел и… — он запнулся и замолчал.

— Тогда я смогу.

Все трое разом обернулись на голос.

Из-за распахнутой воротины амбара вышла дочь Стефана и встала напротив троицы, строгая и решительная. Солнце осветило сзади её прямую стройную фигуру в белом полушубке и длинной чёрной юбке до пят, красиво и даже величественно очертило контур стройной женщины и заиграло лучами в длинных распущенных каштановых волосах.

— Танюша… — только и смог протянуть муж.

— Дочка, ты что же это? Чего удумала? — охнув, спросил отец.

Порхомяк хмуро сощурился на девушку, но не сказал ни слова.

— Ты сам меня стрелять учил, — твёрдо произнесла Таня, — и всё говорил: «Вдруг пригодится?», помнишь? Ещё радовался, что так метко всаживаю. Вот… и случай подходящий.

Стефан замотал головой и взялся за лямку ружья.

— Не женское это дело, доча.

— Ну почему же? — спросила девушка. — Ты разве не помнишь нашу спасительницу? Она не казалась мне нелепой. Пожалуй, даже

наоборот. Я прямо любовалась ею, момент, правда, был не тот, чтобы восторженно аплодировать. Кстати, у нас мыло почти кончилось.

Мужчины дружно спрятали глаза, и стали навскидку исследовать гранулометрический состав почвы под ногами.

— Значит, будем тянуть жребий, — глухо произнёс Стефан. — Ты правда не передумаешь, дочка? — со слабой надеждой в голосе спросил он.

Татьяна решительно качнула головой.

— Какой бы ни был жребий, отец, а плащеносец — мой.

*** * ***

Около часа дня мы въехали в Ликамск.

Получалось, от фермеров до города было три часа по трассе. Эх, хорошо, что удалось поспать в их хоромах почти целую ночку! А то у меня мозг в последнее время готов был выключаться в самое неподходящее время…

Мы проезжали по длинному мосту через реку, и я посмотрел вниз, сквозь красные перила и опоры. Бурые воды реки тягуче несли себя, скользя по руслу и не переживая о том, что на берегах сменяются эпохи, а люди уходят и, быть может, навсегда. Вода всё равно будет течь.

Здесь словно и не слышали ещё о Нашествии. На широких улицах люди с разной степенью спешности шли по своим делам, спускались в подземку, поднимались из неё, заходили в магазины, выходили из учреждений. Этажки привычно и уютно высились над проспектами, ласкали взгляд, обрезаясь крышей автомобиля, и я прильнул к стеклу, чтобы увидеть их целиком, а они, как обычно, упирались в низкое небо, поддерживая вату облаков, и так не хотелось думать, что это всё ненадолго, и очень скоро и сюда проложат путь ненавистные твари.

Но всё же война затронула и такую глубинку, и чувствовалось, что фронт неумолимо приближается. На наши машины косились — на улице транспорта, который бы двигался, не наблюдалось. А у входов в станции подземки я разглядел сооруженные на скорую руку блокпосты и не меньше взвода вооруженных солдатиков на каждом. Кстати, и на въезде в центр города на проспекте дежурил броневичок с военными, настороженно и удивлённо встретившими нашу мини-колонну, с особым сомнением оглядывая лобовую фанеру на нашем пикапе. Но

они быстро успокоились, разглядев наши жетоны смотрящих с голографическими фотками, чипом и прочими фишками. Я спросил у их старшего — высокого и худого молодого парня с сержантскими нашивками на предплечьях — про наших ребят, но он сказал, что никого с юго-запада не было, по крайней мере, не в их смену, а последние транзитные эвакуируемые прибыли и распределены по жилым районам ещё три дня назад. Тогда я рассказал им печальную новость о потерянном Ромове и попросил как можно скорее передать это с официальным подтверждением командованию, если этой информации ещё не поступало. Вообще-то обычно мы сообщаем о таких вещах своим бригадирам, а уж они связываются с вояками. Но в отсутствие хорошей связи, чем быстрее дойдет инфа — тем лучше. Наказывать не будут. Хотя, конечно, никто не любит плохих вестей.

Северный пост, судя по картам, находился на окраине города, в промышленной зоне, в здании старого завода по выпуску какой-то готовой еды, посуды и прочей дребедени. Да уж, в предвоенные годы производством продуктов питания, кажется, не занимался только совсем ленивый фабрикант. С дешёвой нефтью, особенно перед самым Нашествием, «божественной» БКС и такой оравой потребителей по всему миру сбыт всегда был обеспечен.

В принципе, можно было не заезжать в мультик, проехать по окраинам, но я хотел посмотреть, что тут делается, как ведут себя жители. И если честно, просто хотелось побыть в городе, пока ещё наполненном людьми. Всё-таки, это так здорово — жить среди множества себе подобных, в уютных больших людских «муравейниках», где всё под рукой, и для каждого есть дело, и любому есть чем заняться, неважно, будь то отдых или работа.

Мы ехали по пустынному центральному проспекту, и я со странной, какой-то вроде бы давно забытой тоской в сердце глядел на ряды этажек, в которых было сосредоточено всё необходимое для комфортной жизни горожанина XXI века. Вот слева проплывал огромный, весь сплошь стеклянный, монолит оллмарка с гигантскими плитами для рекламы на фасаде, такими яркими и красивыми прежде, насыщенными ценными новостями о дополнительных возможностях сделать свою жизнь ещё прекраснее. А теперь мутными, грязными и пустыми. Я вспомнил как перед самым началом войны вовсю развернулась кампания, побуждавшая всех «идущих в ногу с

прогрессом» присоединиться к Глобальной Системе Доставки. Теперь не нужно было даже пользоваться покупками через оллнет с их вечными проблемами с доставкой в этих огромных разросшихся на километры вширь и ввысь жилых кварталах. Авто для наземных служб постоянно не хватало, квоты постоянно урезались, курьеры просто сходили с ума. А доставлять грузы как-то надо? Новая Система задействовала автоматическую линию выброса мусора в этажках, введённую в развитых странах ещё в восьмидесятые с их бурным высотным строительством. Это была гениальная идея! Большей частью линия простаивала, лишь периодически сортируя и компонуя мусор, выбрасываемый жильцами. И вот один парень, светлая голова, как там его звали, Адам Шнифмайер, кажется, придумал подсоединить к этой системе, уже, по сути, имевшей возможность перемещать грузы, автономную службу рассылки. Оставалось только доработать систему загрузки-выдачи, разграничить потоки, наладить процесс и накатить софт. Нанд там у них работал программистом, в московском филиале, и за время нашего короткого знакомства успел рассказать пару смешных историй про это дело. Как, например, у них там что-то сбойнуло, и все посылки в двадцати кварталах, — а это не меньше двух миллионов жителей и сотни тысяч заказов, — отправились в мусорку, а свежевыброшенные пакеты с мусором были рассортированы по типу, промаркированы и разосланы клиентам в согласии с электронными накладными. Скандал, говорит, был невероятный!

Эх, было время! Мне вдруг со страшной силой захотелось потолкаться, как раньше, в вагоне подземки, попереминаться в час пик, почти не двигаясь с места, в переходе между станциями, вместе с толпой таких же, как я, пассажиров-пингвинов, нежно трущихся друг о друга боками. Погулять по торговому небоскрёбу, где можно не просто жить — сменять поколения. Пойти в кино на последний фильм, самому выбрать концовку и даже подменить протагониста, а потом выйти и в кафешке поесть мороженого, бесплатного для купивших два сеанса по цене одного. А затем пойти ещё раз на сеанс и выбрать другую концовку. А после подняться на самый верх, под самый шпиль самого высокого «билдинга» в городе и вдохнуть полной грудью не по-городскому разреженный воздух без капли це-о. И знать, что ты не один, вокруг тебя люди, и они просто хотят жить, ни о чём особо не

задумываясь, потому что жизнь прекрасна и тебе всегда будет чем заняться, ведь люди всегда находят чем заняться, даже если делать особо и нечего, ведь вокруг столько интересного, и в большом городе всегда есть кто-то, кто придумает для тебя что-то занятное за приемлемую цену. И я даже с горечью ощутил, что готов был с преогромным удовольствием пойти в понедельник рано утром на работу в свою автомастерскую в многоярусном подземном гараже, протянувшемся на пару сотен метров аккурат вдоль реки Фонтанки, под самым руслом, от Апрашки до Гороховой, если верить геодатчику задачника. Я вдруг во всех красках представил, как выхожу из своего дома, бесконечно высокой этажки номер сто двенадцать на Ириновском, моей родной «стодвенашечки» с уютной однокомнатной квартиркой на девяносто пятом, иду по тротуару, бодро топая с толпой таких же в меру проснувшихся работяг и служащих к станции подземки «Ржевка-13», на задачнике — шесть сорок утра, время, когда о появившемся солнечном свете можно ещё только догадываться, в сумраке ущелья проспекта, в сквозняке поперечных улиц, вдоль бетонных корней соседних могучих исполинских этажек, погрузивших свои далёкие вершины в густую светлеющую синеву неба, но чаще — в рыхлую стальную вату облаков, этого вечного питерского «полиэтилена», месяцами натянутого на бескрайний город…

С усилием я вернулся из приятных воспоминаний к отталкивающей реальности. Давешний разговор с сержантиком опять вызвал у меня смутную тревогу.

— Как думаешь, что с ребятами? — спросил я Волка, когда мы проехали центр.

Он молчал целую минуту, потом пробурчал:

— Подождем до базы. Может, и в правду не в их смену проскочили.

Я посмотрел на Надюшу. Она сидела мрачнее тучи.

Наконец на инлинке стали появляться многочисленные сигналы о новых пользователях в нашей охотной сети. Значит, база рядом. Ориентируясь по проводнику, я свернул с шоссе налево, и мы въехали в обширную местную промзону. До самого горизонта тянулись поля построек, — не таких высоких, как в жилых районах, но весьма разнообразных, — башен, погрузочных кранов, труб и ангаров. Кругом царили тишина и покой, не слышно было привычного шума работающих предприятий. Уверен, мало кто решил осесть в этом

городе, всего в пятистах километрах от быстро движущегося невидимого фронта. Большинство, гонимые страхом и неизвестностью, бежали дальше. Ведь пятнашки всегда приходят. Рано или поздно, но всегда.

Задачник Волка пиликнул на приём, и он поднёс браслет к лицу и щёлкнул по экрану, врубая громкую связь. Наши с Надей пискнули приглашением к конференции.

— Здравствуй, Бригадир, слушаю тебя.

— Здорово, Волчара, — раздался в моем задачнике громкий густой бас, прилично резонирующий в тонкий корпус приборчика, — никак и ты до нас добрался, гулящий?

— Есть такое, Серёжа — улыбнулся Волк лобовому стеклу.

— Я смотрю, с тобой, как положено, напарник, да ещё, великим бонусом, известные московские ребята. Приветствую!

— Привет, Бригадир! Ирбис на связи, — бодро представился я. Хм, вообще-то мы, скорее, питерские.

— Доброго дня, это Надежда.

— Моё почтение. Наслышаны, наслышаны.

Я почему-то начал краснеть. Вообще, я не люблю всей этой шумихи, реверансов и комплиментов. Мы ведь обычные смотрящие, просто пару раз удачно выбрались из передряг.

— Привет, шеф, — прозвучал в эфир тихий хрипловатый баритончик Нанда. Выздоравливает парень. Молодец Фёдор Палыч, быстро поставил на ноги бойца.

— Ты не приболел? Голос какой-то…

— Да так… Есть немного, горло не уберег, но иду на поправку.

— У вас как? — спросил Волк.

— Пока, тьфу-тьфу, тихо. Но! Мобилизация, планы по эвакуации, тренировки, вылазки. Потихоньку бойцы с округи подтягиваются, — Бригадир помолчал, потом протянул: — Да-а, такие вот дела. А что, Строевских никого с вами больше нет? Как там в Ромове? Что-то трое суток уже не слышно вестей от вашего Бригадного.

У меня внутри всё упало. Значит…

— Боже мой!.. — прошептала Надя…

…Не было впереди ребят! Выходит, я бандитскую повозку за наших принял. А ведь боялся сам себе признаться, что двадцать пять парней в одну машину не влезут. И это точно был не автобус…

— Мы думали, они у вас уже… — протянул ошеломлённый Волк.

— С чего бы это? — удивился Бригадир. — Да что там стряслось?

Волк взял себя в руки и произнёс:

— Ромов захвачен, наши две двойки уходили последними. Строево… тоже, аномальная активность. По прибытии никого из ребят не нашли. Сами еле выбрались. Думали, что парни к вам подались. Всю дорогу так думали, — Волк с силой вытер ладонью взмокший лоб. — Надеялись.

— Поня-ятно, — задумчиво протянул Сергей. — Ладно, ждём с нетерпением, дома поговорим. Отбой.

Оставшуюся часть пути мы проехали, не проронив ни звука.

*** * ***

— Граждане бандиты! Кхм…

Порхомяк откашлялся, оглянулся на Стефана, увидел его ободрительный кивок и продолжил.

— Ввиду особой тяжести содеянного вами, а также ещё не содеянного, но очевидно задуманного и не реализованного лишь по причине… В общем, не дали вам совершить, и теперь уже не дадим… — Порхомяк на секунду задумался, потом продолжил. — А также из-за сложившейся ситуации в государстве, — военное положение и такое прочее, — и ещё осознавая, что будучи выпущенными на свободу вы продолжите свои зверства, чего мы не можем допустить, постановляем…

Оратор сделал паузу подлиннее и посмотрел на запертых в клетке. Вся банда угрюмо молчала. Мародёры в разных позах и углах сидели на куче сена и зло поглядывали то на бывшего старосту поселения, то на фермера. Только главарь всё так же продолжал лежать в самом дальнем углу в стороне от остальных, отвернувшись лицом к стене, и не подавал никаких признаков жизни. Порхомяк строго посмотрел на него, нахмурил брови и произнёс:

— Избрать мерой пресечения и мерой наказания… Расстрел!

Вяло слушавшие осужденные вдруг резко оживились, повскакивали со своих мест и хором начали кричать и ругаться на стоявших снаружи.

— Да ты чё, плюгавый?! Охренел совсем?!!

— Я те рот порву, терпила недорезанный!

— Какой, нахер, приговор? Какая, чмо, мера пресечения? Ты сам вкурил, чё сказал?

И только главарь продолжал упрямо лежать без движения у стены. Порхомяк достал из кармана пальто платок и вытер проступившую испарину на лысине.

— Что ж вы такие злые все, городские… — едва слышно пробормотал он.

Ковтун посуровел, провел большим и указательным пальцами по вертикальным усам и рявкнул как мог громко:

— А ну! Тихо там! Будьте мужиками, вашу мать… А то как гадить да пакостить, так смелые. Всем сидеть! Быстро!!! — и просунул ствол дробовика сквозь решётку. Неожиданно для него самого, то ли слова, то ли эти действия возымели успех, бандиты притихли и сели обратно на сено.

— Спок, парни, — тихо буркнул один из пленных, бородатый крепыш в кожаной жилетке, — не боись. Не могут они нас тут сами порешить, разве что в город отправят, к родной ментовке…

Фермер шагнул к дверце и щёлкнул замком.

— Так. Выходи по одному, как позову. Сначала ты! — фермер ткнул стволом в ближайшего бандита, широкоплечего здоровяка с забинтованной рукой, сидевшего на корточках, облокотившись на толстые прутья клетки. Тот нехотя встал и двинулся к выходу. Ковтун по очереди вытер потные ладони о штаны и перехватил поудобнее шестизарядник, держа на прицеле открытую дверцу клетки.

— Руки на затылок положи… и не опускать. А то сразу пальну, без разговоров.

Когда бандит вышел из клетки, фермер тут же закрыл замок и ткнул подсудимого дулом в спину.

— На выход.

У распахнутых ворот ангара по обе стороны стояли зять и вышедший первым Порхомяк. У зятя в здоровой руке был пистолет-автомат, позаимствованный у непрошеных гостей. Вторая рука его, в повязке, висела на шее, прижатая к груди. Порхомяк от оружия наотрез отказался. Чуть поодаль стояла дочь фермера. Татьяна успела сменить полушубок и юбку на поношенный рабочий комбинезон, в котором она также выглядела великолепно. В руках она уверенно держала старое охотничье ружьё отца.

— Давай, топай. Тебя как зовут-то?

— Квазир, — буркнул мрачный здоровяк.

— Что за бесовское имя…

Они вышли на середину двора.

— Ну что, куда его? — обернулся Стефан к Порхомяку.

— Так это… как решили. За сараем, чего двор марать.

Квазир вздрогнул от этих слов, слегка покосился назад и, увидев, что фермер не следит за ним, резко развернулся, схватился обеими руками за ствол ружья и рванул его вверх. От неожиданности Ковтун охнул и нажал на спусковой крючок, но оружие не выпустил. Грянул выстрел, в доме испуганно вскрикнула жена фермера и заплакал ребенок. Бандит ударил Стефана кулаком в лицо, и тот стал падать назад, но, всё так же крепко держа зарядник, потянул за собой и противника. Упав, они продолжили схватку за оружие на земле.

Оторопевшие мужчины у ворот беспомощно смотрели, как здоровенный бандит постепенно одолевает Стефана.

— Ну, что же ты?! — крикнул, наконец, Порхомяк зятю. — Стреляй в него!

Зять с тоской в глазах посмотрел на него.

— Не могу! Попаду ведь в Стефана!

Внезапно раздался ещё один выстрел. Великан, душивший фермера, зарычал от боли и ослабил хватку. Спустя мгновение, показавшееся мужчинам бесконечным, Стефан с усилием откинул обмякшее тело бандита с дымящейся дырой под лопаткой.

Татьяна выронила ружьё из таких твёрдых секунду назад, но вмиг ослабевших рук и подскочила к отцу. Её била сильная дрожь.

— Папочка, как ты?

Стефан приподнялся на локте и с шумом выдохнул.

— Неплохо, дочка, неплохо, милая, — не совсем понятно ответил он, вытирая трясущейся ладонью кровь с разбитого лица.

— Стефа! — из дома выскочила Зоя и с оханьем подбежала к мужу. — Да что же ты, да как же ты…

Ковтун молча махнул ей рукой, чтобы не причитала. Потом посмотрел на взволнованных приятелей, тоже подскочивших к нему.

— Однако, тяжёлое это занятие — правосудие вершить. А, ребята?

Порхомяк грустно посмотрел на него и потрогал лысину.

— Если так дальше пойдет — и к утру не управимся.

— Если доживём, — буркнул зять, стыдливо пряча глаза.

*** * ***

Егорыч вышел из машины, хрустнул суставами, потягиваясь, и огляделся. Здешние смотрящие устроились основательно. Территория бывшего пищевого завода походила на хорошо укреплённую крепость. Хозяин у завода, судя по всему, был бережливый и подходил к делу основательно, что пошло только на пользу смотрящим. Территория вокруг огромного здания выглядела ухоженной, без лишнего ненужного хлама и мусора, и была обнесена сотнями метров высоченных бетонных плит со спиралью из колючей проволоки, пущенной по всей длине забора. Через каждые сто метров вдоль ограды стояли вышки с мощными прожекторами, датчиками и блестящими турельками, очевидно, размещёнными позже самими смотрящими. Ясно было, что местный бригадир не слишком надеялся на удалённость базы от сети городских каналов. Егорыч покачал головой. За последние три года он убедился, что эффективной и стопроцентной защиты от страшного врага не даёт ни одна оборонительная система, созданная людьми. Но, пожалуй, судьбу Строево эта база не повторит. По крайней мере, Петру хотелось верить, что не повторит.

— Ну, вот он — оплот Северной Евразии! По крайней мере, в ближайшее время.

Ирбис, опёрся рукой на тёплый капот и взглянул на здание завода. По дороге он рассказал старикам некоторые подробности. Из его рассказа получалось, что у смотрящих не было единого центра, жёсткой иерархии, структуры, подразделений. Большей частью группы смотрящих, состоявшие из трёх-четырёх, иногда больше, — в разросшихся мультиках, — двоек, действовали на территории города, оперативно пресекая проникновение разведотрядов врага. Тем не менее равномерно по территории страны были раскиданы несколько постоянных баз, на которых смотрящие могли отдохнуть, набраться сил, подготовиться к следующим прорывам, узнать последние новости, подлечиться и просто почувствовать себя в безопасности. Относительной, конечно, — грустно прокомментировал тогда Ирбис эту деталь. После событий в Строево он, как и Пётр, не был уже так уверен в надёжной защищенности пристанищ смотрящих.

Но всё-таки форпост в Ликамске был особенным. Здесь была постоянная миссия — подземные исследовательские лаборатории, полноценный госпиталь, обширный склад всевозможных единиц современных вооружений, некое подобие гостиницы и даже что-то вроде клуба для отдыха и развлечений. Ну и, конечно, значительно усиленная охрана, как Егорыч уже успел заметить цепким взглядом.

Пётр вздохнул.

— Ты чего вздыхаешь, Петя? — спросил Фёдор, вылезая из машины и тоже потягиваясь.

— Смотрю на местное хозяйство.

Надя с Ирбисом стали выгружать из машины нехитрый скарб. Волк со словами «помогу раненым» направился к подъехавшему минивэну. Ир проводил его хитроватой улыбкой. Егорыч тоже усмехнулся.

— Сам ещё — полторы ноги, а уже скачет, хвост распушил. Молодёжь…

— Ну что, отцы, — сказал Ирбис старикам, пряча улыбку и подхватив сумки, — пойдём обживаться на новом месте. Пожалуй, здесь задержимся на время.

— Примут нас с Фёдором? — сощурился Пётр. — Я слышал, ваши-то не слишком гостеприимны. Оно и понятно, лишняя обуза. Завтра снялись — и нету вас. Ищи травинку в степи.

— Примут, не бойтесь. Как оказавших неоценимую помощь по спасению группы смотрящих встретят с распростёртыми объятиями.

Егорыч шёл за своими попутчиками по территории бывшего административного корпуса и с интересом подмечал особенности быта смотрящих. Ему было даже немного не по себе, что довелось настолько глубоко проникнуть в среду людей, основательно скрывавших свои секреты от внешних, непосвященных. Не то чтобы этих секретов было много или они были какие-то очень уж особенные. Но постоянно находились индивидуумы, а то и целые группы интересующихся, которые не только мешали своим неуместным любопытством, но и, преследуя какие-то свои тайные цели, порой, прямо противодействовали, строили вокруг смотрящих какие-то интриги, подрывали и без того неподъёмную по тяжести ответственности и выполнимости деятельность защитников цивилизации.

Примерно полгода назад, греясь со случайными однокашниками в одном из пока ещё тёплых подземных гаражей Ромова (они все для повидавшего войну Егорыча были «пока ещё»), в темноте прячась от охранников, чтобы не турнули с насиженных мест в холодную апрельскую ночь, Егорыч услышал одну историю. Рассказывал её старый протёртый бичара Плимут, который довольно скоро подался потом куда-то на север, не дожидаясь суеты неминуемой эвакуации. Он ушёл из престольной незадолго до «Заградительного занавеса», как окрестили газетчики ядерные удары по столице. Плимут считал, что проявил чудеса интуиции, успев уйти из-под бомбёжки. Егорыч же счел это простым везением. Сам он никогда особо не любил Москву. «Да говорю тебе, как на духу! Сидел я, значит, в начале зимы, на Чистых прудах в гаражах элитных электрокаров на первом ярусе, ну, ты знаешь, — трепался Плимут, выпучивая глаза на Егорыча, — Там на трубах у потолка удобно заночевать можно — тепло и безопасно. И пятнашки эти вряд ли достанут, если объявятся. Что головой качаешь, не так, что ли? В общем, лежу я, свой вечерний быстро-супчик со свистом дожёвываю, никого, значит, не трогаю. Полная тебе вселенская благодать в локальном масштабе. И бутылочка припасена её, родимой. На верёвочке подвесил, значит, чтобы от трубы не нагревалась. И только я, значит, первый залп опрокинул, крякнул, как полагается… И так я с бутылём этим на верёвочке в руке и замер. Эти бестии прозрачные внизу вокруг как заснуют, трели свои как запускают! Вот сколько раз я их уж вроде видел-слышал, а каждый раз содрогаюсь, как они быстро-быстро туда-сюда… Ну вот, значит, забегали они, меня, конечно, не просекли, а я и не шелохнусь — учёный. Штук пяток их, значит, внизу. И тут откуда-то сверху, из люка, должно быть, сигает парнишка, бойкий такой, шустрый, в курточке чёрной, штанишки зелёные, плотные, в руках у него этот… Ну… Вот ты — Егорыч, а он… Палыч, во! И, значит, не успел он и земли коснуться, а уже из этого Палыча своего одну соплю расплескал. И так у него это бойко вышло, что мне аж ещё хлопнуть захотелось, за его здоровье, значит. Ну, эти четверо — на него, скопом и в прыжок. А он чем-то там щёлкнул в своём Наганыче, секунду выждал — и вжик! Веером весь квартет в полёте и спалил. То ещё барбекю получилось. Завоняло сразу жутко, и плевки эти розовые попадали кусками с чавканьем на бетон, меня чуть не вывернуло. Хлопнул я, значит, ещё

водярочки для желудочного тонуса и вниз смотрю — что дальше будет. Постоял он, посмотрел на всё это безобразие и по рации своей наручной с кем-то из своих базарить начал. Мол, всё тип-топ, в районе чисто. А мне сверху-то виднее, что не совсем всё тип-топ. Потому как из-за угла вдруг нарисовались какие-то подозрительные личности, четверо, в костюмах и — к нему. Я таких костюмов и не видывал — наподобие скафандров, что ли. Только почему-то зелёные. Я сразу просёк, что это вояки — нашивки у них на плечах какие-то были, чёрные, не иначе как звания. И на спинах надпись странная. Только первые буквы я разглядел, «Панаца…» какая-то и, вроде, циферки на конце. Ну паренёк мой опешил, пушку свою опустил, а зря. Один из этих водолазов руку свою поднял, а в ней — шокер, я эти штуки знаю, сколько раз меня ими мусора укладывали, ох… Ну и положили они его, потом носилочки откуда-то достали, погрузили на них парнишку и унесли в неизвестном мне направлении. Я посидел немного, подумал, оставаться или как, но вонь такая там стояла, что плюнул я на тёплое местечко, да и страх меня взял. Совсем ведь непонятные вещи твориться начали в престольной… В общем, дал я деру оттуда, даже водяру забыл отвязать. Так там и висит, поди, целая поллитровочка. Эх!..» Сколько Егорыч ни пытался расспросить Плимута в подробностях, как выглядели те военные, про надпись, и почему он так твёрдо уверился, что они именно военные, но больше ничего вразумительного тот рассказать не смог, а всё сокрушался о потерянной выпивке.

— Какие люди!

Егорыч вернулся из воспоминаний и взглянул на говорившего. По широкой лестнице административного здания завода им навстречу быстрым шагом сбежал одетый как смотрящий, высокий чёрноволосый атлет. Верхнюю губу его украшали шикарные смоляные усы. Быстрыми зелёными глазами он в секунду оглядел всю команду прибывших и остановил взгляд на Волке.

— Ну, здравствуй, богатырь! — он распростёр длинные сильные руки, Волк шагнул ему навстречу, и они крепко обнялись, как старинные приятели.

— Здорово, Серёжа, — произнёс Волк, наконец, отстранившись, и усмехнулся. — Уж не думал, что встретимся, да ещё в такой глуши.

— Ты хотел сказать: «в такой дыре», да? — рассмеялся Бригадир и снова быстро оглядел гостей.

— Если бы ты знал, в каких дырах мы побывали, пока сюда добирались — вспомнить тошно.

— Ясно. Но вспомнить придётся, жду ваших рассказов с нетерпением, — он вмиг посерьёзнел. — И про Ромов тоже. — Но тут же снова повеселел. — Ну, дела, будь они ладны, потом. Сейчас все располагайтесь, отдыхайте, обедайте, в любом порядке следования.

Он пожал руку Нанду, стоявшему за Волком, со словами «здорово, молодой боец». Тот сдержанно улыбнулся, видно было, что он порядком устал от этих постоянных напоминаний о своей «зелёности». Затем Сергей сказал «очень рад знакомству» Ирбису, Наде и Ларе, «здравствуйте, уважаемые» — Егорычу и Складке, и пригласил «всех в дом».

— Отель «семь колец», конечно, не обещаю, но пара-тройка комнат с приличными кроватями найдётся. Здешний прежний хозяин заботился о своих работягах. Чтобы, значится, всё под рукой было, знай себе, работай и отдыхай, не отходя от станка. Так что у нас есть отличный жилой отсек, бывшее заводское общежитие. Со всеми условиями, а как же без них. Должен же смотрящий качественно отдыхать, со смертью играет ведь каждый день. Да что я вам объясняю, сами всё увидите. Ласково просим.

Он широко развёл руками, приглашая гостей внутрь.

Бывшая рабочая общага оказалась довольно основательно обжитой смотрящими. Здесь были и просторная столовая с ароматной кухней, и оборудованный госпиталь с автономной хирургической, и просторный зал для отдыха и конференций. Всё это хозяйство занимало весь первый этаж. Под жилые комнаты были отведены три верхних этажа, не считая последнего, в них размещались примерно полторы сотни бойцов, в основном находившихся на реабилитации после активного сдерживания — главной задачи смотрящих.

Вновь прибывшим Бригадир выделил четыре комнаты на четвёртом этаже. Показав, где гостям можно разместиться, Крайнов по своему обыкновению, развёл мощными руками.

— Ну, располагайтесь, обживайтесь, отдыхайте, — он посмотрел на свой задачник. — Так, обед у нас уже готов, так что можно сейчас

пойти, можно попозже — как вам, ребята и девчата, будет удобнее. Я распоряжусь, чтобы для вас всё оставили горячим.

Фёдор и Егорыч выразили желание сразу отобедать, девушки дружно и не сговариваясь захотели принять душ и отдохнуть, а Волк поинтересовался, где лазарет. Ирбис решил остаться с женой, а Нанд выразил готовность составить компанию дедам, но те, в полной солидарности с Волком, напомнили ему, что его место на больничной койке ещё минимум пару дней.

— Да, ребята, — обратился Бригадир к смотрящим напоследок, — вечером жду от вас рапорта. Желательно, в письменном виде, надиктуйте и скиньте мне на задачник. И поподробнее насчёт Ромова и Строево. А потом всё обсудим.

Смотрящие враз посерьёзнели и молча покивали головами.

— Ну, всё, всё, отдыхайте. До вечера. Рад, что вы добрались. Ещё много работы впереди.

Крайнов вышел.

— Кто бы сомневался, — протянул Волк, сев на койку, и в усталой задумчивости начал распаковывать вещи из рюкзака.

*** * ***

Зигмунд сплюнул кровавой слюной в открытое боковое окно оранжевого грузовичка. В кузове на ходу гремели какие-то пустые канистры и газовые баллоны. Владелец авто в это самое время, должно быть, громко ругался и трогал рукой лысину. Зигмунд усмехнулся, но тут же скривился от боли и громко выругался.

— Вот ведь гад этот твой папаша — зуб мне выбил, ещё вчера. Или кто он там тебе, родственник твой? — спросил он и зло посмотрел на зятя Ковтуна, сидевшего справа.

— Тесть, — мрачно буркнул тот.

— А хороша девка твоя, а? — Зигмунд злорадно ухмыльнулся и толкнул его в больное плечо, и зять сморщился от боли. — Огонь-девица. Жаль не дали докайфовать, негодные! С-смотрящие…

Настала очередь зятя с ненавистью смотреть на Патрика.

— Но-но, зенки спрячь, а то шмальну промеж них, — Патрик помахал своим любимым «пустынником» перед носом у заложника. Он на секунду задумался, а потом вдруг добавил: — А знаешь что? Надоел ты мне до смерти со всей вашей фермерской швалью.

Он снова больно толкнул его в плечо и рявкнул над ухом:

— Прыгай!

Зять со страхом посмотрел на него.

— К-куда?

— Куда-куда… В поле, тля!

— У меня рука не действует!

— Давай! Пристрелю! Считаю до трёх и прибавляю газу.

Зять в панике оглянулся, снова повернулся к бандиту и наткнулся на дуло пистолета.

— Ну? Р-раз! — крикнул Зигмунд и вдруг начал громко декламировать: — «И вот, они закричали: что тебе до нас, Зигмунд, Сын Божий? Пришёл ты сюда прежде времени мучить нас»! — Он чуть придавил педаль. Грузовичок, двигавшийся со скоростью шестьдесят километров в час, дёрнулся, ускоряясь. Зять безумными глазами глянул на своего маньяка-мучителя, потом открыл дверь и с ужасом посмотрел на проносящуюся обочину.

— Два! «И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней».

— Не могу! Хоть убей, сволочь! — зять отпрянул от проёма и, плача, обхватил голову здоровой рукой.

Зигмунд с презрением посмотрел на пленника, резко сбросил скорость и со словами «и он сказал им: идите!» вытолкнул упирающегося, ошалевшего от страха заложника из движущейся машины. Зять с воплем отчаяния кубарем покатился по обочине и затих.

Мародёр ещё с минуту поглядывал в зеркало заднего обзора на лежавшего на обочине, но тот так и не пошевелился. Потом он скрылся из виду за поворотом дороги.

— Всё равно сдох, походу.

Он усмехнулся.

— «И, увидев его, просили, чтобы он отошёл от пределов их».

Когда эти идиоты стали вершить свой клоунский суд над его командой, он собрал всю свою волю в кулак и нашёл способ выбраться. Прикинувшись отключившимся (ему и в самом деле из-за сильных ушибов не хотелось лишний раз двигаться), он подождал, пока они расслабятся и поставят это своё «правосудие» на поток, и начал действовать. Надо сказать этим дуракам спасибо, что напоследок они послали в клетку за ним слабака зятя. Как его хоть звали? Неважно. Когда этот лох с автоматом и «пустынником» Зигмунда за поясом подошёл к нему и потрогал «неподвижное» тело ногой, дело оставалось за малым. Зигмунд без труда взял этого придурка в заложники, забрал любимый ствол, прострелил «судье» ногу и, послав разъярённой сладкой девочке с ружьём воздушный поцелуй с язычком и средний палец — её папочке, отчалил вместе с непутёвым муженьком на ближайшем к ангару грузовичке, как оказалось, ещё и с полным баком.

Патрик, не отпуская руль, небрежно огляделся в кабине и заметил рацию, установленную в дополнительном гнезде под магнитолой.

— О, как кстати, фермерство. Отдельное спасибо.

Он покрутил настройку, уходя с гражданского диапазона, и чуть нахмурился, вспоминая частоту. Установив нужную, он взглянул на часы, снова довольно хмыкнул и взял в руку микрофонный блок.

— Монах вызывает Шпалу, приём. Монах вызывает Шпалу, приём. Как слышно меня, Шпала? Давай, ты должен ещё быть в этом грёбаном Ликамске…

Патрик, он же Зигмунд, он же Костя Сорокин, бывший мелкий клерк крупного банка, а ныне священник-основатель несуществующей Единой Церкви Нашествия, лидер, оставшийся без последователей, главарь без банды, ушедший от неминуемой смерти, поправил колко давивший на грудь выпуклый орден, украденный из какого-то музея, пощёлкал кнопками проигрывателя, включил музыку, — какой-то

тягучий негритянский блюз, негромко, чтобы слышать рацию, — и прибавил газу, без сожаления уносясь от того, что натворил.

* * *

В столовой было людно и шумно. Большие окна, безоблачная погода и время обеда наполнили просторное помещение ярким солнечным светом, весёлым звоном посуды и беспечной толкотней у витрин раздачи.

Кормились смотрящие хорошо и разнообразно, и, недолго думая, Ирбис набрал полные тарелки первого и второго и три стакана компота. Взяв в руки увесистый поднос с едой, он стал искать глазами место где присесть. Народу было много, и свободных столов почти не осталось. За столиком у крайнего окна в самом дальнем углу столовой он заметил одиноко сидящую Лару. Она уже поела и медленно, смакуя, допивала кофе. Лицо её было задумчиво серьёзно, а взгляд блуждал где-то прозрачном небе за пыльным стеклом.

— Ты не будешь против, если я приземлюсь рядом? — с улыбкой спросил он, присаживаясь. Лара сдержанно улыбнулась в ответ и помотала головой.

— Не буду, — ответила она и взглянула на поднос. — У тебя хороший аппетит.

— Соскучился по нормальной еде. Да и когда потом ещё придётся и доведётся ли вообще… — Ир, едва присев, сразу принялся за первое. Это был чудесный наваристый фиолетово-красный борщ.

— Хм, согласна, кормят здесь неплохо. Хоть и синтетика.

— Как ты помнишь, нам вместе довелось есть фермерское, и я не нашёл большой разницы.

— А ты слышал, — спросила Лара, и уголки губ её дёрнулись вверх, — есть такие волшебные слова: «ароматизаторы, заместители натурального вкуса, возбудители вкусовых рецепторов»?

Ирбис набил полный рот всякой вкуснятины и, блаженно всё это пережевывая, лишь благодушно пожал плечами.

— Хорошо тебе, я вот до сих пор привыкаю, — Лара вздохнула и отпила из кружки. — Я до десяти лет жила на семейной ферме. Правда, вот кофе отличный, — Лара оглянулась. — Ты в одиночестве, без жены?

Ир нахмурился и без видимого удовольствия проглотил очередной кусок.

— Есть тут один профессор Незаурядов. Здешнее светило, биохимик, антрополог, палеонтолог и что-то там ещё в одном флаконе. После наших рапортов прямо замучил мою Надю своими опытами и исследованиями. Ты, наверное, уже поняла, что она у меня особенная. Её способности не раз здорово нам помогали…

— Я понимаю. Она молодец. Тогда, в Строево, я и не врубилась сразу, что там во всей этой заварушке случилось. Потом только дошло, что без Надежды вы бы… — Лара ненадолго замолчала, — мы бы не выбрались.

Ир, не заметив странной заминки, быстро прикончил борщ и принялся за второе — великолепные «котлеты» по-киевски и густое «картофельное» пюре, присыпанное «настоящим» сушеным укропом.

— Извини, если вдруг дурацкий вопрос задам, — Ирбис совершенно искренне и даже смущенно улыбнулся, — Тебе, должно быть, надоели уже с подобными расспросами.

Веки Лары чуть дрогнули — единственное движение, которое могло выдать отношение девушки к «подобным расспросам», заметное, правда, для более внимательного собеседника, нежели голодный, измученный смотрящий на отдыхе.

— Нет, что ты, всё в порядке. Я сама бы порядком удивилась, если бы встретила на той базе кого-то вроде меня. Да ещё в такой напряжённый момент.

— Это точно.

— Ты наверняка хочешь знать, как я оказалась в странном месте в странное время?

— Есть такое.

— Я отстала от эвакуации, застряла в одной из обесточенных этажек. Потом, не найдя транспорта и встретив… известных враждебных особ, вынуждена была уходить пешком через окружную свалку и поля. Чудом набрела на базу, а там… дальше сам знаешь.

— Ты здорово нас выручила тогда.

— Да ладно, вы сами почти справились к тому времени, как я вмешалась в процесс.

— Ну, не прибедняйся, подготовка у тебя — что надо. Вот уж не думал, что девушки бывают такими… — Ир на секунду задумался,

подбирая нужное слово, заодно дожёвывая кусок «котлеты» и запивая его «компотом».

— Какими? — спросила повеселевшая Лара. Ир не был чересчур назойлив, и ей это нравилось, не смотря на прежнее не самое лучшее впечатление о нём.

— Умелыми в этом деле. Может, мне просто нечасто доводилось встречать подобное, и таких как ты — пруд пруди… — Ир опять слегка замялся, — в смысле, таких подготовленных, конечно.

— Не беспокойся, бравый смотрящий, таких как я больше нет. Я единственная в своём роде.

— Ну, теперь я спокоен.

Они негромко, совсем по-приятельски, рассмеялись.

— Ты не видел нашего великана-оборотня? — решила сменить тему Лара.

— Должно быть, на перевязке. Восстанавливается Волчище.

— А-а, понятно.

— А ты кем была до войны? — снова вернулся Ир к разговору о её персоне. Ему совершенно искренне хотелось узнать больше подробностей из её прошлого.

— Да так, ничего особенного. Я училась на третьем курсе… «Техноложки».

— Это в Святом Питере?

— Ну да.

— Так мы, считай, земляки?

— Ну разве что на время учёбы. Я родом из-под Минска. Тогда ещё была жива деревня.

— Понятно. Егорыч на эту тему любит повздыхать. Так что, если нахлынут воспоминания…

— Обязательно воспользуюсь.

Ир снова обезоруживающе улыбнулся, и Лара невольно улыбнулась в ответ.

— А на кого училась? Или секрет?

— Не секрет. На технолога пищевой промышленности, факультет «Идентичные пищевые волокна».

— Ах вот откуда такие познания о еде! Так значит тебе нравится обманывать беспечных доверчивых людей?

— Специальность такая, куда деваться было.

Они снова рассмеялись.

— Не думал, что технологов так всесторонне готовят к работе.

— Всякое бывает.

— А где ты так хорошо стрелять научилась?

— Мой папа, фермер, ещё к тому же отставной полковник, — да, да, бывает и такое в жизни, — считал, что его дочери просто необходимо уметь постоять за себя, и вообще, готовил к самостоятельной жизни вне городских инкубаторов. Он же не знал, что я в технологи пойду.

— Да, бывают в жизни повороты.

— Ага. — Лара, улыбаясь, встала из-за стола, — Ну ладно, ты тут заканчивай, не буду тебе мешать. Приятного аппетита, отъедайся.

— Спасибо на добром слове.

Когда девушка выходила из столовой, лицо её было очень мрачным.

*** * ***

— Как думаешь, продержимся? А, Тон?

Зулус не ответил и молча погладил широкой ладонью горячий «пепи». Спецназовская футболка великана была вся насквозь пропитана терпким потом. Сорс потянул носом и усмехнулся.

— Опять жевал дедовскую траву?

Нтонга устало улыбнулся.

— Моему деду девяносто, и он всю жизнь жевал корень ксандер. И голова у него самая ясная в племени.

— О да, — Джей едко усмехнулся и закивал, — если учесть, что все мужчины твоего племени жуют эту дурь, то дед твой и вправду самый крепкий на голову, это точно. Тихо!

От лестничного пролета, снизу, раздались шорохи. Оба смотрящих одновременно подняли оружие и напряглись.

— Опять ползут… Кто на этот раз? — Сорс вытер пот со лба и взглянул на индикатор заряда, сообщавший о разряде до четверти. И запасных блоков нет. Правда ещё есть почти полный ствол Сержио. Этажом ниже раздалось знакомое сопение и мычание. Опять серые, — подумал Джей, — опять будут ломать и кусать створки огромного неподъёмного шкафа из сто пятьдесят четвёртой комнаты, брошенного могучим Нтонгой в левый пролет и сумевшего выдержать двадцать четыре набега снизу и даже несколько прямых попаданий из «пепи». А

в правом пролете два офисных стола — один с огромной столешницей, не иначе как для переговоров и совещаний, второй, поменьше, но с чередой до краев набитых бумагой ящиков, должно быть, рабское место какого-то вусмерть замученного клерка, — пришли на смену не устоявшим алюминиевым стеллажам. Если не будет крутых поворотов судьбы, то ещё пятнадцать-двадцать набегов — и спасительно защебечут утренние птицы в соседнем парке. Сорс взглянул на задачник, на экране высвечивало два тридцать. Только бы продержаться, а там будем выбираться из города. И что там вышло с эвакуацией в порту? Только бы успели отправить детей… Только бы, только бы.

Шкаф содрогнулся от мощного удара и взвыл на несколько голосов.

— Сейчас полезут. Тон, как обычно, ты слева, я справа. Ну и посматриваем наверх. Что-то давненько не было розовых. Главное — не дать им запрыгнуть на площадку…

В сумерках предательски короткого вечера они успели забраться на пятнадцатый этаж офисной этажки в двух шагах от станции подземки. И даже смогли заблокировать кабину на этаже, перекрыв тем самым излюбленный лаз «слюнявых», и накидать мебели в два широких лестничных пролета. Это был огромный минус офисных строений — в них всегда было минимум две лестницы, да к тому же ещё в разных концах здания. Но смотрящим немного повезло в этот раз: в здешней этажке по причине не слишком большой площади обе лестницы находились рядом и даже имели общие площадки на этажах. Так что бойцам даже не пришлось разделяться, чтобы каждому в одиночку сдерживать напор серых, которые лезли снизу как тесто из квашни.

Вся лестница за баррикадой и, наверняка, нижний этаж были завалены трупами серых. Сорс нахмурился. Скоро здесь будет нечем дышать от зловония быстро разлагающихся тел. А окна открывать ни в коем случае нельзя, пятнашки прекрасно ползают по стенам минимум на двадцать этажей вверх от земли. А они с Тоном всего лишь на пятнадцатом. И не все окна на этаже удалось укрепить подручным материалом. Хорошо хоть в этажках ставят прочные стеклопакеты. Но открывать нельзя! Сорс сжал тонкие цепкие пальцы в кулак. Сколько ребят получили влажный липкий паралич в спину, прозевав всего одну открытую форточку! А корчиться на полу и пить коньячок, в то время как снизу без конца прёт эта дрянная закваска, попросту некогда.

Столешница для переговоров, освещённая лучом фонарика Сорса, заходила ходуном и хрипло задышала на несколько ладов.

— Ага, а вот и мои клиенты! Давайте присядем и обсудим наши проблемы! Ха!

Нтонга сверкнул белками и произнёс:

— Куавуту итше кукала!

Одновременно над шкафом и столами возникло по три головы с красными белками глаз на лицах с землисто-серой кожей, в свете фонариков казавшейся синей. И как только мебельные акробаты показали свои торсы в грязной рваной одежде, Сорс и Нтонга дружным залпом из «пепи», в режиме «силового веера», швырнули абордажников в темноту нижнего этажа. Раздался хруст костей от мощного удара и стоны павших, но на их место уже карабкались новые безымянные герои.

— И что это означает? — спросил Джей, с некоторым беспокойством глядя на индикатор заряда.

— «Камень был готов первым». Это про упрямых… Получите вот это! — Зулус снова выстрелил в очередную двойку гимнастов поневоле.

— И причём же тут камень? — снова поинтересовался Сорс, снимая точным выстрелом бойкого серого в ярко-жёлтой спецовке дорожных рабочих, почти что перепрыгнувшего через стол поменьше. С воплем падая вперёд, тот с треском выломал один из ящиков, и из него высыпался целый ворох бумаги. Это оказались разноцветные бланки медицинского страхования.

— Жаль, парень не успел застраховаться.

— От этого не страхуют, нежный белый Джей.

— Да, пожалуй. — Сорс усмехнулся. — Так что там про камень?

— Наша поговорка. Упрямого варили вместе с камнем…

— И камень был готов первым? Ха! Отлично подходит!

— Они никогда не останавливаются, Джей.

— Надо продержаться! Тон, слева, на поручне!

Мгновенно среагировав, Зулус быстро срезал импульсом зарвавшегося неприятеля. Неожиданно Сорс странно посмотрел на Нтонгу, резко повернулся к нему, молниеносным движением выхватил «рапу» и выстрелил Зулусу в голову.

*** * ***

— Я одобряю твой выбор, Володя. Хорошая девочка, ладная, боевая. Но не мне тебе говорить о том, что дорога в смотрящие — только через боевое крещение. Пятнашкой. Было?

Крайнов внимательно посмотрел на старого приятеля.

— Н-нет, — Волк задумался на секунду. — Хотя… Я ведь даже не спрашивал. Но такого ведь и не бывает, чтобы девушка выдержала… — он снова замолчал. — Постой, а как же Надя?

— Ну, Володя… Сам же знаешь. Здесь случай особый, что там скрывать — уникальный. Дар у человека, можно сказать, гений. Ты слышал про историю с петлей?

— Я много про них с Ирбисом слышал историй. Петля… Что за петля?

— Они тебе сами, конечно, лучше всё расскажут…

Как же, расскажут, — подумал Волк, — клещами не вытащишь из лучшей двойки рассказов про свои геройства. Те ещё скромники.

— Но суть в том, что пара попала в переделку в подземке в Москве, и Надя оказалась в петле из двадцати пятнашек, а ещё толпа серых и розовых отрезала от неё парня, оттеснили, не прорубиться было. Он думал всё — потерял жену, хоть волком вой. Подруга Ирбиса, ты сам видел, — как спелый одуванчик, дунешь — улетит, полпятнашки за глаза хватит. Да и того не переживёт, не та натура. А она… Вот где талант! Никогда не знаешь, что выкинет эта девка.

— Что? — буркнул угрюмо Волк.

— Надя внушила ближайшим сопливым, что она верховод! И отправила всю двадцатку отбивать Ирбиса у остальных. Вот так-то. Правда он её потом наверх на руках уже выносил. Тяжело это, сдаётся мне, пятнашками управлять. Ты не пробовал? Хотя бы одной?

— Нет, — грустно усмехнулся смотрящий. Ай да Наденька, ай да чудо, — подумал он. С виду такая тихая, хрупкая. Да-а… Везунчик ты, Ир. Как ни крути. А ведь и вправду ангел. Волк только сейчас вспомнил про странную заминку в толпе серых в последней заварушке, и осознал, кто был причиной ей.

— А я ещё ни разу не видел, как пятнашка мочит пятнашку, — серьёзно сказал Бригадир и крутанулся в кресле. — Но сильно хотел бы посмотреть. — Сделав вместе с креслом два оборота вокруг оси, он вдруг резко остановился и взглянул на помрачневшего Волка. — Ты знаешь её первое имя?

— Подожди, какое имя? Она же не брала себе имя смотрящего.

— Разве? Вот такого не бывает точно. Я, по крайней мере, не знаю таких случаев. А я как-никак Бригадир Зоны. Ты что, кодекс забыл?

— Не забыл, — Волк с шумом выдохнул и пробурчал: — Но ведь она и крещение не проходила.

— Ей было засчитано предсказание прорыва в Казани. Тогда, благодаря этому, были спасены сто пятьдесят два смотрящих.

— Совсем ты меня заинтриговал, Серёжа. Глупею, что ли, с этими рейдами. Так какое имя? Странно, что я не знаю.

— Ты его знаешь.

Волк выкатил глаза на приятеля, но промолчал.

— Надежда. В смысле — надежда. Хотя нет, пожалуй, что именно так — НАДЕЖДА. Большими буквами.

Волк улыбнулся с теплотой.

— Вот как? Ни больше, ни меньше. Она того заслуживает. По крайней мере, для одного парня это точно так. Хотя, кто знает? Может, и для нас всех окажется так.

— Да, всё в этой девушке необычно. И даже то, что первое имя такое же как нулевое.

Они помолчали. После этой многозначительной паузы Волк всё же продолжил.

— Но я пришёл поговорить с тобой о моей надежде. И её зовут Лара.

— Володя…

— Я знаю кодекс, Бригадир. Я сам к нему руку приложил когда-то. — Волк сделал секундную паузу, словно решаясь. — Мы хотим пожениться, Серёжа.

*** * ***

Капитан Виктор Нечаев, командир отряда особого назначения СБОР, так крепко сжал челюсти и жилистые кулаки, что вспухли виски и ногти впились в ладони. Ему было страшно, и таким способом он отчасти пересиливал свой страх.

Перед самым рассветом он повел на задание доблестный взвод из девяти лучших бойцов, специально им отобранных из самых проверенных и подготовленных в подчиненной Нечаеву роте. Когда они десантировались из транспортного «ила» над Ромовым в точно

заданном районе, он не боялся. Тридцать восемь боевых вылетов и операций за спиной, от диверсионных заданий до освобождения заложников. Ребята, которым он доверяет как себе и каждый стоит троих, есть чёткий приказ, полное обеспечение. Что ещё нужно для успешного выполнения задачи?

Когда бойцы после образцового десантирования великолепно и почти синхронно заняли широченную крышу намеченной этажки оллмарка, Нечаев с гордостью отметил, что были побиты все рекорды дивизии. Видя, как слаженно и уверенно действует группа, он ловил себя на мысли, что задание всё больше походит на тренировочную прогулку.

Единственное, что во время десанта вызвало его досаду — это неожиданно резкий и сильный порыв ветра, который протащил парашют Нечаева вместе с ним на сотню метров к востоку от точки высадки. Капитан десантировался последним по причине самого легкого веса в команде, и злосчастный порыв заставил его оторваться от группы и приземлиться на крышу соседней этажки.

Что в итоге и спасло ему жизнь.

Боевой взвод под его, Нечаева, чутким руководством по радиосвязи, очень технично спустился с крыши мегамарка по трем вскрытым проходам и начал бодро занимать этажи один за другим. Развед-тройка задорно рапортовала о местах дислокации и передвижениях противника. Сонные мутанты, феноморфы по-научному, не могли оказать достойного сопротивления обученным бойцам элитного подразделения. Орлы положили не меньше сотни единиц противника и спустились до середины этажки. А потом вдруг в наушниках раздалось какое-то хлюпанье, шипение и вдруг жуткий вопль одного из модифицированных взорвал мембраны, да так, что Нечаеву заложило уши, и он даже сорвал с головы десантный шлем-рацию. Или, может, это кричал один из ребят?

Капитан ещё слышал короткие автоматные очереди и крики парней, снова поднося шлем к голове. А когда надел его, в «ушах» уже стояла жуткая, шипящая тишина. Ни хлёстких позывных, ни сухого треска «калашей» с глушителем, ничего… Ни один из бойцов больше не вышел на связь. Ни один! А он, командир, пославший их на смерть, — живой.

Нечаев горько усмехнулся: надолго ли ветерок оттянул его конец? Какой-то майор, из научного отдела, перед стартом долго втирал ему что-то там про убийственную скорость прозрачных и коварство кажущейся медлительности мутантов, и что они меняются, становятся всё быстрее при каждой новой встрече. Но чтобы так, в одну секунду расправиться с целым взводом матерых вооруженных спецов! Капитан со злостью стиснул зубы, вспомнив напутственную речь генерала Кравченко, внушавшего ему и бойцам мысль о необычайной важности операции для спасения человечества и о том, как важно вернуть партию образцов и документацию, в преступной спешке брошенные персоналом института при эвакуации. Важно, вашу мать! Кто теперь вернёт его парней, бесследно сгинувших в сумраке бесконечных коридоров огромного мрачного небоскрёба напротив? И проклятый НИИ — вот он, как на ладони, внизу, в какой-то сотне метров, скромно ужался между исполинов со своими пятью этажами, допотопной потрескавшейся кирпичной кладкой и ажурной вязью решётки вокруг кучки голых клёнов и десятка пыльных машин. А он сидит на балконе тридцатого этажа — и ни туда, ни сюда. Спусковой трос заклинило, да и не хватило бы его всё равно. Этажка вся забита прыгучими серыми монстрами, как будто те только его и ждали здесь, расставив западню. Патроны в «калаше» на исходе, и хлипкая балконная дверь скоро не выдержит ударов, особенно когда стемнеет. Эвакуации не будет, ни одна вертушка не доберётся в такую даль, чтобы снять его со стены. Группа должна была взять груз в рюкзаки, уйти своим ходом, потом добраться до двух броневиков, десантированных в пределах километра от НИИ, на север по проспекту, пилот по рации доложил, что один сел в районе городского сквера, а второй — немного дальше, но тоже благополучно, не на крышу. И тогда группа спокойно могла, — с боем или без боя, смотря по ситуации, — убраться из города. А теперь… Не «илом» же на лету цеплять его с этого проклятого балкона! Вот тебе и полное обеспечение! До заката пара часов, не больше. И тогда придут они.

Капитан не боялся смерти. Всё таки он солдат, и всю жизнь готовился к ней, не то чтобы ждал, и всё же… был готов. Но у него вызывала панический ужас перспектива странного и страшного рабства, в которое вгоняли людей призрачные пришельцы. Его снова передёрнуло. Ну уж нет, лучше пулю в лоб! Нечаев нервно хихикнул и

вытащил ещё полную обойму из пистолета. Один патрон себе он прибережет, тут главное успеть до процедуры. Жаль, не увидит он больше Настюшку. Одна у него осталась радость после развода с женой и смерти родителей — любимая дочурка. Она сейчас в эвакуации, где-то на севере, с матерью. Это хорошо, главное, чтоб подальше от всей этой липкой гадости. Он резко вогнал обойму обратно в рукоятку и посмотрел сквозь стекло в темноту комнаты. Там, в глубине, подальше от дневного света, копошились монстры, бывшие люди. Лишь изредка, чуя его присутствие, один из них, превозмогая себя, подкрадывался к двери и бился о неё то ли руками, то ли головой. Упорно. Но, в очередной раз не выдержав лучей слишком яркого солнца на западе, бьющих через тонкое стекло, отползал с гневным мычанием.

Нечаев прищурился и посмотрел на такое уютное закатное солнце, опускавшееся между двух соседних этажек. Не торопись! Побудь ещё немного. Вот оно заползло за дальние строения, и весёлые «зайчики» убежали куда-то вверх, плавно скрываясь из виду.

Капитан глядел на розовые облака, плывущие высоко в жёлтом вечернем небе в свете ласкового, невидимого, навсегда уходящего светила.

Он плакал.

*** * ***

— Я понимаю, Володя, немногие смотрящие решаются на такое. И уважаю твое… ваше решение связать себя особыми узами. Но если каждый смотрящий после свадьбы побежит ко мне с криком «возьмём мою жену в смотрящие!», тут такое начнётся!

— Значит ты меня, бригадир, в проходные уже записал. Спасибо, друг, уважил…

— Да пойми ты! — Крайнов переплел пальцы рук и потряс сцепленными ладонями в воздухе. — Я считаю тебя выдающимся смотрящим, ценю твои заслуги. И никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Но подобные вещи делаются только в исключительных обстоятельствах. Кодекс ведь не прыщавые пацаны придумали! И не ради высоких слов, а и для защиты Ордена! В том числе. Извини, я помню про твоё в нём участие, просто вырвалось. — Он примирительно поднял ладони, но тут же сложил их вместе. —

Представь, не дай Бог, конечно, что она вляпается в розовый студень и… потеряешь ты её. И не просто потеряешь, а ещё и, по сути ведь, убийцей станешь самого дорогого тебе человека. Каково будет, а? О тебе, в конечном остатке, радею.

Волк молча смотрел на бригадира и почти уже готов был согласиться, придавленный его такими весомыми, просто неподъёмными, доводами. Но он сейчас же представил Лару, её чудесную насмешливую улыбку и эти фантастически, бесконечно, как тоннели подземки, глубокие глаза…

— Так ты поможешь? Проведешь церемонию? Чтобы всё было достойно.

— О чём речь! Конечно, Володя! Для старого друга всё организуем в лучшем виде. Тем более что сейчас всё равно затишье. Всё, что можно, мы уже профукали. Ждём прорывов нескоро, подготовились, это мы теперь умеем. А насчёт посвящения… — Крайнов развёл длинными руками, — извини, на это пойти не могу.

— Ладно, — коротко бросил Волк. Мы ещё вернёмся к этой теме, подумал он, а вслух добавил: — Спасибо и на этом.

— Да, и не забудь, что завтра общее собрание. Тема — серьёзнее некуда, ты предупреди своих. Ну, а сегодня — гуляем, веселимся. Так?

Волк кивнул и вышел из кабинета Бригадира. Без Лары я теперь никуда не сунусь, — подумал он. Эта девушка — для меня. И я, надеюсь, — тот, кто нужен ей. Да что там надеюсь — уверен! И я смогу её защитить. Волк шёл по коридору завода, погрузившись в сокровенное сердца. Он не знал, как заставить бригадира принять Лару в их ряды, но то, что она будет его лучшим напарником, нет, напарницей, — улыбнулся Волк своим мыслям, — это наверняка…

*** * ***

— Прости, Тон, — Сорс убрал пистолет в кобуру на поясе и поудобнее перехватил «пепи», — я знал, что ты присядешь.

Зулус поднялся с пола и посмотрел назад. В двух метрах от него на липком линолеуме валялась мёртвая, не успевшая размякнуть пятнашка с развороченной выстрелом головой.

— Присосалась к потолку. Ещё секунда, и тварь превратилась бы, не хотелось потом оттирать тебя с мылом в туалете. Чего-чего, а мыла здесь, в офисах, навалом, грязная, видать, здесь была работа, —

усмехнулся Сорс, потом посерьёзнел и указал на пятнашку. — У них меняется цвет глаз перед превращением в пудинг.

— Я знаю, тоже замечал. Спасибо, маленький Джей.

— Обращайся. — Сорс посмотрел на искорёженные остатки мебели в лестничном пролете. — Вроде как у нас пятиминутное перемирие. Серые что-то притихли.

— Я думаю, слюнявая пробралась с верхних этажей. Там где-то открыто окно.

— Ага. Пока внизу тихо, давай запрём все двери на этаже. У нас ведь нет глаз на затылке. — Сорс посмотрел на задачник. — Эх, ещё три часа продержаться!

Он весело посмотрел на приятеля-великана.

— Слушай, Тон, я всё хотел спросить, да не было времени.

— Слушаю тебя, Джей.

— Та фраза на твоем диалекте, что-то там про «убунту»… Ну, просветление от твоего деда. Что она означает? Ты говорил, он вроде как весьма мудр не по годам.

— Уквиндла убунту.

— Вот-вот. И что это?

— Осень человечности.

— Ух ты, как звучит! И что он под этим…

— Джей, — вдруг прошептал в секунду окаменевший Нтонга и выкаченными глазами указал на лестницу, ведущую наверх. Сорс тоже замер и медленно перевёл взгляд в указанном направлении. Весь проём по краям, вдоль стен и по потолку, светился красными угольками, внимательно изучавшими смотрящих.

— Вижу, — прошептал в ответ Сорс и еле заметным движением перевёл «пепи» в тепловой режим. Нтонга сделал то же самое. — На всякий случай: прощай, друг. Эх, не спалить бы тут все!

Одновременно с их синхронно поднятым оружием раздался многоголосый свист, и угольки дружно ринулись на смотрящих.

*** * ***

— В общем, ситуация следующая. С одной стороны — мы приближаемся к полной заднице, и довольно быстро. Путь для отступления у нас — считай только на северо-северо-восток. Из городов — один мультик Российск, и тот скорее мономультик геологов,

не считая нашего, и, естественно, ни одного гипера, потому как окраина мира и сплошная вечная мерзлота. Кому там охота жить, кроме нефтяников? Официально заявляю: последний стратегически значимый российский мультик, — Катин, — потерян, эвакуируемых — около пяти миллионов, жрать скоро будет нечего — почти все основные фабрики в ближайшее время окажутся в зоне отчуждения. Уже сейчас три наших комбината работают на пределе, и доставлять еду не на чем. В городах, не оккупированных врагом, — это наш Ликамск и соседний Чингирск, — за деньги уже ничего полезного не купишь. Главные ценности — продукты, оружие, топливо. Одно из двух действующих месторождений, и самое крупное, находится в тридцати кэмэ отсюда. Нефтяники уже сейчас боятся там оставаться и работать. На днях был потерян Ромов, что вызывает серьёзную озабоченность. Мы их так скоро там не ждали… Если сдаём Ликамск, то автоматически теряем и месторождение, там все коммуникации завязаны на город. Не говоря уж о нашей лучшей по оснащённости Базе. Тогда начнётся хаос, голод, потом не заставят себя ждать паника, бунты и анархия. А там — хоть в тундру беги.

— Это всё и так, вообще-то, началось, Петрович, — сказал кто-то из смотрящих.

— Пока только на территориях между городами, быстро оказавшихся в тылу врага — на Западе, Юге, Востоке, в основном среди застрявших на удалённых курортах и вахтовых смен в степных пищевых промзонах. Людям попросту некуда и не на чем податься. А будет ещё хуже. Если в ближайшее время мы не найдём панацею от нашей болячки… Всё — хана человечеству. По крайней мере — в наших широтах. С людскими остатками меж городов, я думаю, пятнашки со временем быстро разделаются. С другой стороны… Дело ещё вот в чём…

Крайнов неожиданно замялся и посмотрел на профессора.

— По расчётам у нас в запасе от трёх месяцев до полугода, но есть одно очень важное дельце…

— Это ж откуда у нас такая уйма времени? — неожиданно перебил его Сокол, очень крепкий на вид, пожилой седовласый смотрящий, который сидел на старом деревянном письменном столе, придвинутом к стене. Он две недели назад, как и большинство смотрящих на базе, прибыл из Катина, последнего из пяти крупнейших российских

мультиполисов с населением больше десяти миллионов. Сокол был там одним из подрывающих, подобно группе Волка, и, прикрывая тяжелейшую эвакуацию, потерял напарника. Может быть, поэтому, а может, по природе своей, сидел он мрачный, наклонив косматую белую голову, скрестив на груди руки и уставившись на носки огромных ботинок, венчавших его вытянутые длинные ноги. С самого начала встречи он изредка искоса поглядывал в сторону Нанда, на днях получившего отставку по довольно необычной причине — женитьбе Волка на какой-то не в меру боевой девице. Сокол словно на глаз прикидывал, стоит ли связываться с молодым. Прежний его напарник лишь на «десятку» был моложе его самого.

— Сергей Петрович, я отвечу, вы не против? — попросил Незаурядов бригадира. Тот устало кивнул и сел, а учёный поднялся и, по привычке оглядев аудиторию, продолжил:

— Мы исходили из того факта, что фронт экспансии амиттоморфов продвинулся к так называемой нежилой полосе, наискосок разделяющей нашу страну поясом шириной примерно в полторы тысячи километров. Все основные каналы подземки, о которых мы имеем сведения, в ближайшее время будут перерезаны многократными подрывами протяженностью в несколько десятков километров и обработаны экспериментальным химическим оружием. Как вы знаете, обычное на врага действует слабо. Жаль, что этого не начали делать раньше, столько городов потеряно… Некоторыми членами Чрезвычайного Военного Совета вновь предлагалось ядерное воздействие, но к счастью, наши доводы против такого варварства были учтены…

— Семён Альбертович, давайте поближе к делу, — недовольно сказал Крайнов.

— Да, да, конечно, — согласился профессор, поправил оправу очков и продолжил.

— Так вот, благодаря поясу Зауралья и такому замечательному природному явлению как горные системы Гималаи и Каракорум, не говоря уже о Тибетской возвышенности… — профессор блаженно улыбнулся, словно вспомнив что-то очень приятное. — Эти высочайшие в мире горные массивы сформировались в третичном периоде олигоцена, во время альпийского орогенеза… — Незаурядов поймал гневный взгляд бригадира и тут же исправился. — Впрочем,

это не важно сейчас. В двух словах — все эти факторы оказываются нам очень на руку в данный непростой момент истории человечества в данном регионе. Продвижение врага будет сдержано на неопределённое время, по причине большой протяженности и сравнительно малого числа каналов, проложенных в данном районе, а также принятых мер по м-м… разрушению этих каналов. Хотя здесь с прискорбием следует отметить, что мы не знаем сколько точно тоннелей существует в данном районе. Дело в том что китайские и индийские строители использовали э-э… заимствованный метод Картани-Модлера весьма варварски и, что для них вполне естественно, без всякого согласования с мировой общественностью или, хотя бы, с международным комитетом по Подземке, который, кстати, до войны находился в Берлине. Поэтому мы отталкиваемся от сроков от трёх месяцев до полугода. Понимаете, это только оценочное суждение. У меня есть физико-математическая модель поведения, учитывающая геологическую неоднородность пластов… Кхм…

Учёный снова поймал горящие лучи гнева Крайнова.

— К сожалению более точные расчёты произвести невозможно в виду отсутствия у нас на данный момент необходимых вычислительных мощностей для проработки смешанной модели… Поэтому за основу брался нижний предел времени.

— Семён Альбертович, суть где-то рядом, — Бригадир уже пожалел, что дал слово Незаурядову. Несколько смотрящих загоготали во весь голос, но Крайнов строго посмотрел на смеющихся, и те притихли.

— В общем так, — Крайнов встал и обвёл присутствующих тяжёлым взглядом из-под чёрных бровей. — Судя по последним данным, появилась надежда покончить с этими гадами раз и навсегда. Ну или хотя бы… Короче, мы должны попробовать. Итак, к делу. Модель профессора на основе последних данных указывает на наличие локальных подвижных центров распространения заразы. Другими словами, у пятнашек есть некие места, откуда они распространяются, или, по предположению профессора, где они производятся. Эта мысль не новая. По одной из существующих теорий, рассматриваемых как правдоподобные, некие центры-источники были определены как предполагаемые места приземления инопланетных кораблей или чего-то подобного, что принесло заразу на

Землю. Другая теория, от которой всячески открещиваются вояки — захватчики есть продукт тайной разработки, вышедший из-под контроля. Сути, в общем, не меняет. Эти точки выхода гадов изначально были вычислены путем простого экстра… как там его… полирования. Или как это у вас называется, а, профессор? — Крайнов взглянул на учёного, и тот кивнул, не отрываясь от своего планшетика. — Так вот, как вы уже знаете, попытки ядерных ударов по предполагаемым центрам скопления не дали результатов. Более того, теперь в те районы нет смысла соваться вообще — это мёртвая радиоактивная пустыня. Модель Семёна Альбертовича указывает на несколько иное положение вещей. После прибытия последней сборной группы из Ромова и анализа полученных ими данных, были сделаны выводы о том, что на скорость распространения пятнашек, кроме географии, влияют какие-то трёхлетние периоды особой активности. Профессор вычислил, что первый пик такой активности случился примерно через шесть месяцев после начала войны. После него мы потеряли по всему миру большую часть гиперов в течение года. Потом, как вы помните, был период относительного затишья, благодаря коему мы, смотрящие, смогли собраться и организоваться. Прочим людским союзам и группам понадобилось гораздо больше времени и напряжения мозгов, чтобы осознать угрозу и начать бороться. Спасибо некоторым, что хоть стали меньше мешать. — Крайнов на секунду смолк и посуровел. — Так вот, примерно две недели назад, судя по всему, начался второй чёртов всплеск. Именно поэтому мы берём нижний, меньший предел времени, которое есть у нас на поиск глобального решения. Дальше, простите меня нежные уши, — полная жопа. К тому же, как многие уже знают, три дня назад, во время боя в Строево впервые была зафиксирована способность серых быстро передвигаться, иными словами — бегать. А это, сами понимаете… Я даже боюсь предположить, что они выкинут в следующий раз. Надеюсь, не то, чего я больше всего опасаюсь…

Крайнов остановился, взял, не глядя, со стола стакан, стоявший перед Незаурядовым, и глотнул воды.

— Что-то я тоже размазываю. В общем, хрен с ней, с моделью, уж извините, профессор. Эти локальные центры возможно вычислить только в периоды этой самой активности, по поведению и увеличению численности пятнашек и, соответственно, серых, если это периферия.

Но лупить по ним бомбами смысла всё равно нет. Скорее всего не поможет, а вреда точно будет больше. Если мы всё ещё хотим пожить на этой планетке. Во-от. Но есть мыслишка, что если проникнуть в эти центры как раз сейчас, во время этой особой активности и выяснить, что там происходит, а ещё лучше — найти способ уничтожения врага, то… К сожалению, других идей, лучше этой, нет.

Бригадир замолчал и снова обвёл взглядом зал. Мужчины молча смотрели на него и ждали.

— Нужны добровольцы. Минимум две двойки, потому как, что там ждёт, не знает никто. Даже предположений не можем сделать. Послал бы и три, но много потерь у нас в последнее время — недосчитались многих ребят из Катина, почти вся ромовская группа… Теперь Чингирск на подходе, и что там будет и когда — неизвестно… Приказывать не могу, сами видите, что задание — верная смерть. Но попробовать надо. Ради человечества. Ради наших погибших жён, детей, матерей. И чтобы те, которые погибли или безвозвратно потеряли свою личность, не напрасно отдали жизни и…

Крайнов оборвал себя на полуслове, сел, отрывистым движением долил себе воды в стакан и выпил всё залпом. В зале стало по-особенному тихо, и все услышали, как где-то вяло бьётся о стекло окна невесть откуда взявшаяся в конце октября большая сонная муха. Наконец, она грузно шмякнулась на подоконник, пару раз, лёжа на спине, пожужжала крыльями и затихла. Пискнул планшет профессора, принимая сообщение.

— А что, — подал голос один из смотрящих, которого все звали Узбек за характерный разрез глаз и смуглую кожу. Сам он почему-то называл себя Водой, с ударением на первый слог. — У военных разве нет этих… микросистем слежения? Ни за что не поверю, что нет. Узнали бы, что там такое.

Крайнов нахмурился, но ответил:

— Есть, то есть были. В связи с хаотичным отступлением много оборудования было утрачено, вместе с базами, спешно оставленными на территории противника. К тому же, у этих штуковин, кстати, военные их называют «мухи», всё равно радиус действия — не сотни или тысячи километров, и даже не десятки. Я, конечно, узнаю, у вояк на северных базах должно быть оборудование, если удастся выбить, раздобудем, а может, здесь на складах что найдём, всё равно будет

польза, если вдруг пригодится для обороны. Но когда это будет? Время не ждёт, и идти всё-равно придётся, никуда не денешься.

Бригадир ещё больше помрачнел, хотя казалось бы, глубже рубить высокий лоб морщинами уже было невозможно. Ещё помолчав, он добавил:

— К тому же, на носу зима. И по долгосрочным прогнозам метеорологов — суровая. У нас и без того проблем хватает, а если затянем, на дикой территории выжить будет очень непросто. Так что надо поторопиться.

Незаурядов оторвался от своей книжки, вскинул брови на притихший зал, на умолкшего бригадира, потом поднялся, откашлялся и сказал:

— Как вы знаете, на территории завода были обнаружена подстанция, а в ней — скрытая система спутникового взаимодействия военных. Не знаю, чем занимался этот завод в мирное время, с таким специфическим оборудованием. Как оказалось — не только производством продуктов питания. Военным мы пока сообщать не стали, зачем нам лишние трения… Моим лаборантам, не без значительных трудностей, конечно, удалось подключиться к нескольким автономным спутникам слежения вооруженных сил для получения более детальной информации о центрах активности. К счастью, на спутниках оказалось возможным активировать сверхчувствительные датчики слабых излучений диапазона, который мы рассчитали, применимого для обнаружения скоплений противника. В частности, интересующих нас объектов. Так что в скорейшем времени я смогу определить точное месторасположение ближайшего центра. Со своей стороны, добавлю к словам уважаемого Сергея Петровича, что особой ценностью среди результатов этой экспедиции окажутся, если их удастся добыть, образцы ткани прокуратора амиттоморфов, так сказать, для извлечения чистого генома. Это также сможет оказать существенную помощь в исследованиях. К сожалению, ткани амиттоморфов слишком быстро и практически полностью разрушаются после гибели. А живых образцов ещё ни разу не удавалось заполучить. Н-да.

Среди онемевших было смотрящих снова возникло лёгкое движение и поднялся взволнованный гомон.

— Это верховода притащить?

— Чего захотел!

— Эй, у кого котелок плохо варит? Прокуратор поможет, поддаст пару, если что.

— И ещё одна маленькая, но очень важная деталь, — слегка повысив голос, добавил профессор.

Всё ропотники разом притихли и с интересом стали ждать, что же ещё скажет Незаурядов. Бригадир тоже с удивлением посмотрел на профессора.

— Мы ещё что-то упустили, Семён Альбертович?

Учёный стрельнул бровями вверх, потом нахмурился, и брови резко упали вниз.

— К сожалению, да. Только что мой ассистент сообщил о завершении очередных расчётов по динамике движения противника. Мы постоянно уточняем и совершенствуем модель, вы же понимаете. Так вот, новые данные, — он снова взглянул на экран планшета, — в том числе, полученные от последней группы, говорят о том, что захватчики значительно ускорили своё продвижение за последние две недели. Эти цифры значительно превосходят расчётные. Что-то их гонит прямо на нас… Так что сроки, очевидно, придётся корректировать в сторону значительного уменьшения.

— На сколько?

Профессор пожал плечами.

— Если мы всё верно прикинули, а это вполне вероятно, то счёт может идти на недели, а то и дни. Если мы не попытаемся в ближайшее время глобально решить проблему экспансии, боюсь, что потом у нас такого шанса не будет. И до Австралии нам с вами добраться не получится. И к тому же Австралия… — профессор снова о чём-то задумался, посмотрел на свою электронную книжку и добавил тихо, словно самому себе: — это будет лишь растягивание агонии. Н-да.

По рядам пробежало волнение, и шум в зале усилился. Незаурядов сел и начал что-то быстро записывать стилом в книжке. Бригадир предостерегающе поднял руку, и в зале снова повисла тишина. Крайнов развёл руками и оглядел присутствующих, но, так и не найдя, что сказать, свел ручищи обратно и молча уперся локтями в стол.

— Так куда героям двигать придётся? — вдруг опять громко спросил из своего сумрачного угла Сокол и поднял голову. — Хотя бы

примерно?

Все смотрящие замерли, глядя на учёного, тоже ожидая ответа. Профессор в сотый раз поднял густые шоколадные брови над очками, пошевелил ими, как майский жук усами, и пожал плечами, словно ответ был очевиден:

— В Ромов, конечно… это ближайшая точка. Я разве ещё не говорил?

*** * ***

— Что, до сих пор заседают?

Егорыч выглянул из комнаты в коридор. Бригадир смотрящих выделил им с Фёдором для обитания маленькую комнатку, «уж не серчайте, без окон, зато с шикарной мебелью». Под шикарной мебелью он, как выяснилось, подразумевал старую пыльную тахту, занимавшую собой весь дальний от двери торец узкого помещения, диван, приютившийся сбоку и такой же свежий в летах, и, вдобавок, странный обшарпанный круглый стол на трёх ногах. Пётр усмехнулся, вспомнив, как Крайнов в очередной раз энергично раскинул ручищи, с жаром описывая достоинства жилища, прочимого «уважаемым» старикам, и оставил солидные вмятины своими деревянными пальцами на серых штукатуренных стенах похожей на большой чемодан комнатушки. Но старики, с их опытом ночевки в условиях различной степени паршивости, не жаловались. Комнатка, больше похожая на кладовку уборщицы, была даже в чём-то уютной.

На этаже было пусто и тихо, никто, как это обычно бывало в такой вечерний час, не ходил по коридору, не рассказывал громко анекдотов, перемежавшихся резкими взрывами хохота, не доносился звон посуды, долетавший сюда через лестничный проём с нижнего этажа, где в столовой и на кухне дежурные обычно в это время наводили порядок после ужина. Зато слышался оживлённый гомон голосов со стороны большого актового зала.

— Сидят. Похоже, нескоро разойдутся. Видать, ребятки что-то совсем уж важное обсуждают, если даже про ужин забыли.

Складка шумно почесался и лег поудобнее на скрипучей тахте, занимавшей весь дальний торец узкого помещения.

— Ты вот, Егорыч, что думаешь об смотрящих? — спросил он Петра.

— В смысле? Что о них думать?

— Ну, есть ли смысл в их деятельности? Или всё это лишь борьба с симптомами, так сказать?

Пётр старчески покряхтел, садясь на продавленный, обтянутый дерматином диван, и похлопал его по боковине.

— Люблю старые вещи, — он взглянул на приятеля и, помолчав, добавил: — это ты хорошо сказал про борьбу с симптомами. Сразу видно профи в своём деле.

— Да ну тебя, в самом деле, — Фёдор обиженно сморщился и демонстративно отвернулся, — не можешь не уколоть в больное место.

— Да погоди, Теодоре, я же без шуток, всерьёз говорю. Вся эта вселенская катастрофа взаправду похожа на какую-то серьёзную, опасную болезнь, гангрену, там, или другую смертельную инфекцию. А смотрящие… они как хорошие, усердные, самоотверженные, но беспомощные санитары. Изо всех сил стараются, суетятся вокруг умирающего, но проблемы не решают. Слегка сдерживают и оттягивают неизбежный конец.

— Вот я и спрашиваю, есть ли в этом смысл? — Складка приподнялся на локте и поднял вверх указательный палец, — если всё-равно загнёмся, так может и не стоит все эти подвиги совершать? Лишняя трата энергии и тепла. — Он снова опустился на лежанку, лег на спину и засунул свои маленькие морщинистые ладони в широкие рукава пальто. — Энтропия и так положительна, Петя, так что суета ни к чему.

Пётр внимательно посмотрел на друга и улыбнулся.

— Ты мне решительно нравишься сегодня, — он покопался в пакете, приютившемся у ножки дивана, и достал маленькую бутылочку с яркой этикеткой. — под такую беседу недурно и рюмочку благородного пропустить. Будешь?

— А то! — Складка едва не подпрыгнул на месте. Тахта жалобно скрипнула старческими пружинами. Егорыч аккуратно кинул другу пузырек, который тот ловко поймал, а себе достал ещё один такой-же.

— Во-от, — откупорив бутылочку, Пётр сделал маленький глоток и расплылся в счастливой улыбке. — Хорошо!

— Так что там насчёт «ты мне нравишься сегодня»? — спросил Фёдор, прикладываясь к своему пузырьку. — Люблю, понимаешь ли, когда хвалят.

— Ты натолкнул меня на пару интересных мыслей, Теодоре. Говоря образно — перышком коснулся шара у края лунки.

— А ну-ка, давай по порядку и по полочкам. У них там… — Фёдор махнул рукой в сторону и, неожиданно для себя, хлопнул ладонью об стену, — своё заседание, у нас — свое. И ещё не известно, какое важнее!

— Люблю я малопьющих, — усмехнулся Пётр себе в бороду.

— Всё нормально! Просто на голодный желудок быстро проскочило, аж до мозга сразу. Алкоголь, между прочим, всасывается почти мгновенно. Ах, где ты, мой вкусный горячий ужин? Хорошо тут всё-таки кормят…

— Так вот, Теодоре, — продолжил Егорыч, прерывая дружеские плотские мечтания, — мысль первая.

— Так-так?

— Человечество болеет, сильно и давно. Я бы даже сказал по-другому. Человечество — и есть эта самая болезнь. А болеет им, ну, например, планета наша, Земля.

— Ну, это ты загнул, — Фёдор усмехнулся и глотнул бренди. — Да и мысль, в общем-то, не новая. Где-то я её уже слыхал. Помню, вот, съезд в Дублине, так мы с одним доктором наук поспорили…

— Не отвлекайся. Мысль не новая, но в данном случае, вполне конкретная. И довольно хорошо описывает происходящее.

— Постой, постой, — бодро воскликнул Складка, — а как же инопланетяне? На это ты что скажешь? Я вот тебе подмечу, как бы

между прочим, что до этого самого их вторжения жизнь была себе очень даже прекрасна и перспективна. Как для человечества в целом, так и для каждого индивидуума в отдельности.

— И это говорит спивающийся бомж-хирург?

— Я вовсе не показатель, — Складка насупился. — Я о ситуации в целом говорю. Моя трагедия не есть продукт болезни общества, как ты тут резюмируешь, но являет собою частный случай.

— Ой ли? Я не приуменьшаю значения того несчастного частного случая в твоей жизни, но появление пятнадцать лет назад всей этой роботохирургии и лечащих супермолекул без участия человека совсем не придало тебе решимости остаться. Всякие там «регены» и «анастасы»…

— Ну знаешь…

— Извини, не хотел тебя обидеть, — Егорыч сделал глоток. — Я ведь и сам в какой-то мере жертва системы. Но всё-таки дослушай.

— Хорошо, друже, так и быть, ты прощён. Излагай свою теорию.

— Так вот, насчёт инопланетян… Это, конечно, проблема, и не зная откуда они взялись, сложно рассуждать об их влиянии на дальнейшую судьбу человеков. Но вот что я тебе скажу, Федя: у меня давно уже стойкое чувство, что даже не будь этих проклятых тварей, человечество всё равно рано или поздно во что-то такое вляпалось бы. Э-хе-хе…

— Ты говоришь о секретных исследованиях биологического оружия? Бытует версия, что пятнашки есть продукт эксперимента…

— Да я не об этом, хотя такой вариант, пожалуй, был бы просто частным случаем.

— Частным-несчастным… Да о чём ты тогда?

— Я говорю о нынешнем образе жизни человечества. Скажем так, как минимум последних четырёх-пяти поколений.

— Образ жизни… Открою тебе секрет, Петя, как бывший какой-никакой хирург, десятки лет кромсавший человеческие телеса. Поверь мне, людской организм кардинально не меняется вот уже многие тысячи лет. Человек остаётся прежним, меняются только возможности. Но потребности, иногда меняя форму, по сути своей остаются прежними. Даже болезни всё те же, что и пять тысяч лет назад, с учётом реалий, конечно, разве что новые появляются либо из-за малоподвижного образа жизни, либо, что характерно, наоборот, по

причине чрезмерного желания совать свой нос во все тёмные места на планете. А ещё из-за небрежного отношения к своему телу, да и к чужим тоже. Взять тот же СПИД…

— Хм… Это ты, Теодоре, всё правильно сказал. И я ещё, будь уверен, до этого самого стиля жизни доберусь. Но! Всё дело в том, что за последние десятилетия эти самые возможности стали поистине угрожающими…

— Что верно, то точно.

— И я, мой друг, пришёл к выводу, что главная проблема людей заключается существовании огромных рассадников паразитов.

— Ты о чём это? — удивился Фёдор. — О каких рассадниках паразитов? Ты о пришельцах? Ты знаешь где их гнезда? — он усмехнулся. — Тогда тебе нужно срочно к Бригадиру на доклад.

— Ну что ты заладил: пришельцы, пришельцы! О них разговор отдельный. Я говорю про города, — Егорыч сделал паузу и взглянул на приятеля. — Да-да, не удивляйся, про города как явление вообще и про современные гигантские жилые человекосистемы, в частности. Я долго думал, что не так в казалось бы разумном поведении двуногого прямоходящего. Откуда такое стремление сбиваться в огромные поселения? Ладно, когда древние строили города, это и вправду было порой необходимой мерой для выживания, но сейчас? Сколько я ни размышлял, о назначении современных городов, неизменно приходил к единственному логичному выводу.

— А именно? Просвети нас, о великий мыслитель.

— Не ёрничай. Цель существования городов — паразитировать на теле планеты. Между прочим, я считаю сравнение их с муравейниками оскорблением для последних.

— О как, — Фёдор поперхнулся очередным глотком. — Круто взял. Постой-постой, а как же пятнашки? Вот ведь кто настоящие паразиты! Да и то, какие это паразиты… Скорее уж захватчики.

— Да погоди ты! Я тебе говорю о чрезмерно вредящей всему окружающему миру деятельности человечества как резидента городов, по крайней мере в нынешней их форме.

— Если бы я в своё время собаку не съел на всех этих симпозиумах и конференциях, я бы сказал: «Переведи». Но там и похлеще заворачивали. Эх, было время… Слушай, ты точно был простым сборщиком?

— Ты суть лови, а не ностальгируй, — сурово зыркнул на приятеля Пётр. — Книжек я умных в юности много читал.

— Понятно. Интеллигент, значит, — усмехнулся Фёдор. — А о сути… Да ну, Петя, в самом деле, ты загибаешь. Люди миллиардами гибнут от пандемии неведомой мимикрирующей розовой протоплазмы, а ты самих людей и винишь. И вообще, города — это великое изобретение человечества! Без городов человечеству давно бы настала хана, ну или оно влачило бы весьма жалкое существование. Вся наша жизнь — в городах, а периферия — это так, вспомогательное явление. Все возможности, все потребности, все желания, вся забота о поколениях — от внутриутробного плода до сморщенного старика, — и не смотри на меня ухмыляясь, старая язва! — всё обеспечивает и обо всём заботится как радеющая мать кто? Город! — Фёдор весь преобразился, с громким скрипом приподнявшись с ноющей тахты. Даже складки на его лице как-будто стали меньше. — И теперь человечество жизни представить не может без городов!

— Вот именно, Теодоре, вот именно, — Пётр со скорбным выражением лица поднял вверх указательный палец, — ты попал в самую точку, друг мой.

— Что это ты имеешь ввиду, носитель усиленного интеллекта?

— Посмотри, ведь как удобно: всё под рукой, и в таком изобилии и разнообразии, что никакой фермерской деревенщине и не снилось. Хочешь разной вкусной еды? Пожалуйста, дуй в марк, затаривайся. Какая разница, из чего она там сделана, вкусно ведь, симпатично и даже питательно. Хочешь развлечений? Опять пустяки: дуй туда же, но этажом повыше. Вот он, храм эпохи потребления — полный всякого добра многоэтажный оллмарк, стоящий посреди города… Или, может статься, тебе понадобилась скорая помощь? Да не вопрос! Разве что иногда подождать придётся, много что-то вас хворых стало, с такой-то едой, да и просто много вас стало… Хочешь путешествовать? Ещё лучше — спускайся в подземку и чеши куда глаза глядят, везде прямые каналы прорыты, любая колония земляных крыс обзавидуется такой развитой системе. Вошёл в вагон в одном городе, сел в удобное кресло, прокатился с комфортом, потягивая «яблочный» сок, и, вот тебе пожалуйста, вышел в другом городе. И снова всё знакомо и уютно. Ты дома! Где бы ты ни был. И главное, не загружайся размышлениями, откуда всё это взялось.

— Ну и что в этом плохого? Удобно же. Чем не жизнь? Известно же, что человечество по природе своей жутко лениво, и всю энергию свою и изобретательность направляет на потакание своей лени. И города такому положению дел весьма споспешествуют.

— А ты задумывался, Федя, какой ценой всё это обходится? И я ведь не только деньги, и не столько деньги имею ввиду. Деньги — это бумажки, ещё один самообман, сам по себе ничего не стоящий. Настоящая цена за все эти удовольствия — это ведь ресурсы, ресурсы и ещё раз ресурсы. А человечество — это потребление, потребление, потребление. И отходы. Посмотри вокруг городов, что там широким кольцом у каждого полиса?

— Что-что, — хмуро ответил Складка, — известно что. Свалка.

— Верно! И не просто свалка. Поля, холмистые, вонючие, смердящие равнины мусора, отходов и прочего разнокалиберного дерьма. А все эти бесконечные пояса промзон с их выбросами вокруг городов? Над иным гипером по полгода висят непременные серые тучи и вовсе не только из водяного тумана…

— Ну так не везде же? Вон в Европе кое-где получше с этим, потихоньку лет десять назад разгребать начали…

— Ну да, вредные производства засунем подальше в монгольские степи — и порядок! Ты ещё вспомни про ядерные отходы, куда они всё это девают? То-то. С глаз долой, примите, здрасьте… Ты знаешь как на Дальнем Востоке местные, когда они ещё там были, реку Амур называли?

— Как?

— «Труп». И немудрено — кубокилометры ядовитой жижи, идущие бесконечным потоком из Поднебесной, годятся разве что для обработки трупов. Среди фермеров там жить нынче дураков нет.

— Хм… — Фёдор задумчиво почесал ухо. — Если всё настолько плохо у нас… Выходит, что вся земля для нас как свалка? Если не успевают увозить и перерабатывать… тогда что делать-то, Пётр свет Егорыч?

— А почему не успевают?

— Ну как… Недостатки инфраструктуры. Недочёты реализации. Не учли последствий и побочных действий. Хех, всё как в родной медицине… Да что говорить, людей слишком много в одном отдельно взятом месте.

— А зачем, Федя?

— Ну что ты заладил: «зачем да почему». Живут и всё. Я же говорил, такова людская натура — просто *удобно*.

— Ах натура такая? — Пётр всплеснул руками. — Это ты точно подметил. Но я тебе ещё скажу, в чём человеческая натура. Ты, вот, бывал в системе городской канализации? Хотя бы, например, в ромовской?

— А то… сам же знаешь, где нам с тобой бомжевать приходилось.

— Ты помнишь, сколько там дерьма? Там целые реки, озера дерьма! Да мы с тобой никогда рядом больше одной ночи не задерживались, хоть там и тепло. Такая вонь стоит! Что-что, а гадить городское человечество умеет исправно и со знанием дела, никакие самые совершенные системы очистки нынче не справляются. В Святом Питере, например, станции аэрации сами размером с приличный город каждая и постоянно на пределе мощностей крутятся. И жить рядом с ними даже на верхних этажах этажек просто невыносимо. Амбре там такое! Иногда на весь город волна благовоний уходила. А ещё мне как-то один тамошний завсегдатай из нашего круга у костерка рассказывал, про аварию на Ваське в десятом году, там даже эвакуацию проводили. А он аккурат в ту ночь на Среднем в одном из гаражей под этажечкой заночевал, так чуть не захлебнулся в потоке сам знаешь чего, из канализации так попёрло, что на три метра от пола залило всё, и полметра над мостовой на четыре квартала и дальше до самой Невы…

— Ну да, ну да… Только здесь нужна поправочка, старичок, — Складка в свою очередь поднял вверх указательный палец, — умело таки человечество гадить. Сейчас, думаю, те станции уже не крутятся, да и незачем. Чего ворошить прошлое?

— Эх, Федя, ты прав, теперь всё всегда будет в прошедшем времени. А вообще, ты, добрый доктор дядя Фёдор, прав и насчёт людей со всеми удобствами и их неизменных потребностей. Во все времена всё, что нужно было человечеству — это питаться, совокупляться и развлекаться. Ну и ещё, пожалуй — перемещаться в поисках этих трёх или, говоря красиво, путешествовать. Без этого ведь нет никакого счастья. И, как ты тоже очень верно подметил, непременное условие для этого самого счастья — чтобы всё это было удобно э-э… потреблять. Только вот тут проблема — после первого

остаётся море дерьма, после второго — полчища себе подобных и тоже, между прочим, не без этих потребностей и… способностей производить отходы, а для третьего и четвёртого, как и для двух первых действ в пересчёте на невероятную численность населения нужна прорва ресурсов и энергии. И, скажи пожалуйста, — снова отходы. Да на Земле никто и ничто не производит неразлагаемых отходов да ещё в таком количестве, кроме как человечество! И все эти потребности с каждым годом усиливаются, увеличиваются в геометрической прогрессии. А для удовлетворения всего этого лучше ничего нету и не придумали иного лучшие умы кроме городов, где всё под рукой, вездесущей Подземки и… нефти, да, да, нефти — этакого универсального энергетического ресурса. Нефть — вот это чудо, дар свыше! — Егорыч поставил бутылёк на подлокотник, откинулся назад и обхватил голову руками, растопырив локти, и потянулся. — Как, впрочем, и все остальные блага. Это тебе и ресурсы, и энергия, и еда. Ты только подумай, какая прелесть! Можно жить в своих великолепных гиперколониях, не задумываясь, откуда всё берётся и какой ценой, и наслаждаться жизнью без серьёзных забот, потому что, прости меня за резкость, заботы о насущных потребностях в современных городах — это просто щенячьи забавы среди райского изобилия по сравнению со всей прежней человеческой историей почти непрерывных горестей и страданий.

— Ну, Петя, ты и суров, однако же, к человеческому роду, — покачал головой Фёдор. — Неужели все такие засранцы? — он взглянул сквозь стекло пузырька с выпивкой на голую пыльную лампочку под потолком, тускло освещавшую комнатушку подрагивающим светом. — А как же потребность в прекрасном? В Боге, наконец? Как там в Священном Писании говорится… Мне один нейрохирург-проповедник, помню, на симпозиуме по протезированию коленной чашечки, в перерыве читал Матфея в уточнённом переводе: «Счастливы осознающие свою духовную нищету»…

— В Боге? — Пётр оторопело взглянул на друга. — Поверь мне, Теодоре, большинство людей, поглощённых своими милыми материальными заботами, благополучно обходится без этого самого «духовного», либо подменяя его этакими комбинациями из тех трёх или четырёх «столпов потребления», либо и вовсе находясь в блаженном неведении о своей духовной обделённости. Так, изредка

чувствует некую «душевную пустоту», что «чего-то не хватает в жизни». «Может, стоит развеяться? Дорогой, давай поедем к морю?» Музей, вид на горы, театр, кинотеатр, цирк, клуб, пиццерия — нужное вычеркнуть после применения. Да что говорить, Федя, даже если кто-то решает выбраться из этих котлов, кипящих бурной, но малополезной жизнедеятельностью, всё равно он оставляет за собой базу, основу, точку отсчёта — Город. Там его средства к существованию, туда человек всегда возвращается, там его пастбище.

— Так что же делать, Петя? Разве образ жизни угрожает сейчас людям?

— Что делать и кто угрожает? — Пётр нахмурил лоб, покрытый мелкими крапинками веснушек, и немного помолчав, продолжил: — Ты удивишься, но если говорить о спасении человечества, то из всего вышесказанного вытекает мысль вторая. Надежда выбраться из этой ямы всё-таки есть, и впереди не конец. Если, конечно, человечество успеет.

— Что успеет?

— Приспособиться и сменить этот твой удобный образ жизни паразитов на что-то более полезное для биосферы. Стать менее сосредоточенными на себе, слушать и слышать окружающий мир.

Фёдор нахмурился и подпёр щеку ладонью.

— Да как же приспособиться, Петенька? Когда со всех сторон вся эта жуткая напасть так и лезет, чтобы превратить тебя в этакое бессловесное животное с гнилыми зубами, грызущее землю…

— Эх, Федя, Федя, знал бы прикуп, жил бы сейчас у моря. Может и правда уже слишком поздно…

— А если говорить совсем уж откровенно, — подняв ладонь кверху, снова оживился Фёдор, — то лишили же нас возможности выбирать как жить. Сам разве не помнишь, как всё постепенно закручивалось в сторону этой проклинаемой тобой урбанизации? И ведь всё как на заказ: и Подземка, и съедобная структура, и нефть фонтанами…

Пётр шевельнул длинными ноздрями и поглядел косо на приятеля, потом стал задумчиво разглядывать яркую надпись на бутылке, и, наконец, словно собравшись с духом, сказал:

— Надо уходить из городов. Если ещё не поздно.

Фёдор ошарашенно выпучил глаза на друга.

— Ты что, Петя, сбрендил? И так уходим, куда деваться-то?

— Ты не понял… Сейчас, если эвакуация, куда движутся все потоки беженцев?

— Как куда? В соседние города, куда же ещё. Больше некуда.

— Вот! А я говорю, что это тупик, Фёдор. Рано или очень рано города закончатся. Поэтому надо уходить из городов. Совсем. Если ещё не слишком поздно.

— Нет, обратно в лес уже не сможем вернуться.

— Ну, тогда заставят.

— Вот ты, однако, замахнулся! Да как же мы теперь без городов выживем, когда всё традиционное хозяйство за пятьдесят лет, считай, вымерло. Нет, Петя, ничего у нас не выйдет. Без городов мы — ничто, давно уже ничто. И вряд ли сумеем обратно, в средние века. Даже, пожалуй, и в двадцатый, до всей этой географической сублимации в гиперполисы нашего разлившегося было по равнинам человечества, и то не потянем.

Фёдор прижался спиной и гладким горячим затылком к холодной облезлой бетонной стене и блаженно улыбнулся, щурясь на хмурого смолкшего друга.

— А хорошо сидим! — крякнув, почти пропел он протяжно и добавил, в очередной раз глядя вверх сквозь стекло бутылки на тусклую лампочку под потолком: — Ad impossibilia nemo tenetur.

— Что это значит, заочный друг Гиппократа? — недовольно спросил Пётр.

— «К невозможному никого не обязывают».

Пётр открыл было рот, но снова ничего не ответил, и в воздухе повисло довольно долгое молчание. Помолчав с минуту, Складка всё же решил продолжить прерванную беседу.

— И всё-таки, как же быть с пришельцами, Петя? Они что-то плохо вписываются в твою концепцию. Без них ведь жизнь всё-таки была бы гораздо приятнее, не смотря на описанные тобой недостатки, так?

— Ты прав, Теодоре, как никогда, — мрачно откликнулся Егорыч. — Плохо чужаки вписываются в казалось бы стройные рассуждения, когда не знаешь откуда они взялись, и к чему в конечном итоге так решительно стремятся. Тем не менее, тот факт, что этим тварям полюбились наши города, совсем не радует. Кто знает, как бы оно всё сложилось, не будь у нас всех этих гиперов и мультиков. Зато

теперь вроде как некому стало исподтишка к городской жизни принуждать.

— Ну не знаю… Не придумало бы людское племя подземку и синтетику, пошло бы по другому пути. Например, мощную авиацию, быстрые железные дороги и практичные автомобили развивало бы, а ещё — эффективное земледелие или ещё что-нибудь в таком роде. И всё равно упорно тянулось бы в те же удобные города. А?

Пётр только пожал плечами. Старики опять посидели с минуту молча.

— Ладно, прочистили мозги, — Фёдор торжественно поднял вверх пузырек с остатками выпивки. — Давай же выпьем за твою теорию и выжившее человечество, олдер!

— Давай.

Складка быстро сделал последний глоток, опустошая свой пузырек.

— А может, всё-таки инопланетяне? А, Петя? И никаких внутренних противоречий. Слабое, конечно, утешение…

Егорыч в ответ только махнул рукой и с вселенской печалью во взгляде запрокинул бутылочку.

*** * ***

В зале для заседаний снова стало очень тихо.

Бригадир ошеломлённо взглянул на Незаурядова, как, впрочем, и все остальные.

— Куда-куда?! В Ромов?! Ну, профессор, вы — нечто. А что же, есть ещё вторая точка?…

Тот снова пожал плечами.

— В Святом Питере. Оттуда получены отличные данные по активности.

Смотрящие загалдели, кто-то громко захохотал, несколько смотрящих нестройным хором затянули громкое «у-у», послышались возгласы типа «а чего не в Америку?» и «жить стало лучше, жить стало веселее».

— Я в самом деле ещё не говорил? Странно. Прошу прощения, моя оплошность. Лаборант отправил мне данные в задачник минуту назад, и я сразу стал корректировать модель. Пока не могу сказать точный район в каждом из этих городов…

Сокол неопределённо хмыкнул в своём углу и снова стал разглядывать ботинки.

— И прошу принять к сведению, что на данный момент Святой Питер — это самая оптимальная точка для исследования. Остальные, кроме, пожалуй, Ромова, даже более близкие географически, не проявляют подобной феноменальной активности, к тому же маршрут в указанную точку возможно проложить минуя севернее цепь радиоактивных пустошей центральной полосы, включая Московскую. Но как туда добраться, и, главное, потом выбраться… И в отношении других центров активности всё не так просто. Так что остаётся только Ромов — достаточно близок и очень впечатляющие данные.

— «Не так просто», — снова подал голос седовласый Сокол и сплюнул на пол. — А в проклятом Ромове, кишащем розовой заразой, конечно, будет легко.

Бригадир неодобрительно посмотрел на него, но промолчал.

В помещении снова поднялся гул голосов. Ирбис взглянул на Надю. Та сосредоточенно изучала кончики волос на челке, теребя их пальцами.

— Что ты обо всём этом думаешь?

— Ну, не всё же нам только убегать.

— Нам? Даже думать забудь об этом, — Ир отвернулся и посмотрел на Волка, сидевшего справа от него. — Пойдешь со мной? Всё равно кроме нас здесь никто Ромов не знает, как свои пять.

Волк, ещё не до конца придя в себя после вчерашней веселой пирушки на сотню человек по случаю его свадьбы и не менее бурной брачной ночи, устало посмотрел на него, потом на Лару, которая сидела рядом и тоже выглядела довольно уставшей. Девушка молчала.

— Как это никто, — возмутилась Надя, — а я? Ты что, без меня там полтора месяца по трубам ползал?

— Я же сказал, о тебе речи нет, малышка, — Ир потёр переносицу. — Дело слишком рискованное. Слишком, понимаешь?

— А я, пока ты там будешь, здесь с ума сойду! С катушек сдвинусь! — раскрасневшись, выпалила Надя и возмущённо отвернулась.

— С катушек спрыгивают, — с серьёзным видом поправил Волк, погружённый в размышления. — Раньше, в двадцатом веке, были такие катушки, плоские дощечки на колесиках, так вот, на них

катались по кругу, а накатавшись — спрыгивали. А обратно потом очень трудно было забраться. Как-то так.

Надя посмотрела на него и, не найдя что ответить на это, резко отвернулась.

— Ну что, Волк? Что думаешь? — Ир снова взглянул на приятеля.

— А что, мнения жен нынче уже совсем не спрашивают? — Лара посмотрела сначала на Ирбиса, потом на Волка. — А, муж?

— Спрашивают, — печально вздохнул великан. — Интересуются.

Собрание тем временем несколько стихийно продолжалось.

— Это как же эти «добрые вольцы» туда попадут? — спросил вдруг кто-то из смотрящих. — Топлива-то нет. Ребята домой на бензиновых парах добираются…

Бригадир пожал могучими плечами.

— Что-нибудь придумаем. С вояками у нас сами знаете какие отношения сейчас, так что вряд ли мы сможем рассчитывать на авиацию. Но варианты кое-какие намечаются. Ради такого дела…

Крайнов замолчал и по привычке широко развёл руками. Волк посмотрел на него с надеждой, что тот ещё что-нибудь скажет, чтобы не пришлось сейчас отвечать на девичий вопрос. Но Бригадир, к его сожалению, на этот раз оказался чересчур краток.

— В общем, думайте, бойцы, размышляйте. Жду добровольцев с нетерпением и трепетом в любое время у себя. Всё, поговорили, — Крайнов встал. — Все свободны.

Профессор оторвался от своих расчётов, внимательно посмотрел на него сквозь линзы очков, словно давно не видел, и тоже засобирался к выходу. Смотрящие стали потихоньку разбредаться, кто молча, кто вполголоса обсуждая услышанное.

Лара всё так же выжидающе смотрела на Волка. Ир с Надей тоже остались сидеть и не смотрели друг на друга. Волк вздохнул.

— Ладно. Предлагаю пойти ужинать и отдыхать. Обсудим все наши проблемы завтра, хорошо? — он посмотрел на друзей. — А то у меня голова от всего этого распухла, на шее не держится уже.

Словно в доказательство сказанного он с оглушительным хрустом в шейных позвонках покрутил головой и тяжело поднялся. Лучших предложений не последовало, и все молча согласились. Друзья, погружённые в свои тяжёлые мысли, неспешно встали и направились к выходу. Скоро зал для собраний опустел. В нём остался только

Соболь, который продолжал сидеть в углу в той же позе, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Взглядом светло-жёлтых глаз от сверлил бесконечные дырки в носках своих ботинок и лишь изредка почти беззвучно вздыхал.

*** * ***

— Заходи, Ирбис, располагайся.

Крайнов широким жестом из-за бескрайнего стола пригласил Ирбиса сесть напротив. Сбоку, с торца, упершись локтями в столешницу и положив на ладони голову, сидел профессор, в своём вечном иссиня-белом халате, рассеянно блуждая взглядом по кабинету. В ответ на приветствие смотрящего он только довольно комично приподнял космы бровей.

Бригадир подождал, пока Ирбис сядет и внимательно посмотрит на него, и продолжил:

— Тут вот какое дело… Я рад, что ты сразу вызвался, — он посуровел и сделал паузу. — Но нужно кое-что обсудить.

Ирбис согласно кивнул. Крайнов продолжил.

— Наш уважаемый Семён Альбертович сообщил мне новые данные о способностях серых. Раньше мы полагали, что они определяют друг друга по запаху или чему-то подобному. И даже попросили учёных разработать средство, имитирующее, м-м, как это вы называете, профессор?…

— Одорологический рисунок феноморфа, — Незаурядов привычно подёргал бровями. — Это некий комплекс запахов, идентифицирующий их друг перед другом, чёткий сигнал «свой-чужой». В общем-то, это на самом деле имеет место, и наша разработка — экспериментальный биогель — вам, конечно, пригодится при не слишком тесном контакте, но… — Незаурядов нетипично для себя замялся, посмотрел на Крайнова, потом на Ирбиса. — Видите ли, уважаемый Ирбис… Возникла неожиданная трудность, и весьма существенная. Один из моих лаборантов в соответствии с планом исследований поведения феноморфов провел замеры волновых излучений различной природы и диапазонов. Как я и предполагал, выяснилось следующее. При определённых условиях, назовем их сеансами, феноморфы, и, как я предвижу, в большей степени прокураторы и амиттоморфы, испускают, пока не знаю за счёт

какого типа энергий, некие импульсы, чем-то похожие на радиоволны, а также способны принимать эти импульсы от своих, э-э, собратьев. Нельзя с полной уверенностью сказать, что это является аналогом языкового общения, для этого данные импульсы слишком примитивны, это безусловно. Но как простейшее средство коммуникации и распознавания такое явление имеет место быть. И может быть это даже важнее запахов, а в случае с прокураторами — наверняка мы имеем дело с определённым механизмом воздействия с целью управления. И даже с целью подачи команд уничтожения и самоуничтожения, судя по сообщениям некоторых ваших коллег.

— Говоря по существу, Ирбис, — решительно вмешался в очередной бесконечный монолог профессора бригадир, — у нас большие проблемы. Я даже думал об отмене операции, так как намазать гелем мы тебя ещё можем, а научить импульсы эти в эфир посылать — кишка пока тонковата. Но профессор меня отговорил. Есть ещё один вариант, правда вряд ли он тебе понравится. Поэтому я и позвал тебя, всё обговорить и вместе решить, как нам быть дальше.

— Что же это за вариант такой? — настороженно спросил Ирбис, косясь на учёного.

Крайнов в свою очередь замялся и тоже посмотрел на Незаурядова, но всё же продолжил:

— Мы говорили с твоей женой, и она согласилась. Точнее — она согласна, если ты не будешь против.

Ир ничего не понимал и от этого, а ещё больше из-за того, что они вмешивали сюда его Надю, начал горячиться.

— Да в чём, наконец, дело? На что она согласна?

Мужчины молчали и смотрели на него, видимо, ожидая, что он сам придет к нужным выводам. Ир быстро переводил взгляд с профессора на бригадира и обратно и тоже молчал. Наконец, профессор произнёс:

— Понимаете, юноша, у вашей жены — уникальные способности. Я бы даже сказал — выдающиеся. Необыкновенный талант, к тому же очень разносторонний.

— Я в курсе, — мрачно сказал Ир, начиная понемногу догадываться, куда клонят эти двое. — И вы совершенно правы, мне это уже совсем не нравится. Надя не может участвовать в операции, это слишком рискованно!

— Да пойми ты, смотрящий!.. — Бригадир сцепил могучие ладони перед собой и потряс ими над столом. — А если завтра эти чудища по поверхности решат перемещаться или ещё что похлеще! Каюк нам окончательный настанет, и очень быстро. Они и так через нашу оборону проходят как нож сквозь машинное масло…

— Одну минуту, — прервал их обоих профессор, — я не закончил, друзья мои. Дело в том, что, очевидно, ваша супруга способна не только воспринимать эти импульсы, но правильно распознавать и отвечать, что мы уже подтвердили в лаборатории на обследуемых. Причём, фактически на подсознательном уровне, как будто бы рефлекторно. Те два феноморфа, которых мы имеем в лаборатории, даже начали выполнять её простые команды. Здесь, конечно, есть ещё над чем работать, но…

— Нет!..

— …Боюсь, без Надежды не стоит и пытаться. Даже если вам с напарником удастся проникнуть в район концентрации, вы не сможете там долго находиться незамеченными, и никакой биогель здесь не поможет.

— Значит, не будет операции, — отрезал Ир. — Продолжим по-прежнему давить слизь по каналам.

— И отступать, — припечатал ладонью к столу невидимую муху Крайнов. — А скоро будет некуда отступать. Упрёмся в океан — и привет. В Америке нас не ждут, там своих проблем хватает. Слышал их последнюю длинноволновую передачу? Произвели подрыв сплошной цепи подземных ядерных зарядов по сороковой параллели. Отрезают субтропический пояс, значит. Только вряд ли поможет. С их переразвитой сетью каналов, думаю, припоздали хомо американос с таким мужским решением, минимум, этак, на годик. Там такие метастазы разрослись, одна распределённая служба доставки до частных домов чего стоит — такой подарок пятнашкам! Прямо радость в каждый дом, двадцать три стандартных дюйма в окружности, в самый раз для типичной розовой твари. Чёртовы любители комфорта…

— А мы? — С вызовом спросил Ир. — Ещё можем попробовать рвануть свой пояс?

— Ты в своём уме? — постучал деревянным пальцем по жёсткому лбу бригадир. Получилось довольно громко. — С нашей-то

протяженностью, даже по меридиану, и с таким раздраем в армии, как, впрочем, и везде? Пока мы закладывать будем, по сусекам собирая, противник до Северного океана доскребётся. Или в мерзлоту упрётся, а мы на ней благополучно сдохнем. Три мультика осталось из двадцати… Не пойдет, старина, напробовались уже. Забыл Москву, что ли?

— Не забыл, — хмуро протянул Ир. — У нас, как я вижу, всё не так. Труба пouже — дым похуже, или как там… И без геройства тоже никак, — он помолчал, ещё больше мрачнея, — но мой ответ — нет.

Крайнов с шумом выдохнул, но пять секунд спустя продолжил спокойно:

— Ты не торопись, подумай, парень. Конечно, дело добровольное, как на такое пошлёшь с чистой совестью. Хотя… посылали ведь и раньше людей на верную смерть… Однако, то дело прошлое, так ведь? — спросил он и покосился на профессора.

— Скоро любое дело будет «прошлое», — ответил Ирбис. — И человечество тоже будет дело прошлое.

— Ну-у, зачем так мрачно, боец? — ободряюще улыбнулся бригадир. — Есть ведь надежда, о чём и толкую… Хм, извини, прямо каламбур получается…

— Я пойду, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал смотрящий, поднимаясь со стула.

— Иди, — неожиданно кротко согласился бригадир. Профессор молча проводил его всё тем же блуждающим взглядом. Не прощаясь, Ир вышел из кабинета.

— Как думаешь, Серёжа, он согласится? — задумчиво-отрешённо спросил Незаурядов, когда за Ирбисом закрылась дверь.

— Как тебе сказать. Помучается парень, конечно. И жену сильно любит, и тварей ненавидит, и, насколько я его… о нём знаю, добрый он очень. Даже серых со слезами убивает, переживает потом долго.

— А как он оказался в числе смотрящих? — спросил профессор. — Всё-таки он фигура несколько нетипичная для вашего племени, а уж его подруга…

Крайнов пожал плечами.

— Да в общем-то обычно, как многие наши. Когда правительство и вояки ещё даже и не чесались о возможной угрозе для границ и граждан, Николай Солоницын, отец наш родной, потеряв связь с кучей

родственников и друзей за границей, в поте лица собирал на периферии, вдоль необъявленного фронта, любую информацию среди беженцев о выживших после атак пятнашек. Он и меня так нашёл в Киеве, а потом и Волка. Без таких как Николай, кто знает, где бы сейчас мы были, и всё человечество…

— А Ирбис?

— А его он встретил зимой в двадцать третьем где-то под Таллином, быстро поглощённым розовыми. В том году всё происходило быстро, слишком быстро… Ирбис там оказался из-за своего увлечения, он автогонщик, помимо своей основной профессии.

— Это какой?

— Автомеханик дорогих машин, автослесарь, дока по двигателям, мастер по доводке и всему остальному, в общем, фанат своего дела. В Таллине как раз проходил весенний турнир по гибридам, а в городе началось. Видишь ли, вся трудность поиска нашего брата в том, что новых бойцов можно найти лишь вдоль линии фронта. По факту, так сказать… Потом они вместе с парой-тройкой ребят на каком-то катере по штормовой Балтике добрались до Святого Питера, и там уже Коля сформировал свою первую тайную боевую группу во главе с Ирбисом, а сам подался в Москву, наивно надеясь достучаться до небес. Ребята были молодцы, держали город как могли, и это когда ещё нашего брата чуть ли не расстреливали на месте за странное и агрессивное, на взгляд милиции, поведение. Ребята тоже, конечно, местами перегибали, доходяг за серых частенько принимали и прочий криминальный элемент не жаловали. И с «палычами», как только появились они у нас, опять же через Николая, тогда ещё много проблем было: ожоги, пожары, недоразумения… В общем, Ирбис — не зелёный пацан в нашем деле.

— Хороший, значит, он человек, и подруга у него чудесная, — профессор вздохнул и встал. — Ну, ладно, я буду у себя, в лаборатории. Сообщи мне, Серёжа, когда будут новости. Всё это будет весьма интересно, если получится провести мероприятие как задумано.

— А если ещё от вояк сюрпризов не будет, — добавил в тон ему бригадир, — так и вовсе красота настанет.

— Да, вот ещё что, Серёжа, — профессор остановился на полпути к двери. — Почему ты не сказал ему про нашу находку? Аргумент

весомый, я полагаю.

— Приберегу пока туза за пазухой, — Крайнов нахмурился. — Я всё ж таки хочу, чтобы ребята сами решили для себя — да или нет. А когда согласятся, а я уверен в них, не будь я, сукин сын, Бригадир смотрящих, будет им ещё и подарочек… Должны справиться ребята. И вот тогда, глядишь, свет в конце тоннеля не окажется вечерним экспрессом, и мы выберемся из этого дерьма.

Незаурядов поморщился на последнем слове приятеля.

— Слушай, Альбертыч, — вдруг спросил его Крайнов, — а ты не боишься? Драпать, в общем-то, уже некуда, достанут нас эти твари жидкотелесные — и хана. А?

Учёный потёр подбородок ладонью и слегка унял трепет бровей.

— Понимаешь, Сергей, тут такое дело… Пока не началась эта загадочная экспансия и не настали времена коренных сдвигов в структуре человеческого бытия…

— Ох, ну не умничай ты, довольно у тебя этого добра! — в сердцах прервал его Бригадир. — Ты по-простому, по-человечески ответь. А то смотрю порой на тебя, и оторопь берет — ты словно робот какой-то, прямо железный дровосек из сказки.

— По-человечески? — с каким-то удивлением в голосе повторил Незаурядов и замолк на секунду. — А если по-человечески, то до всей этой заварушки я был никем, малоизвестным доктором наук, середнячком без имени и чрезмерных регалий, и чем помочь человечеству в своей жизни не имел ни малейшего понятия. Нет-нет, пойми меня правильно — конечно, присутствовала масса возможностей реализоваться в одном из направлений, мои уровни в антропологии и в смежных областях биохимии обязательно пригодились бы в каком-либо из институтов или любой фабричной лаборатории. И пригождались, разумеется. Я как раз последние три года перед войной по приглашению Академии занимался исследованием влияния на организм человека экспериментальной группы асимметричных волокон ускоренного роста. Но… Моя страсть — палеонтология — давно стала никому не нужна, никто не желал в наше время фантастических возможностей копаться в прошлом, тем более доисторическом. И… Однажды, в отпуске, стоя на вершине К-2, я осознал невероятно простую истину, и наука вместо двигателя прогресса и всеобщего процветания вдруг явилась мне во всей своей

подлинной «красе» — как инструмент по манипулированию и одурачиванию одной, большей, части населения другой, меньшей и могущественной. Вся эта искусственная еда, огромные налоги на жизнь, отличную от разрешённой, иллюзия свободы передвижения по многочисленным проложенным путям… Я ведь был альпинистом когда-то, до всех этих запретов и принуждений.

— А-а, ты был из тех чудаков, которые добровольно, долго и упорно залезали туда, где нечего жрать, нечем срать и почти нечем дышать, зато «такие виды!»?

— Что это было за счастье!.. — профессор так восторженно закатил глаза, что даже не заметил очередной грубости в словах приятеля. Крайнов с интересом посмотрел на него. Таким — преобразившимся и с просветлённым лицом — он учёного давно не видел, если видел вообще. — Покорить очередную «крышу мира», недоступную миллионам и миллионам, не подозревающим о том, что есть и другая жизнь кроме предложенной, другие удовольствия кроме плотских… Ах, Серёжа, там, наверху, человек становится честнее с собой и другими, вольно или невольно. А теперь… Нет, ты только не подумай, что я рад всей этой жуткой трагедии, хотя, не скрою, мне отчасти повезло — не пришлось терять близких и друзей, я их потерял давным-давно, в другой жизни, пожалуй, — профессор нахмурился и снова нервно почесал подбородок. — Конечно, было бы гораздо лучше, если бы всё, творящееся вокруг, оказалось лишь ночным кошмаром неврастеника, страдающего от хронического недосыпания, который принял слишком большую дозу нейролептика. Но, по крайней мере, теперь у меня есть конкретная цель, своя команда, особые средства и даже кое-какие серьёзные наработки, чтобы если не всё человечество, то хотя бы малый остаток его спасти от страшной пандемии. И порой мне кажется, что кроме меня и вас, смотрящих, никто людскому племени уже не поможет. И ещё нужно работать, работать, работать. Н-да. А бояться… сейчас просто некогда, Серёжа. Вот так.

Профессор прощально махнул хмурому Крайнову двумя пальцами у седеющего виска и вышел.

*** * ***

— Вызывал?

Волк без стука открыл дверь и широкими шагами вошёл в кабинет Бригадира.

— Заходи, Волк, присаживайся.

Крайнов откинулся на спинку кресла и, разведя локти в стороны, обхватил затылок большими ладонями. Он проследил взглядом, пока смотрящий сядет, и продолжил.

— Не даёт мне покоя ЧП в Строево, Володя.

Волк нахмурился.

— Все, что могли сообщить, я и ребята изложили в рапортах. — он взглянул на Крайнова. — Или нет?

Бригадир покачался в кресле.

— Да, конечно. И про ваши приключения в Ромовской подземке, и про то, что целый отряд смотрящих пропал бесследно, и про то, как вы поначалу считали, что они спешно отступили, и про секундный сигнал от Николая Солина. Всё это я уже раз двадцать прочитал и сотню раз перечитал, пытаясь найти причину. Ведь погибла вся группа, Волче! Целиком! Вдумайся! То есть, к примеру, прибудь вы пораньше, и вас в ту мясорубку завертело бы? А?

Крайнов сощурился на Волка. Тот вздохнул и уперся локтями сцепленных рук в колени.

— Мы и так еле выбрались. Если бы не Надя… и Лара… Но я тоже думал об этом, Серёжа, — Волк сделал глубокий пятилитровый вдох и с реактивным шумом выпустил набранное. — У самого в голове не укладывается. Двадцать пять бойцов, и каких бойцов! Один Бес четверых стоит!

— Да и Соль не зелёный пацан был. Витязь, Громила, Сева Штопор — десятки вылазок, у всех рукоятки «палычей» от зарубок шершавые! — Крайнов обрушил кулак на гулкий стол. Волк молча посмотрел на глубокую вмятину на гладком пластиковом поле столешницы. Он знал, о чём говорил Крайнов — за каждую уничтоженную тысячу пятнашек смотрящий имел право поставить на своём основном оружии отметку. Внезапно Волк замер, силясь вспомнить что-то, и быстро взглянул на Бригадира.

— Подожди… — он потёр виски пальцами, упершись локтями в стол. — Когда мы последний раз связывались с базой, Бес, ликуя — по голосу было слышно, как он весь был на подъёме, — сообщил мне, что ребята из ячейки Бешеного принесли что-то очень важное…

Крайнов весь подался вперёд.

— Что именно?

— Не сказал. Не до того, вообще-то, было. Мы и так еле ноги унесли из тоннеля, потом от этих мерзавцев.

— Помню, читал. Володя, напрягись, дорогой, вспомни, что дословно сказал Бес об этом важном грузе. Может в этом разгадка катастрофы?

Волк снова помассировал виски.

— Сейчас. М-м… «Волчара, ты не представляешь… В Центре будут пищать как птенцы в гнезде, завидев наш подарочек… Безумно ценная посылочка намечается…» Вот, вроде, и всё. Ну, там, на месте всё узнаем и так далее, — Волк снова взглянул на Крайнова. — Полагаешь, это может быть как-то связано с нападением на отряд?

Крайнов с минуту помолчал, потом задумчиво произнёс:

— Имеет, не имеет, но в тесной связи как минимум состоит. Эх, что же там Бесовы орлы такое раскопали?

— Не знаю, — сказал Волк, — но ты меня сейчас натолкнул на мысль, что невероятный наплыв серых и пятнашек на нас и на базу не случаен. Им, похоже, сильно не понравилась находка ребят. Вернее, то, что они эту находку прихватили с собой. Таких прорывов я не помню, Бригадир. Что-то по-настоящему ценное ребята нашли и принесли на базу. За это и поплатились жизнью.

Он сжал кулаки до красноты.

— Что же за враг у нас такой?! Ничего о нём не знаем, только ребят теряем почём зря!

Крайнов посмотрел на него, потом поводил пальцами по колючему от жёсткой щетины подбородку.

— А что может быть таким ценным для противника, как думаешь?

— Не знаю!

— А ты подумай, не торопись.

— Да уж подумал.

— Вот-вот. Иди и ещё подумай, ты же у нас голова. С твоей подачи мы про трёхгодичные циклы догадались. И Незаурядов даже научную базу под это дело красиво и обстоятельно подвел. Так что подумать ещё придётся…

— Верховод… — вдруг произнёс Волк и осёкся, ужаснувшись собственным мыслям.

— Что? — Крайнов почти лег на стол, ринувшись вперёд. — Что ты сказал?

— Они каким-то чудом захватили верховода, вот что! — смотрящий схватился за голову руками и уперся локтями в колени.

— Нет. Не может быть. Приди в себя, Володя.

— Ну, значит, мёртвого притащили!

Крайнов на этот раз промолчал, и неожиданно Волк понял, что попал в самую точку.

— Что, угадал? — Тут он задохнулся от новой догадки. — Посылали бойцов? То-то я думал, чего Бешеный всегда только со своими ангелами на юго-запад Ромова и в район марка ходит? Они ведь и нас, получается, подставили, — тихо добавил он, — и с дрезиной…

— Уймись, смотрящий.

— Что, секреты секретишь? Что же ты наделал, Бригадир? Город сдали, каналы чуть не проворонили! Ребят под удар подставил, они даже не подготовились толком… И нас… Ну и гад же ты, Крайнов! Да ты знаешь, что это такое — с верховодом встретиться? Когда он на тебя смотрит, а ты чувствуешь, как рассудок теряешь и ничего с этим поделать не можешь?… Ещё ведь никто ни разу с этой тварью не справился!

Волк резко встал и тут же сел обратно, стиснув зубы от сильнейшей боли в ноге. Крайнов, к его удивлению, сидел спокойно и не пытался отпираться. Помолчав ещё с минуту, он всё-таки заговорил, словно с усилием, делая долгие паузы между фразами.

— Похоже, они как раз и справились… Да, задание было. И ребята знали, на что шли, никого я не заставлял. Кто ж знал, как оно всё обернётся. А дело того всё же стоило. И ребят очень жаль, до слёз жалко парней, Володя! — Он как-то странно заглянул в глаза Волку. — Но такова жизнь, дрянь она паскудная. И вдвойне обидно, что вы не добрались до образцов. — Он тяжко вздохнул. — Выходит, зря погибли бойцы.

— Да если б ты не секретничал, зараза! Может и добрались бы. Хотя… — Волк вспомнил события на базе, и его передёрнуло.

— Так я уже и не секретничаю, смысл? Ты сам всё слышал на сходке. Пожалуйста: узнаешь что там происходит, принесёшь контейнер хоть с башкой, хоть с хвостом этой твари — окажешь неоценимую услугу, получишь все почести и почёт. А если притащишь живого, тогда вообще…

— В гробу я видал твои почести! — Волк снова поднялся, но уже осторожно, прислушиваясь к ноге. — Мне за людей обидно. — Он помолчал, потом добавил: — Ты когда последний раз в рейд ходил, Молот? Окопался тут как крот на морковной грядке. Не узнаю я тебя, Сергей…

— Да ты знаешь, сколько тут дел? Я бы с радостью всё бросил и с тобой в подземку нырнул… Кручусь тут сам как между молотом и наковальней. Сущий ад! Вояки, к слову, так просто достали! Провиант выбить для бойцов — та ещё проблемка. Кругом паника, неразбериха. Вот ещё пытаюсь с профессором — он разработал хитрый экспресс-тест — наладить пункты ранней диагностики этой, как там чёрт её, резистивности. Или, нет, резист… короче, чтобы нашего брата ещё до эвакуации или хотя бы в её процессе обнаруживать, а не по факту. От Павлова, отца родного, пришёл новый образец — испытывать нужно. А где? Полигон у нас тут, что ли? Вот, хотел отправить вам, ребятам, в Ромов. Да где уж… И теперь ещё сверху до кучи Строево это несчастное…

Волк встал и, не говоря ни слова, пошёл к выходу. Придётся снова идти в лазарет, — подумал он, прихрамывая, — с такой ногой ну какой

из меня диверсант?

— Достань его, Володя. Ты лучший! — вдогонку крикнул Крайнов. Волк отмахнулся от него как от назойливого гнуса. Внезапно он резко остановился в проёме двери и посмотрел на Крайнова.

— Так зачем ты меня вызывал, Бригадир? Совесть мучает? Поддержки ищешь?

— Ну зачем ты так, Володя? — примирительно развёл руками Крайнов. — Столько лет друг друга знаем и…

— Зови меня Волком, Бригадир.

Волк быстро вышел и громко хлопнул дверью.

*** * ***

— Нам надо поговорить, Лара.

Волк спустил голые ноги с кровати, аккуратно поправил сползшую повязку на голени, сдвинул брови и принял позу мыслителя.

— О чём, милый?

Лара завернулась в одеяло, подвинулась к нему и обняла сзади.

— Я не хочу с тобой расставаться. Но и смотрящим ты стать не можешь. Ведь не можешь, так ведь? — он посмотрел на жену с какой-то слабой надеждой во взгляде.

Лара прекрасно знала, о чём он говорит, но не торопилась показывать это.

— А как становятся смотрящими, любовь моя? — она положила голову ему на плечо.

— Через боевое крещение, — его передёрнуло от чёрных воспоминаний, Лара почувствовала это и обняла его крепче. — Как у христиан, — он горько усмехнулся. — Здесь как в подлинном, раннем, Пути. Мне Коля, наш вожак, как-то про это дело рассказывал, в деталях, образованный он был… Только полное погружение. — Он снова нахмурился. — Правда, к сожалению, не в воду.

Он замолчал, Лара тоже молча ждала, что он скажет дальше, и с нежностью смотрела на строгий профиль его мужественного лица. Волк мельком взглянул на неё, заметил это и, немного смутившись, улыбнулся.

— Не смотри так.

— Почему?

— Я забываю, что хотел сказать.

Лара тоже улыбнулась.

— Не могу по-другому. Я люблю тебя.

Волк вздохнул и продолжил.

— И как после того крещения жизнь должна была полностью измениться, перевернуться, сменить цели, человек должен был взять свой столб мучений и нести, служа другим, так и здесь…

Он вдруг заглянул ей прямо в глаза, в эти сокровища, найденные в гиблом месте, и сердце его сжалось от безысходности.

— Но только, если выживешь после крещения. И не станешь рабом… крестителя.

— Но ведь не все, кто пережил это, становятся такими как ты?

Волк нахмурился.

— Не все. Потому каждый, кто понял, что может бороться, и знает про нас, — а про нас нельзя теперь не знать, — становится перед выбором. Искать смотрящих или искать куда бежать. Правда, одного крещения всё же мало.

— А что ещё нужно?

— Если ты просто способен пережить кисель, то можешь быть полезен в любом подсобном деле. Ты видела базу, забот у нас много, хотя мы и стремимся максимально упростить жизнь. Но чтобы быть на периферии, чтобы сражаться и, что самое главное, побеждать, пусть хотя бы и лишь в схватках, смотрящий должен быть быстр. Его реакция должна быть на порядок лучше, чем у обычного человека. Иначе он устанет вылезать из киселя. А это всё равно не проходит бесследно. После десяти-пятнадцати контактов начинаются необратимые изменения в клетках. Это что-то типа рака, только гораздо быстрее и мучительнее. Так что «хочешь жить — умей вертеться» — это точно про смотрящих.

Они снова помолчали вместе.

— И поэтому мы чаще всего одиноки.

— Одинокие волки…

Он обнял жену, да так сильно, что её суставы хрустнули, и она ойкнула от боли.

— Прости, милая, — он тут же ослабил объятия и погладил её. — Я так хочу, чтобы ты всегда теперь была рядом. Не могу отпустить тебя.

— Так и не надо, Волчик.

— Надо. Я не могу потерять тебя, едва найдя. А там, куда я собираюсь, крестителей этих проклятых, пожалуй, больше, чем я видел за всю войну. И я боюсь, что хоть один из них да доберётся до тебя, как я ни бейся и ни старайся. И тогда…

— Что тогда?

— Боюсь даже представить.

Лара нахмурилась и прижалась к Волку.

— Я всё равно буду с тобой. Я не боюсь.

Волк зажмурился, чтобы сдержать навернувшиеся на глаза слёзы.

— А я боюсь. До ужаса боюсь за тебя. Давай пока не будем об этом. Сначала я думал, как это будет здорово: ты станешь моей напарницей, и мы всегда будем вместе, но потом… — Он замолчал и стал вдруг мрачнее тучи, вспомнив что-то. Лара сразу почувствовала это и погладила его по руке.

— Что с тобой, Володя? Что-то случилось?

Волк ответил не сразу и как-то через силу.

— Я уже терял слишком много в этой войне.

Лара молчала, не желая насильно выдавливать из него прошлое. Она понимала, что если захочет, он сам расскажет.

— Жена. И дочка. — Он вздохнул. — В самом начале, когда у нас про смотрящих ещё и не слыхивали. Я тогда машинистом Киевской подземки работал. Мы после работы в кино хотели пойти все вместе, потом в кафе и всё такое, Мария всё жаловалась, что Ленусик отца живьем и не видит, я всё на работе да на работе. А у нас тогда аврал случился, новые линии междугородки открыли, и поезда — новье, «ЭГС-600», только с завода, а водить некому. С этими агрегатами, на силовой подушке, только я да ещё с десяток парней во всём Киеве умели управляться, допуск имели. Зашивались, в общем. Вот они и пришли в тот день к прибытию моему встречать поезд, вечером, в семь. Я через лобовое смотрю, они стоят в конце платформы на Харьковской, где вокзал, Ленусик ручонками машет, неслышно так «папа, папа!» кричит. А Маша рядом стоит, в красивом голубом платье, том, что я больше всего любил, дочку за плечи придерживает, чтобы с платформы от радости не сиганула, и улыбается. — Волк снова замолчал, как-то ссутулился и словно стал меньше в размерах. — И тут вдруг, как в каком-то кошмаре, без предупреждения, объявлений, со всех сторон замелькали эти куски слизи, люди стали кричать, падать,

бежать, толкаться, сплошное месиво какое-то началось, а поезд катится, вяло тормозя, и я поделать ничего не могу, автоматика проклятая всё сама делает, только в окно бьюсь и ору как конченый псих. Маша как увидела, что вокруг творится, Ленку на руки подхватила и, умница, ко мне, к кабине побежала. Я уж и дверцу свою распахнул, чтобы их затащить и захлопнуть, может и отсиделись бы, кабина прочная у этих «эгээсов»…

Он снова замолк и опустил голову ещё ниже, уткнувшись подбородком в мощную грудь. Лара погладила его по могучей голове, потеребила жёсткий ежик волос.

— Не успел, — буркнул Волк куда-то себе в волосатую грудь. — Каких-то три метра оставалось, я уже тянулся, чтобы за руку её схватить. Уж я бы удержал! — он с силой сжал огромный кулак. — Проклятый розовый сгусток облепил их обеих вместе, девочек моих, и это нежно-голубое Машино платьице… И утянул, гад, вниз, на рельсы, прямо под кабину. А поезд ещё двигался! Я дёрнул стоп, выскочил на платформу… но уже всё. А потом меня сразу трое плевков этих поганых одновременно залепили и отключили меня. Как потом выяснилось.

Они долго сидели молча. Лара сильно сжала его ладонь обеими руками и не отпускала. Потом Волк вдруг спросил её:

— Ты знаешь, сколько женщин среди смотрящих?

Лара пожала плечами, своими тонкими обнажёнными плечиками с нежной шелковой кожей. Волк зажмурился от ужаса, представив их в жутком розовом киселе, разъедающем эту чудесную кожу, останавливающем дыхание и сердце его единственной, превращая её в… Он резко мотнул головой, прогоняя мерзкое видение.

— Две. Может, три. Одну из них ты знаешь.

— Надя?

— Да.

— Она тоже прошла через это?

Волк ответил не сразу, он задумался, как объяснить Ларе уникальность единственной женщины-смотрящей, которую он знал. Пауза затянулась, и Лара внимательно посмотрела на мужа.

— Что-нибудь случилось, Володя? Ты что-то вспомнил?

— Нет-нет, милая моя, всё в порядке. Понимаешь, с Надей случай особый. У неё очень необычные способности. Она засекает этих гадов

ползучих на расстоянии, что в нашем деле очень полезно. К тому же, как выяснилось, она даже способна короткое время управлять ими. Перехватывать бразды, так сказать, у верховодов. В общем, сущий подарок, а не женщина, у приятеля нашего, Ирбиса. И только сейчас я начал понимать, каково ему жить с этим страхом…

— А почему «Ирбис»?

— Не знаю, любит больших кошек, должно быть.

Лара сморщилась. Волк удивлённо вскинул брови.

— Ты не любишь кошек? Так не бывает. Все девушки любят кошек.

— Бывает, — усмехнулась она. — А я люблю собачек разных. Волков, например, особенно. — Лара снова обняла его. С минуту они молчали.

— А как его зовут? — спросила она вдруг, чуть отстранившись и посмотрев в глаза мужу. — Ну, как у вас говорят — звали раньше?

— Мы говорим о прежнем — «нулевое имя». А Ир… Не знаю. Всё как-то не было случая спросить. Да и не принято это у нас.

— Хм, нулевое имя, — повторила Лара и наморщила лоб. Волк залюбовался любимой. — Странное звучание. Но со смыслом. Вроде как — ничего теперь не значащее. Да?

— Молодец, пушинка. В самую точку.

— Почему же вы тогда иногда допускаете называть себя прежним именем? Вот ты позволяешь мне называть тебя Володей.

— Потому что я люблю тебя, девочка моя.

Он помолчал немного и добавил:

— И потому что мы — люди.

*** * ***

Каждый раз в начале сеанса в сонном сознании (или подсознании?) сперва появляется белая яркая точка на чёрном фоне. Ненавижу её. Она расширяется передо мной до размеров воздушного шарика, внутри секунд десять что-то малюется всеми красками с невероятной скоростью. Потом резко проявляется собеседник. Шеф. Полковник Обсоков, Александр Михайлович. Плотный, маленький, лысый. Но умный, собака. Да, пожалуй, уже и не полковник, бери, что ли, выше. Прежние генералы все теперь где-то в атомах радиоактивной пыли по Московской пустоши распределены. А может и не генерал, спросить противно, а сам не скажет, скромный. Почти генерал смотрит на меня

маленькими, острыми, близко посаженными серыми глазками и говорит:

— Просыпайся, Лара, просыпайся, девочка моя. Пора на доклад.

Я что есть силы зажмуриваюсь, но всё тщетно — шарик не пропадает. Шеф грозит мне маленьким толстым пальчиком, потом им же манит меня к себе. Повертевшись ещё пару секунд из вредности, отвечаю.

— На связи, товарищ полковник, — язва во мне требует маленькой мести. Обычно я зову его «шеф». Если повысили, то хотя бы поморщится, а то и выговор сделает. А я ещё позлорадствую. Тоже мне генералы, с ошметками армии и без правительства. А не повысили — тем более, больная тема.

Шеф непроницаем, но смотрит строго. Глянув куда-то в сторону, он ещё больше хмурится.

— Что ты делаешь в Ликамске? Разве твоё задание в Ромове выполнено?

— Продолжаю выполнение основной задачи. Образцы из Ромова получены. Документы… достать не смогла, город потерян. Строевская группа смотрящих практически полностью уничтожена противником.

Лёгкое шевеление белёсыми бровями.

— Знаю. Ты захватила образцы из Строево?

Он, оказывается, знает. Интересно, откуда? Тут до меня доходит: не иначе как в доблестном отряде Крайнова стукачок имеется. Ох, товарищ генерал-полковник! Ладно, это мы ещё выясним.

— Не успела. База полностью захвачена модифицированными и прозрачными.

— Плохо. Очень плохо, Лара! Ты знаешь, как нам нужны эти образцы. В кои-то веки смотрящие заполучили образцы тканей боевой единицы противника, и какой единицы! И успели заморозить. А лучший агент не успевает. Красота! И документы тоже! Это едва ли не самое главное!

Теперь хмурюсь я. Знал бы он, где сейчас эти документы, всю душу мне слюнями забрызгал бы через свой гадкий шарик. Проклятые бандюги! Угораздило же меня вырубиться в такое неподходящее время в этом фермерском клубняке, а теперь ищи-свищи ветра в поле. Рюкзак-то нашёлся, а вот папка исчезла… Но я продолжаю.

— Есть новости по основному направлению. Здешний профессор обнаружил закономерности на основе новых данных, в том числе тех, что сообщила моя… группа.

— Твоя группа? — Усмешка. — Эт-то уже интересно. Продолжай.

— Есть теоретическая возможность определить участки скоплений противника и выяснить что там происходит. Смотрящие планируют заброску добровольцев в ближайшую такую точку. Ну, это вы тоже уже знаете, так?

Снова строгий взгляд.

— В курсе. Что предлагаешь?

— Я присоединяюсь к группе, проникаю на территорию противника, по возможности выполняю главную задачу. Возможно, потребуется экстренная эвакуация.

— Обеспечим. Что ещё?

— Профессор намекнул, что всё так же жаждет заполучить образцы тканей верховода. А ещё лучше — живого…

— Ого! Круто взял. Куда нам с нашими бредовыми идейками.

— В этом, мне кажется, есть определённый смысл.

— Ей кажется! Смысл, конечно, есть. Только кто это будет делать? С варёными мозгами и против толпы обезумевших уродов много не навоюешь, Строево тому яркое доказательство. Ладно, если у смотрящих что получится, ты знаешь, что делать с образцами.

— Шеф…

— Что такое?

— Как быть с моей группой после получения образцов, документов и установки маяков?

Он внимательно смотрит на меня. Хитрый, гад.

— Ты что-то предлагаешь?

— Забрать с собой при эвакуации.

— Ещё чего! Может ещё раскрыться желаешь? В расход!

— Но шеф!..

Я что есть силы сжимаю кулаки.

— Тихо, тихо! Я тебя не узнаю, девочка моя. Ты там, часом, не влюбилась?

— Нет… всё нормально.

— Смотри у меня, — снова грозит толстым пальчиком. — Ладно, как говаривал маршал Лукашов, мир радиоактивному праху его, «не

всё человеческое мне чуждо». Железный был мужик… Так что проблемы твои понимаю, но соберись, элита! Проверяй всё, что можно проверить, не подходя к кассе. Запомни детали…

Неожиданно шарик начинает прыгать, дёргаться, да так, что мне становится натурально дурно. И так же внезапно где-то на краю сознания я слышу знакомый и такой уютный голос…

— Шеф, отключаюсь, муж зовёт, разбудила, наверное.

— Какого чёрта! Какой, к бесу, муж, Лара?! Требую…

И я проснулась. Могучая Володина ладонь объяла моё хрупкое плечико и с дециметровой амплитудой перемещала его в воздухе, и иже с ним всё моё бренное тельце. Врагу бы такой выход из сеанса! Будь они все прокляты со своей секретностью…

— Лара, что с тобой? Что-то приснилось?

Я не очень успешно попыталась сфокусировать на муже взгляд расслабленных сеансом глаз. Володя встревоженно смотрел на меня, в глазах его я различила обычную мужскую панику, пасующую перед очередным непонятным женским психозом. Немудрено! Правда, я вроде до сего момента не злоупотребляла этим. Ох, мужчины!

— Ты порвала простынь, малышка.

Я взглянула свои руки. В чужих, таких непослушных кулаках были зажаты неровные куски непонятной серой ткани с рисунком в виде каких-то нелепых выцветших розовых цветочков. Наверное, целую минуту я тупо смотрела на эти «салфетки» и на побелевшие костяшки, потом, наконец, опомнилась, с трудом разжала немые пальцы, которые никак не хотели выпрямляться, и обняла взволнованного мужа. Да уж, есть от чего испугаться!

— Прости, милый. Кошмар приснился. Такое иногда со мной бывает.

Хорошо, что проклятый имплант блокирует речевую деятельность во время сеанса, а то грош цена была бы такой конспирации. Володя нежно погладил меня по спине, так, как я люблю. И как я люблю эти ладони!

— Хочешь рассказать?

— В другой раз, Володенька. В другой раз.

Как хорошо, что они не делают больше одного сеанса в три дня! Нельзя, иначе конец мозгам, да и имплант этого не позволит.

Когда Володя, наконец, снова заснул, я упала лицом в подушку и беззвучно зарыдала.

* * *

Волк, Лара, Ирбис и Надя зашли в пустой кабинет Бригадира и расселись на удобные места, ожидая владельца. Любит Крайнов заседания устраивать, — подумал Волк. Как ещё всех остальных бойцов не позвал. Порассуждать, перелить из пустого в порожнее, о судьбах родины и человечества в нашем секторе.

— Как думаешь, зачем он нас сюда позвал? — спросил его Ирбис. Волк пожал плечами.

— Ручаюсь, опять будет уговаривать на что-то ещё более героическое. Такова его карма. — Он немного подумал и добавил: — Или чакра. Не силён в этих терминах.

Ир усмехнулся, Надя тоже украдкой улыбнулась. У них сложились похожие впечатления о личности Бригадира.

На столе вдруг резко ожил переговорник внутренней связи. На маленьком экранчике появилась физиономия Крайнова.

— Привет. Все собрались, ребята?

— Да, — ответил Волк за остальных.

— Уверен, вы хотите мне сообщить что-то очень приятное, прежде чем я расскажу вам новости.

Волк усмехнулся. А ты умён, Бригадир, — подумал он и ответил:

— Есть такое.

Бригадир осклабился.

— Итак?

Волк оглядел свою команду и после небольшой паузы ответил:

— Наш ответ: мы согласны.

— Готовы идти всей группой?

— Да.

От последнего слова Ир дёрнулся, стиснул зубы и посмотрел на Надю. Та отвела глаза и уставилась на большую трещину, рассекшую надвое голую крашеную голубой краской стену кабинета.

— Ирбис?

Смотрящий молча кивнул и отвернулся в сторону.

— Хорошо… И почему вы думаете, что сгодитесь? Дело-то рисковое до невозможности.

— Мы после Ромова и Строево сработались в хорошую крепкую команду и хорошо узнали местность. Кто кроме нас там сориентируется? И Надя у нас… — Волк осёкся и взглянул на Ирбиса. Тот уперся взглядом в пол и не шелохнулся.

— Хорошо. Это очень хорошо. Значится вот как… — Крайнов вдруг слегка нахмурился. — А ведь кроме вас только ещё двое парней вызвались. И то… Совсем зелень, куда уж… Н-да. — Он хмыкнул и снова повеселел. — Так что, Волк, я вынужден, под твою величайшую ответственность, одобрить вашу двойку. — Он строго посмотрел с экрана на Лару. — Итак, девушка, с сего момента числитесь внештатным сотрудником.

Лара улыбнулась и понимающе кивнула.

— Я польщена доверием.

Волк взял её руку и крепко, но нежно, сжал. Бригадир продолжил:

— Ну, я рад, что с одной проблемой мы, считай, разобрались. Но не только об этом я хотел с вами потолковать. Тут у нас планы чутка изменились, поэтому, смотрящие, поднимайте сейчас свои упругие пятые точки, двигайте к лифту в западном крыле и спускайтесь в самый низ, в подвал. У шлюза дежурит строгий и неподкупный Сокол, но вас он пропустит, там я вас и встречу.

Смотрящие переглянулись и дружно встали.

— Да, Волк, захвати с собой жену. Информация закрытая, но в свете последнего события… Думаю, ей тоже будет интересно и полезно посмотреть и послушать.

— На что посмотреть? — спросил обеспокоенно Волк.

— Там увидите. Отбой.

В подвале здания, где обосновались смотрящие, было сыро и сумрачно. Свет шёл только от одинокой зарешеченной лампочки на потолке прямо перед выходом из лифта.

Волк с удивлением потянул носом. В воздухе непривычно пахло свежим табачным дымом. Задумчивый Сокол сидел за старым потёртым столом в тёмном закутке, не иначе — прежнем посту охраны, о чём свидетельствовала и покосившаяся вертушка, неровно делившая проход надвое. Пожилой смотрящий взгромоздил безразмерные ноги на угол стола и пускал в воздух замысловатые кольца сигаретного дыма. Завидев гостей, он рукой с зажатой в ней сигаретой указал смотрящим в проход за вертушкой.

— Вторая дверь налево. Пароль — три зелёных свистка. — Сокол хитровато улыбнулся во весь свой большой жёлтозубый рот, как рыбаеж оттопырив жёсткую седую щетину на округлившихся щеках и подбородке. — Шутка.

Волк недобро поглядел на дымящуюся сигарету в его руке.

— Ты часом не сдурел, старый смотрящий? Не боишься заторможенной реакции и иммунодефицита? Нам они ни к чему.

Сокол ухмыльнулся, выпуская очередной бублик, и закашлялся.

— Да я так, вкус чтоб не забыть, — он кивнул на стол. — Пачка «Явы» в ящике валялась, — Сокол посмотрел на тлеющую сигарету и сбросил пальцем длинный хвост серого пепла на бетонный пол. — Искусительница.

Волк понимающе усмехнулся. Вертушка противно заскрипела, по очереди пропуская смотрящих. Третья дверь открылась, и из проёма в замшелый, пахнущий сыростью от влажных бетонных стен, коридор вместе с полоской яркого света выглянул возбужденный Крайнов.

— А-а, вот и наши орлы с орлицами пожаловали! — радостно воскликнул он, завидев четверку и призывно замахал рукой. — Ну, заходи, заходи, охотное племя. Кино посмотрим, кинцо интересное, весьма познавательное.

Его громкий голос гулко отразился от стен, и эхо побежало в тёмную даль длинного коридора. Крайнов завидел курящего Сокола и молча погрозил ему пальцем. Пожилой смотрящий снова нагловато ухмыльнулся и продолжил своё увлекательное занятие.

— Что ещё за кино? — хмурясь, спросил Волк, проходя в проём двери и, по привычке, чуть приседая и наклоняясь. Он за свою жизнь набил много шишек о косяки стандартной высоты.

В большой комнате без окон, освещённой светом мощных ламп, сплошь заставленной кучей каких-то старых приборов, пыльных шкафов, и среди бесконечных столов, заваленных толстыми папками для бумаг, восседал на высоком лаборантском стуле профессор Незаурядов и нетерпеливо шевелил кустиками бровей. Перед ним, на единственном более менее свободном столе одиноко высилась большая глыба дисплея компьютера, давно устаревшего, но, по своему виду, вполне рабочего.

— Вояки вечно пользуются такой рухлядью, что стыдно людям показывать, — махнул рукой на монитор Крайнов, — но работает,

этого не отнимешь.

— Приветствую, коллеги, — профессор сверкнул линзами очков в свете ламп, коротко кивнул и повернулся к экрану. — Присаживайтесь поудобнее, приступим к изучению материалов.

Смотрящие посмотрели по сторонам и расселись на такие же высоченные стулья с короткой спинкой, стоящие рядком посреди комнаты. Ирбис поерзал на круглом сиденье и попытавшись откинуться на куцую спинку, с улыбкой осознал, что эти стулья создавались отнюдь не для отдыха, а для долгой сосредоточенной работы в позе «мой лучший друг — микроскоп».

— Включайте, профессор, — торопливо потребовал Бригадир, боясь рецидива внеочередной затяжной вводной лекции.

— Минуточку, запускаю.

На выпуклом экране в углу на чёрном фоне появился таймер, затем возникло чёрно-белое изображение какой-то странной комнаты без окон, с голыми стенами. В комнате было совершенно пусто и сумрачно. Камера поехала вдоль стены, потом стала поворачиваться, управляемая невидимым оператором, и неожиданно в дальнем углу обнаружился человек, сидевший на корточках, прижавшись к стене. Человек был маленького роста, худой и почти голый, в одних трусах. Ему, наверняка, было холодно, он ежился, обхватив себя руками и затравленно озирался.

Внезапно человек резко встал, вжался в стену и широко открыл рот. Звука не было слышно, но Волк догадался, что человек истошно кричит, выкатив глаза и вцепившись ногтями в гладкую твердую стенку, не в силах пошевелиться от ужаса. С другой стороны экрана к нему быстро приблизилось нечто бесплотное и стремительное. Привычным взглядом Волк угадал в этом летящем сером сгустке деформирующуюся пятнашку. В следующую секунду всё было кончено. Человек, облепленный серой дрянью упал и, дёргаясь, затих в углу.

Надя тяжело вздохнула. Ирбис обнял её за плечи и украдкой взглянул на подругу Волка. Лара спокойно смотрела на экран. Волк лишь пожал плечами.

— Ну и что? Сняли на камеру процесс? Вот и всё достижение?

Крайнов развёл руками.

— Погоди, не торопись.

Незаурядов недовольно пошевелил бровями.

— Это ещё не конец. Смотрите.

Неожиданно в кадре появился ещё один человек, на этот раз облаченный в странный костюм, похожий на скафандр космонавта, только тёмного цвета. Его спина в кадре попала под свет лампы и на ней стала видна светлая надпись «Панацея». Разглядев надпись, Лара резко дёрнулась, но тут же взяла себя в руки и снова невозмутимо застыла. Краем глаза она посмотрела на окружающих. Все внимательно смотрели в экран, и никто не заметил её странной реакции на увиденное.

Человек в скафандре с загадочной надписью подошёл к лежащему телу и наклонился над ним. В его руке возник предмет, похожий на шприц, и «космонавт» сделал укол заражённому. Затем он вышел из кадра. Изображение моргнуло и время, бегущее в углу экрана, перескочило на пятнадцать минут вперёд. Человек, лежащий без движения, вдруг зашевелился и сел. Он помотал головой из стороны в сторону и обхватил её руками, как-будто она у него сильно болела. К нему осторожно подошли двое в скафандрах и, поставив его на ноги, стали поливать водой из шланга. Человек не сопротивлялся, только старался прикрыть гениталии от прямого попадания струи. Закончив эту процедуру, они завернули его в какую-то простыню и попытались увести куда-то за пределы кадра. Внезапно человек схватился за левую сторону груди и резко обмяк, повиснув на руках сопровождающих. Те опустили подопытного на пол и что-то вкололи, а затем попытались привести его в чувство. Наконец, человек снова очнулся и с трудом поднялся на ноги. Экран погас.

Все некоторое время молча смотрели на монитор, словно ожидая продолжения.

— Нет, ну каково, а? — Крайнов снова развёл руками и взглянул на смотрящих. — Мы тут мучаемся, стараемся, из кожи вон лезем, пытаясь заполучить образцы для исследования, сколько ребят угробили. А вояки себе спокойненько опыты ставят на живых людях, и даже какие-то препараты испытывают. А?! Что скажете?

Волк пожал плечами.

— Что тут скажешь? Я ожидал чего-то подобного. Хотя есть и странности.

— Например?

— Это помещение в кадре не похоже на лабораторный бокс. Скорее, это было нечто вроде полевых испытаний в боевых условиях. Всё-таки я не думаю, что им удалось поймать хотя бы одну пятнашку. Если уж и нам это пока не под силу. Заманили где-то на периферии на живца, а потом под общий шумок свалили. Тем более…

— Я согласен с тобой, Володя, тем более что есть другая информация от смотрящих, кстати из Московской группы, — Крайнов выразительно взглянул на Ирбиса и Надю. Ирбис непонимающе пожал плечами.

— А именно?

— Смотрящие сообщали о нескольких таинственных исчезновениях наших ребят, причём в ситуациях, когда причиной не мог быть противник. А один раз на месте исчезновения были обнаружены странные предметы.

— Какие предметы? — спросила Надя.

— Пустой шприц и разряженный милицейский электрошокер.

— Ничего не понимаю, — снова пожал плечами Ирбис, — и как это связано с этой записью? Кстати, где вы её нашли?

— Здесь, в армейских научных архивах. Точнее сказать, восстановили со стёртого носителя. Это заслуга профессора.

— Это постарался мой ассистент Виталий, — вставил Незаурядов, — он уже две недели не вылезает из этого подвала. Нашёл очень много интересного, в том числе и эту запись.

— Так вот, по поводу записи и пропажи. — Крайнов хлопнул в ладоши. — Ситуация следующая. Военные, а точнее — некая секретная служба, предположительно, военная разведка, но возможно и СБОР, — кой чёрт, у нас они двадцать лет как снова все вояки, даже если всю жизнь ходят штатском, — короче, кто-то, имея хорошую базу, активно исследует и проводит эксперименты на людях в условиях оккупации, не гнушаясь использовать в этих экспериментах неизвестные препараты предположительно боевого применения на тайно захваченных гражданских и даже смотрящих. Если вы заметили, на записи видно, что подопытному вкололи какой-то препарат. По некоторым признакам можно предположить, что человек в кадре не является смотрящим. Таким образом имеет место разработка некоей вакцины против заражения пятнашкой.

— Я обратил на это внимание, Бригадир, — сказал Волк, — но, честно говоря, я не уверен, что подопытный не был смотрящим.

— Такой тщедушный и слабый?

— Он мог быть истощен намеренно или болен. Или был чем-либо испытан… ранее.

— Я понимаю, о чём ты, — Крайнов перевёл взгляд на профессора. — Семён Альбертович, покажите дополнительные находки.

Профессор на удивление молча протянул Волку плотную серую папку без надписей с кучей бумаги внутри.

— Что это? — спросил Волк, беря в руки папку и начав листать.

— Сведения о разработке вакцины против заражения амиттоморфом под кодовым названием «Панацея-12». А также у нас есть информация о названии всего проекта — «Панацея» — и о том, что есть другие разработки. Судя по содержимому этой папки, «Панацея-12» лишь промежуточный и довольно неудачный вариант, и что основные усилия были направлены на ветвь проекта под кодовым названием «Панацея-17». Кстати, диск с этой записью, — профессор ткнул пальцем в экран, — был помечен маркером как «П-17-134». Наводит на размышления.

Смотрящие переглянулись. Лара с каменным лицом неподвижно сидела на стуле, не издавая ни звука.

— Это всё хорошо, профессор, но как это поможет нам в нашем деле?

— Догадайтесь, в каком НИИ разрабатывалась ветка «семнадцать» до эвакуации? — заиграл плечами, сцепив руки, Крайнов. — Есть варианты?

Волк пожал плечами.

— Постойте, — вдруг сказал Ир, — в Ромове есть один чего-то-там-химический НИИ, я в нём наших бойких дедов встретил… Чёрт!

— Молодец, смотрящий, соображаешь.

— Дьявол и все его демоны! — пробурчал Волк и посмотрел на молодую жену. Та, заметив его взгляд, вымученно улыбнулась ему.

— Так что, ребята, придётся вам заглянуть туда непременно. — Крайнов развёл руками. — Раз уж всё равно, с болью в сердце, вас туда отправляем. Такие дела.

— И что нам там искать? — спросила Надя.

Крайнов взглянул на Незаурядова. Тот пошевелил кустиками бровей и ответил:

— Образцы, документы, всё, что касается «Панацеи-17». Имеются сведения, что нормальную эвакуацию оттуда провести «забыли». Шутка ли, с таким планом и спешкой… Считай, единственный город, откуда смогли эвакуироваться почти стопроцентно, но очень уж быстро.

— Час от часу не легче, — пробормотал Ирбис.

— Ваша заслуга, в том числе. Я про эвакуацию.

— О-хо-хо… Где та дурная голова, что нашим ногам покоя не даёт? — спросил кого-то Волк, со вздохом спрыгнул с высокого стула и, по привычке, стал прислушиваться к ощущениям в ноге. Вопрос остался без ответа, и смотрящие, последовав примеру старшего, молча направились к выходу.

— Ну и самое главное, ребята, личная просьба! — Бригадир, словно не заметив неловкой паузы после колких слов Волка, развёл руки в стороны, словно желая обнять со спины всех сразу. — Вернитесь все живыми, ладно?

*** * ***

Зулус выглядел скверно. Они с Джеем заперлись в кладовке уборщицы, тёмной и тесной, но главное — без окон и с маленькой вентиляционной отдушиной. Но перед этим не меньше трёх пятнашек облепили его широкую спину, впиваясь в его тело в надежде подчинить такой заманчивый крупный объект. Сорс, вопя от натуги втащил огромного обмякшего напарника в бетонную клетку и захлопнул тяжёлую как у сейфа дверь. Нтонга склонился над раковиной, в которой уборщица обычно мыла тряпки, — его начало тошнить.

— Сейчас, Тон, сейчас… — Сорс скинул с плеч худой рюкзак и быстро порылся в нем. Найдя маленькую фляжку, он подождал, когда Зулуса перестанет тошнить, быстро отвинтил крышку, обхватил голову друга и влил содержимое алюминиевой емкости в рот. — Вот. А теперь отдохни, до рассвета всего час. Дверь тут крепкая, стальная, и патроны ещё остались. — Сорс похлопал дверь ладонью. — Судя по такой броне, тряпки и порошок были тут на вес золота. Хорошо, что дверь оказалась не заперта, а то конец бы нам уже настал.

Зулус тяжело дышал, прикрыв глаза дрожащими веками, и не отвечал. Но Сорс не обижался на друга. Он на своей шкуре не раз испытал всю тяжесть отравления розовой заразой. А тут тройной заряд! Даже мощному Зулусу это было впервой, и Джей не был уверен, переживёт ли друг такую мощную атаку.

Массивная дверь со спокойной стойкостью держала удары, которые почти не прекращались до самого рассвета. То что он наступил, Сорс понял, когда вдруг прекратилась непрерывная возня за дверью и он услышал удаляющиеся недовольные стоны. Джей посмотрел на Зулуса. Тот был весь серый. Дыхание его стало учащенным.

— Был бы ты белым, Тон, я бы сказал, что ты весь синий. Плохо дело, брат. — Сорс покачал головой и потряс в руке пустую фляжку из-под спиртного. — Тебе срочно надо дополнительную порцию.

Он достал «рапу» и, собравшись с духом, повернул ручку замка и осторожно приоткрыл дверь в коридор. Коридор был светел от яркого утреннего солнца, светившего прямо в огромные окна напротив кладовки. Сорс повернулся к Нтонге и сказал:

— Подожди немного, Тон, я пойду, пороюсь на этажах. Должна же быть в этом проклятом бизнес-центре хоть какая-нибудь комната для высоких переговоров. А там обязательно найдётся выпивка для важных клиентов. Я мигом!

Зулус едва заметно кивнул. Сорс выскользнул в коридор и быстро осмотрелся. Вокруг было светло и пусто, только со стороны лестницы, слева, уже тянуло смрадом от разлагавшихся тел. Джей решил пока не соваться на другие этажи и пошёл по коридору направо, дёргая каждую дверь, заглядывая в незапертые комнаты и оценивая офисные столы и шкафы на предмет наличия алкоголя.

— Лучше уж в марке отсиживаться, чем в этих долбанных хранилищах страховых полисов, — сквозь зубы процедил смотрящий, проверяя очередную дверь. Хорошо хоть, в здании не пользовались плотными шторами, и серые поспешили убраться в более тёмные места. А то было бы совсем уж тяжко, после такой-то ночи! И напарнику срочно нужен антидот, и, крайне желательно, натуральный и многолетней выдержки. И ещё очень-очень хочется спать.

Из-за очередной запертой двери вдруг раздался невнятный возглас, то ли удивления, то ли страха. Сорс быстро отступил и направил

пистолет на дверь, но тут же опустил оружие. Серые не умели бояться и, тем более, удивляться.

— Эй, есть там кто живой? — Сорс стукнул в дверь рукояткой пары. После секундного молчания из-за двери раздался странный шорох, а потом послышался слабый мужской голос.

— Да… есть. Я человек, не стреляйте.

Джей хмыкнул и пожал плечами.

— А почему ты решил, что я буду стрелять?

— Всю ночь стреляли… и чем-то хлюпали.

Сорс усмехнулся — звук «пепи» весьма непривычен для гражданских. Он снова подёргал ручку двери.

— Откроешь? Я смотрящий и не причиню вреда.

— Я боюсь. Вдруг они снова придут? А здесь безопасно.

Джей вздохнул.

— Они не ходят днём, тем более при солнечном свете. Послушай, друг, моему напарнику очень плохо, ему срочно нужен антидот. Если ты местный, может тогда знаешь, где тут хранится хорошая выпивка?

— Ваш антидот — это алкоголь? — спросил дрожащий голос из-за двери.

— Да, только не любой. Есть тут какой-нибудь бренди, на худой конец, виски или водка?

За дверью снова стало тихо.

— Эй, ты здесь, приятель?

Из-за двери раздались чуть слышные шаги и тихое бормотание, Сорс расслышал только что-то вроде «какая странная просьба в такое жуткое время».

— Как странно… Подождите, я сейчас открою. А-а, шайтан… где этот ключ?

Дверной замок щёлкнул, и дверь приоткрылась. Сорс удивлённо присвистнул.

*** * ***

— У нас большие проблемы, ребята.

Крайнов-мрачный сидел в своём потёртом кресле и тряс руками. Мне даже пришла в голову гениальная мысль, что, при правильном подходе, из его телодвижений можно было бы извлекать массу даровой

энергии. Я украдкой улыбнулся, прикрыв рот ладонью, и перевёл взгляд на Волка.

— Военные не дают транспорт и топливо. Ссылаются на отсутствие лишнего горючего и загруженность. Ну вот скажи, — спросил Бригадир, глядя на Волка, — какая, к чертям, может быть загруженность при отсутствии топлива? А?

Волк пожал плечами и вздохнул, а я снова усмехнулся украдкой: уж больно комично у Крайнова получалось с руками на этот раз. Хотя, если честно, смешного в нашем положении было очень мало.

— Ты сообщил им о том, что это дело считай что планетарной важности?

— Естественно! А они мне сразу: что за операция, цели, детали, почему не согласована с их, видите ли, командованием… Окопались там у себя в северных базах, думают их вся эта зараза не коснётся. Как же. Иногда мне кажется, что у них в головах не полноценное серое вещество, а рудиментарные костные придатки спинного мозга.

— Понять их можно, Сергей, — Волк обхватил затылок ладонями и с хрустом потянулся. — Вояки всегда хотели нас подмять под себя. Как это возможно — независимая группа действует под боком, а ещё просит транспорт? Станьте сначала подчиненными, а потом, внезапно: «Слушай приказ!» — он отпустил затылок и покрутил головой, разминая шею. — Примерно так.

— Да-да, всё верно… Похоже, они играют втёмную какую-то свою партию, — добавил Крайнов. — Вчера ребята из ночного дозора под утро слышали гул самолета, наверняка, военного и, судя по всему, ушедшего в сторону Ромова. Всё это очень странно.

Незаурядов, который до этого сидел неподвижно, поёрзал на своей боковушке у крайновского стола, пошевелил бровями и крякнул, привлекая к себе внимание.

— Есть, правда, друзья мои, ещё один вариант, несколько труднее и необычнее, но его реализация выглядит вполне вероятной.

Мы с Волком дружно развернулись в сторону профессора. Крайнов-угрюмый на него не взглянул и сидел неподвижно, уставясь на свои руки, будто впервые их видя.

— Как вы, очевидно, знаете, человечество, с тех времен, как себя помнило, желало покорить небо, научиться летать подобно птицам. И с момента появления первых самолетов желание это как-будто начало

осуществляться, но, тем не менее, реализация на протяжении многих лет оставалась весьма громоздкой, ресурсоёмкой и ненадёжной. Впрочем, и до сих пор, с некоторыми улучшениями, проблемы эти сохраняются. Даже разработка последних лет — летающие, вернее сказать, прыгающие гибриды — весьма далека от исполнения сказочной мечты. А в условиях нынешнего кризиса, в том числе и топливного, человечество, вроде бы едва научившись, снова и очень быстро разучилось летать.

— Семён Альбертович, ну сколько можно уже, — Крайнов-раздражённый громко схлопнул лопаты ладоней, — не на лекции, в самом деле.

— Серёжа, — Незаурядов строго посмотрел на Бригадира, — не мешайте вводить ребят в курс дела. Пусть проникнутся силой момента. — И продолжил, глядя на нас как на студентов. — Так вот, не смотря на достигнутый прогресс, в своё время… Кстати, это всё события новейшей истории, в своё время нашлись люди, недовольные тогдашним положением вещей касаемо осуществления всеобщей мечты человечества. Среди этих, несомненно, лучших представителей человечества стоит выделить особо Ивана Химото как открывателя основополагающего, базисного, принципа взаимодействий, а также Альфреда Коэна как великого практика, реализовавшего данный принцип применительно к летательным аппаратам гибридного типа. Как вы, вероятно, знаете, эти аппараты на тяге так называемого силового поля — нового вида энергий, открытого Химото, стали довольно широко использоваться в начале нулевых. Но у них был один довольно существенный недостаток — привязанность к стационарному полю, генерируемому статическими установками поля. То есть, по сути, как и поезда в линиях подземки, эти аппараты хотя и могли летать, но только по строго заданному маршруту с имеющимися на нём этими самыми установками, пусть и с возможностью осевого смещения в пределах действия поля, порядка пятидесяти метров вверх и…

— Извините, профессор, — я рискнул перебить непрерывный поток, вспомнив протяжённость записанного моим задачником доклада о мировой ситуации, — это всё очень интересно и освежает в памяти школьные познания, но какое это имеет к нам, смотрящим, и нашей проблеме, в частности?

Незаурядов строго посмотрел теперь и на меня и взыграл бровями.

— Обретите терпение, молодой человек! Безусловно имеет, и очень даже непосредственное отношение.

Я хмыкнул и заткнулся. Он вдохновенно продолжил.

— Э-э… на чём я… Ах, да. Так вот, хотя война и внесла значительные коррективы в развитие науки вообще и технологий перемещения в частности, ей не удалось полностью прекратить это развитие. Помимо прочих задач я и моя группа занимаемся сбором и сохранением информации о различных перспективных разработках. Это, кстати, одна из причин, почему мы присоединились к вам, друзья смотрящие, — у нас близкие цели. После гибели Всемирной сети, в просторечии — оллнета, эта задача в настоящее время является весьма нетривиальной… Как вы, надеюсь, понимаете, такая работа необходима, чтобы сберечь всё, что остается ценного в отношении накопленных знаний от нашей, к сожалению, как показывает текущая динамика, гибнущей цивилизации. Собирая информацию помимо уже предоставленных вам важнейших сведений о проекте «Панацея», в том числе и о конкретной проблеме, озвученной мною ранее, нам удалось вскрыть базу данных здешних армейских архивов и обнаружить кое-что весьма интересное. Три года назад, в одном довольно секретном НИИ в Чингирске, да-да, снова НИИ и который раз секретном, естественно, по причине заинтересованности военных структур, был разработан и успешно протестирован летательный аппарат на силовой тяге, не требующий наличия статического поля на маршруте.

— Вы хотите сказать… — вырвалось у меня вместе с уползшими наверх бровями. Волк, хмурясь, недоверчиво смотрел на профессора.

— Да, я хочу сказать, что им удалось создать полностью автономный летательный аппарат на тяге силового поля с компактным безопасным ядерным реактором в качестве источника и преобразователя энергии поля. Заряда плутония, заложенного при начале испытаний, оценочно должно хватить на два-три года использования. Очень интересно было бы взглянуть, каким образом в системе функционирования реализован эффективный и безопасный отвод тепла…

— Вы хотите сказать, что это корыто *ядерное*? — не выдержал в свою очередь Волк.

— Я уже упомянул, что реактор, в отличие от прежних аналогов, полностью, подчёркиваю, абсолютно безопасен. Информации об области применения обнаружить не удалось, вернее, она оказалась засекречена, а ссылки ведут на недоступные нам архивы. Вполне возможно, даже, что речь шла о разработке особого транспорта для высших чинов руководства…

— И как это поможет нам? — я посмотрел на Крайнова.

— Так и поможет, — пожал плечами тот, словно дело обстояло так, что очевиднее некуда. — На этом «корыте», кстати, способном делать двести километров в час на средней высоте порядка ста пятидесяти метров, можно рискнуть добраться до нужного нам места и сделать нужное нам дело. Конечно в черте города придётся передвигаться аккуратно, трёхсотметровую этажку вряд ли удастся перепрыгнуть, разве что запрыгнуть при достаточной площади крыши…

— Постойте, — снова вклинился опешивший Волк, — вы что, серьёзно полагаете, что на этом экспериментальном ведре, на котором никто дальше стартплощадки не летал, к тому же снабжённом как бы *ядерным* зарядом, натурально можно добраться до Ромова? Напрямую, через тайгу и степь?

Крайнов вздохнул и взмахнул плечами.

— А у тебя есть ещё варианты? Когда у нас на всю базу топлива, вместе с вашим пикапом, девяносто литров? Вояки совсем озверели, последние перегонные заводы в Чингирске встали… Я тут ума не приложу, как ребят из ближайших точек прорывов эвакуировать…

— Пикап не наш, дедовский.

— Всё одно. Когда все дороги на поверхности соединяют только гиперы и мультики, и соответственно, либо на юге уходят в районы Беспредельщиков, либо на западе в самые центры радиоактивных пустошей средней полосы? К тому же…

— Что «к тому же»? Ещё что-нибудь не «слава Богу»?

— К сожалению, да. Позавчера Чингирск начал экстренную эвакуацию по причине внезапного увеличения численности пятнашек. А до него, сам знаешь, отсюда всего пятьсот кэмэ. Редкий мультик так близко бывает к другому, тем более у нас. Чёртов жилой зауральский треугольник вокруг нефтянки…

— Как? Уже? Так быстро? — я оторопело взглянул на него, затем на Волка. Тот стал мрачнее тучи. Трех суток не прошло как мы

приехали…

— То-то я смотрю, в городе беженцев прибавилось, — протянул Волк.

— Кто заряд на Чингирскую закладывал? — вдруг строго спросил Бригадир.

— Я, — хрипло каркнул оторопевший Волк и откашлялся. Повисла мерзкая тягучая пауза. — Мы с Нандом и ещё двое парнишек Беса. С датчиками, на случай отхода, как обычно. Все четырнадцать известных основных каналов на север.

— Возможно, датчики не сработали, сам знаешь в каких условиях работали, — поспешно вступился я за друга, соображая, что к чему. — Или состав слишком крепкий на своде оказался. Чёртовы финны!

— И ловушки тоже не сработали? И маячки? Все четырнадцать штук?! — Волк зыркнул на меня и вцепился зубами в указательный палец сжатого кулака. Я вдруг вспомнил Строево.

— Слушай, Волк… Помнишь, ты говорил, что они трупы стали под землю уносить.

— Ну?

— Может, из-за этого датчики не сработали. Задачник на руке кого-то из наших…

— Что же, они эти трупы с собой везде таскают, что ли? Хреновина какая-то.

— Или задачник с руки сорвали…

— Как сороки поганые, стащили, что блестит? Ну не могут же они настолько сообразительными быть! Они ведь никогда не используют нашу технику, оружие! Даже серые. А если такие разумные, то почему на контакт не идут? Незачем? Может, они нас самих вообще за разумных не считают? Кто мы для них — чисто расходный материал?

— Ладно, чего теперь гадать, — Крайнов благоразумно не стал накалять наши измотанные нервы. — Маячки-то как раз сработали, ещё два дня назад, хоть, правда, и не все. Уже то хорошо, что в Чингирске тот сигнал сразу получили и начали заваливать со своей стороны Ромовский тоннельный комплекс. Эвакуация в городе начата. Но там в этом смысле гораздо хуже чем в Ромове — слишком много каналов, близких между собой. В Чингирске располагается основная ремонтная база здешней краевой Подземки. Это значит, что там под землёй куча ремонтных депо, поэтому на много километров от города понаделано бессчётное количество тоннелей. И, вдобавок ещё, сравнительно мягкий грунт, а значит своды укреплены вдвойне. Плюс множество естественных полостей в грунте — карстовые пещеры и такое прочее, особенности местности, так что твари в миг найдут обходы. Я смотрел схемы — там просто ад, а не подземка, куда там Данте с его жалкими девятью кругами. Ладно, вернёмся к сути вопроса. Так вот, как только там забили тревогу, вояки НИИ этот тоже полным составом отправили дальше, минуя нас, на север, на закрытые правительственные базы. Естественно, всё неподъёмное и экспериментальное оборудование они побросали, я на днях связывался с нашими там, они проверили, аппарат стоит в ангаре. Но управлять им без обучения сможет только имеющий навыки управления гибридами. Опасные новые штуки, мало кто умеет.

Крайнов, а вслед за ним и остальные синхронно повернули головы и выразительно посмотрели на меня.

— Принцип управления практически тот же.

Я сглотнул. Становилось всё интереснее. Как там говаривал Рома-сварщик у нас в гараже? Чем дальше влез, тем громче маты…

— Ну, надо так надо. Рискнем, зато с ветерком прокатимся. С тебя счётчик Гейгера.

— Там должен быть встроенный, — Крайнов снова нахмурился, хотя казалось, что больше, вроде, хмуриться было некуда. Брови его и так скрестились как сабли на старинном гербе. Я видел один такой, в

каком-то питерском музее. — Но на этом проблемы наши не закончились.

— Что ещё? — Недовольно буркнул Волк. На нём лица не было. Ещё бы! И так натерпелись мы с этим Ромовым, а тут ещё такой провал!

— Вчера связь с Чингирском прервалась. И до сего момента не восстановлена. Также пропала дежурная связь по техничке для диспетчеров и машинистов, — Крайнов многозначительно посмотрел на Волка.

— Ты хочешь сказать… — Волк стал весь белый.

— Я предполагаю худшее. От нашей городской электростанции питается только половина магистралки до Чингирска. Похоже на то, что их станция — того.

— Скольких не успели эвакуировать?

— Не знаю. Последние четыре поезда из двадцати трёх — все, что было в депо — не пришли. С десятью тысячами. И три состава пустые успели уйти туда. Семь машинистов, смелые ребята. Те, кто прибыл, говорят, что осталась ещё уйма людей — тысяч сто пятьдесят, не меньше. Но посылать туда поезда теперь — верное самоубийство.

У меня всё похолодело внутри. Что там творится сейчас в городе? А в этих застрявших составах? Остановиться или ползти в кровавой полутьме аварийного освещения посреди тысячекилометрового коридора со стенами бесконечной толщины, в сотне метров от поверхности, и ждать неизвестно чего и неизвестно откуда, не знать куда бежать и стоит ли, а позади — страх и смерть. Или рабство… И ребят-машинистов жаль. Надеюсь, там рядом есть какая-нибудь станция с выходом. Меня передёрнуло.

— Скорее всего, они уже все серые… — протянул Волк, терзая лоб большим и указательным пальцами. — Надо спасать хотя бы эти поезда!

— Ребята сейчас делают всё, чтобы вручную запустить аварийную генераторную подстанцию в нашу сторону. У вас другая задача!

— Но Сергей!.. — Волк весь пошёл пятнами.

— Я сказал, Володя! Если им понадобится ваша помощь, действуйте по усмотрению, а если не успеете забрать транспорт…

Волк резко развернулся спиной к Бригадиру.

— А если не успеете забрать транспорт, — тихо повторил Крайнов, глядя ему в спину, — тогда и людей в этих поездах уже не спасете, и операцию провалите. Вот так, Володя.

Все молчали. Волк медленно развернулся обратно. На Бригадира он не смотрел. Крайнов продолжил.

— Я распорядился о круглосуточном дежурстве у створа Чингирской ветки. Плюс — закладываем заряд на сорок километров, всё, что у нас осталось. Отправили в тоннель двух роботов с камерами, а ещё дальше — развед-жучков, их нашли здесь среди армейского барахла. Поезда пройдут — сразу взрываем всё к едрене фене. Но пока тихо, у них скорость на аварийке — кэмэ двадцать пять в час.

— Двадцать семь, — буркнул Волк.

— Ну да, тебе виднее. Так что придётся вам опять поверху гнать, причём как можно быстрее. Горючего даю только в один конец, уж не серчайте, с этим сейчас очень туго. В Чингирске было топливо у ребят, но как там сейчас… Ладно, отправляйтесь прямо сегодня, ночью, часа в три, чтобы там оказаться к утру, так больше шансов на успех. Заодно и обстановку проверите. В бой по возможности не вступайте! — Он откинулся на спинку кресла и запустил пятерни в жёсткую шевелюру. — Что происходит, не пойму! Группы гибнут одна за одной, города гнидами как орехи щелкаются… Не успеваем эвакуировать гражданских. Как в начале войны!

— Подожди ещё хоронить чингирских, — снова угрюмо пробурчал Волк. — Всё-таки почти пятьсот километров от Ромова. Возьмём рацию, если кого найдём, то обязательно свяжемся оттуда или отдадим ребятам. Или они к тому времени сами доберутся.

— А что военные? — спросил я.

— Должны были организовать эшелоны из грузовиков поверху. Представляю какая там сейчас давка на погрузке.

Я посмотрел на профессора.

— Профессор, есть хоть какая-нибудь инструкция к этому чудо-аппарату? Хотелось бы почитать для некоторого развития.

— Да, конечно. Я уже поручил ассистенту передать вам её по инлинку. — Он нажал на экранчик своего планшетика и произнёс: — Паша, отправляйте.

Задачник пискнул и принял данные. Оперативно, что ни говори, подготовились учёные. Нам бы ещё вот так подготовиться неизвестно

к чему.

— Так что там с точками, профессор? Удалось определить центры активности поточнее? — спросил Волк. — Неохота весь Ромов прочёсывать, даже на летающем аппарате.

— Да-да, конечно, координаты мы уточнили. Удивительно, но за пару дней до вашего прибытия мой ассистент уверенно фиксировал две точки. На данный момент даёт о себе знать только одна.

— И где она?

Профессор загадочно пошевелил бровями.

— Возможно вы тоже удивитесь и даже, может быть, обрадуетесь… хм… Центр находится буквально в нескольких десятках метров от нужного нам здания НИИ. Координаты я вам отправил на задачники.

Я взглянул задачник и вывел карту в проекцию.

— А почему точка указывает куда-то между зданиями института и что там у нас… оллмарк? Здесь вообще район стоянки автотранспорта.

Незаурядов пожал плечами.

— Это вам придётся выяснить на месте.

— Ладно. Волк, пойдём собираться?

— Пойдём, — Волк быстро встал, не морщась. Ногу ему хорошо подлатали. — Вот наши женщины обрадуются. Они ведь так хотели с нами ехать, хоть на край света. Долетим теперь с комфортом, должно быть.

Я с грустью посмотрел на него, а потом, с жаром, на этих двоих. Как я не хочу брать Надю в это пекло! Крайнов и профессор свои глаза от меня спрятали.

— Одно радует, — сказал я, поднимаясь и продолжая колоть их глазами. Все трое одновременно вскинули на меня разноцветные брызги.

— Что? — мрачно спросил Крайнов.

— В Ромове кое-где ещё светло по ночам. — Я сделал паузу. — Уличное электричество не кончилось.

— Автоматика! — хмыкнул Волк и направился к двери. Профессор поставил свои жучьи брови почти вертикально над очками и долго хлопал на меня густыми ресницами. Хорошо хоть, Крайнов не стал трясти крабами и ограничился немым шевелением плечевых суставов. И на том спасибо.

* * *

— Канал шифруется?

— Ну, типа того.

— Хм… И что ты там предлагаешь?

— Смотри, тачка у меня есть, запас горючки имеется. Собираем твоих… Сколько у тебя ребят?

— Трое. Со мной — четверо.

— Негусто. Ладно, чем богаты.

— А твои что?

— А-а, не спрашивай… Попали в переделку. Помянем, когда обнимемся.

— Ясно. Так что там у тебя?

— Короче… Не сегодня завтра побегут терпилы из Чингирска. Жмем туда и снимаем сливки. Можно ещё по пути устроить что-нибудь дерзкое. Ментам и солдатне сейчас будет точно не до нас. Ну как, ты в деле? Поднимемся зачётно, обещаю.

— Заманчиво, конечно. Хотя… Что-то мне стрёмно в приграничье двигать, очкую я малость, Зиг. Тут мимо нас народ бежит, и такое гонево прёт про эту розовую нечисть, во что она бивней марает и как потом жмуры ходячие валят толпами прямо из подземки…

— Не ссы, Шпала. Я уже три мультика, не считая Москвы, протёр на гребне этого гонева. Наваримся! Главное, на самый рожон не лезть и вовремя свалить. Ну?

— Ладно, чего добру зря пропадать. В доле.

— Молодца. Собирай мазуриков, я на подлёте.

— Ага. Встречаемся у старого моста, там можно обойти посты.

* * *

Приготовления к отъезду были закончены, и группа Волка, назначенного старшим, сидела, ожидая скорого отъезда, в машине, припаркованной перед парадной лестницей административного корпуса. Волк стоял рядом с пикапом и в последний раз прикидывал, не мог ли он забыть чего-то важного перед такой необычной и опасной вылазкой.

Вернулся Крайнов, отвел Волка в сторону и тихо сказал.

— Я понимаю, ты на меня зол за Строево, за ребят и за прочее. Так ведь?

Волк посмотрел ему в глаза.

— Есть такое.

— Поэтому не сочти за паранойю или за попытку подлизаться, а то и наоборот, кто тебя знает, что у тебя там в башке проскочит да замкнет, решишь, что я окончательно стал подлецом. Но я тебе всё равно скажу, так как очень беспокоюсь за исход нашего общего важного, но рискованного, дела…

— Короче, Бригадир. Ты иногда хуже Незаурядова бываешь, честное слово.

— Ладно. Так вот, тебя ничего не смутило или как-то не озадачило там, в Строево, когда вы отступали?

— Да там всё было странным. Ты чего, Сергей? Вроде, уже всё обсудили. К чему клонишь?

— Ты меня извини…

— Да хватит уже извиняться, в самом деле!

— Я много думал насчёт внезапного появления твоей подруги, вернее, когда она ещё не была таковой. Как-то всё это загадочно…

— Тебе загадочно, а нам было очень даже кстати её появление. Если ты что-то конкретное хочешь сказать, тогда говори.

— А тебя не смущает, что она оказалась в таком нужном месте в такое нужное время да ещё с дробовиком наперевес? Это ж надо! И вообще, что она делала около нашей базы?

— Да откуда ей знать было, что это наша база? Человек от бандитов отбился, из города выбралась, искала приют в округе, к тому же раненая…

— Это я знаю, все ваши истории изучил. Просто странно всё это, не находишь? И про нашу базу знала… Хотя всё это и объяснимо, согласен. И ещё одно: я порылся в доступных гражданских архивах, из тех что спасли профессор сотоварищи, так вот ни одной подходящей девицы с таким именем и подобными данными не обнаружил. Конечно, архивы неполные…

— Ох, бригадир, мутишь воду — ни умыться, ни напиться. — Волк подошёл к машине и взялся за ручку дверцы. — Лара — моя жена, и я ей доверяю как себе. Понятно? Ты меня тоже извини, но это и впрямь уже тянет на «крепко поругаться».

— Ладно, забудь, — Бригадир примирительно поднял ладони вверх, но спустя секунду ткнул указательным пальцем в сторону

Волка. — Но потом вспомни, подумай. И пожалуйста, при любой возможности — выходи на связь, держи меня в курсе событий.

— Хорошо. Всё?

— Всё. Удачи, Володя.

Волк только коротко кивнул в ответ и сел в машину. Ирбис завёл двигатель и, не спеша, выкатил «морячка» за ворота.

*** * ***

— Жаль, что стариков с нами нету, весело с ними было, — сказала Надя. Она посмотрела в темноту за окном, откинула с лица чёрную прядь и, устраиваясь поудобнее, поёрзала на скрипнувшем искусственной кожей сиденье.

— Что верно, то точно, — согласился Волк, развалясь на переднем пассажирском кресле. Огромный, он занимал почти всё довольно немаленькое пространство, отведенное седоку конструкторами автомобиля. Ленясь повернуть голову, Волк глянул искоса влево на сидящего за рулем Ирбиса.

— Сколько там мы отмахали?

Ир бросил взгляд на одометр.

— Почти четыреста. Ещё примерно сотня осталась, если до окраин.

Волк кивнул и приспустил веки.

Лара молчала. Было похоже, что она спит, привычно свернувшись калачиком в углу заднего сиденья позади водителя. Всё-таки довольно странная подруга у Волка, — подумалось Ирбису, — но, пожалуй, не слишком, с учётом нынешнего времени. Смотрящий посмотрел вперёд. С восстановленным на базе ветровым стеклом из прозрачного ударопрочного пластика в машине стало гораздо теплее и тише, чем в прошлую экстремальную поездку. Особенно Ирбис был рад, что не приходилось снова без конца щуриться, страдая от сухости воспаленных жгучим колким ветром глаз.

Фары дальнего света далеко вперёд вырывали из темноты приличный, кажущийся почти неподвижным кусок дороги. Шоссе, как обычно, было очень ровным и очень прямым, как и большинство дорог первой четверти двадцать первого века, по которым в основном ездили только громадные грузовики-роботы. Трассы напрямую соединяли основные гиперы и мультики. Из космоса (Ир видел ночные снимки в

оллнете) всё это хозяйство было похоже на огромную сеть с невероятно прямыми и просторными абсолютно чёрными ячейками и большими светящимися узлами-городами.

Звук, издаваемый резиной колес резко изменился. Ирбис коснулся пальцем экрана задачника, выбрал квадратик в проекции, и чуть правее руля, не мешая обзору, перед ним возникла трехмерная карта пути. Ир снова посмотрел на висящую в воздухе объёмную картинку. Это водохранилище Дивное ровной чёрной водной гладью гулко проносилось где-то там, под длинным широким мостом.

Хотелось гнать быстрее, но Ир экономил топливо и держал скорость в районе восьмидесяти километров в час на пятой передаче. Тем более, что не хотел неожиданных сюрпризов на пустынной дороге. К тому же, после заморозков местами на бетонке образовалась ледяная корка, и Ирбису даже пришлось включить полный привод, чтобы ненароком на летней резине не улететь с шоссе. Леса сменялись полями, поля менялись местами с лесами. Местами всё ещё яркие от зелени лиственные леса сменились бесконечными многоярусными пирамидками приуральских елей вперемежку с голыми белёсыми стволами берез. Как хорошо, — подумалось смотрящему, — что у нас никогда не было проблем с нефтью, как, например в Африке или Китае, а то даже эти бесконечные леса точно повырубали бы на жратву для бесчисленных горожан. Примеров тому по всему миру было хоть отбавляй.

Изредка шоссе толстым слоем армированного покрытия накладывалось на полоски старого, проросшего бурьяном, потрескавшегося асфальта прежних дорог и автострад, разбегавшихся в разные стороны под замысловатыми углами. По ним давно никто или почти никто не ездил. Разве что до войны какой-нибудь фермер или уставший от повальной урбанизации эскапист мог свернуть на них. Первый — в поисках брошенных земель под пастбище для своего скота, второй — ища среди заброшенных строений уединения и где провести ночь на обезлюдевших пространствах между озерами городов, заросшими высоченным камышом этажек, и огромными островами пищевых фабрик, источающими далеко вокруг ароматы готовящейся еды.

Если раньше кто и сворачивал на них, — подумал Ир, — то теперь даже беженцы двигаются только по прямым. Вот и мы тоже. И что там

нас ждёт впереди, не очень-то ясно. Хотя почему не ясно? Определённо и наверняка встретим сначала толпу машин зажиточных беженцев, потом въедем в пустой город и ближе к ночи не избегнем тучи трудноубиваемых врагов. Ха-ха-ха, это, конечно, нелепица. Всегда убегали, прикрывали спины и отступали, а тут — едем навстречу, да ещё на полной скорости. Более того, собираемся забраться в самый зад, о, извините, скажем по-военному — в тыл. Ладно, главное — найти ребят и этот чёртов экспериментальный челнок. Задачник пискнул и выдал на лобовое стекло перекрёсток со старым извивающимся дорожным полотном, ведущим направо к руинам какого-то давно безымянного райцентра — наследия прошлой жизни и Союза, застывшего во времени. Что характерно, всё то, что стало неотделимой частью моей нынешней жизни — вездесущая подземка, летающие гибриды, задачник, в котором прописана вся моя жизнь, еда, о которой раньше и не мечтал, и уж тем более не мечтал, что она будет из нефти, — всё это появилось в стране почти сразу, но только после того как застойный окаменелый строй треснул по невидимым швам и скоропостижно рухнул аккурат за пять лет до кончины века. А что, если станет иссякать привычная нефть? Конечно, прокорми-попробуй такую ораву облинившегося городского населения. Не беда! Будем добывать по новым методам. В конце концов, если уж совсем припрёт, перейдём на газ, потом на какой-нибудь газ из глубинных слоёв, начнём гнать еду и бензин из бесконечных запасов угля, не впервой. У немцев во Вторую мировую насчёт топлива вроде получалось как-то, а у нас, думаю, получилось бы и со жратвой из чёрного добра. Вообще, с этими глобальными проблемами и мозги шевелиться лучше начинают: придумали, вот например, почти вечные аккумуляторы для маломощной электроники, а у задачников так и вовсе — с подзарядкой от тепла запястья. Чтобы все углеводороды, таким манером, шли только на пищу и на электричество для поездов подземки, и немного — на самый необходимый автотранспорт. Ездить-то надо, куда деваться? Правда, если бы не война, гибриды на поле Химото, похоже, имели все шансы. Да, а вся остальная энергия — из атома, воды и природного газа. И потом, прямо перед заварушкой, неожиданно и нефть вдруг снова смогли добывать как раньше, даже ещё больше. Да что говорить, нефть прямо рекой полилась с Ближнего Востока… Какой уж тут упадок, сплошное процветание. И

устремилось человечество ввысь с зелёных равнин, — вернее, средь серых лесов городов. А сейчас… Первобытная жизнь вне городов кажется единственным выходом для человечества, гибнущего в розовом океане смерти. Кстати о звёздах и летающих тарелках — вот ведь ещё гипотеза с загадками. Вроде считается, что они — пришельцы из космоса. Тогда почему они не распространяются даже по земле? Не говоря уже о десанте с воздуха. Полюбились им наши подземные каналы. Что им мешает сесть в свои тарелки и махнуть в соседний город распространяться? Делов-то. Если их, даже когда из космоса шли, ни одна система слежения не засекла? Помнится, по телеящику как-то один генерал напыщенно уверял, что у нас мол и летучая мышь не проскочит сквозь систему ПВО, ПРО, ПКО, чёрта в ступе ещё, и его, кстати, тоже собьют. Однако же, проворонили. Странно всё это. Если в начале проскочили, то и потом бы получилось, тем более с той неразберихой, что у нас началась, особенно в ответственных головах. Хотя, с другой стороны, твари и так успешно продвигаются. Если бы быстрее шли, у нас и вовсе, пожалуй, шансов не осталось бы. А сейчас они есть? Очень надеюсь. Вот только бы добраться когда-нибудь до Святого Питера. Эх, дом, милый дом! Если когда будем в районе Охты, обязательно заскочу домой, кое-что забрать надо. Мы, кстати, тоже хорошо продвигаемся. Чуть больше четырех часов едем и сделали при этом почти триста километров. Странно, что поверху ещё никого не встретили. Вроде эвакуация всегда всеми доступными видами транспорта. Видно, совсем в городе плохо с топливом, и электричество, как Крайнов говорил, тоже кончилось…

Уставшие глаза Ирбиса подернулись пленкой, и он несколько раз поморгал, чтобы прогнать дремоту. Снова взглянув на дорогу он обомлел — прямо на него в свете фар сквозь рваный саван тумана стремительно неслась здоровенная, совсем лысая, поваленная сосна с примятой вялой кроной, почти полностью перекрыв собой дорогу. Туман скрывал за деревом какие-то неясные бугристые контуры. Как назло в этом месте по краям шоссе, вплотную к обочинам, неровным щербатым оскалом торчали, будто наклоняясь к дороге, огромные серые гранитные валуны, в лучах света фар казавшиеся почти белыми. В секунду сознание Ира, вырванное из цепкой полудремы, вдруг дорисовало к увиденному странную жуткую картину, словно какой-то древний великан, с головой вросший в землю, решил вдруг, очнувшись

после тысячелетнего сна, перекусить своей гигантской пастью прочную дорожную ленту, мешающую ему подняться. Краем неохотно фокусирующегося зрения Ирбис заметил на тёмной обочине странно знакомый силуэт автомобиля.

— Берегись! — только и успел крикнуть Ир, прогоняя жуткое видение, ударил по тормозам и крутанул руль влево, пытаясь проскочить по левой обочине, где как-будто было расстояние от этой гигантской сучковатой зубочистки до ближайшего зуба-камня. Машину занесло. Крик Ирбиса и визг тормозов разбудил его спящих друзей, а движущийся по дуге кузов придал им бодрости по пробуждении. Не пристегнутый Волк, матерясь, встретился головой с дверной стойкой. Девушки синхронно взвизгнули и, обнявшись как лучшие подруги, кубарем перекатились в правый угол.

Борясь с заносом, Ир, опытный гонщик, молниеносным движением рычага раздатки отрубил задний привод и ударил по педали газа, одновременно выкручивая руль в сторону заноса. Передок машины дёрнулся вперёд, выравнивая машину, и пикап с миллиметровыми зазорами буквально протиснулся в узкую щель между кроной сосны и придорожным валуном. Ир всмотрелся в стремительно открывшуюся перспективу и понял, что радоваться первой удаче пока не стоило. С другой стороны могучего дерева пространство дороги оказалось забито десятками смятых в гармошку, покорёженных машин, очевидно, до встречи с сосной и друг с другом полным ходом шедших в сторону Ликамска. Несколько автомобилей перевернулось при столкновении, и Ир, ни на долю секунды не задумываясь, как он это делает, сумел проложить между этими грудами пластика и железа витиеватый тормозной путь для своего «морячка». Со стороны маневр мог показаться просто чудом, но счастливый исход во многом был обеспечен отточенным глазомером и феноменальной реакцией водителя. Лишь в конце Ирбису не хватило полуметра, и пикап, почти остановившись, высоким крепким сварным бампером с крюками, как бык рогами, вспорол бок какой-то перевёрнутой зелёной малолитражке, прибившейся к общей куче с краю, и, наконец, замер. Пассажиров напоследок метнуло вперёд силой инерции, но все трое к завершающему броску оказались готовы.

— Что это… было? — пробурчал Волк, оглаживая занывшую от удара о панель больную ногу и одновременно держась за голову.

— Не знаю, — ответил Ирбис и шумно выдохнул, — какой-то завал.

— А-а, говорила мне мама в детстве: «сынок, пристегнись»…

Ирбис не стал глушить движок, включил свет в салоне, повернулся назад и посмотрел на девушек. Они, наконец, расцепили невольные объятия и с милой синхронностью поправляли прически. Надя, закинув руки за голову и убрав волосы в небольшой замысловатый узел, исподлобья посмотрела на Ира.

— Ну, как ты? — спросил он её почти шёпотом. «Порядок», — кивнула она.

— Лара, всё цело? — Ир посмотрел на девушку, привычным быстрым движением собравшую свои золотисто-белые волосы в хвост на затылке, и невольно сравнил её с чёрноволосой Надей, потирающей ушибленное плечо. Обе были красивые, но совершенно разные. Ир обласкал глазами любимый мягкий овал лица, обрамлённый блестящей смолью, и снова перевёл взгляд на Лару. Строгие, правильные, точеные, местами даже слишком идеальные, на вкус Ира, черты её лица — маленький прямой носик, красивый разрез довольно близко посаженных огромных голубых глаз, чудесно плавная линия пшеничных бровей, упрямый подбородок, и лишь совсем чуть-чуть пухлые губы, словно созданные для поцелуев… Да, — подумал с улыбкой Ир, — Волка можно понять. Влюбился наш бугай как мальчишка.

— Я в порядке, спасибо.

Бугай перестал шипеть, держась за голову, и приоткрыл окно. Он понюхал чёрный ночной воздух и, отвлекая Ирбиса от любимого занятия мужчин, сказал:

— Завал свежий.

— Почему это? — Ир быстро глянул в темноту за лобовым, потом повернулся к нему.

— Антифризом тянет, — протянул задумчиво Волк, — чуешь? Перегретыми парами так и несет. Туман, ветра нет, хорошо воняет.

— А ведь верно, — Ир тоже потянул носом, — радиатор пробит. Надо посмотреть, может и наш…

Ирбис потянулся открыть дверь, чтобы выйти и осмотреться, но великан жестом остановил его.

— Погоди. Не торопись. Что-то тут не сходится.

Притихшие девушки, закончив с прическами, сидели молча и не вмешивались, за что Ир был им благодарен.

— Что не так? — спросил он Волка.

— Аварии совсем недавние, а никого нет, даже… трупов, — он ткнул пальцем куда-то в своё окно, — посмотри: машины раскуроченные, всё наружу — и ни души.

Рука Ира сама собой потянулась к поясу, ища в кобуре прохладную рукоятку «палыча». Не успел он вытащить оружие, как снаружи раздались знакомые до боли в зубах стоны и мычание. Ир почувствовал как вдруг задёргалась машина, и внезапно со всех сторон кузов облепили серые. Волк быстро закрыл окно.

— Давай назад! — крикнул Волк. — Дело дрянь…

— Откуда они здесь? До города ещё сто кэмэ!

Ир попытался сдать назад, чтобы выбраться, но машина двумя передними фаркопами как клыками вцепилась в зелёную малолитражку и с натугой потащила её вместе с собой.

— Надо как-то сбросить эту зелёную хреновину! — крикнула Лара, — Эти твари сейчас стекла разобьют!

Как по её команде серые начали лупить что есть могучей силы по машине своими конечностями, истерзанными до крови, оставляя грязные мутные коричневые следы на стеклах. Один из них припал к лобовому стеклу и попытался укусить его разинутой пастью, в которой не хватало многих зубов, а на месте их зияли дыры с остатками гнилых корней. Ир резко сдал назад, чтобы сбросить кусок железа, который повис на бампере, но ничего не получалось. Серый на капоте засучил руками, теряя равновесие, и в последний момент ухватился за щетку очистителя.

— Ири, жми на газ, — сказал Волк, — может получится вытолкнуть.

Ир кивнул, но прежде чем переключиться, вдруг ещё сильнее вдавил педаль газа на задней передаче. Автомобиль взревел двигателем и со скрежетом потащил назад свою волокушу, с глухими стуками давя этим грузом облепивших его монстров. Резко перекинув передачу, Ир снова нажал на педаль, и «морячок», дернувшись на месте, как бульдозер, своим «ковшом» стал расчищать перед собой путь среди завалов, ещё больше сминая малолитражку. Как раз вовремя — несколько серых угодили прямо под «ковш», устремясь

откуда-то из темноты на подмогу первым, корчившимся теперь уже где-то позади. Только незваный пассажир на лобовом никак не желал покидать удобное ложе и в приступе ярости выломал правый «дворник».

— Этак он нас снова без стекла оставит, — Волк достал из просторного бардачка обрез, заботливо уложенный туда Егорычем перед отъездом, взвел курки, быстро открыл окно и, высунув руку с оружием, разрядил его в корпус навязчивого попутчика. Мощным ударом дроби того буквально снесло с капота куда-то в сгустившийся туман.

Растолкав ещё пару машин, пикап с ужасным скрипом железа о бетонку, наконец, выбрался на пустое шоссе. Волк снова открыл окно, высунулся, быстро посмотрел назад, затем повернулся к остальным.

— Так, ребята, пока они не очухались, нужно как-то сбросить этот балласт, иначе хана!

— Что предлагаешь? — Ир достал «палыч» и взглянул на приятеля.

— Убери пока, — положил руку ему на локоть Волк и развернулся к девушкам. — Надя, держи дедов ствол, патроны — в кармане за сиденьем, Егорыч постарался. Откинь заднее окно, поддержишь огнем, если что. Лара, быстро за руль! Ири, давай за мной наружу, попытаемся скинуть железяку.

Они выскочили наружу и вдвоём попытались сбросить останки изувеченной малолитражки с бампера.

— Не выходит! — Ирбис стукнул кулаком по искорёженной дверце машины. — Не тащить же её с собой до самого Ромова?! — раздражённо выкрикнул он в темноту, пиная ногой зелёный капот. Волк, пыхтя от натуги, только усмехнулся.

Ир снова навалился на помятый остов, но тут же отдернул руки и поднёс их к лицу.

— Жжётся… Слушай, она вся в киселе!

Он стал яростно вытирать ладони какой-то тряпкой, найденной в кармане куртки.

— Некогда сейчас, потом обмозгуем…

Волк опустился на колено и заглянул под бампер.

— Так… ясно… — Он поднялся и крикнул: — Надя! Вылезай! Скорее, захвати там, в кузове, лом или что там есть… и неси сюда.

— Они уже рядом! — крикнула девушка, перезарядила обрез и расстреляла двух приблизившихся врагов. С рёвом те повалились на землю и, корчась, затихли. Ещё несколько валявшихся в отдалении серых стонали, пытаясь подняться.

— Некогда! Скорей сюда, вместе с ломом! Скоро их тут станет слишком много! — Волк махнул рукой Иру и запрыгнул на бампер. — Давай, делай как я!

Ир тоже вскочил на бампер и упёрся руками в капот.

Надя подбежала, держа в руках длинную монтировку. Обрез она закинула в кузов.

— Эх, старички, который раз вас благодарю! Вставляй вон в ту дырку и толкай вверх. — Волк показал рукой, указывая куда вставить рычаг, и крикнул Ирбису: — Раскачали! Лара, как только махну рукой, сдавай назад!

Вдвоём с Иром они стали раскачивать передок пикапа, чтобы вывести из зацепления «клыки» бампера. Надя что есть силы навалилась на монтировку. Наконец, с третьей попытки крюки вышли из рваных отверстий, проделанных ими в скомканном кузове.

— Газуй!

Лара резко нажала на газ, и «морячок» бодро выпрыгнул из плена. От рывка мужчины повалились на землю, но тут же вскочили, как на пружинах, и как раз вовремя. Со всех сторон раздался знакомый тихий и долгий свист. Ир осмотрелся вокруг и похолодел. Среди камней и редких кустов россыпью засветились до омерзения знакомые красные угольки. Плотным безмолвным кольцом смотрящих и машину окружили совсем невидимые в темноте пятнашки. И, судя по приближающимся стонам, со стороны разбитых машин подползала приличная группа очухавшихся серых. «Палыч» сам собой прыгнул в ладонь, и смотрящий «быстрым веером» послал невидимую смертоносную волну в сторону врага. По знакомому всхлипыванию «палыча» с другой стороны Ир понял, что Волк успел сделать то же самое. Из темноты с обеих сторон машины донесся дикий визг и ещё более громкое шипение.

— Все в машину! Сейчас кинутся!

В секунду все трое оказались в кабине и захлопнули двери. Снаружи раздался звон оброненной Надей монтировки.

— Давай, девочка моя, жми! — крикнул Волк подруге.

Лара крутанула руль влево, чтобы объехать зелёный балласт и вдавила педаль к полу. В то же мгновение пятнашки всем скопом бросились на «морячка» и с хлюпаньем облепили его со всех сторон, тая, как горячие восковые свечи.

— Что они делают? — неизвестно кого спросил Ир, инстинктивно отпрянув от двери и прижимая рукав к носу. Машину стало наполнять ненавистное смотрящим едкое зловоние.

— Программу выполняют, — буркнул Волк, дыша в воротник, и предостерегающе поднял руку. — Девочки-мальчики, ни в коем случае не прикасайтесь к дверям и обшивке. Эта гадость очень въедливая.

Надя и Ир быстро прижались друг к другу и пристегнулись ремнями. Лара крепко вцепилась в баранку руля и включила единственный «дворник», чудом оставшийся целым после нападения серых. С большим трудом, с помощью слабых струй забитого омывателя, он размазал по стеклу плотную розовую слизь, и Лара не выключала его, пока не стало хоть что-нибудь видно в мутном розоватом свете заляпанных фар.

— Едем наугад, — предупредила девушка.

— Ребята, мне надо выпить, — сказал Ир, тяжело дыша, — опять я вляпался.

Надя быстро залезла в рюкзак и достала знакомую бутылку.

— Вот, держи. Пётр Егорыч отдал.

Ир вымученно улыбнулся и сделал глоток.

— Везет мне.

— И правда везет… Почему они кинулись на машину с превращением? — Волк в задумчивости стал кусать нижнюю губу. — Какой-то идиотизм…

— Словно посчитали её приемлемым объектом… — добавила в растерянности Надя.

— И мятый зелёный хэтчбек тоже был весь в киселе.

— Кто-то из ребят рассказывал, что видел на одной вставшей электростанции генераторы, ну, знаешь, такие, размером со слона, все заляпанные киселем до самого верха.

— Хм… Тут есть над чем подумать. Но что мы имеем на данный момент?

— Бесплатную натирку розовым воском, — мрачно пошутил Ирбис. Волк усмехнулся и тут же закашлялся, так как вонь в машине

становилась невыносимой.

— Что-то воск попался слишком вонючий. Лара, милая, поднажми, пусть хоть немного сдует эту гадость.

— Хорошо, мой вожак, — прогнусавила девушка, зажав нос правой рукой и всматриваясь в мутное стекло.

— Ну, и кто нам скажет, что это было? — спустя какое-то время снова спросил Волк команду. Некоторое время все сидели молча, слушая ровный гул двигателя. В машине стало трудно дышать, отравленный воздух вызывал спазмы в горле и покалывания в нервных окончаниях по всему телу. Никто не хотел лишний раз открывать рот. Потом Надя всё-таки произнесла:

— Я думаю, там где-то рядом есть выход из подземки. Техническая станция или что-то в этом роде.

— Молодец! — Волк с неподдельным восхищением посмотрел на неё. — Точно… Значит, они уже в тоннеле…

Несколько минут все ехали молча, осмысливая жуткий смысл догадки. Ир взглянул на задачник, было пять тридцать утра. До рассвета оставалось ещё не меньше часа.

— А что это была за куча мятого железа, в которую мы вляпались? — хмуро спросила Лара.

— Ловушка, — мрачно произнёс Ир. — Не думал, что они на такое способны.

— Да… — протянул Волк, — а наш враг умнеет на глазах. Что он ещё выкинет в следующий раз? Применит огнестрельное оружие?

Лара совсем по-мужски пошевелила пальцами на руле.

— Всё может быть гораздо проще. Мне почему-то кажется, что засаду устроили марики.

— Мародёры?

— Ага. Это очень похоже на их методы. А пятнашки просто подоспели к раздаче, и отправили всех без разбора купаться в киселе.

— Ох уж эта грязь человеческая… — Волк поудобнее уложил занывшую после резких движений ногу. — Ну что за мерзавцы!

— А ведь верно… Должно быть, сосну опрокинули ещё утром, а может и ещё раньше, — предположил Ир, — а народ стал выбираться из города лишь по темноте. Это так обычно и бывает — только когда пятнашки замелькают, тогда все в панике бежать начинают. Ночью и на полной скорости такое бревно не минуешь… И это очень подло.

— Хоть и нехорошо так говорить, — процедил Волк, — но я очень надеюсь, что этих… козлов не миновал свой бидон киселя.

— Ребят, вы заметили? — вдруг спросила Надя. — Мы ещё не встретили ни одной машины. Странно… Там, — она махнула рукой назад, — их было довольно много.

— Я ещё заметил… — мрачно добавил Волк, — или показалось спросонья… Там, перед сосной на обочине стоял фермерский пикапчик. Ну, тот самый, ярко-оранжевый как морковка, с синей полосой, помните? Очень уж приметный он.

Никто не нашёлся, что ответить. Пикап несся сквозь туман по пустынному шоссе, приближаясь к погружённому во тьму мультику. Все четверо мрачно вглядывались сквозь замутнённое стекло вперёд, в туманную даль, словно желая увидеть хоть что-нибудь, что придаст ясности их странному положению. В то время как все вокруг убегали, они делали всё с точностью до наоборот. И дальше ситуация становилась всё более непредсказуемой.

— Лара, сбрось скорость! — Надя приложила указательные пальцы к вискам и зажмурилась. — Впереди что-то есть…

Лара послушно снизила скорость до сорока. Тут же сквозь толщу тумана смотрящие увидели какое-то непонятное дрожащее свечение над дорогой и рядом с ним большое тёмное пятно, изредка озаряемое снизу каким-то странным жёлтым светом. Лара ещё больше замедлила ход.

— Что, опять засада? Ну, я начинаю звереть! — Волк схватился за рукоятку оружия.

Неожиданно свечение стало вращаться. Волк приоткрыл окно, и все вдруг услышали чей-то далёкий крик:

— Стойте! Тормози! Проезд закрыт!

Лара почти остановила пикап, но держала ногу на акселераторе, чтобы сразу же ускориться в случае опасности.

— Это он кому? — спросил Ир, вытягивая шею с заднего сиденья.

— Не знаю, — ответил Волк, — голос приглушён туманом, и, похоже, не в нашу сторону кричит. Лара, подъезжай поближе, посмотрим.

По мере приближения туман рассеивался, и они разглядели стоящий поперек дороги тёмно-синий «каблук» с включённой аварийной сигнализацией. Подъехав ещё ближе и обогнув его,

смотрящие увидели, что это своеобразный блокпост. За автомобилем обнаружился перекрёсток, посреди которого прыгал какой-то человек и крутил в воздухе самодельным факелом.

— Э-э, да это волонтёр! — усмехнулась Лара, — но как он сообразил про засаду?

— Сейчас спросим, — Волк открыл дверь и высунулся из машины. Как раз в этот момент со стороны города к перекрёстку приблизилась машина, и «волонтёр» ещё сильнее запрыгал и замахал своим сигнальным огнем. Автомобиль остановился, человек подбежал к водителю и начал что-то отчаянно объяснять, поочередно махая рукой то в сторону, откуда прибыли смотрящие, то в направлении дороги, уходящей в право от шоссе. После минутной беседы владельца факела с водителем, машина тронулась, затем медленно и нерешительно, словно водитель усиленно боролся с сомнениями, всё-таки свернула направо и скоро скрылась из виду за деревьями.

— Эй! — крикнул Волк и помахал рукой человеку с факелом. Тот резко обернулся, направил в их сторону предмет, похожий на пистолет, и со страхом посмотрел на Волка. Затем он обалдело уставился на автомобиль, весь покрытый странными бугристыми наростами.

— Вы кто? — наконец выкрикнул он.

— Не бойся, свои, — Волк спрыгнул с порога. — Спрячь пушку.

— Свои? Оттуда? Вы в своём уме?

— Ты видел говорящих серых? Да ещё на машине? — усмехнулся Волк, неторопливо подходя к человеку с факелом. — Мы из спецподразделения по борьбе с захватчиками. Проще говоря — Смотрящие.

— А разве вы не должны быть там? — Человек махнул рукой в сторону города. — Защищать нас от этих…

— Должны. Потому и едем туда, а не оттуда. Помогать своим.

— Понятно, — человек почти успокоился, медленно опустил оружие и снова посмотрел на автомобиль смотрящих. — Как же вы прорвались? Там впереди такой кошмар творится…

— Знаю. Прорывались с боем, — ответил Волк и огляделся.

— Я вовремя затормозил, — стал вдруг торопливо рассказывать парень, — в свете фар увидел как эти розовые монстры… захватывают людей в машинах, развернулся, чуть коробку не сломал, и погнал обратно, хотел свернуть на первом перекрёстке… объехать, там старые

дороги… по карте… Но потом решил, что это не по-людски как-то… Не предупредить. Вот, стою. — Он вытер холодную испарину со лба. — Пару сотен машин завернул, отправил объезжать этот участок по разбитым дорогам, они ведь есть на картах в задачниках, уж разберутся. Так-то вроде схлынул основной поток, но я ещё подожду.

— Ты молодец, — Волк похлопал его по плечу. — Правда.

— Вы из самого Ликамска едете? Не было больше засад? Я переживаю за людей… Говорили, что их между городами ещё не встречали…

— Засад больше нет, всё нормально, там на дороге — это невероятная аномалия какая-то, — Волк снова потряс его за плечо. — Ты очень правильно поступил.

— Я надеюсь, — скромно сказал паренёк и устало улыбнулся.

— Я — Волк, — смотрящий указал на высунувшихся из машины ребят, — а они — мои друзья: Лара, Ирбис, Надежда.

— Сергей, — парень пожал протянутую руку. — У вас интересные имена.

— Есть такое дело.

Вблизи Волк разглядел, что Сергей был совсем молодой парень, лет восемнадцать, не больше. Он был черноволосый, среднего роста и худой как спичка.

— Тебе нужна помощь?

— Да нет, всё нормально, — Сергей устало и как-то виновато улыбнулся, немного сдвинув губы вбок, — только страшновато спиной в ту сторону стоять, всё время оглядываюсь. Вдруг они оттуда попрут.

— Не должны, — уверенно произнес Волк. — Далеко. Они поверху на такие расстояния не ходят. Да и рассвет скоро, они этого тоже не любят.

— Жутко всё это. В городе чёрте-что творится! Там ещё уйма народу осталась, а эти скользкие… просто везде! Мы еле ноги унесли — я и моя девушка, Саша. Она в кабине спит, натерпелась, бедняжка. Думали уже — всё, конец нам, но каким-то чудом вырвались. Мы даже не смогли никого взять, потому что… Нам бы просто не дали уехать. Слишком много… Всю дорогу её за руку держал, не отпускал. Вот поток кончится, и поедем. Всё надеюсь, что маму с сестрёнкой увижу. Где они, что с ними, не нашёл я их… Может, на поезд успели? Связь ещё вечером вся оборвалась. Или они успели с солдатами…

— А что делают военные? Мы не встретили ни одного армейского транспорта.

— Они организовали на центральной площади сбор и погрузку и по Новому проспекту отправляли грузовики сразу на север, на Камскую базу. Там, сказали, пока безопаснее, потому что нет общих тоннелей с Чингирском. Ну, только один… И пока есть возможность разместить людей — там рядом раньше был город, ну, из прежних, знаете, низких, но вроде бы есть куда распихать. Ума не приложу, чем они их будут там кормить, и холодно уже. Я решил, что надёжнее сюда своим ходом податься. Там всё-таки настоящий город.

— Один тоннель… — Волк недобро посмотрел на бугристого от слизи «морячка». — Они что там, совсем сдурели, что ли? Голодом их всех уморить хотят? Там же наверняка жрать нечего!

Паренёк пожал плечами и почему-то виновато улыбнулся.

— Не знаю… Но на пункте эвакуации кто-то уверенно рассказывал, что Камской есть стратегические запасы консервов или что-то в этом роде.

— Ясно. Вояки решили, что Ликамск будет следующим, и страхуются, а по ходу решают какие-то свои проблемы, — Волк хмыкнул. — Ладно, будем в городе — попробуем узнать, что к чему.

Глаза Сергея загорелись надеждой.

— Пожалуйста, если встретите мою маму с сестрёнкой, если будет возможность… помогите им! — быстро он. — Швецовы Вера и Катя. В последний раз были на сто восьмом пункте эвакуации…

Волк нахмурился.

— Если встретим, обязательно поможем, друг.

— Спасибо…

— Серёжа, кто это? — тонированное стекло передней двери машины «волонтёра» приспустилось, и в узкой щелке блеснули огромные испуганные девичьи глаза.

— Всё нормально, котёнок, это свои. Спи.

— Ты бы сам поспал хоть немного.

— Ничего, я в порядке, — Сергей снова улыбнулся и посмотрел на смотрящих. — И не страшно вам туда? — Он махнул факелом в сторону города.

Волк усмехнулся и пожал плечами.

— Страшно.

— Уважаю, — парень помолчал немного, потом добавил: — Я очень переживаю за маму.

Волк ободряюще потрепал его по плечу. Пока они разговаривали, небо стало светлеть. Ещё несколько машин подъехало к перекрёстку, и Сергей отправил их по новому маршруту объезжать страшное место.

— Хороший парень, — сказал Ир, когда команда снова отправилась в путь. — побольше бы таких.

— Это точно, — согласился Волк, — сколько народу спас. И ведь страшно всю ночь так в темноте торчать, зная, что где-то там эти монстры околачиваются.

— Я вот думаю, — неожиданно стал размышлять вслух Ирбис, — если города у нас как бы, хм… кончатся, а к тому всё идет, придётся ведь как-то устраиваться где-нибудь на развалинах старых поселений, куда не ведут тоннели? Вон их сколько вокруг… Жили же там люди как-то раньше. Вот только как? Ума не приложу… А, девчонки?

Ир обернулся назад, умудряясь при этом опытной рукой ровно держать машину, и посмотрел на девушек, снова севших сзади по разным углам сиденья. Надя кивнула и одарила мужа усталой улыбкой, а Лара как-то странно взглянула на него, резко отвернулась и хмуро уставилась куда-то сквозь заляпанное стекло. Волк, сидя справа, в задумчивости потирал ногу.

— Это если твари не решат по поверхности перемещаться, — произнёс он. — Иначе — точно крышка. Хоть на развалинах, хоть в лесу. Да и выживать там — нелёгкий, прямо скажем, труд.

Ир едва заметно кивнул и снова посмотрел на пустынную светлеющую дорогу. Больше машин навстречу не попадалось. Когда вдоль шоссе вдруг резко кончился лес и потянулась обширная бугристая городская свалка, туман окончательно рассеялся и встало солнце. Оно ярко осветило бесконечные мусорные холмы и поля, а также далёкий город, раскинувшийся неровной острой чёрной щетиной этажек во всю линию горизонта на западе. Холодное небо было очень чистым и почти белым, и только над самым центром мультика маленьким серым пятном сгущались непременные городские тучи.

*** * ***

Зигмунд лежал за большим белым валуном и смотрел на шоссе, морщась и вздрагивая от боли и судорог, без конца пронзавших всё его мокрое липкое тело, с ног до головы измазанное в жирном розоватом месиве. Жаль, плащ придётся выбросить, — подумал он, глядя на свою узкую ладонь, обычно такую сильную, а сейчас трясущуюся как у нищего, просящего милостыню у церкви. Другой ладонью он сжимал большой колючий орден, отторгнутый от мощной груди. Зигмунд попытался, вглядываясь в темноту, сфокусировать непослушное зрение на удаляющемся пикапе. Тот быстро исчез из виду, едва освещая себе дорогу мутными фарами. Патрик ещё какое-то время лежал, как мог, тихо и не двигаясь, пока от дороги не перестали доноситься стоны, мычание и грозное шипение, и пока не растворились в тумане все подвижные тени.

Везучие гады! Зигмунд страдальчески стиснул зубы. Нет, ну столько раз ускользнуть из его цепких рук! Он зло посмотрел вверх, в прореху тумана, на далёкие острые кристаллики звёзд.

— Если бы я верил в тебя, которого проповедую жезлом силы сей скверной и непослушной пастве, и что вся эта нечисть есть ангелы твоей кары, я бы сейчас спросил: почему, Господи? Почему ты не отдал их мне? Не отомстил за меня? Трижды! И дважды ты лишил меня приспешников! Не иначе — это помазанники твои, Господи? А как же я? А, Господи?!

Зигмунд зло захохотал, но тут же зашёлся хриплым кашлем, согнувшись и подтянув колени к груди. Где-то там, у огромной сосны он потерял Шпалу, единственного своего друга, которого уважал, а не терпел. Пятнашки и серые, за страшной уродливой толпой которых он с содроганием следил из-за кустов, давно исчезли в неизвестном направлении, по очереди утонув в густеющем тумане. Он и не особо желал знать, куда они направились. Он слышал голоса своих врагов, но об этом он подумает после… Он выжил после этого жуткого, удушающего, бьющего высоковольтным током ужаса, его не тронули, хотя и… основательно потрогали, а остальное сейчас было не важно. Даже о бесценных документах, найденных в рюкзаке блондинки, которые он, в надежде выгодно обменять у вояк или кого-нибудь ещё, припрятал в потерянном чёрном микроавтобусе, Зигмунд не думал сейчас. Спустя минуту он затих, обессиленный организм швырнул его сознание в цепкое лихорадочное забытьё. Засыпая, Патрик думал только об одном: он отомстит им всем, обязательно отомстит.

*** * ***

Всё-таки, гибрид мы заполучили. А машину отдали ребятам из нашей местной дежурной тридцатки, у них как раз не хватало транспорта для шестерых бойцов. Солярки, втихаря от Крайнова припасенной Егорычем, должно хватить на обратный путь плюс ещё, наверняка, слили чего там, у тысячелетней сосны, где месиво из машин. Заодно осмотрят всё. Откуда она там взялась, сосна эта, леший её обгрызи? Неужто серые смогли повалить? Жаль, если Лара права, и это людских рук дело. Ну ладно, проехали.

А вот Егорычев обрез и патроны к нему я из «морячка» с собой прихватил, потому что счастливый ствол, никак иначе. Из стольких передряг с ним выбрались. Ещё Егорыч какие-то таблетки мне в карман сунул со словами «чую, пригодится вам». Смешные они с Фёдором, но толковые, особенно по медицинской части. А вообще, непростые они старички. Один Егорыча девиз по жизни чего стоит: «Не повреди чужую свободу своею». Это вроде как живи, ни в чём себе не отказывая, но своими желаниями не задевай свободу другого. Вот бы поганым марикам и прочей швали такое в бошки вдолбить. Да, никому не помешает…

А эвакуация в Чингирске, вашество Бригадир, хреново прошла. Это если мягко говоря. Даже, вон, на Ирбисе, нашем непробиваемом оптимисте, и то лица не было. Давненько смотрящие так не лажались! Почти двести тысяч потерь гражданского населения. Ребята со слезами на глазах рассказывали, что вояки последние грузовики в сумерках отправляли с боем, а люди вокруг на глазах превращались в серых и падали, падали, падали. А потом вставали, вставали… Хоть бы эти гламурные твари задохнулись в своих тоннелях, таким скопом лезть! Трёхлетняя активность, мать её безвестность. Будь проклят розовый цвет на все века…

Ребята горячие в городе оказались, ещё на ночь хотели остаться, заряды покрепче заложить и ряды погуще проредить. Тоже мне, комбайнёры хреновы. Мало им было последней ночи, когда до утра в этажке как в средневековой башне оборону держали от этой орды! И пятнашки — не фермерская свекла, всех не передёргаешь. Конечно, смелости им, ребятам, не занимать, это я уважаю. В нашем деле без неё никак, вмиг штаны к заду прилипнут и мешать будут танцору. А нам мобильность, хе-хе, необходима. Но храброе сердце, я считаю, должно быть под холодной головой, внизу и немного слева. А тут, определённо, горячая кровушка к крепколобой башке не в меру приливает. Тогда я старшему их, Верзиле, по зубам тихонько врезал и про Строево рассказал. Если, говорю, хоть одного из своих ребят не досчитаешься, в Центре лучше не появляйся. И везде, говорю, спрашивай, нет ли здесь Волка, а то он мне зубы выбить должен. Белого Волка, если полностью величать, конечно. Но это для особых случаев. Ну и проняло, в общем, парней, перестали геройствовать. Чего геройствовать, если городок профукали? Уноси ноги, пока горячая голова в розовом студне не остыла. Сереньким уже не поможешь, только зря кровь чёрную проливать, патроны тратить, и «палыча» тем более незачем изнашивать. Я крепко-накрепко наказал этому Верзиле, чтобы он душу из Крайнова вытряс, но чтобы тот взорвал канал к чёртовой бабуле на весь сороковник, если ещё не сделал этого, не дожидаясь всяких жучков-паучков, роботов-без-хоботов. Всё равно поездов уже не будет. Раз твари прошлой ночью минимум сотню кэмэ отмахали, а сколько ещё после сосны…

А что, если окопаться в последнем гипере и стоять насмерть, из последних сил? Всех, кто сможет — в оборону? А-а, пробовали уже, и

китайцы, и финны, и индусы… Не выстоять — сомнут. Так что же нам теперь, от городов напрочь отказываться? Выходит, что так. Ведь ни одного случая не зафиксировано за всё время этой проклятой войны, чтобы они где-нибудь кроме городов заняли территорию. Даже тогда, у огромной сосны они появились и испарились обратно в свои подземелья, ребята по рации сообщили, когда ещё добивало, что ни одного даже следочка не оставили, не то что там обосноваться. И ещё куда-то пропал фермерский апельсиновый пикап, специально спросил, он ведь там, считай, из всего автохлама один целый остался. Вот это загадка. Может, кто из беженцев прихватил? Оно, конечно, понятно, если так. Сейчас каждые исправные колеса на счёту.

А Ир наш — молодец, способный водила, быстро освоился с люлькой. Прямо лётчик. Хорошо идём, мягко и плавно, в полста метрах над землёй. И не верится даже, что под задницей ядерный котёл спрятан. Красота! Верх откинут, солнышко пригревает, далеко видать. Поля, леса, речки, озера мимо проплывают. Возвышенности и низменности. Жаль, Уральские горы далековато. Неплохо было бы туда махнуть и через тот же Яман-Тау на этой штуковине перевалить, посмотреть, правду про город внутри него говорят или нет. Может, там вся эта военная знать отсиживается? Только зря. От пятнашек под землёй прятаться — плохая идея, очень плохая. Они наши подземелья любят нежно и прилежно.

Незаурядов, псих, помешанный на этих горах, все уши измял своими рассказами. Палеозой, Мезозой, складки, прогибы… Ничего, если кривая вывезет, и выберемся из этой безнадеги, своими глазами посмотрим. А то полмира объездил, и всё — в грунтовой толще.

А пока — летим вперёд, вернее назад, в проклятый Ромов, не видеть бы его больше никогда. Девочки от люльки в восторге, волосики на ветру развеваются, щечки раскраснелись, одно удовольствие глядеть. Особенно на Лару. Радость моя, куда же мы с тобой летим, драгоценная ты моя? Нам бы сейчас с той же скоростью, но в другую сторону, подальше в лес, авось твари эти туда нескоро доберутся. Забраться повыше в горы. А если и туда доберутся, встретим дробью и последним зарядом «палыча» на пороге нашей избушки. Всё равно помирать. Так хоть дорого возьмём за двоих. За наше с тобой счастье.

И чего нынешнее племя тысячелетний опыт предков отказалось перенимать? Собрались в муравейники из метробетона, другой жизни и не мыслят, вот и душат теперь нас всем скопом. Эх, должно быть, где-то в костном мозге, я — немного фермер, тянет на дикие просторы, не пугают они меня, как остальное малахольное людское племя. И у Ковтунов мне здорово понравилось. Простор, что ни говори. Конечно, не город, потрудиться для более-менее нормальной жизни придётся. Ну, так выбирать не особо теперь есть из чего. Когда последний муравейник сдадим, одно только и останется — Ларочку в охапку и подальше от всяких полисов, и здравствуй первобытный мир… Если Ирби с Надей захотят с нами, милости просим! В две пары намного веселее жить будет. Веселее…

*** * ***

— Здравствуйте, меня зовут Абдалла Эль Шарад, я — старший служащий этого офиса. Очень рад вас видеть: хоть одно нормальное лицо среди этого мрачного серого ужаса.

Из-за приоткрывшейся двери на Джея испуганно, но с отчаянной решимостью в глазах, смотрел молодой полный араб в измятом дорогом сером костюме, со съехавшим набок ярким розовым галстуком и всклокоченной шевелюрой слипшихся чёрных волос. Сорс слегка опешил, но тоже представился:

— Привет, я Джей Сорс, смотрящий, — и зачем-то спросил:

— А что за офис?

— Офис местного филиала компании «Аравик-Ойл».

— Ага. Слушай, приятель… Бренди или другая приличная выпивка здесь есть?

Абдалла строго посмотрел на Джея, но затем как-то странно попятился назад и поманил его пальцем вглубь кабинета. Сорс вошёл вслед за мужчиной и огляделся. Араб, в общем, был прав, место для отсидеться он выбрал довольно удачно. В единственном окне в комнате Джей разглядел бронированное стекло и прочные металлические жалюзи в раме, массивная дверь выглядела ещё более внушительно, чем та, что вела в каморку уборщицы. Крепкие двери здесь в почёте, — подумал смотрящий. Ещё в комнате помимо привычных столов, стульев и большого шкафа для бумаг, имелся

холодильник, небольшая кухня с раковиной для мытья посуды и громадный сейф, вмонтированный в стену.

— Бухгалтерия… чёрная, конечно, — пояснил Эль Шарад, проследив за взглядом Сорса. Тот понимающе кивнул и шагнул к холодильнику. Араб помотал головой.

— Не здесь. Секундочку.

Он обошёл столы, что стояли посередине кабинета заваленные стопками бумаги, и подошёл к сейфу.

— Знаете, у нас с алкоголем очень строго, всё-таки шариат — это не игрушки. В головном офисе вы бы и вовсе ничего подобного не нашли. Но здесь, на юге Африки, вдалеке от строгой родины и старейшин… — араб прижался всем телом к дверце, прикрывая кодовый замок, чем вызвал у смотрящего улыбку, — для особых клиентов…

Массивная дверца сейфа бесшумно отворилась. Придерживая её полуоткрытой, Эль Шарад порылся внутри и извлёк на свет ополовиненную бутылку «Реми Мартина». Затем он быстро захлопнул сейф, словно боялся, что Сорс успеет в него заглянуть, и протянул ему бутылку.

— Вот, держите, только осторожно! Она стоит тридцать пять тысяч долларов!

— Спасибо, ты здорово выручил, э-э… Эль Шарад.

Сорс быстро взял драгоценную ёмкость и выбежал в коридор.

— Постойте! — крикнул из-за двери служащий, со страхом поглядев на белые стены коридора, покрытые чёрными пятнами ожогов и коричневыми разводами засохшей слизи, — можно я пойду с вами? Я уже трое суток сижу в этом кабинете и ничего, ровным счётом ничего не знаю, как там дела снаружи…

— Двигай за мной, только быстро, — на бегу выкрикнул Джей.

*** * ***

Ай-я-яй, как скверно, Лара… Нехорошо, нехорошо, Уварова, сомнения надо гнать, гасить, истирать в порошок, и что там ещё? Жечь огнем дисциплины, выжигать калёным железом долга. Долга? Да перед кем и во имя чего? Может, во имя «маршала» Обсокова? Или, быть может, ради славной СБОР? Вот на кой нужна эта служба безопасности Объединенной России, если самой её вот такой, с

осьмушку, кусочек остался? И тает этот кусок как сало на сковородке у Ковтунской жены. К тому же, вся великая страна и прочие вместе с нею давно превратились в набор густонаселённых точек посреди безлюдных пространств. Тоже мне великие княжества! Вот-вот падут от нашествия несметной орды. Правда, дань скоро платить будет некому. Одно я теперь знаю точно: не могу и не хочу потерять в этой унылой пустыне своего единственного мужчину, моего вожака, мою скалу. Вот уж не думала, что встретится мне в жизни такая сказка! И он один стоит сотни, нет, тысячи Обсоковых и вообще всей этой командующей сволочи. Элита… Но я тоже хороша — дочка фермера Лара Клименко! Имя хоть я не стала менять, незачем. Это ведь не шпионы какие-нибудь, а смотрящие. Вообще, это я здорово придумала, потому что легенды сейчас долго не живут и требуют корректировки на ходу. Отец, конечно, мог быть и фермером, а мать, ну, например, сельской учительницей, я не знаю…

Мне было три года, я помню только их руки и запах, большие, нежные, мягкие руки и чудесный, ласковый, добрый запах. Запах любви и счастья. Только пару дней назад, зайдя в особняк Ковтунов, я наконец, узнала, нет, вспомнила, откуда берётся этот удивительный запах. Но поняла только сейчас: так пахнет родной дом. А потом, тогда в детстве, всё это вдруг, в один миг, исчезло и… вот он, новый приют и совсем другой, жёсткий и неприятный, запах интерната для «одарённых» детей. Какой же ещё я могла стать после странного и внезапного исчезновения этих милых рук и тёплых свитеров и кофт, уткнувшись носом в которые, я так чудесно засыпала? Как тут не станешь крикливой неуравновешенной ссыкухой, ни с кем не разговаривающей и всё время «да не реви ты, господи!»? Это потом они поняли, когда подросла, что я та ещё оторва — дня не проходило без какого-нибудь происшествия или драки с моим непосредственным участием. И однажды… Позже, лет в пятнадцать, — я точно не помню, никто не удосужился мне сообщить точную дату моего рождения, — меня взяли и забрали туда не скажу куда. Пришли странные суровые дяди в форме и тети в халатах, долго нас, интернатских заморышей, изучали и расспрашивали, тестировали да измеряли.

И началась школа. Там меня научили выживать ради цели. Выбираться, уворачиваться, драться, лгать, соблазнять… Зубрёжки, долбёжки, тренировки, гипноз, экзамены, вербовки, экзамены во время

вербовок, вербовки во время экзаменов, скрытые диверсии, молниеносные захваты. А потом — сдержанные восторги инструкторов, зависть сквозь зубы однокашниц. Лучшая… Львиную долю времени в моей подготовке отставные мамонты госбезопасности уделяли внушению мысли о нерушимости идейных идеалов и непогрешимости руководства и выполнению поставленной задачи до конца любой ценой. И я верила… Но я насмотрелась вдоволь на их «непогрешимость», подлость и жадность до чужого добра. Если уж своих не жалеют, сжигая в ядерном котле под благовидным предлогом борьбы с захватчиками… А ещё, пожив немного в среде смотрящих, я кое-что начала понимать. Вот где настоящая элита, вот они — сливки общества, Люди с большой буквы. И ещё я не до конца забыла ласковые родительские руки, исчезнувшие в чёрных смутных девяностых, как ни пытались учителя заставить забыть… Так что долг и присяга прежним «идеалам» — как две глиняных ноги того колосса, которого я вот-вот разрушу, для начала в своей измученной голове, а потом… Эх, вот бы ещё документы вернуть! Не для Обсокова, конечно. Есть теперь более достойные люди… Надеюсь, этот всеведущий «жук» в моей башенке не умеет читать мысли, вроде только альфа-ритмы фазы быстрого сна, а то это было бы уж слишком круто для родной разведки… Вот уж никогда не подумала бы, что на самом деле окажусь так близко к занятию по спасению человечества. Одно дело — выполнять «очень важное задание, от которого зависит судьба всего человечества», где-то там в серой мгле это человечество, и кто знает, может, наоборот, ты это несчастное человечество в грязь и впечатываешь… И совсем другое дело, когда ты понимаешь, что дело — край… И когда не то что приказать, а попросить-то тебя язык не повернётся, ибо дело это — верная смерть, а тот, кто просит, любит тебя больше этой поганой жизни… И вот я уже бегу вместе с моим милым, даже, вот, лечу во весь опор на дивном чудо-юдо-агрегате, хотя страшно так, что прямо жуть берёт и колотит…

— Ребята, подлетаем. Просыпайтесь.

Это Ирбис. Хороший парень, добрый, и подруга у него хорошая, хоть и странная, всё глаза отводит, будто в душу поглядела…

— Лара, лисичка моя, подлетаем. Ирби, пока светло, садимся на крышу марка, так будет безопаснее.

Это Волк, думает, что разбудил меня. Я, прищуриваясь от холодного октябрьского солнца, гляжу на моего героя, которого не хочу обманывать и, тем более, оставлять тут умирать. Веди меня, мой воин, я пойду за тобой хоть на край света, хоть за край.

— Я готова, Волк.

Я готова, мой милый оборотень, осталось только придумать, как нам всем вместе здесь выжить.

Ну, а мне избавиться от «жука».

*** * ***

Зулус выглядел скверно.

Сорс быстро подскочил к нему, зубами выдернул пузатую пробку из изящной бутылки и, обхватив его голову, аккуратно приложил горлышко к побелевшим губам Зулуса.

— Пей, Тон, это поможет.

Нтонга с усилием сделал несколько глотков и тяжело задышал.

— Вот так. Сейчас полегчает.

Великан болезненно поморщился.

— Нет, Джей… Я скоро умру. Прости.

Сорс оторопело взглянул на друга.

— Ты что, Тон? Бредишь? Обожди чуток, вот-вот станет легче…

Зулус помотал головой и с трудом выдавил:

— Слишком много дряни я поймал… Даже не тошнит уже. Холодно…

Араб, нерешительно переминавшийся в дверном проёме, с готовностью предложил:

— В моем кабинете должен быть плед. Я принесу.

— Давай, — кивнул Сорс и потрепал Нтонгу за плечо. — Держись, друг, ты сильный, выкарабкаешься.

Зулус прикрыл глаза. Крупная дрожь пробежала по его телу, и всё лицо его покрылось испариной. Прибежал Абдалла и протянул Сорсу тонкий коричневый плед из козьей шерсти.

— Вот, он очень тёплый.

— Спасибо, — Джей быстро развернул плед и укрыл им приятеля. — Тон, сейчас будет совсем тепло и хорошо. А потом, как отлежишься, придумаем как выбраться из города.

— А куда вы хотите податься? — спросил араб, стоя за спиной у Сорса.

— На севере есть наша база, километрах в двадцати отсюда. Выжившие смотрящие соберутся там, чтобы решить, что делать дальше.

— А как же эвакуация? Вчера весь день в городе выла сирена. И из нашего офиса взвод солдат чуть ли не силой выгонял всех на улицу и отправлял к порту.

— Эвакуации больше нет, — глухо сказал Сорс. — После прорыва обычно уже ничего нет. Надеюсь, хотя бы часть кораблей успела уйти в море.

Араб промолчал.

— Погоди, погоди, — вдруг сообразил Джей, — а ты как тут остался? Ты сам же сказал, что выгоняли всех.

— Я спрятался там, в бухгалтерии. Заперся и не отвечал.

Сорс, немного опешив, повернулся к нему и встал.

— Послушай, Абдалла, ты почему не ушёл с эвакуацией? Там были хоть какие-то шансы спастись.

— С такой оравой женщин и детей? — араб горько усмехнулся и покачал головой. — Это же Африка, чёрная многодетная мать.

Он помолчал и вдруг спросил:

— А с вами нельзя?

Сорс отрицательно мотнул головой.

— Нам запрещено брать с собой гражданских. Хватает и других проблем.

Араб насупился.

— Если они прошли сквозь всю, как я надеялся, непроходимую Африку… то в этой эвакуации нет смысла.

— Ты о чём? Как это нет смысла? — Сорс резко обернулся и посмотрел на него. — А жизнь ничего уже для тебя не значит? На всё воля Аллаха?

Абдалла как-будто пропустил мимо ушей его обидные слова.

— Я знаю, откуда они пришли.

— Что?!. — Сорс неожиданно для себя самого вскочил, схватил араба за грудки и притянул к себе. — Что ты сказал?!!

Зулус, лежавший в забытьи, вздрогнул и открыл воспалённые, красные от лопнувших сосудов, глаза.

— Я знаю, откуда пришли ваши демоны, — тихо повторил Эль Шарад.

* * *

Ромов заметно почернел за эти несколько дней. Не знаю как объяснить то, как я чувствую: города, серых, пятнашек. Просто вижу, что они там, серые сгустки на чёрном фоне, и всё. Я никому не говорила, откуда у меня это, даже Ирбису. Не знаю… не могу! Лишь только вспомню тот ужас и боль, всё тело начинает будто разламываться на части и снова отнимаются руки и ноги, а голова… Боже, как часто с тех пор болит голова! Но я выжила тогда, в Святом Питере, уж не знаю почему, ведь такого не бывает, потому что все женщины умирают или становятся самыми уродливыми и мерзкими рабынями среди этих несчастных… А я, вот, отличилась. Может быть, потому что моя пятнашка была очень слабой и больной? Они ведь живые…

Ирбис, мой Ирбис, милый мой защитник! Как же ты боишься за меня, глупенький. Это мне нужно бояться за тебя. Как защитить, как уберечь от всей этой чёрной скользкой нечисти вокруг?

— Надя, пора. Солнце садится. Нужно, пока ещё светло, пройти хотя бы марк.

Я кивнула и застегнула молнию на куртке. Ир нахмурился и посмотрел вниз, за край крыши.

— Ну что, Волк, разобьёмся на двойки, как обычно?

— Да, — качнул огромной головой наш великан. Нет, теперь он великан Лары. Ха-ха, как смешно получается: ручной Ларин Волк! Интересно, справилась она со своими тяжёлыми думами? В полете всю голову мне отдавила. Такая сфера вокруг неё была, прямо звенела от напряжения! Ох, Волчик, намучаешься ты ещё с нею. Или, может, это как раз то, что тебе нужно, Геракл?

— Так, марк типовой, значит есть надежда, что сможем быстро проскочить на двух пневмолифтах.

— Думаешь?

— Ну, я полагаю, из двадцати четырёх кабин хотя бы парочка ещё разок сработает на «вверх-вниз».

— Это если дистанционка сработает. Наверняка они все внизу.

Мужчины решили показать, что они тут главные и начали составлять тактический план. Что же, не буду им мешать, прощупаю, что там в здании в отношении розовых… «Надя, как там внизу…»

— Надя, как там внизу? Что видно? Посмотришь?

Я улыбнулась Ирби и кивнула.

— Хорошо, Кот.

Внизу как-будто было пусто и серо… Я немного напряглась, прощупывая здание на несколько этажей вниз и… у меня вспотели ладони.

— Мальчики…

— Что там? — спросил Волк, и все трое обернулись ко мне. Должно быть, у меня было жуткое лицо, потому что их физиономии как-то вытянулись. А мне было отчего терять личико!

— Там их тьма-тьмущая! Всё здание, кроме верхних этажей, прямо кишит пятнашками, а уж сколько там серых, и представить боюсь.

— Приехали… — Волк подошёл к краю крыши и заглянул за ограждение. — Так, а если попытаться сесть на крышу института?

Ирбис приблизился к нему и тоже посмотрел вниз.

— Не выйдет, — покачал он головой, — у НИИ вся крыша — одни крутые скаты, к тому же, ей лет двести и я бы не надеялся на вероятный капремонт. В общем, она точно не выдержит нашу люльку.

— А если сядем рядом, на стоянку, то ночью окажемся беззащитны… — Волк сжал губы, крепко задумавшись. Я пристально посмотрела на институт, но он мне показался совершенно пустым.

— Ага, ещё не хватало остаться без люльки, — вставил Ир, — кто знает, что с ней станет после кисельного душа.

— Странно, — вдруг сказал Волк, глядя вниз на стоянку. — Опять ядерно-оранжевый пикап. Они меня преследуют в последнее время.

— Бывает… Ну что, Волчара, выдвигаемся? — спросил Ир, смотря на задумчивого Волка, и достал оружие.

Мой Котик никак не может привыкнуть, что кто-то, пусть и формально, назначен им командовать. Почти всегда работали только в паре, мы с ним и больше никто. Не переживай, Ирби, вы чудесно ладите. Опаньки, что-то сейчас будет…

— Ребята, — вдруг глухо сказала Лара. Ну наконец-то девица разродилась! — Не надо никуда идти.

Парни с немало удивлёнными лицами синхронно повернулись к ней, а я демонстративно отвернулась. Я их, вообще-то, уж предупреждала как могла. Но мужики, они упертые, особенно если дело касается симпатичной козочки.

— Почему это? — спросил её Ирбис.

— Лара, ты чего? — спросил её Волк.

А я ничего не спросила, потому что и так было ясно, что не простая она беженка. И мысли у неё тяжеленные, как у генерала перед решающим сражением. Я, после той пятнашки, часто слышу обрывки чужих мыслей, если человек рядом, особенно если он занят усиленной мозговой деятельностью. Но тут явно случай особый, у девушки стоит какой-то блок. То ли гипноз, то ли ещё какой-то хитрый способ, то ли настолько мы с ней несовместимы по ментальным характеристикам, что вряд ли. Кому же это в наше неспокойное время может понадобиться закрывать свои мысли даже в мире слепых и глухих? Только людям особого назначения, а то и вовсе одноразового применения… Что-то я об этом уже слышала от ребят на базе. Стонут смотрящие от происков спецслужб, ой как стонут! Ну почему, почему они нам не помогают? Ах-ах, давайте послушаем, что она нам скажет.

— Документов в НИИ нет, только зря прогуляемся, — ответила парням девица, глядя куда-то в сторону.

— Интересный поворот, — промолвил Ир. Он ещё ничего не понял.

— Лара, откуда такие сведения? — мрачно спросил Волк. Кажется, великан начал понимать. Лара медлила с ответом и зачем-то всё время терла затылок за правым ухом. Ясно, что трудно ей признаться, нашей козочке, к тому же такой нежной женушке. Помочь ей, что ли?

— Лара, ты ведь там уже бывала, да? — спросила я. Она кивнула.

— Зачем, милая? Когда? — Волк подошёл к ней и взял за руку. Она вздрогнула от его прикосновения и вдруг резко повернулась к нему и заглянула прямо в глаза, снизу вверх. В её большущих глазах стояли слёзы, пожалуй, с мой кулачок величиной. Ой, девка…

— Ничего не понимаю… — протянул мой Барс. Ох, Котик, ты у меня иногда такой тугодум!

— Я… — начала Лара и остановилась. Жалко мне её, подневольный ведь человек. Но, чувствую всей кожей, пытается сломать эту чёртову блокаду. Давай уж, красавица…

— Я выполняла задание… Службы разведки СБОР.

Ого! Вот так невеста…

— Какое? — тихо спросил Волк.

— Собрать всю доступную информацию и образцы по проекту «П-17». Также все результаты по верховодам, что удалось бы раздобыть у… — Лара запнулась и замолчала.

— Смотрящих?

— Да.

— Собрала?

— И да, и нет.

— В смысле?

— Документы похитили те мерзавцы-мародёры, которых мы на ферме повязали… Я их так и не нашла. Образцы лекарства от поражения пятнашкой при мне. А про верховодов хотела выяснить в Строево, но там… сам понимаешь.

— Да-да, понимаю, — как-то грустно сказал Волк. На него было больно смотреть. Ещё бы! Такой подарочек от свежеиспечённой «подруги жизни».

— Н-ничего себе дела, — опешил Ирби и, словно Мюнхгаузен, схватил ладонью волосы на затылке. Он всегда так делает, когда чем-то озадачен.

— Значит, и свадьба… — Волк отпустил руку девушки и отвернулся.

— Нет! — крикнула Лара и схватила его сзади за плечи, безуспешно пытаясь снова заглянуть в его глаза. — Волчик, ласковый мой, не надо! Не думай так обо мне… Не оскорбляй… Я… Свадьба, имя и всё остальное — настоящее.

— Правда? — с горечью произнёс великан. Жалко его, жалко, сил моих больше нет на это глядеть… — Выходит, прав был, что ли, Крайнов?

— В чём, Волчик?

— Что не доверял тебе.

Теперь я не могла смотреть на девушку. Я ведь чувствую, где бурьян, а где клумба… А у неё в голове сейчас такой цветник! И вдобавок что-то красное… Пульсирует… Что это?

— Я… — Господи, ей же на самом деле плохо! — я люблю тебя, Володя.

Лара упала. Должно быть, я вскрикнула, потому что Волк, стоявший к ней спиной, мгновенно развернулся и подхватил её у самого края крыши.

— Лара, что с тобой?

Она не отвечала. Волк бережно положил её на упругий шершавый битум и посмотрел на нас.

— Что с ней? — растерянно спросил великан.

Ирбис пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, плохо стало от переживаний. Не каждый день о таком рассказывают.

Я подошла поближе и наклонилась. Что-то здесь не так, это красное свечение пульсирует, вот оно в затылке, прямо за правым ухом…

— Имплант… — вдруг произнесла Лара, словно во сне, — они… не простят.

Она, судя по всему, потеряла сознание. Красный шарик перестал пульсировать и загорелся ярким ровным светом. Вдруг Лару словно пронзило током и скрутило в судорогах. Это же из-за него!

— Они убивают её! — я посмотрела на парней. — Слышите? Надо что-то делать!

Парни, озадаченные, как это с ними бывает, зависли в позах беспомощности. Ну же, мужчины!

— Постой, она сказала что-то про имплант… — Ирбис нахмурил лоб и присел рядом с ней, потом посмотрел на меня. — Надя, ты что-нибудь видишь?

— Да… у неё вот здесь, в правой заушной впадине, что-то ярко светится красным. Оно?…

Волк резко присел рядом с Ларой и, осторожно развернув её, положил голову девушки себе на колено.

— Надо срочно удалить эту дрянь…

— Как? Скальпеля у нас не водится, — Ирбис оглянулся по сторонам и зачем-то похлопал себя по карманам. — Эх, Складку бы сюда!

— Обойдёмся, — Волк, наконец, пришёл в себя, и снова стал решительным и деятельным. Ценю его за это! Он быстро вытащил свой армейский тесак и отвел его в вытянутой руке в сторону.

— Надя, достань аптечку! Ир! Быстро! Прогрей лезвие!

Ирби кивнул и достал «палыч». Поставив регулятор на «жарку», он направил ствол на лезвие и нажал спуск. Спустя секунду металл стал красным.

— Хорош… — Волк посмотрел на нож, потом на меня. — Надя, где?

Я присела рядом с ним и Ларой, раскрывая аптечку, и приложила палец к месту над свечением. Обожгло или мне показалось?

— Ребята, держите её как можно крепче…

Мы с Ирби схватили девушку за руки и ноги и прижали к битуму. Волк погладил её волосы и отвел их в сторону.

— Потерпи, милая…

Твёрдой рукой он сделал быстрый надрез за ухом. Девушка дёрнулась, но не очнулась. А я прямо увидела, как из раны расходятся в стороны длинные алые лучи! Волк достал свою мятую флягу и облил себе пальцы. Затем аккуратно раздвинув края разреза и помогая себе лезвием ножа, он с усилием извлёк светящийся шарик наружу. Лара ещё раз дёрнулась и затихла.

— Надя, быстро пластырь!

Я достала из аптечки реген-пластырь, сжала края разреза и, не мешкая, закрыла им рану. Умная вещица с лёгким шипением тут же принялась за дело.

— И что будем делать с этим мячиком? — спросила я, глядя на странный, абсолютно гладкий металлический шарик на его широкой ладони.

— А вот что… — сказал Волк и начал сжимать ладонь в кулак.

— Погоди, — остановил его Ир, — не торопись, там внутри может быть какой-нибудь яд или ещё что почище.

— Ты прав, старик, — Волк подбросил шарик на ладони, а потом вдруг резко швырнул его в сторону стоянки, — Попадёшь?

— А то! — Ир быстро выхватил «палыч» и послал импульс вслед ненавистному импланту.

— Не надо!.. — только и успела крикнуть я. Ой, как сжалось моё сердце, застучало, почуяло неладное! Раздался взрыв такой силы, что нас чуть не сдуло волной с крыши. Ирбис кинулся ко мне, а я, падая, успела лишь заметить, как Волк резко прикрыл Лару своим телом. Потом я потеряла сознание.

*** * ***

— Вот ведь дураки мы…

Волк, кряхтя, приподнялся на локте и огляделся. Его боевая троица лежала вокруг в различных позах и тихо постанывала на три голоса.

— Все целы? — спросил он остальных.

— Я в норме, только в ухе звенит, — буркнул Ирбис и похлопал себя по ногам, потом быстро взглянул на подругу и протянул ей руку, — Надя, как ты?

— Ой девочки, ой мальчики, — взяв руку мужа и садясь, проговорила девушка, — хочу домой и в люльку. И чтобы покачивали и давали молоко за вредность.

— Ну, люльку, к тому же воздушную, милая, я тебе обеспечу, — улыбнулся Ир, — а насчёт молока — с этим труднее.

— Жаль, Котик, — улыбнулась Надя ему в ответ и сделала страдальческое лицо, — так хочется пить…

Ирбис порылся в рюкзаке и протянул ей фляжку с водой.

— Лучшее средство от жажды, проверено тысячелетиями.

— Будет вам молоко, там, внизу, в продуктовом секторе, на полочке слева, как сейчас помню, бери — не хочу, — пробурчал Волк, потом склонился над Ларой и тихонько потряс её за плечо. — Лара, малышка, как ты?

Спустя пару секунд девушка медленно открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на озабоченно-растерянном лице Волка.

— Я в порядке, Волк, — ответила она и, немного помедлив, добавила: — Ты простишь меня?

Волк наклонился и поцеловал Лару в губы.

— Уже, — он нахмурился. — Напугала ты меня. Который раз.

— Я извиняюсь, что нарушаю идиллию, — сказал Ирбис, глядя на них и скаля зубы, — но у нас ещё уйма дел…

— Постой, — прервала его Надя, — Лара сказала, что уже была там, в НИИ. Так ведь, Лара?

Девушка села, утвердительно кивнула и сморщилась от боли, приложив ладонь к затылку.

— Так-то оно так, — согласился Ирбис, — но добыть образцы и документы — это только полдела. У нас ведь ещё задача есть, не менее важная, чем эта. И точка где-то здесь рядом.

Все замолчали. Спустя минуту, Волк, всё же, нарушил тишину.

— Ну что, я предлагаю такой план. Надя, остаешься с Ларой здесь, на крыше у люльки, ждёте нас с Ирбисом. Мы быстренько…

— Нет! — хором ответили девушки и с удивлением взглянули друг на друга.

— Синхронно, ничего не скажешь, — заметил Ирбис. — Тренировались? — И тут же, увидев их гневные лица, поднял руки вверх. — Всё ясно, вопрос риторический, спорить бессмысленно, — он посмотрел на Волка. — Нужна идея получше.

— Да я уж понял.

Волк потёр подбородок.

— Я вот что думаю. Если профессор прав насчёт этих своих центров, то там внизу творится чёрт знает что. Пойдём все вместе, будем пробиваться стандартными средствами. А как упрёмся, там уж… — он бросил короткий взгляд на Надю, — от вас будет зависеть. Надеюсь, Незаурядов дал руководство на случай полного ахтунга?

Надя кивнула.

— Он предполагает обильное скопление розовых и серых, поэтому, возможно, в какой-то момент нам всё же придётся разделиться, чтобы проникнуть дальше… под прикрытием.

— Справишься?

— Должна. Надеюсь, не зря все три дня тренировалась. Ещё есть этот ужасный вонючий гель — одежду точно испортим! И моё несчастное обоняние…

Волк шумно вздохнул.

— Главное, шкуру не испортить. Ладно, тогда выдвигаемся. Если что, взрывчатка будет в моем рюкзаке, вам, ради пущей мобильности, не предлагаю. Кто знает, во что ещё там вляпаемся. По возвращении, думаю, в подвале заложим напоследок… Идём, как обычно, парами, прикрывая друг друга. Девушки, помните — ни при каких обстоятельствах не угодить в кисель. Лучше уж мы с Ирбисом встанем грудью…

Лара вдруг резким движением расстегнула комбез и достала из-за пазухи какой-то блестящий предмет.

— Вот, — протянула она блистер Наде и посмотрела на Ирбиса, — вколоть сразу после контакта и принять две таблетки после прихода в себя. Через минуту будешь как огурчик.

— А ты?

— У меня есть ещё один.

— Спасибо.

— Надеюсь, не понадобится. Может, повезет, и там ещё найдёте.

— Погоди-ка, — Волк, глядя на блистер в руке Нади, похлопал себя по карманам на груди и достал из правого такой-же. — Мне Егорыч подогнал перед отъездом… Две капсулы и таблетки.

Он прочитал надпись на упаковке:

— «Панацея-17».

Глаза у Лары округлились, а вслед за ней у Волка и остальных.

— Ну знаете! Что у вас за старики-разбойники такие в команде? Спецы на все руки, смотрю я и балдею… И вообще, чувствую себя ненужной и жутким тормозом.

— А я и сам от них без ума, — ухмыльнулся Волк.

Ир и Надя, улыбаясь, переглянулись. Девушка наморщила лоб и задумчиво произнесла:

— Значит, всё-таки есть лекарство от этого ужаса…

— Не спешите радоваться, — ответила Лара. — У нас минимум информации о побочных эффектах и, к тому же, не будешь же за каждым модиком, или как у вас… у нас, — смущенно поправилась она, — за каждым серым бегать после заражения. А если время упущено, — это первые две-три минуты, — то препараты, к сожалению, уже не действуют.

— Ясно.

Волк поднялся. Остальные последовали его примеру.

— Ладно, мальчики-девочки, выдвигаемся, — он вздохнул и посмотрел вниз. — Да… никогда не было так… непонятно.

Ир посерьёзнел и согласно кивнул.

— Да уж, всегда драпали от них, ну, иногда сквозь них, а тут сами лезем на рожон.

На аварийной лестнице, ведущей с крыши на технических этаж, было темно и тихо. На цыпочках, стараясь не шуметь, смотрящие спустились к единственной двери, которую обнаружили, и замерли, прислушиваясь. На этаже тоже стояла угрюмая тишина.

— Надя, как там? — спросил Волк.

Девушка на секунду прикрыла глаза и потерла виски, потом помотала головой.

— Вроде чисто. Но ниже живность точно есть. Как змеи клубками ворочаются… Никогда такого не видела.

Волк кивнул и посмотрел на остальных.

— Значит так, сейчас, не дыша, крадёмся к лифтам и пытаемся проскочить до самого низа. Для надёжности разобьёмся на пары, каждой по кабине. Если кто-то влипает в заварушку, не геройствуем, стараемся от боя уйти. Наша цель — проникнуть в подземный гараж, тот, что под стоянкой грузовиков.

— Ты думаешь, там?… — взглянул на него Ирбис.

Волк пожал плечами.

— Не вижу вариантов. Если там и есть что-то особое, то только под землёй. Больше негде. Всё же даже огромный марк для них днём слишком светлый.

— Хм, логично.

— Ирбис, Надя, держите, — Волк порылся в карманах и протянул им по две кассеты с зарядами для «ПП». — Бригадир велел выдать, в порядке исключения. Особая миссия…

Ирбис и Надя снова молча переглянулись.

— А что нам делать дальше? — спросила Надя.

— Там увидим. Может, просто посмотрим, что да как, и уйдём.

— Хорошо бы… — буркнул Ир.

— Да, если встречаем верховода, что весьма вероятно, стреляйте не раздумывая, цельтесь в голову. Иначе…

Что будет, если выйдет иначе, никто уточнять не стал.

— Всё, пошли!

Четверка быстро пробежала этаж, огибая трубы и агрегаты технических систем здания. Смотрящие ступали бесшумно, только изредка под подошвами поскрипывала цементная пыль. У лифтов друзья остановились и осмотрелись. Здесь тоже было тихо. Волк взглянул по сторонам.

— Ирбис, Надя, проверьте лестницы, чтобы без сюрпризов. Я вызову лифты. — Он повернулся к Ларе. — Эта пневматика довольно шумная и, наверняка, привлечет их внимание. Хотя, я надеюсь, что они ещё спят. Интересно, какие сны видят серые? Цветные? Кто бы рассказал.

Он осмотрел стену слева от вереницы лифтов, шагнул к щитку со значком «Air» в углу и открыл его. За ним в углублении скрывались

два ряда плашек с переключателями и индикаторами с питанием управляющей электроники от аварийного блока — двенадцать штук на ряд, по количеству лифтов. Как Волк и предполагал, все кабины были внизу, и только у трёх — четвёртой, шестой и двенадцатой — горели зелёные индикаторы рабочего давления в баллонах.

— Надеюсь, хватит и двух.

— А назад как будем выбираться? — спросила Лара, озираясь.

— Точно, как я мог забыть. Молодец, девочка. Третий, тот, который двенадцатый, приметим для эвакуации.

Он подошёл к лифтам.

— Ну, давайте, пневмашечки, не подведите! Лара, вызови шестой.

Они одновременно нажали на кнопки вызова кабин, и Волк приложил ухо к дверной щели. Снизу не доносилось ни звука, и Волк кинул напряженный взгляд на индикаторы. Четвертый и шестой замигали, но движения в шахте по-прежнему не ощущалось.

— Ну, что там? — громким шёпотом спросил Ир, выглядывая из лестничного проёма. Волк пожал плечами и снова посмотрел на панель. Наконец, спустя пару минут, они с Ларой услышали знакомый шум и свист пневматики.

— Идут родимые. Ребята, приготовьтесь!

Как только кабины остановились, и двери со звуком, похожим на вздох облегчения, открылись, Ирбис и Надя оставили свой пост и подбежали к лифтам.

— Так, какой наш? — спросил Ир Волка.

Волк ухмыльнулся во весь рот.

— Ваш номер шестой, парниша!

Ирбис тоже усмехнулся и кивнул.

— Ладно, мне без разницы. Надя, пойдём.

— Встречаемся в подвале.

Смотрящие быстро заскочили в кабины и нажали на кнопки аварийного спуска. Как раз вовремя, поскольку на лестнице уже слышались шорохи и хриплое дыхание недовольных потревоженных «хозяев» здания.

— Удивительно, — произнёс Ир, когда двери сомкнулись, — они заняли почти всю этажку! И это громадный марк! Раньше они всегда уходили днём в подземку.

— Они обживаются, — вдруг сказала Надя, и Ир с удивлением взглянул на неё. — Держись, Кот!

Кабина снова тяжко «вздохнула» и рухнула вниз.

* * *

— Ни один старый буйвол не был побит своим детёнышем, — с какой-то невыразимой печалью в голосе произнёс Складка после долгого молчания, помешивая ароматный «кофе со сливками» ложечкой. Они с Егорычем сидели в столовой у окна и неспешно заканчивали дневной приём пищи. Столовая была пуста — смотрящие сегодня пообедали, как обычно, шумно и весело, но на удивление быстро, и всей гурьбой поспешили исполнять поручения Бригадира, развернувшего бурную деятельность по прибытии первых групп из Чингирска.

— Ты это о чём? — рассеянно спросил Пётр, глядя в окно на возню во дворе.

— Пословица.

— Опять зулусская?

Фёдор кивнул.

— Опять, — он вздохнул. — Понимаешь, какая штука, Петя, я после нашего разговора много думал…

— О чём именно? Мы всякого наговорили тогда.

— Да уж. Я вдруг подумал, что как ни крути, во что бы там человек не верил, — в эволюцию, в революцию, в пришельцев, в сотворение, — а Земля-то — мать, как ни верти. И уж точно тёплый и уютный дом в мёртвом ледяном космосе. Вот и Писание говорит: прах мы и в прах возвратимся… И все эти теории скрещивают шпаги между собой — а без земли никак не обходятся. Дети мы, производное химических элементов. Только вот что-то злые дети.

— А то! Ещё какие злые. Прах, утекающий сквозь персты Божьи.

Фёдор посмотрел на приятеля, потом на кружку, сделал решительный глоток и брякнул ею о блюдце.

— Хорошо сказал. Знаешь, Петя… Что, если ты прав, и никакие это не пришельцы? А? Ведь это даже очень символично, что серые жрут землю, ломая зубы. Мы всю свою жизнь стремились отдалиться, отделиться от матушки. Лишь пользоваться, ничего не давая взамен, даже не давали отдыхать земле. И застраивали, бетонировали,

закупоривали, укатывали, вгрызались машинами в плоть и опять застраивали… Кто ж такое вытерпит? Вот и земля не смогла. Ответила… Через силу, боль материнскую. Я это образно, конечно… в виде символов. Можно всё гораздо прозаичнее описать — как простой обратный эффект… Ведь не только у живых существ могут быть э-э… рефлексы в ответ на агрессивное внешнее воздействие?

Пётр посмотрел на приятеля с восхищением.

— Ну, ты сегодня прямо в ударе, я погляжу! Прозреваешь, учёный люд?

— Опять ты за своё, агитатор, — отмахнулся от него Фёдор, — нашёл панацею — из городов бежать, как-будто только в них дело. Это нынешнему-то поколению?! Ты только вдумайся, ведь всю жизнь эти люди, тратили на то, чтобы обмениваться никчёмными цветными бумажками, управлять потоками этих бумажек, накапливать, складывать стопки из них, лгать, рвать, убивать, уничтожать всё вокруг из-за них… Хвалиться ими как детьми. А сами, отнимая всё это даром у неё, черствели и захлёбывались в своей ненасытности. И вот — накрыло всё это медной ёмкостью… И, может быть, из-за этой самой ненасытности. А насчёт городов, если ты и прав, то только в том, что так нам захлёбываться было гораздо удобнее…

Он прижал ладонь к лицу и, покачиваясь, с тоской стал смотреть сквозь пальцы в окно на жгуче синее небо в лучах холодного октябрьского солнца.

— Что же мы наделали? Что мы натворили? — прошептал он едва слышно.

*** * ***

На пневматике индикаторы в лифте не работают. Поэтому, когда Надя крикнула «прыгай!», я с готовностью подчинился. Как раз вовремя: ненавижу жёсткую посадку, когда амортики лифта окончательно умирают. Тут главное головой с потолком не встретиться, благо что в марках лифты просторные и высокие. В общем, наши зубы и колени на этот раз остались целыми.

Кряхтя, я с усилием раздвинул створки дверей окончательно сдохшего лифта, а Надя быстро просунула в проём «палыч». Не понадобилось: мы очутились на техническом этаже, едва ли не ниже гаражей, среди ещё одной груды непонятных мёртвых агрегатов

Ромовского марка. И, к нашей великой радости, здесь нас явно никто не ждал, хотя расслабляться всё же не стоило.

Я огляделся, соображая, куда дальше двигаться. В этот момент ожил задачник.

— Ребят… вы…м ка…?

Я подскочил к четвёртой шахте, чтобы лучше добивало, и поднёс запястье к подбородку.

— Нормально. Мы внизу. Пока всё тихо, ждём вас. Как вы там? Приём.

— Мы, похоже, застряли. Судя по схеме здания и геодатчику задачника — тридцатый этаж, в районе администрации. Лопнул воздуховод, и сработали стопоры. Свист в шахте стоит, всех мёртвых в округе разбудит, не то что этих.

Я тоже присвистнул.

— Плохо дело.

— Ага. Будем пробовать вскрывать дверь.

— Ждать вас?

— Пока нет.

Я поперхнулся слюной.

— Ты что, Волчара?

— Слишком долгая песня получится. И я так думаю, вам внизу будет полегче, если мы тут устроим небольшой отвлекающий торжественный приём в честь лучших представителей здешнего общества. Здесь ведь целое общество, так, Надюш?

— Так, Волчик, — грустно кивнула подошедшая к дверям лифта Надя и, нервно потерев рукавом куртки кончик носа, посмотрела на меня.

— Ну вот, а-га… поддаётся, родимая! Лара, давай вперёд, милая! Ну, где вы, грязные хлопцы? Возьми мой «палыч», как я тебя учил… Справа! Стре… Молоток, так держать… Ребята, мы здесь пошумим, потом будем прорываться к вам! Расчетное время встречи — через тридцать минут. Отбой… Это ещё что за хре…

Они, судя по всему, выбрались из лифта, и связь пропала.

— Чёрт! — я стукнул кулаком по чугунной станине токарного станка, подвернувшегося под руку. Зачем им здесь токарный? А-а, всё равно. Ребята там наверняка в заварушку попали!

— Надя, надо наверх, к ребятам пробираться!

Надя снова с грустью посмотрела на меня.

— Тогда точно не доберемся, куда собирались, Ирби. А ведь мы рядом, я чувствую.

— Что?

— Там что-то… странное и… очень тяжёлое… не могу объяснить. Оно чувствует нас, и ему это очень не нравится. Нужно уже, наконец, узнать, что оно… они тут… делают.

Она вдруг замолчала, а потом добавила:

— Они излучают страх.

— Как это? Объясни, Надя.

— Я не знаю. Он не слышен, но я его ощущаю всем телом.

— Постой… но это похоже на инфразвук! Не слышен и вызывает панику и чувство страха.

— Может быть.

— Ты можешь с этим бороться?

— Да, но не слишком долго. Я смогу защитить тебя, Ири.

— Нас обоих, малышка. Правда?

Надя ещё больше погрустнела и промолчала.

— М-м! — Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что ещё не так, Кот?

— Я забыл биогель в «люльке»!

— И я про него забыла после взрыва… — тихо сказала Надя.

— Вот это сходили в рейд!

— Ай, — махнула она рукой, — всё равно я бы не смогла на себе эту вонь вынести, это выше моих сил. Ну что, Барс, будем пробираться к гаражам в сторону стоянки?… Надеюсь, ребята нас всё же догонят. Ой-ой-ой, Ирби, к нам гости!

Ответить я не успел. В техничку из коридора сквозь широкие распахнутые двери ввалилась толпа недовольных серых, раздраженных серых, нет, разъярённых серых! В драки не ввязываться, говоришь? Эх, Волчара! Мы с Надей мгновенно достали «палычи», и понеслась…

Такого я не помню, но, должно быть, натренированный мозг на подсознанке включил какой-то особый режим: я стал как машина, а серые замедлились вдвое, и какие-то мягкие стали, как вата… Мы шли и шли, а они всё прибывали и прибывали, я и не думал считать…

Главное, что Надюшка моя рядом и невредима… Мы дойдём, надо дойти. Надоели вы все до смерти.

Я не заметил, как мы оказались в пустынных подземных гаражах, что под стоянкой, прошли сквозь пять сотен, не меньше, серых, и чёрт знает сколько пятнашек, потом спустились в какой-то косой пролом в бетонном полу, больше некуда было идти, из гаражей было только два выхода, и оба наверх.

И вдруг я заметил странное дело — серые кончились. Как-то разом остались там, за нашими спинами, в гаражах. Мелькали пятнашки, вереща, превращались в месиво, размазывались выстрелами по стенам и полу пещеры… Проход расширился, я автоматом бросил взгляд на задачник. Ба! Казалось, мы уже пол-Ромова прошли под землёй, а мы всего лишь под этим долбанным институтом! И вот тварей стало так много, что мы поняли — всё, дальше не пройти, сомнут. И «палыч» нестерпимо жег руку, и последняя кассета в обойме. Надя резко дёрнулась, зажмурилась и обхватила голову руками. И я снова, как тогда, на базе, и ещё раньше, в Москве, услышал такой уютный любимый голос: «Милый, идём, я их придержу…» И пятнашки вдруг замерли и разом расступились, странно и гадко закивав клиньями своих скользких голов. Чего вы киваете, бесы прозрачные? Какой-то огромный бескрайний подвал, должно быть, институтский, странно, зачем им понадобился такой огромный подвал? Какой отвратный запах, и совершенно пусто, одни пятнашки и куча каких-то чёрных бугристых пятен на бетонном полу. И пятнашек здесь даже не сотни — тысячи! Что вы здесь, плодитесь, что ли? Мы шли и шли, а они всё кивали и кивали, мурлыкая что-то, как довольные кошки. Я взял Надю за руку и почувствовал, как она напряжена и вся дрожит.

Я огляделся и в свете фонарика вдруг разглядел поодаль, за толпой пятнашек, какие-то странные и подозрительные мешки. Мы подошли поближе, и я обомлел. Это были… яйца! Огромные, почти круглые, в высоту они доставали до моего колена! Насколько хватало света от луча, в какой-то туманной дымке стройными рядами уходили в темноту сотни, а то и тысячи коричневых кожаных яиц. Да что за монстры их тут кладут?

— Я больше не могу, их слишком много! — прошептала моя малышка и прижалась ко мне. — И сверху на голову что-то так давит…

Я обнял её, всем телом ощутив бившую её дрожь, и погладил по голове.

— Надо выбираться отсюда…

А куда выбираться? Обратно? Там, пожалуй, теперь все серые Ромова ждут нас с нетерпением, а «палычи» почти дохлые. Словно в ответ на мой немой вопрос, Надя показала на далёкий потолок. Я поднял голову и увидел в свете фонарика толстенный электрический

кабель, свисающий почти до пола, а наверху, на потолке уходящий в зияющую чёрную дыру, в которую можно было пролезть. Молодец, Надюшка! Надеюсь, плевки ещё не научились быстро лазать по таким канатам?

— Давай, как обычно, ты первая, пока у тебя есть силы, я поддержу, малыш, и прикрою, если вдруг рыпнутся.

Она кивнула и стала медленно карабкаться по кабелю, а я схватил его рукой, чтобы меньше раскачивался, и встал рядом, поводя «палычем» вокруг. Должно быть, хватка Нади ослабла, потому что пятнашки вдруг вышли из ступора и понемногу начали кружиться вокруг меня, похоже, пока не осознавая, кто я, что я. Наконец, Надя добралась до верха и пролезла в дыру. Со вздохом облегчения я убрал «палыч», в секунду вскарабкался по шершавому от каких-то засечек кабелю сразу метра на три. По канатам ползать для нас дело привычное. Дышать, правда, тут под потолком трудно, воздух спертый и как-будто пропитан чем-то. Где я уже слышал этот запах? Такой тяжёлый и омерзительный. Ещё немного, что-то руки совсем отяжелели, старею, что-ли? В голове жутко звенит… Надюша, милая, подожди, я уже рядом, скоро выберемся. Жаль, так и не выяснили, кто несет такие странные яйца… Пятнашки точно не в счёт, для них эти кожаные шары, мягко говоря, великоваты. Так, хватаемся за вот эту арматурину — и мы наверху… Проклятье, я выронил «палыч»! Как я мог не застегнуть кобуру? А твари внизу стали активнее, снова слышно их нетерпеливое повизгивание. А-а, всё равно заряд был почти на исходе…

— Надя?…

Надя не подала мне привычно руку. Она больше никогда не подаст мне руку. Моя малышка, вся в крови, лежала на грязном полу очередного подвала проклятого НИИ, полюбившегося монстрам, а над ней, моей нежной и единственной, склонилось мерзкое чудовище. Наверное, я закричал, потому что тварь резко обернулась ко мне, скаля окровавленную пасть с острыми мелкими зубками. Жёлтые зрачки, бугристая кожа, в три раза больше тех пятнашек, что, визжа, вдруг хором взбесились внизу. Я узнал его, хоть ещё и не встречал таких. Или, быть может, её? Неважно. Верховод ощерился, а мой «палыч» внизу, да он и не страшнее палки теперь. Но мне всё равно. Звон в голове прошёл. Что, урод, не удалось взять меня за мозги? Я вдруг

отчетливо понял, что это за запах был там! Странно, «палыч» Нади лежит рядом. Поднимаю. Тварь бросается. Ухожу. Прожигаю воздух. Кувырок. Снова бросок. Бью с колена. Визг переходит в хрип, обугленные кишки твари летят на пол. Разворачиваюсь. Голова пусть будет отдельно… Я очнулся, когда от урода осталось лишь вонючее месиво. Бросив раскалённое оружие, я кинулся к Наде. Только бы она была жива! ТОЛЬКО БЫ!!! Я целовал её в губы, прижимал её к сердцу, и рыдал, рыдал, рыдал, как будто это могло вернуть мою Надю… «Андрей» — вдруг позвала она меня и замолчала навсегда. В голове будто что-то взорвалось, медленно угасая. Даже умирая, Надя защищала меня от проклятого монстра! Глаза застили слёзы, всё вокруг помутнело и зашевелилось радужными кругами, а я всё баюкал её, и Надя словно засыпала в моих руках, как всегда… Со всех сторон толпой закружились пятнашки, но странно, почему они не бросаются? Чего вы боитесь, мерзость на лице земли?… Вот он я, весь ваш… Ну?!!

*** * ***

— Я являюсь одним из заместителей генерального управляющего компании, — араб помолчал и продолжил, — то есть… являлся. Я был правой рукой босса и, говорю без ложной скромности, знал практически все тайны и проблемы компании. — Он сделал ещё паузу и тихо добавил. — Не скрою, моё трудолюбие и образование, — разумеется, Кембридж и высшая школа менеджмента Уортона при университете Пенсильвании, — позволили бы мне при необходимости управлять всей компанией и даже без нужды в совете директоров. Ох уж это сборище старых упертых ослов…

Сорс устало опустился на единственную табуретку в каморке, противно скрипнувшую пластиковыми опорами ножек по бетонному полу, и кивнул, поощряя собеседника продолжать. При этом он не сводил глаз с больного напарника. Зулус лежал, завёрнутый в плед, тяжело дыша и приспустив веки, и было непонятно, слушает он араба или снова впал в забытье.

— Так вот, в девятнадцатом году из-за непрекращающегося кризиса в отрасли, катастрофического снижения уровня добычи сырой нефти из основной и старейшей залежи компании Аль-Гавар, руководством было принято решение о форсированном глубинном обследовании

периметра залежи методом… — араб запнулся и часто заморгал, — а-а, теперь уже точно всё равно, — пробормотал он как-будто сам себе, — методом, технология которого, — после некоторой существенной доработки, конечно, — была м-м… заимствована у строителей подземных туннелей метро. Все работы, разумеется, проводились секретно. Применение метода бурения на основе модели Картани-Модлера, после доработки, оказалось настолько эффективным, что была дана директива о разработке данным методом остальных месторождений компании.

— Помню, об этом тогда много писали газетчики… — Сорс потёр запястьем шершавый от грязи лоб и посмотрел на руку. — Ого, помыться бы не мешало… Продолжай.

— Да, журналисты прозвали те события «Вторым пришествием нефти». Конечно, после череды кризисов в нулевых и десятых, этот прорыв в добыче и вправду стал для всего мира как небесная манна в пустыне для пророка Мусы и сыновей Исраила. Тогда нефть без перебоев извлекалась, считай, только в России и в Южной Америке, американцам едва хватало на собственные нужды, а это не могло не вызывать напряжения в мире… Как вспомню всю эту обречённость и беспомощность во время Шестнадцатиминутной Войны… И некуда бежать… А я тогда как раз учился в Филадельфии. Помните? Тридцать тысяч боеголовок в воздухе на баллистической кривой! В самый последний момент эти умники договариваются, и — самоподрыв, минимальная радиационная угроза… Конечно, как тут не устроить разборки! Представляете, на протяжении десятилетия у русских в руках находилась почти вся мировая пищевая промышленность! Да они все свои города отстроили и перестроили только благодаря этой «корове». Одна их гордая бравада чего стоила: «Москва — кормящая мать мира»…

— Не отвлекайся, друг, ты хотел рассказать о тварях.

— Да-да, я помню. Я посчитал эти события важными, потому что с них, я полагаю, всё началось. Так вот, после успеха первых бурений и наладки трубопроводов, изыскания продолжили. И неожиданно, 22 мая 2022 года при прохождении полукилометровой отметки к западу от старой залежи были вскрыты три огромных замкнутых каверны. Туда были направлены две группы исследователей. Ими были обнаружены странные образования, похожие на большие

веретенообразные глиняные саркофаги. После извлечения наружу и вскрытия оказалось, что внутри саркофагов находятся зародышевые яйца существ, пока ещё неизвестных науке, отлично сохранившиеся, не смотря на огромный возраст находки, каким-то образом закапсулированные в этих кавернах, предположительно миллионы лет назад являвшихся пещерами в скалистых породах. Возможно, они сохранились благодаря какому-то природному катаклизму, обвалу горных пород или их неравномерному проседанию, не знаю, так мне пытался объяснить палеонтолог исследовательской группы. Невероятно, но факт! Какая-то удивительная среда, чудо-микроклимат, время там словно остановилось… Все, кто там был, потом говорили, что не хотелось уходить, какое-то невероятное чувство покоя и безмятежности… Естественно, яйца достали на поверхность, поместили в специальные боксы. Пока решали, что делать с этими яйцами, неожиданно, спустя пару недель, из части яиц, а их было что-то около тридцати, дружно вылупились два десятка рептилий довольно странного вида, но очень похожих на невероятно крупных гекконов. Сначала всё шло нормально, за ящерками наблюдали, исследовали, учёные были в абсолютном коллективном восторге. Руководство компании, воодушевлённое результатами разведки и добычи, благосклонно отнеслось к находке и даже спонсировало дальнейшие исследования. Учёным и их подопечным были выделены средства и оборудованные помещения, и про них все мы на время благополучно забыли. Было очень много работы, сами понимаете, — новые пики добычи, потоки нефти, новые горизонты… А мажоритарий никогда не скажет «довольно».

Абдалла на некоторое время смолк и как-то вдруг ушёл в себя, погрузившись в воспоминания. Зулус неожиданно дёрнулся и закашлялся. Сорс достал фляжку с водой и приложил горлышко к его губам. Нтонга сделал несколько скупых глотков и затих.

— А потом в исследовательском комплексе начали происходить странные и страшные вещи, — продолжил свой рассказ араб.

— Какие? — спросил Сорс и приложил два пальца к шее Зулуса, чтобы проверить пульс.

— Ящерицы подросли и… примерно через три месяца персоналу стало ясно, что это не простые ящерицы, правда, извините за банальность, поняли они это слишком поздно. Сначала у всех, кто

находился в помещении, где содержались рептилии, одновременно и с одинаковой интенсивностью стали возникать жуткие головные боли. У обоих ассистентов, которые занимались кормлением тварей, были попеременно отмечены припадки дикой ярости и беспричинного страха, а также потеря сознания, а потом… один из них умер от отёка мозга, а второго пришлось отправить в психиатрическую клинику. После этого было решено усилить меры безопасности, но неожиданно подросшие ящеры стали нести странные небольшие яйца… Десятки, сотни, тысячи! А из них, спустя ещё какой-то месяц, стали вылупляться страшные прозрачные монстры, не похожие на своих родителей и растущие не по дням, а по часам…

Абдалла в сердцах ударил кулаком по раковине из нержавейки, прикрученной к стене. Раковина гулко отозвалась на удар, и Сорс, вздрогнув, посмотрел на араба. Заодно громыхнули и медные трубы, уходящие в стену. Очнувшийся Зулус шевельнулся, задрожал и с трудом сделал вдох.

— Надо было тогда сразу сжечь всё это жуткое племя! Или, на худой конец, заморозить до лучших времен и более мудрых исследователей. Кстати, кто-то из консультационной группы предлагал что-то подобное. Но нет, эти глупцы всё твердили: «Открытие века! Ещё немного подождём, понаблюдаем! Как же можно так варварски поступить с бесценной для науки находкой!» Доигрались в нобелевских лауреатов… Это мы угробили всё человечество, понимаете?! И я мог всё пресечь на корню, ещё в зародыше! Если бы только знать…

— Я понял, понял, — кивнул Джей и помотал головой — ему жутко хотелось спать, — так вот как, оказывается, всё началось. Постой, а как же ты выбрался оттуда? Там же, я полагаю, поражение было стопроцентное. Или ты резистентен?…

— Нет, нет, что вы! Не проверял, хвала Всевышнему… Мне, можно сказать, повезло. Я буквально за пару дней до начала этого сумасшествия сел в самолет компании и отбыл по срочному делу, улаживать очередной конфликт с местными профсоюзами, здесь, в Кейпе. Совершенно не желают работать, ленивые чёрные обжоры и тунеядцы! — араб осёкся и смущенно улыбнулся, покосившись на Зулуса. — Простите, вырвалось. Нельзя так, пожалуй, об умерших и… потерянных, да?

Сорс устало пожал плечами.

— Слушай… А как же тогда ты узнал?

Абдалла нахмурился.

— По задачнику я говорил с одним из последних… вменяемых служащих. К тому же, у меня есть… был доступ к корпоративной системе наблюдения, она, кстати, наверняка, до сих пор работает. Мы в своё время не поскупились, поставили самое лучшее решение с возможностью продолжительной автономной работы и защищенного удалённого доступа. Правда, когда там пропал оллнет, а потом и по всему миру стали отваливаться целые сегменты сети, проку от этого наблюдения не стало никакого.

— И ты никому не сообщил?!!

— Как? Я пытался… Но никто не верил, только крутили пальцем у виска, думали, розыгрыш. Ссылались на перебои со связью из-за феноменальных вспышек на солнце, мол, отсюда и все проблемы, в том числе с транспортным сообщением. А потом стало слишком поздно. Как обычно. Проклятая городская разобщённость… Дивные самодостаточные Оазисы среди безмолвной пустыни. Своё питание, своя энергия, дерзкие мечты о собственной бесконечной жизненной силе…

— У тебя сохранились записи? Хоть что-то?

— Да, — араб махнул рукой в сторону двери, — там, в бухгалтерии, в сейфе лежит твёрдый диск. Жуткое зрелище. Я о них слишком поздно вспомнил. И пока я искал, кто бы мог выцарапать записи из этого дурацкого служебного формата… Как назло, никто из местных не имел доступа, а единственный разбирающийся техник, прикомандированный сюда из головного офиса, накануне уехал домой, в отпуск. Позже и вовсе не до того стало.

— Послушай, приятель, надо срочно…

Смотрящий не успел закончить мысль. Зулус, который, как казалось Сорсу, старался внимательно слушать разговор, вдруг резко дёрнулся и хрипло закашлялся.

— Погоди, — быстро сказал Сорс арабу и наклонился к напарнику. — Тон, дружище, ты как?

Зулус не ответил, его голова безвольно упала на скрученную узлом куртку. Он потерял сознание.

— Тон! Вот дьявол! — Сорс обхватил его руку своими ладонями и сильно сжал. Потом он приложил пальцы к сонной артерии больного великана. Пульс был, но едва-едва прощупывался. — Пожалуйста, друг… Не уходи! Проклятые монстры!

*** * ***

— Ух, Ларчонок, подготовка у тебя просто блеск! Не зря я на тебя глаз положил, — восхитился Волк, глядя на подругу, и снова посмотрел на три трупа серых, в красочных позах распластанных по холлу с лифтами.

Лара скупо улыбнулась в ответ, осторожно поглядывая по сторонам. Прирожденная смотрящая, — с удовлетворением подумал Волк. Свист из шахты, наконец, прекратился, что тоже было на руку смотрящим.

— Ты думал, милый, что вояки только драпать мастера? Кое-что они тоже умеют и делают. По крайней мере, наш отдел… Извини, Волчик, это я по инерции, я же теперь вроде как списана, — Лара мрачно усмехнулась. — И я уверена, что они ещё кое-что обязательно сделают. Вопрос только, когда.

— А именно?

— Как мне подсказывает моя израненная интуиция, — девушка осторожно потрогала пластырь за ухом, — мой бывший шеф Обсоков или кто там сверху отдадут приказ, и доблестные ракетчики накроют это место парочкой увесистых боеголовок. Они ведь тоже о чём-то таком догадываются, только пока никак не могут эти самые центры активности найти, не у всех ведь есть такие, как ваш Незаурядов. И раз я тут с вами, то сложат дважды два, потом по маячку, что был в моем шарике, дадут наводку и…

— Вот мерзавцы!

— Да брось, Волчик, на войне все средства хороши… Тем более, что я не справилась.

— Нет, милая, ты очень даже справилась. — Волк оглянулся, изучая обстановку. — Ладно, прикрой меня, я посмотрю как отсюда побыстрее выбраться.

Лара кивнула, продолжая смотреть в сторону единственного коридора из холла, и поудобней перехватила дробовик. Смотрящий мельком взглянул на план эвакуации, что висел на стене около лифтов,

потом на кнопки вызова и, наконец, перевёл взгляд туда, где за щитком должна была быть консоль аварийного управления кабинами. Консоль была на месте, вернее, то, что от неё осталось: вырванные «с мясом» куски панели висели на лохмотьях разноцветных проводов. Кнопки около дверей лифтов тоже не радовали глаз ни одним работающим индикатором.

— Вот это засада… Неужто серые сломали? Верится, конечно, с трудом, но я уже здесь ничему не удивляюсь.

— Думаю, Волчик, отсюда кабину точно не вызовем.

Волк кивнул и снова взглянул на план.

— Так… Ага, это уже интересно… Лара, тут оказывается есть ещё один лифт! Похоже, он служебный, использовался только администрацией, и находится… — Волк провел пальцем по витиеватому коридору, змейкой петляющему между офисов по всему этажу, — на противоположной стороне здания, рядом с аварийными лестницами. Вот засада так засада! Придётся переть через весь этаж. Ладно, надо найти более-менее укреплённую позицию и устроить шум, чтобы ребятам хоть малёк полегче там внизу было. Потом спускаемся и прикрываем отход.

— Ясно, командир, — снова улыбнулась ему подруга.

— Тогда пошли!

Коридор, усеянный по бокам бесконечными дверьми офисных клеток и далеко в конце опасно поворачивающий направо, оказался на удивление пуст. Но всё же смотрящие, пробегая, услышали за каждой дверью недовольную возню и знакомые стоны.

— Они тут везде! — испуганно шепнула Лара.

— Здесь темно днем, им, похоже, это нравится. Давай на цыпочках пробираться к тому лифту, а там видно будет.

Волк и Лара тихо, но при этом как могли быстро, побежали по коридору, ещё больше убеждаясь, что всё здание огромного марка буквально кишит серыми.

— Ты понимаешь что-нибудь? Зачем они тут сидят? — снова шёпотом спросила девушка.

— Ну как же? Центр активности.

— И что это может быть?

— Чёрт его знает. Всё, что угодно.

Две цели приближались к ней и были встревожены и возбуждены. Её позиция была удобна и незаметна. По прозрачному телу пробежали радужные волны нетерпения. Вот они приблизились и пробежали прямо под её убежищем. Рептилия бесшумно выскользнула через дыру в вентиляционной трубе и на секунду замерла на потолке, совершенно невидимая в сумраке коридора. Крупная особь манила как магнит, и тело рептилии стало мутнеть, готовясь к атаке.

— Так, почти пришли, — тихо произнёс Волк, оглядываясь на Лару, — за этими дверьми должен быть ли…

Договорить он не успел. Предпоследняя офисная дверь слева внезапно с оглушительным грохотом разлетелась на древесно-волокнистые куски, и из этих обломков с диким рёвом ракетой вылетел здоровенный серый. Волк рефлекторно сгруппировался и, приседая, чтобы уйти с линии атаки, успел разглядеть на нём форму армейского спецназа. Ревущий «лётчик» в камуфляже, промахиваясь, всё же больно задел смотрящего ногами в тяжёлых берцах, неожиданно для себя кувырнулся через голову и вдруг резко затих, с хрустом припечатавшись шейными позвонками о ребро косяка двери напротив. Но на его дикий рёв, эхо которого предательски убежало в тёмную даль коридора, многими могучими глотками нестройно отозвался весь немаленький этаж администрации.

— Вот и пошумели, — пробормотал Волк, не сводя глаз с проёма выломанной двери. Лара, взволнованная, присела рядом с ним и направила ствол дробовика назад.

— У нас есть секунд десять, пока они окончательно не придут в себя ото сна, — быстро прошептал Волк.

Девушка вдруг остановилась и достала из кармана куртки какой-то блистер с таблетками.

— Подавитель двигательной активности, — ответила она на немой вопрос Волка. — Это их задержит ненадолго.

Она выдавила две капсулы на ладонь, слегка надавила на них пальцами и зашвырнула шипящие квадратики назад в коридор. Затем она снова перехватила поудобнее дробовик. Волк толкнул створки дверей, ведущих из мрачного коридора в чуть более светлый холл служебного лифта.

— Давай вперёд к лифту! Я прикрою…

Лара услышала, нет, кожей на щеке ощутила лишь лёгкое дуновение воздушного потока, идущего от… потолка? Почему так медленно и неохотно поднимается ствол «бекаса»? Не успеть… Эта страшная бесформенная дрянь так быстра и так легко переливается по спёртому воздуху коридора… Яркая вспышка выстрела сбоку освещает розовое облако, и дробь, не доставая до него даже краем, уходит куда-то вверх, с бессильным упорством вгрызаясь в равнодушно крошащийся пластик потолочной панели… Как хорошо, что отдача помогает двигаться, надо только оторвать тяжёлые ноги от пола и в прыжке успеть прикрыть Его, только прикрыть, только и всего, Господи, ну пожалуйста, позволь мне дотянуться до этого сгустка слизи, поймать руками и… я смогу!!!

— Лара! — завопил Волк, оглянувшись. — Нет, нет, нет, нет!!!

Он аккуратно подхватил падающую Лару и что было сил рванул с неё мокрую от слизи куртку. Но было уже поздно: девушка начала хрипеть и задыхаться. Не в силах сделать нормальный вдох, она жутко выпучила глаза и забилась в конвульсиях.

Во мраке коридора задёргались гадкие тени, послышался отвратительный топот десятков ног и многоголосое бормотание. Волк осторожно положил девушку на пол и кинулся к дверям. Захлопнув их, он схватил с пола дробовик Лары и его ремнём скрутил ручки дверей. И почти сразу створки содрогнулись от сильных ударов.

— Походу, подавитель им — как слону муравей на хребет… — зло пробурчал он, затягивая ремень потуже.

Убедившись, что запор выдерживает атаки, Волк бросился к любимой, опустился рядом на колени и положил «палыч» на пол.

— Сейчас, сейчас, милая… — Волк стал яростно хлопать себя по карманам, ища блистер с лекарством. Внезапно где-то сбоку раздался лёгкий скрип открывающейся двери, и смотрящий быстро оглянулся.

— Не шевелись. А то сразу пристрелю.

Из каморки уборщицы в глубине холла из-за приоткрытой стальной двери на него смотрел до боли знакомый ствол «пустынного орла», а над ним маячила не менее знакомая физиономия.

— Патрик…

Мародёр криво усмехнулся и вышел из каморки. Без плаща, но в том же грязном свитере и с побрякушкой на шее.

— Узнал. Это хорошо. А Бог всё-таки есть.

Пальцами левой руки Волк нащупал спасительный блистер в нагрудном кармане. А «палыч» лежит на полу…

— Послушай, — как можно спокойнее обратился он к бандиту, в уме отсчитывая секунды, прошедшие от заражения Лары. «Не более двух-трёх минут…»

— Заткнись.

— Ей надо срочно сделать укол!

— Я сказал — заткнись! — Огромный «орел» опасно дёрнулся в его сторону.

Если отвлеку его или в прыжке… Только как мгновенно достать ампулу? — лихорадочно размышлял смотрящий, не сводя глаз с противника. — Откуда же ты тут взялся, мерзавец?

— Ну что, не ждал такого сюрприза? — ухмыльнулся Зигмунд и подошёл ещё ближе.

Сорок три, сорок четыре, сорок пять… Лара страшно хрипит, ей не хватает воздуха и очень-очень больно…

— А я ждал, — мародёр сплюнул на пол и растёр ботинком. — Уверен был, что встретимся. Мир сейчас стал тесен, как никогда. Согласен, бугай? Киваешь… То-то. А людишки всё мечутся, туда-сюда, туда-сюда, переживают за свою никчёмную жизнь. Дебилы…

Шестьдесят шесть, аккуратно надавить пальцем на ампулу до слабого треска фольги… Семьдесят, только не дёргаться, пусть мерзавец гонит свою пургу…

— Знаешь, что больше всего бесит? Что вы, избранные, везде суёте свой нос! Тоже мне — спасители проклятых, благородные рыцари в куче дерьма.

Он посмотрел на содрогающиеся двери, потом на беспомощную скрученную судорогами девушку.

— Ну, и зачем всё это? А? Не надо, не отвечай — вопрос риторический. Я вот из-за тебя преданных парней потерял, и лучшего друга… Вот это потери! Сейчас ведь толковые друзья с крепкими руками и холодными мозгами, без всей этой лишней шелухи в голове — на вес золота. Конечно, немного дисциплины не помешает. Ну, на то я и Пастырь проклятых, — Зигмунд усмехнулся и, сделав страшное лицо, потрогал орден. — А из-за никчёмного быдляка жизнью рисковать просто глупо. Ты не находишь?

— Дай мне спасти её, — выдавил сквозь зубы Волк, — потом делай что захочешь.

Зигмунд осклабился.

— Что захочу? А если тебе не понравится? А, герой? Ей-то уж точно понравится, им всем это всегда нравится, даже когда кричат «не надо, не надо!»…

Девяносто три! Ампула, наконец, выскочила из блистера в карман…

Внезапно с противоположной стороны холла, со стороны дверей, за которыми должен был быть выход на аварийные лестницы, раздался далёкий громкий рёв. Это серые с других этажей пробудились от своего дневного сна, то ли разбуженные воплями отсюда, то ли чем-то ещё…

Волк никогда ещё так не прыгал с колен, и нога взорвалась лютой болью в наращенных тканях. Он стерпит, это ерунда, и отвернувшийся на крик мерзавец не успеет. Самый прыгучий серый позавидовал бы ему сейчас, когда он взмыл в воздух, здоровой ногой выбил у подонка ствол и сильным ударом обеих отбросил его далеко, в сторону лифта, подальше от Лары. Приземлившись как кошка, на четвереньки, Волк мгновенно вскочил, развернулся, вырвал драгоценную ампулу-шприц из кармана на груди и снова подскочил к девушке.

— Сейчас, девочка моя…

Сзади послышались какие-то странные звуки. Волк резко обернулся и увидел, как мерзавец, распластавшись на полу у служебного лифта, зачем-то с усилием пытается раздвинуть створки дверей в шахту.

— Ты что делаешь, подонок?

Зигмунд не ответил. Счет шёл на секунды, и Волк повернулся обратно к Ларе.

— Потерпи, милая…

Не теряя времени, он быстро вколол содержимое во взбухшую вену на её шее.

— Сейчас станет легче…

И получил страшный удар в затылок. В глазах потемнело, затем сильные руки схватили его и потащили куда-то назад.

— Ну что, с-смотритель, полетаем? — зло прохрипел Зигмунд, подтаскивая Волка к открытой шахте лифта.

— Только… после тебя, — ответил тот, приходя в себя, и, резко освободившись от захвата, быстро встал на ноги. Зигмунд снова атаковал его мощным ударом в голову, но Волк на этот раз успел увернуться от атаки, и соперники сцепились, обнявшись как старые добрые друзья.

— Думаешь, вы одни такие ос-собенные? — тяжело дыша, прошипел Зигмунд.

— Ты о чём, выродок?

Волк попытался разжать захват, но мародёр почти не уступал ему в силе и имел чуть более выгодную позицию.

— Меня эта дрянь тоже не берет, — передёрнулся от свежих воспоминаний Зигмунд, потом ухмыльнулся и сильно ударил смотрящего головой, целя в переносицу. Волк с трудом увернулся, получив болезненный удар в скулу.

— А-а, ты об этом… — слегка даже опешил смотрящий и сморщился от острой боли в ноге, на которую опёрся, сдерживая соперника. Но стиснув зубы, он тут же собрался, резко ударил снизу по рукам противника и с силой оттолкнул его.

— Таких не берут…

Сокрушительным ударом в челюсть он придал мощный импульс не сумевшему вовремя увернуться Зигмунду. К несчастью для упорного мстителя, тот оказался у самого края шахты лифта, и удар буквально зашвырнул его в проём между раскрытых створок. С долгим затихающим криком Зигмунд исчез в чёрном бездонном колодце.

— Ф-фух, падаль… Вот не рой другому яму, — выдохнул устало Волк. — Аминь.

Нога снова напомнила о себе прострелом в голени, да так, что он даже присел, опустившись на здоровое колено. Внезапно сзади раздалось знакомое шипение и… он понял, что не успевает. «Палыч» валяется в пяти метрах от него, а очередная скользкая тварь, что снова втихую подобралась к нему, сейчас прыгнет. Нет, уже прыгнула… Падая вправо, Волк сгруппировался, готовя себя к чудовищной боли, к которой невозможно привыкнуть, всё ещё надеясь, что успеет. Он развернулся и… Раздался знакомый всхлип, и огромная розовая капля в воздухе, что неотвратимо летела к нему, жадно протягивая то ли щупальца, то ли ложноножки, вдруг засветилась ярким светом и через мгновение взорвалась от перегрева. Волк весь сжался и закрыл голову

руками, в надежде, что более лёгкие рваные сгустки всё же минуют его тело. И обошлось.

Спустя мгновение он подскочил к обессиленной подруге и с тревогой заглянул в глаза. Тяжёлое оружие, выроненное ею из слабых трясущихся рук, со стуком упало на вытертый линолеум.

— Как ты, Лара?

— В-в-в н-н-норме, — кивнула девушка. Её била крупная дрожь.

— Спасибо, милая, выручила ты меня… Надо принять таблетку, — оглядываясь, сказал Волк и достал из кармана надорванный блистер, а из рюкзачка девушки бутылочку с водой. — Вот-вот снова нагрянут гости, а у нас опять всё не готово.

Лара с трудом улыбнулась, кивнула и, проглотив таблетку, с отвращением оглядела себя.

— Од-дежду п-придётся в-выб-бросить.

Волк усмехнулся.

— С боевым крещением тебя, красавица моя.

Он посмотрел на двери, над которыми виднелась табличка с надписью «Выход».

— Попробуем пробиться по лестнице и на другом этаже — к лифтам на той стороне, у нас ещё есть двенадцатая клетка в запасе!

— А как ж-же ребята?

— Я всё время о них и думаю! По-любому, сначала едем вниз.

Со стороны двери, ведущей к офисам, снова послышался шум возни и многоголосое бормотание. Внезапно дверь опять сотрясли мощные удары, сопровождаемые усиливающимся звериным рычанием. Спустя несколько секунд дверь не выдержала и с треском пала под натиском. На площадку перед лифтом выскочили сразу трое здоровенных серых в камуфляже спецназа. Увидев смотрящих, они почти синхронно присели, расставили руки и заревели нестройным хором. Из-за их спин раздались ответные вопли несчётного количества собратьев.

— Выбрались, мерзавцы…

Волк в падении одним движением поднял с пола «палыч» и филигранно снял троицу мощным залпом, о чём горячий «друг смотрящих» сообщил возмущённым попискиванием — залпы быстро изнашивали оружие.

— Прости, друг… Отдохни, ты ещё понадобишься…

Смотрящий огляделся, быстро сунул бесценное оружие в кобуру и, не выпуская из виду коридор, кинулся в угол. Там он подобрал два укороченных «калаша», что валялись на полу рядом с какими-то большими бурыми пятнами. Волк быстро проверил сдвоенные магазины, — все они оказались почти полные, — накинул оба ремня на шею и передёрнул затворы. Из проёма выломанной двери, мешая друг другу, наконец, толпой повалили разбуженные, голодные и очень злые серые всех мастей.

Волк подскочил к Ларе, аккуратно подхватил её, поставил на ноги и быстро увлёк в сторону лестницы. Очередью из «калаша» он скосил четверых самых прытких серых, почти настигших их у выхода, толкнул дверь и, не глядя, веером выпустил с десяток пуль в коридор. Одним прыжком он вместе с подругой выскочил на лестницу, готовый к очередной схватке, и вдруг замер от неожиданности. На площадке было пусто. Держа двери на прицеле, Волк быстро глянул вверх и увидел на всех пролетах, сколько хватало глаз, бурное шевеление сотен потревоженных серых — путь наверх по лестнице в любом случае был отрезан. Смотрящий посмотрел вниз, в бесконечный проём, идущий до самого дна этажки, заранее предполагая худшее, и вдруг обомлел от неожиданности. Тремя пролетами ниже, весь окровавленный и измазанный толстым слоем какой-то вековой подвальной пыли вперемешку со свежей землёй, вверх по лестнице медленно шёл Ирбис, неся на руках безжизненное тело Нади. Его как-будто совсем не волновало и не касалось происходящее вокруг! Сбоку на поясе у него грязным мешком, явно с чем-то тяжёлым, болтался его рюкзак. При каждом шаге рюкзак с глухим стуком бил по бедру смотрящего. Лара, совсем слабая после пятнашки и лекарств, тихонько прижалась к мужу и тоже, забыв обо всём, с немым удивлением и испугом смотрела на Ирбиса.

— Надю забираем, — тихо сказал он ошарашенным друзьям, когда поднялся на этаж. — Я не позволю, чтобы поганые твари её тут съели.

— Давай помогу… — протянул руки Волк, шагнув навстречу другу.

— Нет! Это моя ноша.

Шокированные, Волк и Лара молча расступились, пропуская Ирбиса. Посмотрев вниз, они с удивлением увидели на нижних площадках множество юрких пятнашек, которые скулили как собаки,

без конца кружили, но держали какую-то непреодолимую дистанцию до Ирбиса. Запоздало оглянувшись назад, они обнаружили, что толпа серых в коридоре, что гналась за ними, замерла на месте, неуверенно раскачиваясь и не решаясь двигаться дальше дверного проёма.

— Однако… — удивился Волк, — откуда такое смирение?

Он посмотрел на Лару. Та пожала плечами, вытерла рукавом холодный пот со лба и устало вздохнула.

— Неожиданно, конечно, но, думаю, стоит воспользоваться.

Не переставая оглядываться, они последовали за Ирбисом, который размеренно и с неотвратимой решимостью шагал вверх, мимо серых, которые в страхе расступались перед ним и его ношей.

Когда смотрящие, наконец, добрались до «люльки» и стартовали с крыши марка, Лара оглянулась. Едва чудо-машина поднялась на полсотни метров, прежде чем нырнуть между этажек, крышу мгновенно заполнила толпа серых, которые неистово трясли руками и громко стонали, оставшись без своего странного жестокого опекуна. Казалось, они все собрались здесь на предсмертный призыв монстра, убитого Ирбисом. Станут ли они когда-нибудь снова людьми? — подумала девушка, — успеем ли мы спасти хотя бы оставшихся? Она осторожно взглянула на Ирбиса. Тот, не оборачиваясь и глядя куда-то вдаль, направил «люльку» на север, взяв курс на Ликамск. Лара взглянула на валяющийся на полу рюкзак с головой монстра, за которую смотрящий заплатил такую высокую цену, на тело Нади, завёрнутое в плед, и отвернулась.

На западе, из-за огромной, почти во всё небо, слоёной лепешки густых фиолетовых туч выскользнуло громадное пылающее солнце и тяжело оперлось на острый штакетник чёрных этажек мёртвого Ромова, плотно изрезавших горизонт. Серые, освещённые сбоку багровым светом светила и от того ещё более страшные и зловещие на вид, дёргаясь, стояли у края крыши и смотрели вслед «люльке», пока та не скрылась из виду. А потом они стали прыгать вниз, всё так же тряся конечностями и издавая мучительные стоны.

*** * ***

Зулус умирал.

Сорс держал его за руку и чувствовал, как та слабеет с каждой минутой. Он едва сдерживал слёзы и отвлекал разговорами себя и

друга, когда тот приходил в сознание.

— Знаешь, Тон, я тут недавно вспоминал случай из детства… Когда я чуть не расколол свою голову как орех, играя с остальной дворовой мелкотой в пятнашки. А моя мама очень тогда испугалась за меня и заплакала. Я вот подумал: как странно. Мы, люди, похожи на такого вот несмышлёного мальчишку, что несётся сломя голову куда-то ради своего мимолётного удовольствия в жизни… Земля — добрая мать, уютный дом, вон сколько добра на ней, и в ней… Но ведь ничто нельзя терпеть вечно, а? Как ты тогда сказал? «Осень человечности»? Тут, пожалуй, вернее будет «осень человечества». Хозяин дома решил, наконец, навести порядок… Но будет ли весна после мёртвой зимы? Или нас тоже когда-нибудь кто-то раскопает как этих несчастных паразитов, а мы снова начнём играть в пятнашки со смертью… Хотя… Ты знаешь, Тон, твой дед был прав: это и вправду закат, и вправду осень человечности. Только она началась гораздо раньше этой войны.

Зулус вздрогнул и скривился от боли.

— Тон?

— Больно, Джей, здесь, в груди… прости, что я подвел тебя. Так страшно… Прости…

Он сделал короткий оборванный вдох и замер, только веки его глаз ещё продолжали дрожать, словно от холода.

— Спи, добрый Тон. Спи, добрый великан. Я помолюсь о тебе неведомому Богу.

Сорс прикрыл узкой шершавой ладонью остановившиеся веки Зулуса и зашептал что-то, едва шевеля губами. По его щекам текли крупные слёзы.

— Я сообщу всем. Ты умер не зря. Я сообщу всем.

Спустя какое-то время он посмотрел влажными от слёз глазами на араба, который всё это время тихо стоял в проёме двери.

— Пойдём со мной. Мы должны рассказать другим обо всём, что ты знаешь о тварях.

*** * ***

Профессор Незаурядов сидел в своём кабинете, склонившись над записями, и шевелил бровями в задумчивости. Внезапно дверь кабинета широко распахнулась, на пороге возник Крайнов.

— Альбертыч! Мегановости! — он стремглав вбежал в кабинет и поднял за собой маленькие воздушные смерчи, веером взметнувшие вверх стопки листов бумаги, которыми был завален стол. Профессор лег всем телом на стол, пытаясь удержать особо ценные листы и уменьшить последствия урагана.

— Тише, тише! Здесь все мои последние исследования! — вскричало светило науки. — Что там у тебя, Серёжа?

Крайнов застыл посреди комнаты и развёл руками, словно бы в танце.

— Такие данные! И откуда!

— Да что там случилось, в самом деле?

— Пришла радиограмма из Кейптауна, представляешь?

— Ну и что там такого, что мы и так не знали? — всё ещё хмурясь, спросил Незаурядов.

— В городе, конечно, всё плохо, эвакуация не завершена, уже несколько дней идет адский прорыв серых и пятнашек. В общем, всё как обычно и невесело. Но! Одна из двоек смотрящих, выживших после первой ночи… а ты представляешь, что это такое — первая ночь прорыва? Так вот, двойка, вернее выживший наш и ещё гражданский… Короче, спустя четверо суток, — пока выбрались из города, пока добрались до базы, — сообщили всем потрясающую новость!

— Ну, что там?

— Смотрящие наткнулись на одного аравийца, который владеет информацией о происхождении захватчиков.

— Что?! — профессор вскочил и отпустил стол. Бумаги тут же рассыпались по полу, но Незаурядов даже не взглянул на них. — Где текст депеши?

— Сейчас отправлю тебе на планшет. Но если коротко, то никакие это не пришельцы, будь они неладны! Несколько лет назад саудовские нефтяники в Гаваре были усердно заняты секретным применением ворованного метода Картани в поисках новых и возможной вторичной выработки старых месторождений.

— Картани-Модлера.

— Не будь занудой. Так вот, они так увлеклись, варварски буравя окрестности истощённой залежи, что вскрыли полые каверны глубоко под землёй, в которых, как я понял, чудесным образом сохранились

яйца каких-то древних рептилий. Эти идиоты достали их все и разместили в инкубаторе. Вызвали ботаников…

— Биологов. И, наверняка, палеонтологов…

— Всё одно, — отмахнулся Крайнов. — Ну, а дальше как в тупом ужастике. Чего под жарким аравийским солнцем можно было ожидать от горячих исламских парней и, тем более, от этих отогревшихся ископаемых? Ящеры вылупились, быстро подросли и давай откладывать яйца, но почему-то уже другие и, к тому же, тысячами!

— Так-так… Но этого ведь просто не может быть! Второго закона термодинамики ещё никто не отменял! Там ничего не должно было остаться, кроме праха и отпечатков!

— Как видно, может, — Бригадир нахмурился и добавил тихо: — Как бы я хотел, чтобы окружающая меня действительность тоже «не могла быть».

Помолчав секунду, он продолжил:

— Ладно, всё же вернёмся и поговорим о наших «невозможных» баранах. Как я полагаю, ты силой своего неординарного и тренированного ума догадываешься, что там началось?

— Так-так… Из яиц стали вылупляться амиттоморфы… пятнашки?

— И покатилось всё к чертям. Именно так.

— Ископаемые? — профессор задумался, словно тут же начав решать сложнейшую задачу в уме. — Знаешь что, Сергей… Нужно срочно выяснить глубину залегания этих самых каверн и точные координаты, широту и долготу, до секунд, слышишь?

— Да как это сделать-то? — опешил Крайнов.

— Свяжись с южно-африканским центром повторно. И попроси их допросить этого человека с пристрастием. Передай, что эта информация крайне важна, она просто невероятной ценности!

— Бегу! — крикнул на ходу Бригадир, снова подняв вихри в кабинете. — Надеюсь, они там ещё не разбежались по саваннам. Просрали мы Африку, профессор!

Незаурядов медленно опустился в кресло и придвинул к себе листок с последними записями. Некоторое время он просидел, невидящим взором разглядывая записи, затем вдруг скомкал верхний лист и бросил его в урну для бумаг. Планшет на столе пискнул, принимая данные. Профессор взял его в руки и начал внимательно читать полученное сообщение. Спустя минуту, схватив чистый лист и

ручку с искусанным колпачком, профессор стал быстрым почерком что-то записывать, иногда замирая, снова и снова перечитывая послание и свои записи и покачивая головой из стороны в сторону. Лишь только однажды он отвлёкся на чтение нового сообщения от Крайнова о том, что команда Белого Волка возвращается с образцами тканей верховода. Прочитав весьма обнадёживающую новость, Незаурядов пробормотал:

— Жду не дождусь, — при этом его брови, шурша, погладили толстую оправу очков. — А ведь здесь получается нечто совершенно фантастическое!..

* * *

Когда Зигмунд, наконец, выполз из клятого подземелья через пролом в стене какого-то подвала, было ещё светло. Он не помнил, сколько времени протискивался по узкому щенячьему лазу, наверняка, прокопанному этими мерзкими слизняками или их безмозглыми подопечными. Оглянувшись, он понял, что оказался под этажкой, соседствующей с институтом, за которым в лёгкой дымке проступала гора марка. Схватив с газона ладонью охапку сухих листьев и травы, Зигмунд вытер всем этим грязь с окровавленного лица и выругался.

— Ну что за непруха такая? Это тупые геройские выродки должны были подохнуть, а не моя святая братва! И где теперь всё моё добро, а? Опять, как в начале всей этой лоховской беготни между городов… Это что же, я снова гол как сокол? А?

Дела шли скверно. Он дважды потерял приспешников, его минивэн с тщательно и кропотливо собранным добром тоже был кем-то освоен неизвестно где, в баке морковного пикапа не осталось и капли бензина, до стоянки у марка Патрик еле добрался накатом, благо в том месте проспект шёл чуть под горку. И схрон в самом марке, оставленный им и командой перед бегством из города (в машину всё нажитое не влезало), до которого он так надеялся добраться, теперь, походу, был окончательно потерян. И вот как теперь выбираться из этого стрёмного места? Даже его, Зигмунда, любимый орден, больно коловший грудь, чем держал всегда в полезном нервном тонусе, бесследно канул в подземелье. Нет, конечно, ему стоило быть благодарным тварям, разломавшим основание шахты лифта и устроившим под ней какое-то мягкое вонючее логово, набитое доверху тряпками и матрацами,

натащенными из марка. И что лифт застрял где-то наверху. Зигмунд сплюнул, выпрямился и огляделся вокруг. Перспектива всё так же казалась безрадостной. Какой-то поганый грязный сквер, сплошь заросший чахлыми тополями, отвратные зелёные скамейки с облупившейся краской, пыльная куча мусора возле брошенной стройки поодаль, от которой остался покосившийся ржавый стальной каркас. Рядом с этим скелетом громоздилось что-то бесформенное, прикрытое большим строительным тентом, а вокруг по всему скверу были зачем-то расставлены мерзкие резные деревянные фигурки сказочных персонажей на бетонных постаментах вдоль прогулочных дорожек — какая пошлость! Он уже ненавидел всеми внутренностями этот проклятый, бесконечно унылый Ромов. Ни единого повода для веселья, и ночка на носу грядёт бессонная, а он и так уже вдоволь напрыгался.

Что-то всё же смутило его взор, и Зигмунд опять посмотрел в глубину сквера. То бесформенное нечто, что лежало (стояло?) рядом со стройкой в тени деревьев, было настолько тяжёлое, что сломало своим весом один из довольно крепких тополиных стволов. Оно как-будто упало с неба. Словно в такт его мыслям, грязно-серый тент, лежавший сверху, неожиданно задрался от сильного порыва октябрьского ветра, и Зигмунд обомлел, не веря своим глазам.

— Ого… Это уже кое-что! Это ведь не то, о чём ты подумал, Патрик?

Еще раз воровато оглядевшись, Зигмунд, кривясь от боли в избитом теле, как мог быстро преодолел пару сотен метров до объекта своего внимания и отбросил тент, оказавшийся не чем иным как огромным парашютом. Под ним красовался целёхонький пятитонный армейский бронированный вездеход «Барс».

— Крас-савец… Вот это спасибо, армия! Жмурам ведь уже не понадобится.

Мародёр, сжав зубы, чтобы не завыть от боли, сдёрнул с корпуса парашют, проверил, что тросы его были нормально отстрелены от корпуса при посадке, и, открыв водительскую дверцу, залез внутрь броневика. Он осмотрелся и присвистнул. Всё, что ему было нужно сейчас, присутствовало и даже больше. Три укороченных «калаша», ящик с патронами к ним, десятка три боевых сухих пайков, две огромных фляги с водой и с десяток маленьких, аптечка. И чай!

Ароматный, нет, благоухающий цейлонский чай в пакетиках. Чёрт побери, настоящий! Почему-то именно эта находка обрадовала Зигмунда даже больше, чем фляжка со спиртом, найденная в бардачке. Оказывается, он вот уже, пожалуй, сотню лет не пил настоящего чая, всё больше какую-то безвкусную ароматизированную бурду, а тут всякой элитной солдатне его закладывают в пайки. Дрожащими от усталости руками он вскрыл греющий пакет и сунул в него фляжку с водой.

Некоторое время Зигмунд неподвижно сидел, откинувшись, в кресле водителя и отдыхал. Он с шумным хлюпаньем, иногда болезненно морщась, потягивал запёкшимися потрескавшимися губами из железной кружки терпкий горячий напиток и наслаждался неожиданной находкой, ощущая бодрящее тепло, бегущее по ублажённому телу.

Внезапно он ощутил какое-то движение снаружи. Зигмунд чуть приподнялся, выглянул на улицу сквозь лобовое стекло и обомлел. Весь проспект, насколько видел глаз, был заполонен невесть откуда взявшимися серыми. Они двигались по направлению к площади и (Зигмунд осторожно, стараясь шевелить одними глазами, оглянулся) исчезали в чёрных дырах широких входов в оллмарк. Патрик быстро запер все двери и схватил один из автоматов, но это оказалось лишним. Даже ближайшие серые не обращали на броневик никакого внимания и целеустремлённо двигались дальше к какой-то неведомой цели.

Зигмунд не знал, сколько прошло времени, пока он неподвижно сидел, пережидая чудовищный живой поток монстров снаружи. Наконец, в сгустившихся сумерках, количество серых, тащившихся по проспекту уменьшилось, но во множестве появились те розоватые прозрачные твари, одна из которых чуть не убила его тогда, у дороги. Патрика передёрнуло. Что-то особенное натворили там эти смотрящие, раз тут случилось такое шествие, — подумал он. Наконец и розовые демоны почти исчезли с улицы. Его взгляд упал на защитный козырек от солнца. Он быстро откинул его и с удовлетворением поймал в ладонь увесистый ключ.

— Ну что же… Надо выбираться, любимец богов. Вряд ли тут стоит ещё что-то ловить. А с этим «барсиком» мы ещё наделаем великих дел…

Словно в ответ на его слова, снаружи, вдоль бесконечно прямого проспекта, плавно зажглось автоматическое уличное освещение, подобно ночной взлётной полосе, будто указывая Зигмунду верный путь.

Двигатель завёлся с пол-оборота и уверенно заурчал своими шестью литрами. Датчики на приборной панели показали, что все системы в норме и оба бездонных бака полные до горловин. Мародёр усмехнулся, откусил кусок галеты из пайка, включил передачу и надавил на газ. Тяжёлая махина незаметно для себя окончательно сломала жалобно треснувший ствол голого тополя и, небрежно смяв чугунную оградку сквера, выкатилась на проезжую часть опустевшего освещённого проспекта.

— Благодарю тебя, Господи! — крикнул в окно Зигмунд, бросив прощальный взгляд на пустынную площадь, за которой высилась

громада оллмарка, и быстро уносясь в туманную даль освещённых улиц. — Я знал, что ты любишь меня!..

Едва броневик, басовито урча и поднимая в воздух облака пыли с мостовой, скрылся из виду, в сумрачном небе над городом вдруг возникли две яркие точки. На какое-то время они словно замерли на месте, увеличиваясь в размерах, а затем с огромной скоростью устремились вниз, падая прямо на центр города. Спустя мгновение, став похожими на кометы с огненными хвостами, они одновременно и наискосок вонзились в здание Ромовского марка, кишащее серыми и пятнашками. Раздался мощный оглушительный взрыв, и огромное облако поглотило рушащийся монолит и окружающие этажки. В небо поднялся белёсый гриб и осветился далеко вверху лучами закатившегося солнца. Спустя какое-то время облако рассеялось, оставив после себя на центральной площади руины, кучи обломков и мусора, из которых кое-где вырывались языки пламени и поднимались густые столбы дыма. Вскоре на город опустилась ночь, и, впервые за многие дни, принесла покой уходящим за горизонт бесконечным рядам пустых чёрных этажек.

*** * ***

Ирбис и Волк, кряхтя от натуги, вдвоём притащили огромный, почти прямоугольный, белый валун, найденный среди сотни других поблизости, на просторную опушку посреди густого ельника и установили вертикально на свежий земляной холмик. Ир попросил у Волка его сверхпрочный тесак и, как мог аккуратно, нацарапал на камне «Надя». Вокруг было морозно и тихо, вечернее солнце было уже где-то там, за сине-чёрными деревьями, которые пускали длинные серые тени по белой от инея траве. Редкий снежок, словно извиняясь перед печальными людьми на поляне за вторжение, деликатно и бесшумно опускался на холодную чёрную землю, вальсируя в морозном воздухе.

— Мы вычистим эту заразу, — произнёс, выпрямившись и глубоко дыша, Ирбис. — Я лично, своими руками задушу каждую встреченную верховную яйценосную особь и сожгу всё её отродье. А пока не вычистим — будем жить в полях. И тогда придётся забыть про подземку ближайшие лет на двести. Жили же как-то наши предки до нас… Что ты там Волк говорил про избушку в тайге?

— Говорил?

— Ну, думал. Извини, я не нарочно, я ещё не привык. Хорошая идея, Наде бы понравилась. Но только когда убедимся, что ни одной поганой верхоматки не осталось. Пятнашки тогда рано или поздно сами вымрут… Мы подождём. И больше никакого метро. Так, ребята?

Волк и Лара молча кивнули и взялись за руки. Ирбис ещё раз взглянул на камень и тяжко примятую им почву. Он присел рядом с могилой и положил руку на камень.

— Прощай, Наденька, — его глаза заволокли слёзы. — Прощай.

Он резко отвернулся от друзей и могилы и, чтобы не разрыдаться, вцепился зубами в ладонь. Волк отпустил руку Лары и, подойдя к другу, крепко сжал могучей кистью его плечо.

— Плачь, Ирби, плачь, в этом нет позора. Станет легче, я знаю.

Плечи Андрея задёргались от рыданий. Волк обнял его, и тот, уткнувшись в грудь друга, уже не мог больше сдерживаться.

— Мы всегда будем помнить её, братишка. Обещаю.

*** * ***

Старики сидели в кабинете Крайнова и вместе с ним с интересом смотрели на профессора и слушали его быструю увлечённую речь. Бригадир, познав про их умения, позвал Петра и Фёдора обсудить возможность их участия в делах, но неожиданно прибежал Незаурядов и, не обращая на стариков никакого внимания, начал рассказывать Крайнову о новых данных, своих расчётах и теоретических выкладках.

— Так вот, Серёжа, что у меня тут получилось…

— Э-э… Ладно, выкладывайте, профессор. Кстати, как вам посылочка от Ирбиса? Заставила пошевелить мозгами? Говорят, ваши подопечные места себе не находили всю ночь.

— Великолепно! — не обратил внимания Незаурядов на злую шутку бригадира. — Собственно, благодаря ей я смог собрать всё воедино. Это была бессонная ночь. Так вот… Анализ уже имеющихся данных и полученных из Кейптауна сведений показал следующую картину. Мы имеем дело с уникальным явлением невероятной значимости. В результате нецелевого использования технологических ресурсов и бессистемного и безответственного вмешательства неподготовленных кадров в ископаемые пласты был произведён уникальный сдвиг исторических эпох, а также произошло

насильственное смешение биологических видов, разделённых миллионами лет, в одном временном промежутке.

— Семён Альбертович, дорогой, а нельзя без этих вот завихрений?

— Да-да, сейчас поясню, — Незаурядов продолжил стремительное измерение кабинета шагами по диагонали. — Дело в том, что рептилии, которых извлекли на свет мои аравийские коллеги, хотя я с большой натяжкой могу так назвать тех безответственных дилетантов, так вот, эти ящеры, как это ни невероятно звучит, являются… являлись в своё время не чем иным, как паразитирующим видом! Да-да, они паразитировали на крупных видах травоядных динозавров поздней юры, предположительно, на динозаврах-гигантах отряда зауроподов. Я имею ввиду брахиозавров, апатозавров, диплодоков. Вероятно, и на крупнейших цераподах, но это ещё нужно дополнительно исследовать. Самих ящеров мне пока не удалось классифицировать, подобных останков нигде в соответствующей литературе не описано, я бы точно узнал. Возможно, слабый скелет, малый ареал, либо какой-то природный катаклизм существенно сократил период их…

— Паразиты? — ошеломлённо прервал его Крайнов. — Однако… Это как? Они же не черви какие-нибудь. Я понимаю, там, бычий цепень или, не к обеду будет сказано, глисты.

— Мой друг, учитывайте гигантские размеры носителей! И к тому же ключевая особенность здесь в том, что ящеры не были паразитами сами по себе. Каким-то удивительным образом эти существа производили на свет помимо себе подобных ещё и… как бы поточнее выразиться… некий вспомогательный подвид себя! Поразительный механизм, ничего подобного я ещё не встречал. Эх, сколько тайн, сколько тайн! Причины фотосенсибилизации подвида пока совершенно не ясны. Возможно, чувствительные клетки тела разрушаются или теряют уникальные свойства при воздействии ультрафиолета…

— Ну, Альбертыч, — ошеломлённый Бригадир нахмурился и взглянул на стариков, — профессор, вы имеете ввиду…

— Да-да, основной вид — это прокураторы, или, если угодно, верховоды. А амиттоморфы, не смотря на свою удивительную кажущуюся разумность — не более чем расходный материал для… А вот это уже совсем интересный момент!

Профессор явно находился в наивысшей своей стадии творческого возбуждения, и брови его метались по лбу как свежепойманные тараканы в стеклянной банке.

— Мне пришлось даже отложить ряд важных вычислительных задач ради последних находок. Как хорошо, что на этом заводе сохранилась действующая лаборатория! Проанализировав в «молекулярной дробилке» с построением вероятностных поведенческих моделей геном обоих видов, спасибо доблестному Ирбису и его команде, я пришел к выводу, что прокураторы были особыми гурманами. Их не прельщала простая растительная или смешанная пища в виде окружающей мелкой живности. Они, словно какие-нибудь кролики или крупные жвачные млекопитающие, вторично использовали переваренную растительную массу. Только в данном случае полученную от травоядных гигантов.

— То есть, они что, питались э-э… фекалиями динозавров?

— В общем, и да и нет. Во-первых, производное гигантов было не совсем фекалиями, а вполне питательным продуктом. Вероятно, они сами иногда потребляли его повторно из-за отсутствия многокамерных желудков. И во-вторых…

— Что?

— Это самое волнующее открытие! Собственно, именно из-за этого нашим злосчастным прокураторам и понадобился такой сложный процесс воспроизводства! Благодаря суицидально настроенным отпрыскам, скажем так, второго сорта, которые, как не трудно догадаться, то ли в одиночку, то ли скопом в тёмное время суток атаковали гигантов, на какое-то достаточно длительное время и, я полагаю, с помощью некоего удивительного вида гипноза, прокураторы заставляли последних, одурманенных такой атакой, питаться определёнными видами растительности, чтобы м-м… на выходе получался некий особо привлекательный для них продукт. Которым они в свою очередь и питались сами и, судя по всему, с превеликим удовольствием! Вот такой удивительный жизненный цикл. Кстати, способность амиттоморфов к огромным прыжкам сюда весьма хорошо вписывается: гиганты были очень высокими, к тому же подолгу находились в воде — в болотах или у берегов озер. И чудовищная проникающая способность субстанции последней стадии

жизни амиттоморфов обусловлена необходимостью проходить сквозь толстую, как броня, кожу динозавров.

— Ох, заворачиваешь… Ну, прямо не доисторические ящеры, а пастухи на выпасе какие-то. Постой-ка, Семён Альбертович… Пусть так, но… — Крайнов замолчал, переваривая услышанное. Старики в углу тоже заёрзали, переглядываясь. — А как быть с трёхлетними всплесками активности? Что это такое? Как-то не вписывается в твою теорию.

— Этот вопрос интересен особенно. Надо сказать, что эти трёхлетние циклы очень хорошо адаптируются в мою модель. Ведь я пока упомянул только о том, что верховоды производили на свет амиттоморфов — удивительных существ, способных, как следует из данного мною названия, необратимо терять форму тела, «растворяться» в жертве и влиять на её способность поддаваться гипнозу. А когда, скажите на милость, им самим размножаться, как не в эти трёхлетние периоды, а?

— Хм, действительно, логично. Наверное.

— А невероятная активность, я думаю, связана с желанием родителей обеспечить потомство максимумом питательной и вкусной пищи, а также для его защиты.

— Но, профессор, — почти вскричал Крайнов, — всё это замечательно и познавательно, но причём же здесь люди?!

— Это очень серьёзный вопрос, Серёжа, — Незаурядов как-то весь сник, — и ответ на него в чём-то очень грустный.

— И всё же.

— Полагаю, что для обильно размножившихся амиттоморфов в качестве жертв не нашлось ничего, вернее, никого более крупного и подходящего вокруг, чем бедное вездесущее людское племя, заполонившее землю удобными скоплениями и уничтожившее огромное количество диких видов, включая практически все крупные. Да, да, вырубка лесов, засев огромных площадей лишь одним видом зерновых — всё то, что идет как питательная основа для синтеза БКС, и даже варварский вылов промысловой рыбы с той же целью, — заранее погубило наших возможных спасителей от древних рептилий… Кто знает, что мы ещё упустили в понимании природных симбиозов. Даже коровы и прочий крупный рогатый скот стали после Пищевой Революции довольно большой редкостью, а те, что остались,

находились, как правило, на огромных фермах вдали от городов. Отсюда и крайне странное поведение феноморфов в тщетных поисках подходящей для правителей пищи. При отсутствии естественных врагов и благодаря огромной подземной инфраструктуре это дало мощный толчок неконтролируемому размножению. Эти ящеры отнюдь не разумны, по крайней мере, чтобы можно было говорить о возможности самоопределения и, — как вероятное следствие, — способности к контакту. Они всего лишь выполняли свою программу, если хотите, веление инстинктов, хотя, безусловно, они очень сообразительны и организованны… Удивительная способность к самоорганизации. А уж результат… Вот что бывает, если грубо и недальновидно обращаться с природой. К тому же, такая модель хорошо объясняет те факты, что часто следы атак амиттоморфов обнаруживались на автомобилях, поездах и даже на электрогенераторах ТЭЦ, то есть крупных и, в каком-то смысле, для них вполне «живых» объектах. При этом часто такие атаки выводили агрегаты из строя. И ещё… У меня есть наработки относительно силового поля Химото, которое для чувствительных рептилий, похоже, оказалось чем-то наподобие валерьянки для котов. Отсюда и их невероятная любовь к подземке, напичканной генераторами поля с их долгим остаточным излучением.

— Да… Вот отчего их так и тянет без конца по тоннелям. Как-то жутко всё это, — Крайнов развёл руками и покачал огромной головой. — Но почему серые так агрессивны? Ящеры эти вполне ведь себе травоядные, верно я говорю?

Незаурядов нахмурился и скрестил руки на груди.

— Сложно сказать. Научного объяснения влияния заражения на агрессивность у меня нет, только догадки. Во-первых, эти ящеры не травоядные, а, скорее, всеядные — наподобие медведей или даже вот нас с вами. А во-вторых… Возможно, это всё следствие сказанного выше — полная неприспособленность людей к такому сильнейшему воздействию. Хотя даже здесь люди, пусть и частично, оказались способны противостоять агрессии, я имею ввиду смотрящих. И, к слову, способность некоторых серых к бегу тоже говорит о слабой, но наличествующей, всё же, адаптации к чужеродному присутствию в организме.

— Чем же эти верхоящеры тогда питаются?

Профессор пожал плечами.

— Мне нужно больше данных, чтобы ответить на этот вопрос. Одно можно сказать точно: раз они так обильно размножились, то нашли чем питаться, причём в достаточном количестве.

— Постой-постой… — Крайнов стал мрачнее тучи. — Ребята уже давно стали сообщать, что серые зачем-то уносят свежие трупы в подземку. Неужели?…

— Да… вполне возможно. Как раз подобной пищи у них имеется вдоволь, чтобы так активно размножаться. Вероятно также, что такая м-м… смена рациона агрессивно воздействовала на их способность приносить потомство. Или произошёл какой-то генетический сбой. А если учесть скудость наших северных широт, то становится понятно, почему они так ускорились во время второго цикла…

Крайнов уперся руками в стол, словно захотел отжаться в широкой стойке.

— Эх… Жалко девчонку, — сказал он вдруг, — считай, единственная среди нас была, особенная… Надеюсь, эта информация того стоила.

— Да, много несчастных жертв во всей этой ужасно глупой истории, — согласился профессор, — в целом, это так типично для человечества.

— Вот тут, кстати, тем, кто ещё верит в «сотворение», — он язвительно выделил последнее слово, — и доказательство беспощадной эволюции. Как мог «Добрый Бог» сотворить такую жуткую мерзость, уродующую и пожирающую людей?

Профессор снова подёргал плечами.

— Отчего же? Эти создания по-своему прекрасны. Для своего времени и своих э-э… целей. Чудесный замысел, великолепная и оригинальная реализация. Никто ведь не просил нас вытаскивать их наружу в наше время. В мир, где господствует человек и устанавливает для жизни правила, последствий которых сам до конца не понимает. Смотри, Сергей, как забавно, — с печалью в голосе усмехнулся учёный, — получается, что игра в пятнашки намного древнее самого человечества, а? И я совсем не удивлюсь, если гигантам даже была по душе такая игра… Может быть, для них это было сродни эйфории от определённого рода веществ.

— А что, если это всё-таки инопланетяне? И то, что там прошли миллионы лет, так это, скажем, — десант, отложенный во времени, этакая временная бомба. Ведь посмотри сообщение — там про какую-то особую атмосферу в тех пещерах говорилось, не иначе как супер-агрегат для поддержания жизни. А?

— Серёжа… Я ведь оперирую только известными фактами и на их основе строю логически законченные рассуждения. Подобные же идеи требуют доказательств несколько иного свойства. И потом, как это отменяет сказанное о человечестве? Это что же — такая вот изощрённая проверка человечества старшими собратьями на склонность к самоуничтожению? Или на способность к контакту? И если не доросло до нужного уровня — тогда вымирание? Только ещё больше вопросов появляется.

Крайнов не нашёлся что ответить и промолчал.

— Да-а, дела, — произнёс Егорыч и снова взглянул на Складку.

Здесь Незаурядов в первый раз посмотрел на стариков, словно только сейчас их обнаружил в комнате, хотя подсознательно воспринимал как аудиторию. Не совсем ещё привычные к его манерам и жутко подвижным бровям, те опять неловко заёрзали на хриплых от старости стульях.

— Значится вот как оно всё было. Ну что мы за человечество такое, — вздохнул Крайнов, — сколько ещё нам придётся наломать граблей о свою голову? Альбертыч, может ты знаешь? Это же надо, откопать такие палео-как-их-там-логические грабли…

Незаурядов покачал головой.

— Мы пойдём дальше, Серёжа. Ещё очень много работы предстоит. Теперь мы хотя бы примерно знаем, с чем имеем дело. И теперь у нас есть новый герой, настоящий победитель древнего ископаемого зла.

— Ну, тогда уж команда героев, — произнёс Крайнов, вставая. — Найдём и для них работу, а, профессор? — Он развёл руками. — Что со всем этим делать, ума не приложу.

Внезапно он замер в позе физкультурника на разминке, осенённый догадкой.

— Постой-ка, погоди… Если у них эти трёхлетние циклы размножения, тогда… — Бригадир быстро свел руки и начал нервно рыться в проекции меню задачника.

Незаурядов, снова погрузившись в привычные раздумья, что-то неразборчиво пробурчал и направился к выходу. Неожиданно он остановился у большого окна кабинета и уставился в окно. Вдалеке за окном в пронзительно чистом небе запоздалая стая гусей чертила сияющую голубизну почти чёрной подвижной пунктирной галочкой, безошибочно указывая вершиной неровного клина на юг. Бригадир, закончив с задачником, посмотрел на профессора, проследил за его взглядом, хмыкнул, пожал плечами и повернулся к старикам.

— Ну что, деды, отдохнули? Вот такая вот лекция…

— И что характерно, — вдруг произнёс Егорыч, тоже глядя в окно и словно не слыша Крайнова, — в городской подземке всегда тепло, даже зимой. А им, теплолюбивым тварям, выходит, это очень на руку пришлось. — Он помолчал, потом вдруг добавил с неподдельной горечью в голосе: — Эх, жалко, жалко Надюшку!

Пётр взглянул на Фёдора, и тот печально закивал в ответ.

— Хорошая она была, добрая.

Незаурядов оторвался от созерцания гусей и с немым удивлением посмотрел на Егорыча, потом закивал, похлопал себя по карманам, достал потрёпанный блокнотик и огрызок карандаша и стал что-то быстро записывать.

— А ведь это означает, что им могут очень не понравиться тоннели подземки, проложенные в вечной мерзлоте! — почти выкрикнул он. — Это даёт определённую надежду…

Крайнов, не обративший внимания на слова стариков, вздрогнул от громкого возгласа учёного и с удивлением посмотрел на него.

— Как ты думаешь, Серёжа? — спросил профессор Крайнова.

— Что? Ах, да-да, пожалуй… — рассеянно ответил тот, глядя на вибрирующий задачник, и нажал на приём.

— Вызывал, Бригадир? — послышался из динамика громкой связи хриплый голос Сокола.

— Да, Сокол, вызывал. Спишь, что ли?

— Та ни в одном глазу, — ответил голос из задачника, затем послышался характерный звук протяжного зевка и звонкое щёлканье зубами. Профессор от этих звуков смешно подёргал ушами и с удивлением посмотрел на Крайнова, потом раздражённо пожал плечами и, пробурчав что-то вроде «буду у себя», быстро вышел из кабинета.

— Где сейчас Волк со своей группой?

— Так это… Вчера, то есть ночью они как прибыли, деловые такие на своей адской посудине, я близко не стал подходить. Скинули посылку для профессора, накормили мы их, потом ребята пошли отсыпаться, так до сих пор не было их. Немудрено — из такой задницы выбраться…

— Слушай меня внимательно! Как только проснутся, позавтракают, сразу отправляй ко мне. Скажи, дело важное, есть идея, как таки покончить с гадами, только без них, героев наших, затея вряд ли получится.

— Ясно.

— Отбой.

Крайнов щёлкнул ногтем по экрану.

— Эх, смотрящие, милый мой сброд! — усмехнулся он. — Атомной люльки он испугался, видите ли.

Бригадир снова посмотрел на пиликающий о сообщении задачник и повернулся к старикам.

— Скоро к центральному входу, — он указал рукой в сторону окна, — прибудут отставшие ребята из Чингирска, у них есть раненые. Поможете по своей части?

Егорыч кивнул.

— Конечно, поможем.

— Вот и ладно, не придётся без дела сидеть.

Пётр помолчал, откашлялся и, покосившись на приятеля, произнёс:

— Тут мы нашли кое-что.

Крайнов уже погрузился в чтение каких-то бумаг на столе и, не глядя на Егорыча, нетерпеливо бросил:

— Ну, что там?

Старик усмехнулся и повернулся к Фёдору.

— Доставай, что ли.

Потом он снова развернулся к Крайнову.

— Так, документики какие-то, мы их за обшивкой в автобусе нашли, когда бандитские вещички перебирали на предмет полезности в быту. Смотрим, под ковриком топорщится что-то, глянули, а там…

Складка распахнул ворот своего бескрайнего драпового пальто и вытащил из бездонной пазухи увесистую папку.

— Вот, — сказал он и покачал её в руке.

Крайнов недовольно взглянул на стариков и папку.

— О-хо-хо… У меня своих документиков вон, смотри, целая гора! Всё не разгребу.

Егорыч хитро усмехнулся.

— А ты взгляни, может, там что важное, чует моё сердце.

Крайнов снова посмотрел на него, на документы в руках Складки, потом нехотя встал из-за стола и подошёл поближе.

— Ладно, давайте, что у вас там.

Он взял папку в руки, отстегнул замочек и открыл на первой странице. Неожиданно лицо его изменилось, он быстро пробежал несколько страниц, уколол взглядом стариков, взглянул на обложку, потом начал стремительно листать папку на ходу, ускоряясь в сторону двери.

— Там ещё минидиски сзади, в кармане, — запоздало добавил Складка, тряся рукой и вращая сухим указательным пальцем, — аккуратнее, не то выпадут…

— Подождите… Деды, вы это где взяли? Обалдеть! — Крайнов, не слушая Фёдора, выскочил в гулкий коридор и, убегая куда-то вдаль, закричал во весь голос: — Альбертыч, постой! Мегановости! Нет, это бомба! Термояд! Приклей свои брови скотчем к очкам, а то разбегутся — не найдёшь! Ч-чёрт, понаставили тут… Сейчас проверим твою образованность! Тебе ни о чём не говорит надпись «П-17» на толстой-претолстой папке?…

Егорыч, улыбаясь, посмотрел на сверкающие пятки удаляющегося Бригадира, потом прищурился в окно на гусиный клин, ставший совсем маленькой чёрточкой в уголке белеющего неба у горизонта.

— Летят перелётные, — со вздохом сказал он. — А жизнь-то продолжается вроде. Да, Теодоре?

Фёдор не ответил. Помолчав, он неожиданно тихо произнёс с загадочным лицом:

— Слушай, Петя, выходит, всё-таки прав оказался тот нейрохирург, когда, споря со мной, защищал Создателя? Э-хе-хе… Что-то тогда читал мне из Экклезиаста чернокожий замбийский красавец-принц с университетским образованием… Как же там было сказано… — старик нахмурил иссечённый морщинами лоб и потёр его узловатыми пальцами, силясь вспомнить. — Ах, вот! «Всё сделал он прекрасным в своё время…»

Пётр взглянул на друга округлившимися глазами и открыл было рот, чтобы ответить, но осёкся и замолчал, задумавшись. Складка вздохнул, сотый раз поёрзал на неудобном скрипучем стуле, почесал грудь и, по привычке, сочувственно сморщился.